МАЙКЛ ГРУБЕР

НОЧЬ ЯГУАРА

ЭКСМО

МАЙКЛ ГРУБЕР

НОЧЬ ЯГУАРА

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

МАЙКЛ ГРУБЕР

НОЧЬ ЯГУАРА

ЭКСМО
Москва
«ДОМИНО»
Санкт-Петербург
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Г 90

Michael Gruber

NIGHT OF THE JAGUAR

© 2006 by Michael Gruber

This edition published by arrangement
with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии *С. Шикина*

Художник *И. Хивренко*

Оригинал-макет подготовлен Издательским домом «Домино»

Грубер М.

Г 90 Ночь Ягуара : роман / Майкл Грубер ; [пер. В. Волковского] . — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 512 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-39347-3

В непроходимых джунглях Колумбии, в церкви, которую он построил своими руками, застрелен американский священник. Через несколько недель индейский шаман Мойе отправляется в южную Флориду, вооружившись небольшим чемоданчиком с тотемами, обладающими грозной силой бога Ягуара. Бывшему детективу Пазу из Майами, который теперь живет со своей женой и семилетней дочерью, начинают сниться страшные сны, главные персонажи которых — огромные кошки — нападают на его малышку Амели.

В городе от когтей каких-то животных гибнут люди. Когда в список жертв попадает и отец Паза, детектив подключается к расследованию. Мать уговаривает его принять религию предков — сантерию. Ведь только после обряда посвящения ему удастся убить Ягуара-оборотня.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© В. Волковский, перевод с английского, 2009
© ООО «ИД «Домино», оформление, 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», издание на русском языке, 2010

ISBN 978-5-699-39347-3

Посвящается Э. В. Н.

Credibilium tria sunt genera. Alia sunt quae semper creduntur et numquam intelleguntur: sicut est omnis historia, termporalia et humana gesta percurrens. Alia quae mox, ut creduntur, intelleguntur: sicut sunt omnes rationes humanae,vel de numeris,vel de quibuslibet disciplinis. Tertium, quae primo cereduntur et postea intellegutntur: qualia sunt est, quae de divinis rebus non possunt intelligi, nisi ab his qui mundo sunt corde.

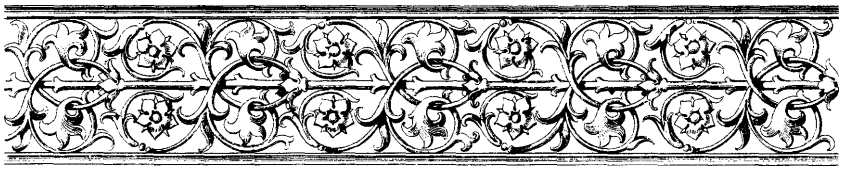
Есть три рода того, во что люди верят.

Первое — то, во что всегда верят, но сути чего не понимают: это вся история, все преходящее, все людские деяния.

Второе — то, что понимают, когда принимают на веру: это мысли людей, касающиеся чисел или любых иных наук.

Третье — понимание того, что приходит лишь следом за верой: это все имеющее божественную природу и постигаемое чистым сердцем.

Св. Августин. «О разных вопросах». LXXXIII, 48



1

Джимми Паз сидит в своей кровати, согнувшись пополам, словно складной нож. Сердце его колотится настолько сильно, что он слышит его стук, несмотря на гудение кондиционера. Сон был слишком ярким, и Джимми проснулся в состоянии полной дезориентации, но она продолжалась лишь момент. Он озирается по сторонам и видит, что находится в спальне, у себя дома в Южном Майами, штат Флорида. Тусклый свет, исходящий от циферблата часов, и еще более бледный свет луны, просачивающийся сквозь жалюзи, позволяет различать очертания знакомых предметов, рядом он ощущает тепло спящей жены. Судя по часам, была очень поздняя ночь или совсем уж раннее утро — три часа десять минут. Подобных снов Паз не видел уже семь лет, хотя было время, когда они снились ему постоянно. В некоторых семьях сны воспринимают всерьез и обсуждают за завтраком, за семейным столом, но в доме Паза это было не принято, хотя его жена по образованию психиатр.

Сориентировавшись, Джимми снова опускается на подушку и вспоминает недавний сон, видение, в котором он, подобно некоему парящему божеству, созерцал с высоты сцену, где разыгрывалось некое действо. Подробности ускользают из памяти, однако он вспоминает, что было совершено убийство. Вроде бы посреди какой-то деревни кого-то застрелили, свидетелем чему был он, Паз, и...

Подробности снова ускользают, но остается ощущение некоего присутствия чего-то значительного, словно находящий-

ся с ним рядом некий бог или иная могущественная сущность наблюдает, как люди, которые застрелили...

Застрелили кого-то важного, но кого — тоже не вспомнить. Зато хорошо запомнилось другое: люди, совершившие убийство, бегут через лес, расчищая себе путь среди высоких деревьев. При каждом их прикосновении деревья взрываются, рассыпаясь рыжеватой пылью, так что позади них остается лишь ржавая пустыня. Это поругание жизни наполняет сон ощущением глубокой печали. Убийцы бегут от единственного преследователя, облаченного в звериные шкуры, словно Иоанн Креститель, и поражающего их стрелами из лука. Стрелы настигают цель, беглецы падают один за другим, но число их почему-то не уменьшается. Паз спрашивает диковинного стрелка, в чем дело, и во сне получает ответ, но какой именно, сейчас вспомнить не может. Вспоминается лишь соприкосновение с неким мощным разумом, диким, стихийным, могущественным...

Паз яростно трясет головой, словно для того, чтобы отогнать последние обрывки сна, слишком похожего на явь: из-за этого резкого движения его жена шевелится и что-то бормочет. Он заставляет себя расслабиться.

Ничего подобного с ним больше происходить не должно, никаких вещих снов! Не зря ведь последние семь лет Паз посвятил тому, чтобы выбросить из памяти все, относившееся к его прошлой жизни, когда ему, полицейскому детективу, пришлось столкнуться с событиями и явлениями, которым не должно быть места в реальном мире. Он уже почти убедил себя в том, что на самом деле ничего этого и не происходило, что в действительности никакие святые и демоны не ведут своих непостижимых игр на неких незримых планах бытия. А если все же ведут, во что многие склонны верить, то уж, во всяком случае, не вовлекают туда Джимми Паза в качестве игрока. Или в качестве пешки.

Сон тускнеет, растворяется, и Джимми пытается все забыть, хочет поскорее выбросить все это из головы. Он уже

забыл, что у облаченного в шкуры лучника было его собственное лицо. Он забыл все, что касалось его дочери, Амелии. И совершенно забыл про кота.

Того священника они застрелили в воскресенье на площади Сан-Педро сразу после мессы, которую он, в связи с болезнью здешнего приходского священника, только что отслужил сам. До этого он уже давно многие годы не проводил публичной службы. Некоторое время священник лежал на земле, и никто из местных жителей не прикасался к телу: никому не хотелось неприятностей, тем более что убийцы оставались на месте. Они стояли, привалившись к своему автомобилю, покуривали сигары и с любопытством посматривали на местных. Те молча стояли кучками, в то время как на крышах ближних домов уже собирались черные грифы. В надежде на поживу они хлопали крыльями и толкались.

День, однако, был жаркий, безветренный, и ближе к полудню бандиты уселись в свою машину и убрались с солнцепека в тень, дабы чего-нибудь выпить. Едва они укатили, на площади, откуда ни возьмись, появилась группа индейцев, человек шесть или семь. Тело уложили на синее одеяло и понесли по тропке к реке: их путь был отмечен в светлой пыли капельками крови. Переложив покойного в длинное долбленое каноэ, они взялись за весла и направили лодку вверх по течению, в сторону Паксто.

О выстрелах он узнал лишь спустя два дня, хотя, увидев во сне белых птиц, сразу понял: чья-то смерть не за горами. А увидев смерть человека, шедшего ночью к реке, он сразу догадался, что умер не рунийя, «Говорящий», но уай'ичура, и тут же сообразил, кто именно, ибо такой человек был в деревне только один.

Лежа в гамаке в тесном, огороженном дворике, наполовину пребывая в трансе, что было его обычным состоянием,

он услышал треск и медленно, почти неохотно стал втягивать разбросанные щупальца своего «я» обратно в тело, расставаясь с временной жизнью животных и растений, восстанавливая прежнюю сущность и вновь становясь человеком. Мойе.

Встав, он умыл лицо из глиняного тазика и, тщательно побрызгав водой на землю перед домом, перемешал влажную почву пальцем ноги, чтобы никакой недруг не смог бы завладеть осадком, сохранившим отражение его лица, дабы причинить ему вред, после чего зачерпнул тыквенной плошкой из глиняного чана прохладного пива чича и освежился. Треск между тем не унимался.

Он вышел наружу в тусклый рассвет и увидел, что двое перепуганных мальчиков трясут погремушкой из чешуек броненосца: с их помощью люди раньше вызывали Мойе, а еще отпугивали всяческих неприятных духов. Крикнув, чтобы они прекратили шум, дескать, он их услышал и скоро будет, Мойе вернулся в дом. Он съел несколько сушеных картофелин и мяса, свернул сигару и, пока курил, пробормотал обычную молитву солнцу, поблагодарив его за очередной восход, собрал снаряжение, которое, как он полагал, ему потребуется, и сложил его в мелкоячеистый плетеный мешок.

Надев головной убор и накидку из перьев тукана, он напоследок взял свернутую шкуру выдры, в которой хранил свои сны, и перепоясался ею, завязав надежным узлом. На ходу было слышно, как сны позвякивают, и этот звук казался ему успокаивающим. День стоял пасмурный, небо затягивали тучи, среди высоких деревьев плотный, влажный воздух сгустился до консистенции тумана. Туман приглушал звуки леса, крики обезьян и птиц, но Мойе и без звукового оповещения знал, что происходит в лесу. Выйдя из дома, он зашагал по тропе. Мальчики с погремушками, держась на почтительном расстоянии, последовали за ним.

Деревня находилась не слишком далеко, но на достаточном расстоянии, чтобы не быть захваченной круговоротом буше-

вавших вокруг обиталища Мойе магических войн, да и от реки отстояла настолько, чтобы ее жителей не тревожили духи утопленников и водяные ведьмы.

От центральной площади, образуя некое подобие улиц, расходились в стороны около дюжины длинных домов, служивших для проживания больших семейных кланов, вперемежку со строениями поменьше, от тотемных святилищ до загонов для кур и свиней. В центре площади высилось Отчее Древо — красное дерево, именуемое ру'уулу, вздымавшее свою широколиственную крону под облака, на высоту в пятьдесят метров. Обхватить могучий ствол могли, взявшись за руки, лишь восемь взрослых мужчин. Мойе почтительно поприветствовал Древо на священном наречии и, после того как оно ответило, дозволив ему вступить в деревню, уже на обычном языке спросил у мальчиков, где священник.

«В хижине песнопений мертвых»,— ответили те, и Мойе поправил их, сказав по-испански: «В церкви». В юности Мойе спускался вниз по реке, туда, откуда являлись уай'ичуранан, и до сих пор помнил их язык, на котором разговаривал со священником. Мойе вошел в церковь — обычный, крытый пальмовыми листьями длинный дом, большая часть которого использовалась для служб. Священник был мастером на все руки. Он сам вырезал из дерева алтарь и изготовил большое распятие. К нему он настоящими гвоздями прибил изображение человека, которого прозвали Йан'ичупитаолик, или «Человек, который одновременно и жив и мертв». Отец Перрин придал ему сходство с людьми рунийя — изобразил стриженным под горшок, с подбритыми висками и татуировкой на лице и теле.

Мойе почтительно поклонился распятию. Фактически он считался христианином, ибо много лет назад был крещен и получил христианское имя Хуан Батиста, но, как и большинство его соплеменников, он остался совершенно чужд и обрядности, и вероучению этой религии. А вот к священнику он от-

носился очень хорошо, поэтому позволил ему окропить водой свою голову, а заодно и головы остальных жителей деревни. А сам, со своей стороны, инициировал священника, проведя его через айахуаска и другие священные ритуалы рунийя.

Отец Перрин лежал в гамаке в небольшом уголке, отгороженном от церкви занавеской из циновки. Он шутя называл его «приходским домом». Мойе этой шутки не понимал, но всегда улыбался в ответ. Отправляясь в город, священник надевал одежду уай'ичура, которую никогда не носил дома, и объяснял это тем, что без такой одежды, особенно без белого воротничка на шее, хотя от сырости и плесени воротничок уже стал серо-зеленым, с ним никто разговаривать не будет. Это Мойе понимал: он сам, когда ему приходилось исполнять свои обязанности или иметь дело с важными людьми, надевал особую одежду. Однако сейчас женщины уже сняли со священника его облачение, и он лежал в своем гамаке обнаженный, а потому больше обычного похожий на труп. В груди и животе у него было три раны от пуль, сейчас аккуратно перевязанные, с припарками из священных растений. Мойе возложил на них руку и ощутил бормотание духов растений, вершащих целительное действо. Безрадостное бормотание, ибо время, когда они могли помочь, было упущено. Когда Мойе приступил к осмотру, люди молча отступили, поэтому он жестом пригласил выйти вперед Кслане, здешнего знахаря, ведуна духов растений, так же как сам Мойе был ведуном духов животных. Двое целителей тихонько поговорили о священнике.

— Его принесли сюда почти мертвым — сказал Кслане,— поэтому я попросил их позвать тебя. А еще, поскольку он уай'ичура, я не знал, что следует делать. Возможно, их смерть отлична от нашей. Посмотри сам, Мойе амаура, может, ты увидишь?

Мойе поднял голову и, прищурившись, натренированным взором оглядел помещение. Конечно, он увидел их. Они

маячили за левым плечом каждого из присутствующих. Их ачауритан были призрачные, туманные у молодых и более плотные и четкие у тех, кому вскоре предстояло умереть. Ачаурит священника стоял у его изголовья, его частично загораживала женщина, обмахивавшая лицо раненого пальмовым листом, и выглядел так, словно обрел плоть. Мойе велел женщине отойти, отослал ее и остальных людей из помещения, а после их ухода он опустился на циновку и достал из своего плетеного мешка закупоренный глиняный сосуд и крохотный барабан. Он простучал мелодию на барабане и пропел песнь своего имени, давая знать стражам, оберегающим проход в мир духов, что он посвященный амаура, мудрый и сильный, но не замышляющий вреда, ибо не является колдуном, промышляющим ловлей духов, которых они охраняют. Завершив песнопение, он вставил тонкую тростинку в глиняную фляжку и вдохнул в ноздри йана, сделав по одному глубокому вдоху каждой ноздрей.

Спустя некоторое время он увидел, как все помещение и предметы, которые находятся в нем, постепенно размываются, лишаются красок. Гамак с лежащим в нем умирающим человеком, стропила, обвисающая пальмовая кровля — все это стало полупрозрачным и туманным, а все цвета сосредоточились в обретшей четкость фигуре смерти и его собственном теле, испускавшем теперь красноватое свечение, словно горячие угли. Все было как обычно, но Мойе удивился отсутствию светящихся зеленых и красных нитей, соединяющих смерть с человеком, пока она им овладевает. Знахарь прокашлялся и обратился к яркой фигуре на священном языке:

— Ачаурит отца Перрина, этот безобидный человек видит, что нити порваны. Почему ты все еще здесь и не собираешься лететь на луну, чтобы присоединиться к другим мертвым? Потому ли, что отец Перрин — уай'ичура?

— Похоже, что так,— ответила смерть.— Уай'ичуранан содержат свои смерти внутри себя и поэтому мертвы все вре-

мя, но, по-видимому, он другой. Может быть, это потому, что он провел так много времени в разговорах с живыми людьми, может, по какой-то другой причине. В любом случае, я не могу улететь, хотя нити перерезаны. Я боюсь стать призраком.

Мойе почувствовал, как по его лицу и спине внезапно побежали струйки холодного пота. Дом не видел призраков уже долгое время — последним был убитый мужчина, убийца которого бежал вниз по реке, не уплатив клану покойного надлежащего выкупа. Разгневанный призрак истребил дюжины людей, используя для этого недуги, пожары, потоп, стрелы враждебных племен, змеиный яд и клыки животных (слов «несчастный случай» в языке рунийя нет, как нет у них такого понятия вообще). Мойе потребовались недели странствий по миру духов, чтобы найти виновника бедствий и принудить его исправиться. Это был тяжелый труд, и знахарю хотелось верить, что ему не придется делать это снова.

— Должен ли я найти людей, которые подстрелили его, и заставить их заплатить выкуп? — спросил он.— И как мне найти клан отца Перрина в землях мертвых людей?

— Нет, это не имеет никакого отношения к выкупам и кланам. Он ведь уай'ичура, а они не такие, как ты. Он хочет кое-что тебе рассказать, и, пока не сделает этого, я не смогу отправиться в известное тебе место.

Сочетание «известное место» считалось учтивым обозначением обители мертвых, пребывающей высоко над миром.

— Итак, послушай, что он хочет тебе сказать, и потом я покину его. В этом мире для меня слишком тепло.

С этими словами ачаурит проник в умирающего человека через ноздри. Тот закашлялся, открыл глаза и приподнял голову.

— Что случилось? — спросил он по-испански, увидев Мойе.— Я разговаривал с моей матерью, и она сказала: «О, Тимми, ты всегда был таким забывчивым, вот и теперь оставил дело незавершенным. Придется тебе на некоторое время вернуться».

Мойе был рад увидеть этого человека ожившим, хотя от его слов почувствовал себя неуютно. Неспроста ведь Дождь и Земля повелели установить барьер между мирами живых и мертвых, когда первая чета впервые совокупилась и породила сначала Ягуара, а потом и младших своих чад — человеческие существа. Священник сел в гамаке и посмотрел на Мойе, а потом на собственное тело; коснулся бледной плоти, ощупывая раны. Он был сухопарым и низкорослым, не выше Мойе, и солнце придало его коже почти такой же цвет, но крючковатый, как у попугая, нос и короткая бородка сразу выдавали в нем чужака. Та женщина назвала его вайтич, что звучало почти как «отец» и могло сойти за учтивое обращение, но на самом деле было названием маленького зеленого попугая. Мойе такого не одобрял, однако что можно поделать с женщинами и их шутками? Сам знахарь всегда называл священника Тим, именем, похожим на слово, которым рунийя обозначали неуклюжего, но все равно любимого ребенка.

— Это трудно объяснить,— сказал Мойе — Понимаешь, в этом языке нет подходящих слов. Могу лишь сказать, что ты мертв, но не можешь уйти, куда положено, пока ты что-то мне не расскажешь. Поэтому я здесь, чтобы поговорить с тобой.

— Понятно,— произнес священник после долгой паузы.— Это не совсем то, чего я ожидал. Что мне делать?

— По словам твоей смерти, тебе есть что нам сообщить. Пожалуйста, скажи это, а потом уходи.

— Да, у нас есть похожая традиция.

Отец Перрин издал сухой смешок, и Мойе слегка поежился: смех мертвых нельзя назвать веселым.

— Моя последняя исповедь... Хм, очень странно, но я ловлю себя на том, что меня больше не волнуют мои ужасные тайны.

— Да,— сказал Мойе,— мертвые всегда говорят правду. Давай рассказывай, пожалуйста.

Еще один смешок.

— Ну ладно. Благослови меня, отец, ибо я грешен. Со времени моей последней исповеди прошло двадцать два года и сколько-то еще месяцев. Ты помнишь тот день, когда я пришел сюда, Мойе?

— Да. Мы собирались убить тебя, как всегда поступаем с уай'ичуранан, но ты начал ловить рыбу диковинным способом, и нам захотелось на это посмотреть.

Оба человека непроизвольно подняли глаза на свисавшие с потолка рыболовные снасти священника.

— Ага, я ловил на старую добрую снасть «Слава Гринуэлла» и поймал рыбину за две минуты. Как сейчас помню, это был радужный морской окунь — тукунаре.

— Как же, помню. Мы были поражены. А потом ты поймал самого большого паку, какого мы когда-либо видели. А потом ты почистил свой улов, приготовил и пригласил всех нас поесть. Мы чуть со смеху не лопнули, когда ты стал есть рыбу горячей.

— Ну, я понятия не имел, что у вас принято рыбу есть холодной. А еще не понимал, почему вы не прикончили меня на месте, истыкав своими отравленными стрелами. Признаться, тогда меня это сильно озадачило и даже немного разочаровало.

— Ты желал смерти?

— О да. Поэтому в конечном итоге я и оказался здесь.

— Я думал, дело в рыбной ловле.

— Я солгал насчет этого, как и насчет того, что хочу спасти ваши души. Сплошное мошенничество. Притворство священника-неудачника. Правда же состоит в том, что я желал смерти как избавления от стыда.

Мне довелось служить в сельской местности близ Кайли, где наркобароны и латифундисты обманом лишали людей земли, которую они должны были получить по сельскохозяйственной реформе. Я выступал в их защиту, организовывал ми-

тинги — жалкие попытки христианского, ненасильственного сопротивления. Мне велели заткнуться и служить поминальные мессы для вдов и сирот тех людей, которых убивали эти головорезы, но, видимо, из-за того, что голова моя была полна всяческих романтических идей относительно мученичества, я молчать не стал. Тогда в меня стали стрелять. Первый покушавшийся на меня промазал, второй — парень на мотоцикле — налетел колесом на гвоздь. И сломал себе шею, упокой Господи его душу. Потом они попытались взорвать мой грузовичок, но и тут что-то не задалось: бомба взорвалась в руках у наемного убийцы да его же и прикончила. Надо сказать, благодаря этому у меня возникла определенная репутация, и люди, пытавшиеся убить меня, испугались, ибо все они, хоть и мнят себя христианами, по сути своей суеверные язычники, как ты, мой дорогой друг. Уж не знаю, решились бы они на новые попытки или нет, но, к счастью для них, им не пришлось утруждаться: я сам себя погубил, погорев на Джуди. Ты знаешь это выражение «Панч и Джуди»? Нет, конечно не знаешь. «Панч и Джуди» — это название... своего рода танца для детей, где Панч такой крючконосый малый вроде меня, а еще у нас есть напиток с похожим названием — пунш. Можно сказать, это своего рода писко. Вообще священников чаще всего губят как раз пьянство и женщины. Полагаю, еще и мальчики, но их в этом выражении нет. И вот ведь чудеса, ее и на самом деле звали Джуди, Джуди Ральстон. Она была медсестрой из Брэйнтри, штат Массачусетс. Маленькая такая, с густой копной черных волос и светло-зелеными глазами, вечно сердитая на всех — на правительство, полицию, чиновников здравоохранения в Кайли и на церковь тоже. Бывшая католичка, должен добавить. Скажи мне, мой друг, ты знаешь, что значит «одинокий»?

— Знаю. У нас нет слова для этого определения, но в детстве мне довелось побывать в низовьях реки, и я не только понял значение этого слова, но и прочувствовал его своим сердцем.

— Да, тогда, наверное, ты в какой-то степени сможешь меня понять. Все вокруг чужое, не с кем поговорить, никаких книг, ни единого слова, которое прозвучало бы на твоем родном языке. Скверно, конечно, но я сам не понимал до конца, как страдаю, пока на джипе и с мешками медикаментов не приехала она со своим американским выговором.

— Ты взял ее в свой гамак.

— Нет, это она взяла меня в свой гамак: да, я знаю, это не подобает священнику, как и все, что мы делали. Не могу сказать, будто я сильно противился соблазну — совращать меня ей особо не пришлось. Это произошло сразу после того, как взорвали мою машину; мы тряслись от ужаса, и нас просто бросило друг другу в объятия. Она была сведущей женщиной, я совсем неопытным, но, так или иначе, мы жили с нею в любви, пока эта связь не привела к зачатию. Скажи, друг мой, ты знаешь, что такое аборт?

— Нет, а что это значит?

— Ну, это когда женщина избавляется от нежеланного ребенка.

На лице Мойе отразилось понимание.

— А, да, ты имеешь в виду хнинкса, когда новорожденную девочку отдают Ягуару.

Мойе знал, что священник не одобрял подобную практику, но знал и то, что мертвые пребывают за пределами гнева.

— Я думаю, это почти одно и то же, только в нашем случае обходятся без ягуара. Знаешь, теперь я с удивлением понимаю, что, хотя мертвые не могут лгать, испытывать стыд они, оказывается, вполне в состоянии. Но в ту пору я убеждал себя в том, что рождение ребенка помешает выполнению моего долга, воспрепятствует важной и полезной работе. Как же! Ведь выйди все наружу, и это сразу подорвет мой авторитет, а я был фигурой известной, знаменем борьбы против захватчиков земель и торговцев наркотиками. В результате она избавилась от младенца, вернулась, и мы продолжили сожи-

тельствовать, только прежние отношения уже не вернулись. Нас, как и раньше, тянуло друг к другу, но теперь это была любовь пополам с ненавистью, хотя ты, конечно, не представляешь себе, о чем я говорю. Ну и в конце концов, конечно, кто-то настучал епископу, началось расследование, причем мало того что церковное, так еще и полицейское. Подумать только — у них там, в Кайли, совершается по тысяче убийств в год, и дай бог, если раскрывается хоть одно, но чтобы копаться в деле об аборте, нашлись и люди, и время. Короче говоря, меня отправили обратно в Америку — точнее, вознамерились это сделать, но уже в аэропорту я понял, что не могу вернуться с таким позором, я попросту умру от стыда, которого боялся больше, чем проклятия и отлучения. В последний момент я поменял билет и, вместо того чтобы лететь через Боготу в Лос-Анджелес, отправился в Сан-Хосе-дель-Гуавире, а оттуда пешком на юг, в лес. Я собирался идти вдоль побережья, жить рыбной ловлей и ждать, когда Господь приберет меня, но вместо этого нашел вас.

Впрочем, похоже, мне было предначертано встретить смерть от пули головореза, и, таким образом, несмотря на мои грехи и позор, мне была дарована милость и позволено умереть за народ. Да будут благословенны пути Господни.

— Стало быть, это то, что ты хотел мне рассказать? О том, как ты оказался здесь?

— Нет, что ты, это совсем не важно. Я хотел сказать, что тебе и всему твоему народу угрожает большая опасность. Мертвые люди задумали построить дорогу, перебросить мост через реку, войти в Паксто и уничтожить его.

— Но как могут они это сделать? Паксто наш навсегда. Ведь это природный заповедник? Во всяком случае, ты так говорил.

— О да, это заповедник, находящийся под защитой закона. Но, видишь ли, алчность умеет находить лазейки. Одна компания заинтересована в вырубке здешних лесов. В Пак-

сто сохранились последние в Колумбии девственные тропические леса, где растут деревья твердых пород. Нужные люди получили взятки. Но ты ведь не понимаешь, о чем я веду речь, да?

Мойе повел подбородком вверх и в сторону; так рунийя дают понять, когда что-то ставит их в тупик.

— Ладно,— сказал священник.— Ты знаешь, что такое деньги, да?

— Конечно! Я вовсе не невежественный человек и некоторое время жил среди мертвецов. Это листья, на которых изображены лица людей или животных. Ты работаешь, и тебе их дают, а потом ты отдаешь их и получаешь взамен вещи. Мертвец дает деньги другому мертвецу, и он дает ему мачете, а другой дает деньги и получает бутылку писко.

— Очень хорошо, Мойе. Ты, можно сказать, экономист. Скажем, один из этих листьев, которые ты видел,— это банкнота в тысячу песо. Три таких листа равноценны одному листу из земли мертвых, который мы называем доллар.

— Да, я слышал это слово.

— Наверняка. От него нет спасения. Так вот, на банкноту в одну тысячу песо можно купить бутылку писко, а на десять таких можно купить мачете. Ну а вот столько,— священник руками изобразил в воздухе кубический метр,— дерева ру'уулу стоит пятнадцать тысяч долларов.

Священник перевел эту сумму в писко, мачете и бутылки с тростниковой водкой, и живой человек рассмеялся.

— Это безумие,— сказал он.— Никто не может носить так много мачете, и десять людей не могут выпить столько писко за всю свою жизнь.

Он едва сдерживался, чтобы не расхохотаться, ведь в присутствии мертвых смеяться невежливо, но когда он вообразил себе этих уай'ичуранан, едва держащихся на ногах от пьянства и норовящих размахивать гроздьями мачете обеими руками, это было очень трудно.

Однако знахарь сумел сдержаться, и священник продолжил:

— Да, безумие, но это правда. Есть люди, желающие заполучить ру'уулуан и другие большие твердые деревья. Эти люди явятся в Паксто и вырубят лес до голой красной земли, а когда чиновники правительства укажут им, что они поступили неправильно, эти люди извинятся, со смехом заплатят штраф в тридцать долларов за дерево, а древесину оставят себе. Вот как это делается, друг мой. А если твой народ попытается помешать им, они застрелят всех вас, как пристрелили меня.

Мойе впустил эти слова в свои уши, но они не укладывались у него в голове, ибо сказать, что Паксто будет истреблен, было все равно что сказать, будто обрушится небосвод или что воздух обратится в воду. Мертвец словно прочел его мысли (правда, это его не удивило) и тут же добавил:

— Да, они, безусловно, могут, у них есть машины, которые рубят лес, как много рук сразу, и они сделают это, если их не остановить. Вот почему я отправился в Сан-Педро, и вот почему они убили меня.

— Я тоже отправлюсь в Сан-Педро,— сказал Мойе,— и я тоже велю им прекратить это. Может быть, они не убьют меня так легко.

— Я понимаю, убить тебя им будет не так просто, да только от твоего визита туда тоже не будет пользы. Я был глупцом, думая так. Нет, люди в Сан-Педро — всего лишь мелкие сучки́, и даже те, в Боготе,— всего лишь ветви. Для того чтобы остановить это, нужно ехать в Майами, в Америку, на мою родину, где находятся ствол и корни всего этого. Там должны узнать, что происходит в Паксто. Но теперь я мертв, и отправиться туда некому.

— Я пойду.

— О, мой друг, ты не знаешь, как это далеко, и ты не умеешь говорить на их языке.

— Я знаю. Я очень хорошо говорю на языке уай'ичуранан.

— Нет, ты очень плохо говоришь по-испански, используя множество слов из кечуа и языка твоего народа. Для того чтобы общаться со мной, этого вполне достаточно, но в офисе «Консуэлы» над тобой только посмеются.

— А что такое «Консуэла»?

Услышанное огорчило Мойе. Он знал, что покойники не лгут, а ведь над ним уже очень давно никто не смеялся.

— Это... это что-то вроде охотничьего отряда уай'ичуранан, который ведет неустанную охоту за долларами. Только в отличие от ваших охотничьих отрядов чем больше они их добывают, тем ненасытнее становятся. Они никогда не скажут: нам достаточно, давайте пить и есть, пока все не кончится, как поступаете вы, живые.

— Потому что они мертвые.

— Конечно. Потому что они мертвые. А сейчас позволь мне сказать тебе еще одну вещь. Кто знает, не исключено, возможно, произойдет чудо: кто-то обратит внимание на здешние беды и придет на помощь. На этот случай я назову тебе имена тех, кто заправляет в холдинге «Консуэла». Их почти никто не знает, ибо такие люди подобны анакондам: прячутся в тени, бросаются на добычу украдкой, хватают и душат. Сумеешь запомнить?

В ответ Мойе выдернул волоконце из напольной циновки, поднял его и сказал:

— Называй имена!

Священник произнес четыре имени, и всякий раз Мойе завязывал на волоконце узелок. Как только с уст отца Перрина слетело последнее имя, он переменился в лице — широко открыл глаза и уставился в пространство, словно в ожидании чего-то чудесного. Это был взгляд ребенка, которому дали облизать кусочек соли. Потом покойный откинулся на спину, и Мойе с огромным облегчением увидел, как его смерть надлежащим образом отбыла. Время, необходимое для восста-

новления способности общаться с живыми, Мойе провел в размышлениях о покойном отце Перрине, Ягуаре и космологии. Это было одно из тех слов, которые он усвоил, беседуя со священником. Раньше ему вообще не приходило в голову, что существует язык, на котором можно обсуждать такие вопросы, ибо обычная речь его соплеменников отражала их жизненный опыт, а для выражения непроизносимых понятий существовали музыка и танцы. Правда, сам Мойе и его собратья йампиранан использовали и особую, священную речь, но не для досужих разговоров между собой, а для общения с духами и воздействия на них в интересах людей. Насколько мог судить Мойе, ни один рунийя никогда не отделял свое сознание от всего сущего и не смотрел на это со стороны, словно женщина на клубень батата. Такой подход казался странным, он пугал и смешил одновременно.

Как слышал Мойе, миссионеры в других деревнях первым делом пытались убедить людей в ложности всего того, чему они верили до сих пор, и в правдивости исключительно их истории про Йан'ичупитаолик. При этом уай'ичуранан, чтобы придать весу своим словам, давали людям еду и разные вещи: они пытались уверить их в том, что Йан'ичупитаолик не одобряет людей, которые ходят без одежды, а еще больше не любит тех, кто, как всегда поступали люди, старается жить в гармонии с миром духов. Иное дело отец Перрин — он не был миссионером такого рода, да и вообще часто говорил, что не является миссионером. По его мнению, верования рунийя в основном были совсем неплохи, и если вдуматься, так Ягуар — это почти что Йан'ичупитаолик, а Дождь и Земля — как Отец и Святой Дух. Правда, он уверял, якобы Ягуар больше не требует, чтобы ему скармливали маленьких девочек; это единственное, что его злило. Когда Ягуар съедал девочку, отец Перрин брал удочку и отправлялся на рыбалку, иногда на несколько дней, и вообще не разговаривал с Мойе. Потом он обычно прощал знахаря и брал с него обещание больше так

не делать, а Мойе пытался объяснить, мол, он не властен над Ягуаром, Ягуар приходит, когда ему угодно, и остановить его невозможно. Это утверждение отец Тим принимать отказывался. Таковы были их теологические (еще одно полезное слово) разногласия.

Смущала Мойе и проповедь прощения, равно как и высказывавшаяся отцом Перрином странная идея относительно того, что миром движет будто бы вовсе не сила, а любовь. Ясно ведь, у каждого человека есть враги и его долг состоит в том, чтобы, если он может, уничтожить их, а если не может — умиротворить. Ну а уж мысль о том, что нужно любить врагов, представлялась ему вовсе безумной и не риуксит. Отец Перрин говорил, что у уай'ичуранан нет такого слова, есть только маленькие его частицы, такие как гармония, красота, мир и блаженство. Мойе знал, что миром правит риуксит, гармония разных чад Ягуара — дерева, камня, змеи, рыб, птиц. Всех вместе, включая людей. Все, что не риуксит, было сивикс, выпадало из гармонии и, следовательно, являлось запретным. Любить, как любят женщину, можно все, что риуксит, но нельзя любить сивикс. Само это понятие противоречит любви.

Парадокс. Отец Перрин научил его и этому слову, имея в виду, что якобы нечто одновременно может быть и правдой и неправдой, мокрым и сухим или светлым и темным. Например, отец Перрин говорил, что Дождь, Земля и Ягуар существуют порознь и вместе с тем являют собой единое целое.

«Я сделаю из тебя теолога, прежде чем умру»,— бывало, говорил он; похоже, так мертвые люди называли своих йампиранан. Мойе вовсе не был уверен в том, что способен и хочет стать теологом, порой от всех этих мыслей у него болела голова, но все же некоторые идеи странным образом притягивали: он видел в них что-то, находящееся за пределами его способности объяснить. Послушать отца Перрина, так Йан'ичупитаолик не просто способен полюбить сивикс, но и силой люб-

ви преобразовать сивикс в риуксит, причем лучший риуксит, чем раньше.

Разумеется, Мойе отбросил бы все это как нелепые выдумки уай'ичура, если бы вскоре по прибытии священника в Дом его не посетил во сне дух отца Тима. Мойе нашел не увядшую, печальную душу, характерную для уай'ичуранан, но нечто огромное и могучее, риуксит за пределами риуксит. Поэтому он позволил этому человеку жить в Доме, дал ему построить церковь и научил его тому, что следовало знать об обычаях рунийя, об акса'йампирин, тропе духов, а заодно и сам немало узнал об акса'йампирин мертвых людей.

Теперь Тим умер — пребывал с Ягуаром над луной, или в небесах со своим Богом, и, может быть, это было действительно одно и то же, как нередко предполагал сам отец Перрин. Мойе вздохнул, поднялся и посмотрел на тело. Мухи и тараканы уже нашли труп, они были заняты откладыванием яиц в его глазах и во рту и копошились в спекшейся крови вокруг трех ран.

Ведун призвал людей, и они отнесли тело вниз, к реке. Там Мойе произвел ритуальные надрезы, наполнил полости тела шестью большими круглыми белыми камнями и просверлил отверстие в мозгу, чтобы ведьма не смогла оживить труп. Потом люди, словно над одним из своих, пропели погребальные песни и отдали тело Дождю через его чадо — реку.

Церковь Мойе закрыл с помощью веревок и циновок, чтобы в нее не проникли посторонние, а также, прибегнув к тайным средствам,— от вторжения духов. Ни один человек не явится сюда за поживой, ни один злонамеренный призрак не проникнет, чтобы пожрать остающиеся на месте кончины духовные продукты распада. Ночью, как положено, было угощение с чича и танцами: отца Перрина в Доме любили, да и луна была полной, что являлось благоприятным знаком. Человек, умерший в полнолуние, считался другом Ягуара и пользовался особым почтением.

Мойе на сей раз выпил меньше, чем обычно, и ушел, когда еще продолжались танцы. Он двинулся тропами, хорошо знакомыми его ногам, хотя лунный свет почти не пробивался сквозь плотный лиственный балдахин и было настолько темно, что, закрыв глаза, он видел крохотные, яркие скользящие точки. Спустя некоторое время почва под его ногами стала более твердой, более каменистой, деревья сменились кустарниками, и ноги вывели его на известняковый спуск над дождевым лесом в центре плато Паксто. Отсюда ему открылся ничем не загороженный вид на ночное небо. Это не было случайностью: люди намеренно не давали этому маленькому участку зарастать, ибо это было священное место Ягуара, служившее рунийя и в качестве собора, и в качестве обсерватории, пусть даже и клир, и астрономический штат были представлены одним-единственным человеком — самим Мойе.

В центре этого участка находился длинный низкий белый валун, похожий по форме на присевшего на лапы кота, на котором вскоре после Сотворения вселенной Первый Человек высек изображение своего создателя. Первый Человек вырезал голову и уши, выдолбил открытый рот и поместил в глазницы два больших природных изумруда. Кроме того, он покрыл валун насечками, в которых укоренился темный мох, похожий на мех, что в ночное время производило эффект поразительной похожести на большого кота.

Мойе, усевшись на камень перед этим изваянием, вдохнул в обе ноздри йана и громким четким голосом пропел именную песнь, испрашивая дозволения обратиться к своему богу. Ягуар таился за облаками, колыхавшимися на ветру, как пальмовые ветви в бурю. Он выглянул на миг, потом снова, когда длинное облако сдвинулось в сторону, и он засиял на фоне мрачного неба: два глубоких глаза, зубастая пасть, пятнистая морда с сеточкой вибрисс. На священном языке Мойе стал просить помощи для себя и своего народа, и спустя некоторое время Ягуар уплотнился, стал ярче и спустился с небес к своему изображению внизу.

Бог внимал рассказу Мойе о священнике и его смерти и об опасности, которую он предсказал. Потом заговорил Владыка Ягуар; создавалось впечатление, будто голос исходит из каменных челюстей. Он сказал:

— Мойе, ты должен отправиться в землю мертвых и сказать им, что это запрещено. Сказать, что Паксто принадлежит мне и тем, кто говорит на языке рунийя, этот край не для мертвецов.

Услышав это, Мойе затрепетал от страха и сказал:

— Тайит, как может смертный сделать это? Мертвых так много, и я плохо говорю на их языке. Они посмеются надо мной и прогонят вон из своей деревни.

Ягуар ответил:

— Я дам тебе союзников из мертвых, которые будут произносить мои слова за тебя, а если вожди мертвых не выполнят мою волю, я убью их и пожру их печень. Изгони страх из своего сердца, Мойе, ибо я пойду с тобой, и мои силы будут твоими.

Потом Владыка Ягуар поведал знахарю кое о чем, что могло понадобиться в пути, а в заключение прыжком препроводил часть своей сущности из каменной пасти в Мойе, через его ноздри, отчего тот рухнул наземь, лишившись чувств.

Придя в себя на рассвете под серым, затянутым облаками небом, Мойе поднялся и пошел обратно в деревню, похлопывая руками по груди, чтобы восстановить их чувствительность. Страх пульсировал глубоко в его животе, но не поднимался к сердцу, ибо там пребывал Ягуар. Деревня спала, вокруг стояла полная тишина, если не считать приглушенных туманом звуков, которые издавали животные: кудахтанье кур да похрюкивание свиней. Мимолетно знахарь подумал о том, что будет, когда люди узнают о его исчезновении. Скорее всего, какой-нибудь другой йампири попытается занять его место, и люди либо примут его, либо нет, а может быть, и завяжется борьба между двумя йампиранан и кто-то из рунийя пострадает. Что же до него самого, то он может умереть в любой день,

хотя большой разницы между смертью и тем, что ему предстояло сделать, Мойе не видел. Он предпочел бы передать свою профессию ученику, но учеников у него не было: Ягуар уже долгое время не отмечал никого из мальчиков знаками избранности.

Добравшись до церкви, он сорвал циновку, зашел внутрь, взял остававшийся в помещении, где умер человек, чемодан, прихватил одежду и рыболовные снасти священника, после чего направился к своей хижине. Пака, младшая из двух женщин, уже не спала.

— Куда ты собрался? — спросила она.

— Далеко. Положи еды в корзинку.

Она так и сделала, а он тем временем уложил в сетку атрибуты ведовства, прихватил духовую трубку со стрелами и бурдюк для воды, сделанный из шкуры пекари, на которой еще сохранились клочья меха.

— Когда ты вернешься? — спросила она.

Он посмотрел на нее и напустил на себя строгий вид, хотя ему было мучительно думать о том, что, скорее всего, лицо этой милой молодой женщины — последнее из лиц его соплеменников, которое он видит в своей жизни. Увязав свою ношу поудобнее, Мойе сурово ответил:

— Когда ты увидишь, что я вернулся, ты узнаешь,— и зашагал прочь.

У реки он выбрал новое рыболовное каноэ на одного человека, погрузил свои вещи на нос, выбрал весло и тыкву, чтобы вычерпывать воду, и, не оглянувшись назад, спихнул челнок в черную реку, которую мертвые прозвали Палуто. Дождь продолжал идти, порой моросящий, чаще сильный, и бил по его обнаженной спине. К вечеру он, скрытый пеленой дождя от глаз уай'ичуранан, проплыл мимо Сан-Педро.

Он греб и греб дни за днями, спал урывками, ел прихваченные с собой сушеное мясо и фрукты, а когда они кончились, стал ловить на удочку священника рыбу, которую ел сырой,

а порой срывал с нависавшей над водой ветки какой-нибудь фрукт. Чтобы не свалиться от усталости и голода, знахарь жевал листья коки. Один раз ему удалось застрелить из духового ружья обезьянку, но она утонула прежде, чем он успел до нее добраться. По Палуто Мойе доплыл до места ее впадения в Мета, более широкую реку, названия которой он не знал, в свою очередь вливавшуюся в еще более могучий поток, прозванный мертвецами Ориноко. У слияния этих двух рек стоит огромный город, а над водой и над его каноэ возвышались, словно холмы, громадные лодки мертвых.

Он проплыл мимо быстроходных белых судов, полных уай'ичуранан, мужчин и женщин, разодетых в пестрые одежды, как попугаи. Подобно попугаям, они при виде его галдели, кричали, указывали на него черными палками с серебряными тыквами. Вреда, правда, никакого не причинили, но на всякий случай он стал таиться и двигался теперь только под покровом ночи, ранним утром или за завесой дождя. Его настроение ухудшилось, тем более что Ягуар посылал тревожные сны о мертвых и их бесконечных поселениях, каменных улицах с похожими на утесы домами, построенных из камня и стекла, похожего на затвердевший воздух. Сны о едущих по этим улицам и загрязнявших воздух сухопутных лодках. И о самих мертвецах, топтавшихся повсюду в таких количествах, что перечесть их не хватило бы никаких рук — их было не меньше, чем листьев в лесу.

Ягуар покидал небо, чтобы навестить Дождь, съеживался до пустоты и исчезал, но вскоре, утомившись, как все мужчины от родительских советов, возвращался, ярко и гордо сиял над водами, снова исчезал, возвращался, исчезал и возвращался. Местами Мойе встречались бурлящие стремнины и водовороты, но он провел немало времени, преодолевая пороги в верховьях Палуто, и здешние оказались ничуть не опаснее.

Клокочущие стремнины сменились спокойными бурыми водами, зато русло сделалось настолько широким, что рано

утром в тумане он не видел противоположного берега. Дожди ослабли, потом прекратились, да и дождевые леса вокруг Ориноко уступили место сухим пальмовым рощам. Ночью он проплыл мимо большого города, который был похож на город из его сна: огромные, как утесы, дома светились яркими точками, словно внутри горели плененные звезды. Что-то огромное стремительно, с громовым ревом пронеслось над рекой: ему рассказывали, что у мертвых людей есть металлические каноэ, которые летают, как птицы, и теперь стало ясно, что это правда. Сам Мойе летал бесшумно, используя другой метод.

По прошествии нескольких дней его каноэ проплыло мимо еще одного города, потом пальмы по берегам сменились болотами, а широченное русло разделилось на более узкие протоки. Не зная, какой из них предпочесть, он предоставил это на выбор Ягуару, и однажды он опустил руку в реку, зачерпнул пригоршню воды, отпил и обнаружил, что вода соленая. Отец Перрин говорил ему, что в море вода соленая — верилось в такое с трудом, но и это оказалось правдой.

Мойе плыл мимо мангровых лесов и топких равнин, пока не увидел перед собой широкую водную гладь и на дальнем горизонте бурое пятно, которое, по его предположениям, должно было быть Майами-Америкой. Привязав каноэ к мангровому корню и взяв духовую трубку, знахарь двинулся по отмели вдоль края моря. Вскоре он подошел к мелкой бухточке, полной кормившихся фламинго и других морских птиц, застрелил двух фламинго, развел на берегу большой костер, разделал птиц, выжег перья, а мясо завернул в пальмовые листья, обмазал глиной и запек, зарыв в горячие угли. Поев жилистого мяса и запив его водой из своего бурдюка, он направил свое каноэ в мягко колыхавшиеся волны.

Ему потребовался целый день, чтобы пересечь море, и когда добрался до другого берега, он слегка удивился, увидев, что Америка очень похожа на Сан-Педро Касиваре. Отец Перрин

рассказывал ему множество историй о своем Доме, но здесь все было вовсе не так: шаткий деревянный причал, несколько низких хибар среди пальмовых и перечных деревьев и чернокожие люди, занимавшиеся своими делами.

Он подтянул каноэ к песку и выбрался на берег, надлежаще одетый в свою наплечную накидку саре из перьев, в том числе перьев птицы кецаль, чтобы люди сразу увидели, что перед ними не кто-нибудь, а йампири, с которым следует обращаться почтительно. Подойдя к группе чернокожих, стоявших и сидевших перед небольшим зданием, он вежливо осведомился по-испански:

— Прошу прощения, дамы и господа, это Майами-Америка?

Они воззрились на него с недоумением. Мойе повторил свой вопрос, но они лишь тарахтели на непонятном наречии и таращились на него. Потом одна женщина убежала и привела старика с чудной, желтоватой кожей, который говорил по-испански и спросил Мойе, откуда тот прибыл.

— Из Дома,— ответил Мойе,— и я хочу знать, это ли Майами-Америка, потому что я долго плыл по многим рекам, а потом пересек море, а мне говорили, что нужное мне место находится как раз за морем.

Но старик ответил, что это не Майами, а городок Фернандино на острове Тринидад, а еще он сказал, что Мойе пересек вовсе не море, а всего лишь залив Пария. Он пояснил, что море гораздо больше залива и его невозможно пересечь на каноэ, а заодно осведомился, не желает ли джентльмен чего-нибудь выпить.

Итак, они уселись на стулья в тени, выпили из бутылок какой-то напиток, похожий на разновидность чича, чего Мойе не делал с мальчишеской поры, и человек Эзра рассказал ему, что когда-то он объехал весь свет, работая на кораблях белого человека высотой с холм. Он сказал, что знает и испанский, и английский язык, на котором говорят в Америке, хотя в

Майами говорят и по-испански. Еще он сказал, если джентльмен хочет добраться до Майами, ему следует отправиться в Порт-оф-Спейн, к северу отсюда, найти корабль, тайно ночью пробраться на борт, спрятаться, и корабль отвезет его в Майами. Эзра рассказал ему много всего о том, как это сделать, и о множестве опасностей, которыми это чревато, потому что в старые времена, будучи моряком, он многим помог таким образом добраться до Америки, чтобы разбогатеть, как разбогател сам, работая на этих кораблях.

Потом Эзра кого-то позвал, и женщина принесла ему нечто. Эзра поместил на свое лицо еще одно блестящее нечто, сделавшее его глаза похожими на рыбьи, и внимательно рассмотрел то, что принесла женщина. Что-то белое, как облако, шелестящее, как листва, покрытое маленькими, похожими на мертвых муравьев черными точками. Мойе видел, как отец Перрин проделывал такое с тем, что он именовал Библией: так он разговаривал со своими умершими соплеменниками.

Пока Эзра беседовал со своими умершими соплеменниками, Мойе почтительно ждал, а потом Эзра улыбнулся и сказал, что грузовое судно «Гайана Кастл» с грузом пиломатериалов отплывает в Майами через четыре дня. Он знал этот корабль и описал так хорошо, что Мойе узнал бы его даже ночью. Потом Мойе поблагодарил Эзру, но тот возразил, сказав, что сам должен быть ему благодарен, ибо появление Мойе было самым интересным событием в Фернандино со времени последнего урагана. А еще он сказал, чтобы, добравшись до Майами, Мойе раздобыл себе что-нибудь из одежды, иначе его арестуют за внешний вид. И объяснил, что такое арест.

Две ночи спустя Мойе обозревал со своего каноэ тронутый ржавчиной черный корпус «Гайана Кастл». Корабль был привязан у длинной, обрывавшейся у воды улицы, освещенной огнями уай'ичуранан, светившими ярче полной луны. На корабль с этой улицы вела другая, маленькая улица, возле ко-

торой толпились люди. Но Мойе находился по другую сторону, на маслянистой черной воде, почти невидимый в тени самого корабля. Над ним на высоте, в пять раз превышавшей рост человека, находилось то место на боку огромного каноэ, куда ему нужно было взобраться. А поскольку вскарабкаться на такую высоту по отвесной, гладкой металлической стенке было свыше человеческих сил, Мойе смешал вместе несколько порошков из маленьких кожаных мешочков, которые достал из своего плетеного мешка, втянул смесь в нос через трубочку и завел тихий напев. Так, распевая, он связал в узел все, что хотел взять с собой, перевязал узел веревкой, а конец этой веревки взял в рот. Теперь его чувства изменились, расширились, в то время как в нем то, что представляло собой собственно Мойе, ужалось до полного исчезновения. Теперь он обонял и слышал вещи, которые не могли ощущать смертные, и на поручни высоко над головой смотрел совсем другими глазами. В его ногах накапливалось напряжение, а потом, прежде чем он совсем перестал осознавать себя, возникло неотчетливое ощущение подъема в воздух.

Вновь осознав себя Мойе, он обнаружил, что находится в темноте, в самом чреве корабля, наполненном смрадом смазки, пара и более знакомым запахом распиленной древесины. Что-то твердое упиралось в его спину, и корабль, судя по дрожи корпуса и пульсации, отдававшейся в ушах и по всему телу, уже не стоял у причала, а двигался. Как и всегда после подобных опытов, знахарь чувствовал себя измотанным, но он хорошо помнил о необходимости прятаться, что и делал, благо чемодан и все пожитки были у него с собой. Попив воды из своего бурдюка, он устроился поудобнее, насколько это было возможно среди штабелей бревен, и приступил к ритуалу, который должен был замедлить его телесные функции до уровня, близкого к смерти, при полном сохранении жизнеспособности пребывающего на другом уровне бытия духа.

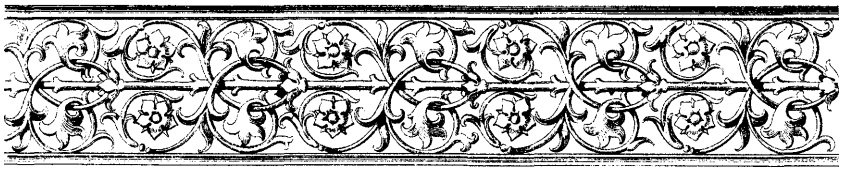
Проснулся он от тишины и отсутствия движения, а открыв глаза, увидел тусклый свет — мертвецы распахнули люки в носовой части корабля, впустив снопы солнечных лучей. Мойе поднялся и, пробираясь между высившимися, как холмы, штабелями древесины, двинулся в глубину трюма, подальше от света. Механизмы лязгали и стонали, Мойе же, помня советы Эзры, ждал наступления ночи.

Он очень проголодался.

Солнечный свет потускнел, звуки разгрузочных работ стихли, и теперь он слышал лишь случайное громыхание машин уай'ичуранан. Выбрав среди пиломатериалов подходящую доску из красного дерева и надежно привязав пожитки к телу веревкой, он осторожно поднялся по лесенке на палубу. Там никого не было, но корабль, как и на Тринидаде, стоял бортом к пристани, и единственный спуск на нее караулил охранник. Мойе бесшумно переместился к противоположному борту, спустил доску в теплую воду, скользнул следом сам, лег на доску животом и погреб к западу, к огням города.

Ночь стояла ясная, безоблачная, поверхность воды лишь слегка рябила от легкого бриза. Наверху в безоблачном черном небе пребывал Ягуар, возвращавшийся после очередного визита к Дождю. Мойе внимательно присмотрелся к небу, и сердце его сжалось: все дружественные созвездия его Дома исчезли. Не было ни Старухи, ни Выдры, ни Дельфина, ни Змеи — лишь бессмысленная россыпь светящихся точек. Подавить панику ему удалось с трудом, и то лишь с помощью Ягуара — какой же мощью должны обладать машины мертвецов, если они способны перегруппировывать звезды! И все же Ягуар властвовал ночью даже здесь, а это уже кое-что. Он успокоился и погреб к берегу, направляясь к тому, что было похоже на маленький участок леса, сохранившийся у подножия огромных утесов — домов мертвых. Ощутив под ногами влажный песок, он оставил доску и выбрался на берег. Здесь были деревья, некоторые неизвестные, другие зна-

комые, например эта большая смоковница. Мойе принюхался, втянув вместе с совершенно чужими запахами вроде корабельной вони и запахи живых существ, как незнакомые ему, так, кажется, почти знакомые. Это немного успокаивало — по крайней мере, здесь он не умрет с голоду.



2

Дженнифер Симпсон проснулась рано утром под пение птиц: пересмешник заливался трелями в саду, перекликаясь с певчими птицами из плетеной клетки в патио большого дома. Завершив замысловатую трель, пересмешник принялся подражать птахам из клетки. Выскользнув из постели, Дженнифер вышла на порог. Это была обнаженная девушка с высокой грудью, густыми, ниспадавшими до поясницы рыжезолотистыми волосами и огромным количеством веснушек, покрывавших ее с головы до пят. Лицо ее было овальным, с тонкими чертами и светло-голубыми, по-детски открытыми глазами. (Наблюдатель, а таковой там имелся, вспомнил о Боттичелли, и не в первый раз.)

Воздух был свеж и прохладен, каждый стебелек и листочек в саду поблескивал росой. Она больше всего любила эти ранние часы, поскольку, хотя и не возражала против совместного проживания, втайне лелеяла мечту о собственном уголке. Сняв маску с крючка на столбе, который поддерживал козырек крыльца, она достала из ниши, сделанной в грубой каменной стене, сверток из вощеной бумаги, сунула ноги в резиновые шлепанцы и зашагала по усыпанной коралловой крошкой садовой тропинке. Стоило ей пройти всего несколько ярдов, как оказалось, что через тропку протянулась паучья сеть, посреди которой угнездился внушительный, казавшийся вырезанным из яркого пластика паук. Дженнифер наклонилась и попыталась припомнить его название, но выпрямилась, так и

не вспомнив. Скотти всегда рассказывал ей, что как называется, но удержать все эти названия в памяти было решительно невозможно. «Дитя Природы» — так называл его Кевин, правда среди своих. А еще — хоббитом.

С террасы послышался визг Ширли. Потом она трижды выкрикнула: «Приди и возьми!» — и Дженни, остановившись, оглянулась через плечо, чтобы посмотреть, не всполошил ли этот шум Кевина. Оказалось, нет, и это ее порадовало. Конечно, она его любила, и все такое, но ему было свойственно прицепиться к ней и не отлипать, а сейчас ей хотелось побыть одной. Опустившись на колени, девушка подлезла под паутину, слегка поежившись от ее прикосновения к своей спине. У них существовало строгое правило: не вредить в саду ничему живому, ни в коем случае не нарушать естественного порядка. Никаких пестицидов, никаких распылителей, никаких химикатов — только природная чистота. Дженни принимала это, а Скотти использовал в своих целях.

Пруд был выкопан в живой коралловой скале, а выбранный изнутри материал пошел на сооружение маленького холма, на котором выросли дюжины разнообразных бромелиевых орхидей. Из источника поблизости с вершины холма в пруд с веселым плеском низвергался водопад — вода наверх подавалась насосом, работавшим на солнечных батареях. Скотти устроил все так, что вода в саду, словно в природе, совершала естественный круговорот, возвращаясь к изначальному источнику, ну а неизбежные потери на испарение и все такое восполнялись дождем.

Дженни плеснула воды в маску, прополоскала ее, надела и, скользнув в воду, легла на рябившую поверхность.

Большой, в пол-акра площадью и достигавший в самом глубоком месте сорока футов, пруд был задуман как копия природного озерца Амазонии. Руперт, владелец участка, бывал там много раз и очень хотел воспроизвести у себя нечто подобное, но добиться этого, довести все до ума ему удалось

лишь тогда, когда он нашел Скотти. По словам Руперта, Скотти являлся гением практической экологии. Вообще послушать Руперта, так талант имеется у каждого, другое дело, что расцветает и реализуется он только в благоприятных социальных условиях. Правда, Дженни до сих пор никаких особых дарований за собой не замечала, но Руперт на это говорил, что ей всего девятнадцать и у нее еще все впереди — нужно только дать своему дару шанс.

Когда Дженни было семь лет, кто-то из приемных родителей отвез ее в Сиу-Фоллз, к дантисту, в приемной которого стоял большой аквариум с множеством пестрых, блестящих, полных света и жизни тропических рыбок и крохотной фигуркой русалки, кажется, периодически открывавшей пиратский сундук, из которого вырывались и поднимались к поверхности воды поблескивающие воздушные пузырьки.

Дженни была совершенно очарована: в то время ей казалось, что, какое бы блаженство ни сулили апостолы Христа, о которых рассказывали в воскресной школе, оно едва ли сопоставимо со счастьем той маленькой русалки, проводившей время, открывая пиратский сундук, в окружении блестящих рыб.

Теперь она сама уподобилась той русалке.

Набрав воздуху, девушка распрямила стройное тело и нырнула. Рыбки рассеялись перед ней, сотни рыбок, сколько именно — ей было неизвестно. Не то что Скотти: он вел скрупулезные записи рождений, роста и смерти, поскольку это составляло часть экологического баланса. Дженни такой дотошностью не отличалась, хотя знала названия основных видов. Дискусы, похожие как эмалированные обеденные тарелки, золотистые корифены, дюжина разновидностей цихлид с яркими, летящими плавниками, скопления серьезных скалярий, малоротые, в малиновую полоску, облачка крохотных, похожих на россыпь драгоценностей, гамбузий, отливающие металлом топорики и сбившиеся в плотный, неторопливый косяк внушительные краснобрюхие пираньи.

К ним Руперт питал особенную любовь, что Дженни находила весьма странным. Они же были единственными на территории усадьбы, кто получал красное мясо, поскольку Руперт, когда бывал на месте, каждое утро, на рассвете, выходил к пруду, бросал хищным рыбам с каскадного холма сочившиеся кровью потроха и наблюдал за тем, как бурлит вода, когда они мечутся в неистовстве. Скотти при этом уверял, что пираньи совершенно безобидны, если только ты не истекаешь кровью и не делаешь хаотичных телодвижений. Может, и так, только вот кто знает, какие именно движения пираньи могут счесть хаотичными? Дженни этого уж точно не знала и сомневалась, чтобы знал кто-то другой, и во время своих заплывов старалась их избегать. Ну не доверяла она выражению их похожих на бусинки глаз хотя бы потому, что знавала ребят с такими же взглядами.

Впрочем, сейчас она, маленькая русалка в прозрачной воде, находилась в месте, которое она предпочитала небесам. Далеко от постылой Айовы, в Майами, где с избытком хватает и секса, и еды, есть где приткнуться, никто тебя не достает и можно заниматься жизненно важным делом. Рай земной — это было одно из выражений Руперта, и, надо признать, выражение правдивое.

Важным делом было спасение влажных тропических лесов — во имя этой высокой цели Руперт и собрал их всех в своем доме, чтобы они вели экологически выверенный образ жизни, подавая миру пример и выковывая политическое движение. Правда, насчет последнего Дженни особых подвижек не замечала: вся коммуна, за исключением одного профессора, проводила большую часть времени, собравшись в кружок, кто полуголый, кто совсем нагишом, покуривая марихуану и обсуждая, насколько годен к употреблению тот или иной продукт с экологической точки зрения. Уйма времени уходила на переработку для вторичного использования выработанных их шестеркой и гостями общины отходов — тут

прогресс имелся, и мусором они за неделю наполняли обувную коробку. Что же до агитационной работы, то эта часть деятельности ложилась на нее да на Эванджелину Варгос, которая разъезжала повсюду в ярко раскрашенном автобусе, устанавливала на видных местах раскладной столик, раздавая проспекты, буклеты и листовки, призывая людей подписывать петиции и вносить пожертвования в альянс «Лесная планета».

Секрет Дженни заключался в том, что она тайком подкармливала рыбок, нарушая тем самым экологический баланс, который с такой раздражающей старательностью старался установить Скотти. По его замыслу рыбы из пруда должны были питаться лишь растениями или насекомыми, собранными с садового участка, политого водой, откачанной из пруда, и удобренного взятой из него же тиной. Она же давала им совершенно не кошерную пищу — катыши из мякоти токсичных батонов, приобретенных тайком и припрятанных в разных укромных местечках по всей усадьбе. Сейчас она висела в прозрачной воде, протянув руки к облачку живых блесток, тыкавшихся нежными ротиками в ее пальцы, собиравших размокший хлеб. Это было по-настоящему здорово, лучше всего другого в ее жизни — и наркотиков, и секса с Кевином; если ей и хотелось чего-то еще, так это возможности поделиться с кем-нибудь своей радостью.

Потом хлеб закончился. Остались лишь крошки, каждая в окружении маленького скопления рыбок, а затем исчезли и они. Рыбки рассеялись, поплыли по своим рыбьим делам.

Дженни поднялась на поверхность, набрала воздуху и перевернулась на спину, так что ее юная, упругая грудь покачивалась над водой. От прохлады при нырянии ее соски затвердели, что, в свою очередь, повлекло за собой покалывание в промежности, и она подумала, если Кевин еще не встал, стоило бы, пожалуй, скользнуть к нему в постель и побудить его доставить ей удовольствие, как она частенько делала пос-

ле подобных вылазок в пруд. Но тут на глаза ей попался шедший по тропинке к пруду Руперт — голый, старый и страшно волосатый. Девушка вздохнула — вид голого Руперта Зингера всегда подавлял ее возбуждение, отчего ей становилось немножко стыдно. Ведь он же, в конце концов, не виноват, что ему под пятьдесят. С другой стороны, пусть тело у него и здоровое, естественное, о чем он не устает повторять, но, может быть, не стоило бы так уж все время выставлять его напоказ? Руперт был плотно сбитым, чрезвычайно волосатым мужчиной, с ниспадавшей на грудь жесткой, как мочалка «Брило», бородой и восьмидюймовым ореолом окружавшей его продолговатый череп шевелюрой той же консистенции. Его костистое, безобразное лицо заставляло вспомнить о Честном Линкольне, а большие мягкие карие глаза — о каком-то амазонском животном из брошюр «Лесной планеты» — тапире или олене. Наблюдая за его приближением, она оттолкнулась ногами, направив тело к мелководью. Как всегда бывало в таких случаях, взгляд ее невольно хоть мельком, но притянуло к его паху. Член у него был здоровенный, правду сказать, так самый большой, какой она когда-либо видела. Это чуточку пугало, но поскольку при ходьбе он болтался, словно маятник, то еще и забавляло.

Из-за этого огромного пениса — ну прямо третья нога — Кевин прозвал Руперта Треножником и без конца намекал на то, что и она, и Луна, подружка Скотти, не прочь испробовать эту штуковину. Ей приходилось убеждать дружка в том, что ее, да, наверное, и Луну, это вовсе не привлекает и что для нее и его, Кевина, член достаточно велик и хорош.

Зингер остановился и взял из большого, стоявшего на краю бассейна фанерного ящика полотенце.

Девушка выбралась на выровненный коралловый край пруда, сняла маску и выжала волосы.

— Доброе утро, Дженни,— сказал Руперт, подойдя к ней сзади.— Плавала?

Она повернулась и снова, надо же, уставилась ему между ног и лишь потом заставила себя поднять глаза к его лицу.

— Ага, здорово искупалась. Похоже, впереди еще один прекрасный денек.

— Почему бы и нет. На завтрак круассаны. И манго.

Такова уж была его несколько раздражающая, безапелляционная манера общаться: на самом деле он ничего не приказывал и не относился ни к кому как к прислуге, но как-то так получилось, что Дженни каждое утро готовила завтрак и для него, и для всей компании. Теперь это считалось само собой разумеющимся, а с чего все пошло, почему все решили, будто это входит в ее обязанности, она и сама не помнила.

Снова взвизгнула Ширли — видимо, в ее обязанности входило именно это. Руперт не спеша спустился по пологому склону к воде. Спустя десять минут, одетая в футболку с эмблемой «Лесной планеты», в белых шортах, с заплетенными в косу волосами, Дженни уже находилась на просторной, снабженной тщательно подобранным оборудованием кухне, разрезала манго на ломтики и уложила их неровными рядами на голубое глазурованное блюдо. Она намолола экологически чистых кофейных зерен, включила кофеварку и сунула круассаны подогреваться в духовку — никаких канцерогенных микроволновых печей здесь, разумеется, не было. Закончив с манго, она положила на край блюда белую камелию и вынесла его в патио. Стол был накрыт на шестерых, с туземной цветной керамикой из Латинской Америки и с Карибских островов и салфетками, изготовленными местными ремесленниками из пеньковых или конопляных волокон. Она вернулась на кухню, налила кофе в термос, с помощью соковыжималки «Остер» выдавила сок штук из двадцати экологически чистых апельсинов. Пока она занималась этим, вошел Скотти и, как делал каждое утро, поставил в высокую хрустальную вазу цветы, которые он только что сорвал в саду: желтые орхидеи, франгипании, ветку ярко-фиолетовой буген-

виллеи. Дженни оторвала взгляд от кофеварки, чтобы посмотреть, как он управляется с букетом. Скотти говорил, что в Японии аранжировка цветов считается высоким искусством, и самураи состязались друг с другом, стремясь добиться успеха в этой области. Дженни не бралась судить, так ли это или речь идет всего лишь об одной из странностей Скотти, однако, когда букет подбирал он, у него и вправду получалось что-то особенное, словно эти цветы и выросли вместе. А вот ее попытки составить в своем домике подобную композицию как-то не удавались.

Хоббит. Как всегда, когда Кевин придумывал кому-нибудь прозвище, Дженни непроизвольно начинала рассматривать этого человека именно в таком ракурсе. Скотти был довольно приземист, *на несколько дюймов ниже самой Дженни*, коренаст, словно бочонок, с непропорционально большой головой, густой бородой и длинными волосами, собранными на затылке в хвост. Правда, в отличие от хоббитов в фильмах (а Дженни видела их все и не раз) лицо Скотти, на ее взгляд, было на самом деле довольно симпатичным, в особом, грубоватом духе, но имело отстраненное, почти угрюмое выражение, словно жизнь обидела его, отказав ему в том, что, по его мнению, он заслуживал. Его глаза были голубыми и контрастировали с загоревшим дотемна лицом. Ему было всего-то чуть больше тридцати, но Скотти выглядел намного более пожившим: Дженни воспринимала его как человека старшего поколения, стоявшего ближе к Руперту и профессору, чем, скажем, к ней.

Он закончил с цветами и вынес вазу к столу, и все это не проронив ни слова и не удостоив Дженни взгляда. Она привыкла к этому и не обижалась. У всех людей, как она усвоила в детстве, переходя от одних приемных родителей к другим, есть свои причуды, и самое лучшее — не лезть в чужие дела, тогда все будет тип-топ. Скотти, например, бука букой; Руперт, если ему что нужно, никогда не попросит прямо; Ке-

вин почти всегда под кайфом; Луна во многих отношениях придирчива и держится натянуто; профессор никогда не обнажался на публике и, будучи англичанином, разговаривал препотешно. У каждого свой бзик, но все вполне терпимо. Что же касалось самой Дженни, то она как-то (высунувшись из окна, но все равно совершенно случайно) подслушала, как Луна в разговоре с Рупертом назвала ее «не самым острым ножом в выдвижном ящике». Сначала это ее обидело, но, в конце концов, она слышала нечто подобное много раз и раньше, да и в жизни все устроено таким образом, что в ней вовсе не обязательно быть семи пядей во лбу, тем более что, по ее наблюдениям, всякого рода умники ничуть не счастливее простых и даже совсем недалеких смертных.

Завтрак в La Casita (ибо так назывался дом, и это название значилось на керамической табличке, окрашенной вручную и прикрепленной к одному из приземистых коралловых столбов у ворот) одновременно служил ежедневным утренним сбором сотрудников «Лесной планеты», на котором обсуждались задачи дня. Трапезы бывали как неформальные, так и с участием приглашенных гостей. Руперт нередко принимал и развлекал важных гостей в большой, полной воздуха столовой, и тогда оказывалось, что Дженни подает на стол и убирает с него, тогда как на Скотти с Луной возлагалась готовка, а на Кевина — мытье посуды. Никакой платы за это они не получали, ибо формально являлись сотрудниками фонда «Лесная планета», за что им и платили жалованье, однако дополнительные обязанности они принимали на себя как бы в обмен на проживание и питание. Дженни была всем довольна, а Кевин заявлял, что это обдираловка, хотя никаких действий для изменения ситуации не предпринимал.

За завтраком все сидели демократично за одним столом, а это, с точки зрения Дженни, служило доказательством того, что они все-таки не прислуга. Стол находился в центре патио, вымощенного изношенными, кровавого цвета плитками и

окруженного с четырех сторон стенами дома. С трех сторон он был одноэтажным, из золотистого коралла, с кровлей из красной испанской черепицы, а одна, восточная, стена, именовавшаяся «башней», была двухэтажной. Именно там располагалась спальня Руперта. У профессора, Найджела Кукси, комната находилась под ней, но Кукси еще не прибыл. Когда во двор в шортах из обрезанных джинсов, голубой рабочей рубашке без рукавов, с ангельским и свежим лицом, золотистыми локонами, кромкой короткой бороды и сонными карими глазами вплыл Кевин, Дженни, как всегда по утрам, испытала легкое возбуждение, сопряженное с мыслью о том, как ей повезло. Когда они впервые познакомились в общине «Кедровые стремнины», волосы у него были еще довольно короткими, серьга имелась только одна, а вот опыт бродяжничества и путешествий автостопом у нее был гораздо больший. Дженни полагала, что по этой причине, ну и, конечно, из-за секса он на нее и запал, и думала, что, узнав о ее проблеме, этот парень слиняет, как и все остальные. И она пошла с ним в клуб со всеми этими пульсациями и цветомузыкой, и для нее это, разумеется, обернулось полномасштабным припадком, и очнулась она на липком полу, стараясь сделать вид, будто все в порядке, но Кевина, к ее удивлению и благодарности, это ничуть не отпугнуло. Она до сих пор помнила, как он тогда на нее смотрел, не как другие, словно спрашивая: «Это еще что за придурочное шоу?» — но с живым человеческим участием.

И она вспоминала этот момент всякий раз, когда он вел себя дерьмово. Хотя сейчас он ей улыбнулся и украдкой слегка ущипнул, потом отправил в рот дольку манго и, подойдя к маленькой мексиканской тележке, где стоял термос с кофе, налил себе чашку.

Потом из офиса, находившегося в угловом помещении, где Луна проводила большую часть времени, появились она и Руперт. Луна, стройная, мускулистая женщина лет три-

дцати, была, как всегда, одета в стоявшую колом белую рубашку с короткими рукавами и мешковатые шорты хаки. Выглядела она так, словно ее свили из рояльных струн, и темные, блестящие, коротко стриженные волосы лишь усиливали впечатление жесткой, бесполой фригидности, дополнявшейся оседлавшими маленький острый нос очками в стальной оправе. Дженни приняла бы ее за девственницу, если бы не знала точно, что Скотти захаживает к ней по ночам — усадьба была не столь велика, чтобы чьи-то сексуальные похождения можно было сохранить в тайне. Если кто чего и не видел, то уж точно все все слышали.

Во всяком случае, Дженни с Кевином слышали их так же хорошо, как если бы находились с ними в одной комнате: восклицания и стоны Луны и Скотти были для них таким же привычным звуковым фоном ночи, как и голос пересмешника.

До приезда в La Casita Дженни в этом отношении вела себя тихо, но здесь и сама приучилась подкреплять эти ночные звуки собственными стонами, порой вполне искренними. Кевин, похоже, находил подобную полифонию забавной.

Ширли, как всегда при появлении Руперта, подала голос из своей клетки. Луна тут же велела ей заткнуться, и она заткнулась. Как и большинство местных обитателей, самка гиацинтового попугая ара почти всегда делала то, что велела Луна.

Подошедший Скотти уселся рядом с Луной. Сейчас, выполняя не сексуальную, а социальную функцию, он отпускал легкие ремарки относительно погоды, высказывался насчет подрезки фруктовых деревьев и выслушивал обычные комплименты Руперта насчет цветов. За завтраком все рассказывали друг другу, как собираются провести день. Руперт и Луна говорили о почтовой рассылке, о приобретении адресных баз у других экологических организаций и о чем-то по компьютерной части, чего Дженни не поняла.

Они проводили разоблачительную кампанию, рассылая письма, обличающие находившуюся на севере насосную станцию, которая закачивала грязную воду в болота Флориды, нанося ущерб живой природе. Скотти говорил о вышедшем из строя культиваторе и прочих ремонтных и сантехнических работах, а потом у них завязался небольшой спор о том, что с чем совместимо, а что нет. Дженни пропускала разговор мимо ушей, давая ему слиться с шепотом легкого ветерка в стройных пальмах, которые поднимались над внутренним двориком, и звуками водопада. Она кивнула и улыбнулась, когда Луна, назвав ее на манер Кевина «миссис Роботика», сообщила о полученном от администрации района Кокосовая роща разрешении развернуть выставку и поставить агитационный столик на маленькой площади перед зданием библиотеки. Эванджелина Варгос должна будет встретить ее там, а Кевин поведет фургон.

— Если только ты не захочешь помочь Скотти с культиватором,— подчеркнуто добавила Луна.

— О нет, мэм,— ответил Кевин,— крутить баранку — это как раз по мне, с этим я точно справлюсь. Всегда надеялся, что, когда вырасту, мне доверят развозить людей, которые смогут раздавать маленькие брошюры и листовки против рубки деревьев. Напечатанные, что ценно, на бумаге, изготовление которой потребовало рубки тех самых деревьев, ради защиты которых издаются эти писульки. По моему убогому разумению, логика тут безупречная.

— Брошюры печатают на бумаге, переработанной из макулатуры,— сказала Луна с типичным для нее преувеличенным вздохом.

— Я знаю это, Луна. И это прекрасно. Я уверен, что наша программа переработки вселяет ужас в сердца тех долбаных ублюдков из лесопромышленных корпораций, которые изводят дождевые леса. У бедняг с перепугу зуб на зуб не попадает.

— И что же, Кевин, по-твоему, нам делать? — спросила Луна.— Взорвать Панамерикэн-бэнкроп-билдинг?

— Это было бы хорошим началом,— отрезал Кевин.

— О, ради бога, Кевин, нельзя ли без выпендрежа? — буркнула Луна.

За столом, как бывало всегда, когда Кевин выпускал пар, воцарилось молчание, которое нарушил Руперт.

— Дженнифер,— спокойно, с расстановкой произнес он,— будь добра, узнай, почему задерживается Найджел?

Дженни сразу же встала, втайне радуясь возникшей возможности отлучиться, и ушла, огорченная размолвкой, омрачившей такое славное утро и их завтрак. Происходило что-то такое, чего она не понимала и что ей не нравилось, и дело было не в дурацком выпендреже Кевина. Взгляды, которыми обменялись Луна и Кевин в ходе своей пикировки, наводили на мысль, что они, при всей видимой оппозиции, каким-то образом подпитывали друг друга, и один получал от другого своего рода нездоровую энергию. Правда, это было всего лишь ощущение, неизвестно на чем основанное, которое она даже не могла облечь в слова.

Найджел Кукси занимал весь юго-восточный угол дома, маленькую спальню, ванную и комнату побольше, соседнюю с офисами Альянса, которую он использовал в качестве своего рабочего кабинета и депозитария. Дженни знала, что он настоящий профессор, и о влажных тропических лесах ему было известно все, ибо он прожил там много лет. Еще она знала, что Руперт и Кукси относились друг к другу с величайшим уважением. Кевин называл его профессор Аист, но считал все его ученые штудии пустой тратой времени, ибо на кой черт надо выяснять, что да как в этих хреновых джунглях, если к тому времени, как все это будет опубликовано, от этого леса и пеньков не останется. Обычно Кукси или работал в одиночку, или часами беседовал с Рупертом, обсуждая стратегию Альянса.

«Парочка старых гомиков» — так отозвался об этих двоих Кевин, когда они с Дженни год назад приехали в усадьбу. Но она с ним не согласилась и, хотя сначала Кевин над ней посмеивался, оказалась права. Может быть, Руперт и был малость со странностями, но совершенно гетеросексуален: у него была парочка подружек, с которыми он время от времени развлекался в своей спальне в «башне», и звуки, которые оглашали в такие ночи сад, ясно свидетельствовали о том, что обладатель столь внушительного члена орудовал им весьма умело.

Что представляет собой Кукси, она еще не разобралась. Может, он и правда был геем, но и в этом отношении никак себя не проявлял. Можно было подумать, что его вообще не привлекал секс, хотя, когда она обдумывала эту идею, мысли ее слегка буксовали. Порой ей приходило в голову, что с ним что-то не так: единственный из всех обитателей усадьбы, он никогда не купался обнаженным, и никто знать не знал, какая у него штуковина. Кевин предположил, что огромная, пурпурная, с шипами и закорючками, как у демонов в дурацких комиксах, но Дженни склонялась к тому, что профессор просто одинок, и всегда была с ним мила. Он ей нравился, особенно его голос, похожий на голос кого-то из телевизионных комментаторов тех программ, которые она никогда не смотрела, но на которые порой попадала, прежде чем переключиться на канал со своим шоу. Эти люди говорили по-особенному, отстраненно, будто ничто в мире их не касалось и никто на свете не имел для них никакого значения.

Она постучалась в дверь спальни Кукси и, не получив ответа, подошла к следующему примыкавшему к холлу помещению — его кабинету. Она просунула голову в царство коробов, клетей, бочонков, неустойчиво громоздившихся стопок книг, высившихся прямо на полу, высоких, чуть не до потолка, книжных шкафов, на которых стояли скелеты и чучела животных, и старых каталожных ящиков разного размера. Над всем этим медленно вращался вентилятор в оплетке, и пылинки, светясь, танцевали в проникавших в окна зеленова-

тых солнечных лучах, просочившихся сквозь кроны деревьев. Найджел Кукси сидел, откинувшись на деревянном, вращающемся кресле и забросив обутые в сандалии худые, узловатые ноги на загроможденный невесть чем стол. В комнате висел особый, характерный для закоренелого ученого холостяка запах. Запах старой бумаги, формалина, виски и не полностью разложившихся органических веществ.

— Хм... профессор? — подала голос Дженни, прочистив горло.

Ноги ученого слетели со стола, кресло резко развернулось вокруг своей оси, попутно задев деревянную клеть, и Кукси оказался сидящим лицом к ней. Удивленное выражение на этом лице придавало ему сходство с мордами чучел обитателей джунглей, стоявших на высоких полках. Маленький белый предмет с грохотом покатился по полу. Дженни наклонилась, чтобы поднять его — это оказался гипсовый слепок ступни животного,— и отдала профессору.

— Прошу прощения, я от Руперта. Он хочет встретиться с вами.

— Ох, надо же! Неужели уже девять часов?

На книжной полке стояли деревянные часы, но циферблат загораживали стопки журналов. Дженни отодвинула их и сказала:

— Полдесятого. Сон сморил?

— О, вовсе нет, нет. Просто глубоко задумался.

«Ага, в этаком-то дыму»,— отстраненно подумала Дженни. Кукси, единственный из всех, курил табак, из-за чего белые стены рабочего кабинета приобрели коричневый налет. Как обычно, он посмотрел на нее в упор, внимательно, словно на какое-то существо, ставшее объектом наблюдения. Глаза у него были серые, глубоко посаженные и печальные.

— «Юноша страстный, локоном медным над ухом твоим доведен до слез. Но он не саму тебя любит, бедный, а сияние рыжих твоих волос». Йетс.

— Прошу прощения?

— Ничего, моя дорогая. Все то же — размышления. Что ж, я должен пошевеливаться.

Он положил слепок на письменный стол.

— Что это за слепок? След?

— Да. Тапира. Tapirus terrestris. Можно многое узнать о крупных млекопитающих по отпечаткам их лап. Их вес, конечно, и порой пол и возраст. Это самец, примерно двухлетнего возраста.

— Где это видно?

— Как? Ну, это написано здесь на основании этого слепка.

Он рассмеялся сухим смешком, и Дженни, после недолгой паузы, тоже рассмеялась.

— Черт побери, а я-то думала, будто наука — мудреное дело!

— Да ну, будь это так, разве мог бы ею заниматься такой придурок, как я? А если серьезно, то это действительно важный источник сведений. Ты наблюдаешь за животным, а когда оно уходит и оставляет следы, заливаешь их гипсом и получаешь слепки. Есть еще специальные устройства с пружиной для измерения глубины отпечатка. По ней можно определить или, точнее, рассчитать вес. Если ты занимаешься этим долгое время, у тебя возникает понимание того, как растут и выживают звери. Всякий след уникален, он у каждого свой.

— Как отпечатки пальцев?

— Именно. У меня их большая коллекция, прежде всего, конечно, млекопитающих, но есть и крупных ящериц и крокодилов, и птиц семейства куриных.

Он встал и жестом указал на дверь. Профессор был высок, худощав и всегда носил выцветшую рубашку цвета хаки и шорты.

— После вас, моя дорогая.

Это была одна из причин, по которой он ей нравился.

«После вас, моя дорогая». Ну, прямо как в старом фильме, которые иногда показывают по телику!

Когда Кевин гнал машину по главному шоссе Кокосовой рощи, он явно был в дурном настроении, и Дженни вся напряглась, ожидая, что это непременно скажется на ней. В такие моменты он порой забрасывал ее вопросами или заводил разговоры, в которых она ничего не смыслила, а потом поднимал ее на смех или начинал расспрашивать о детстве, о приемных семьях, в которых она росла, о школах и прочем. Обычно ей не хотелось всем этим делиться, но ему всякий раз удавалось ее разговорить, но когда она начинала открывать душу, он терял к этому всякий интерес, и Дженни чувствовала себя круглой идиоткой. Как будто она сама прицепилась к нему и давай трепаться о никому не нужной старой фигне. А то, бывало, он, послушав ее разглагольствования с полчасика, спрашивал, с чего это она начала вспоминать всякий вздор. В такие моменты она всегда чувствовала себя набитой дурой, и ей хотелось кричать.

Сам Кевин никогда не распространялся о своем прошлом. Правда, она знала, что он учился в подготовительной частной школе, готовившей к поступлению в колледж. Дженни плохо представляла себе, что это за школа такая, но догадывалась, что за ее посещение брали гораздо больше, чем те жалкие 16 долларов 85 центов в месяц, которые штат Айова платил ее приемным родителям за ее содержание. В ее представлении это понятие связывалось с дорогой одеждой и красивыми, уверенными в себе парнями и девушками. После школы Кевин поступил в колледж, но очень скоро вся та лапша, которую там вешали на уши преподаватели, ему осточертела, и он решил: чем гнить в буржуазном болоте, лучше быть революционером. По наблюдениям Дженни, революционность, по Кевину, заключалась в том, чтобы курить много травки, разрисовывать стены краской из баллончиков и портить дорогие машины. В итоге это должно было подорвать капиталистическую инфраструктуру, которая уничтожает планету,— правда, как это должно произойти, Дженни представляла себе плохо.

Однако сейчас Кевин вроде бы к ней не цеплялся, а выпускал пар, разнося долбаный Альянс, в котором ни черта нужного не делают, а только целыми днями чешут языки. Особенно доставалось Луне, по его мнению, ни хрена не смыслившей в том, чем она занималась, и вообще насквозь фальшивой, выпендривающейся буржуазной сучке. При этом он беспрестанно затягивался травкой, что Дженни не нравилось. То есть вообще-то она ничего против этого не имела, но не сейчас, когда он сидел за рулем машины на оживленной трассе. Правда, заикнуться об этом ей не приходило в голову, ибо однажды, когда она попробовала это сделать, он объявил ее дерьмовой трусихой. Может, так оно и было, но только он в тюрьме не сидел, а ее прихватывали за хранение запрещенных веществ, и вновь оказаться в каталажке ей вовсе не улыбалось. Вот и сейчас она отказалась от предложенной им сигаретки, хотя, честно говоря, находясь с ним в кабине машины, и без того надышалась так, что уже почти словила кайф.

К счастью, они благополучно добрались до назначенного места в Роще. Кевин подал фургон задом к площадке перед библиотекой, и Дженни увидела, что Эванджелина Варгос уже ждет на ступеньках библиотеки, читая книгу. Это была маленькая, хрупкого телосложения очаровательная женщина с густой копной каштановых, с белыми проблесками волос, с зелеными глазами, кожей гладкой, как слоновая кость, и точно такого же цвета.

Она была в белых джинсах, с виду дорогих, в белых сандалиях с затейливо переплетенными ремешками и в футболке с эмблемой «Лесной планеты». Она всегда носила множество блестящих золотых украшений. При виде ее Дженни испытала некоторый душевный подъем, поскольку считала Джели Варгос лучшей подругой. Вообще-то из-за того, что в детстве ей пришлось часто перебираться с места на место и менять приемные семьи, она, в сущности, не знала, что такое настоящая дружба. Но Джели, по крайней мере, с готовностью вы-

слушивала истории о ее невзгодах и рассказывала свои, в основном о неприглядных нравах, царящих в среде богатых кубинцев, и о том, как она поссорилась с родней, потому что не захотела выходить за того козла, которого ей пытались навязать.

Джели увидела их, встала, помахала рукой, а потом спустилась, чтобы помочь им разгрузить фургон. Дженни удостоилась поцелуя в щеку, а Кевину досталось слегка насмешливое приветствие, на которое он отреагировал саркастической усмешкой. Кевин и Джели не ладили, но, судя по сериалам, в которых лучшая подруга героини непременно была в размолвке с ее парнем, такое было обычным делом. Дженни считала это доказательством того, что она наконец живет своей собственной, настоящей жизнью. Поэтому все поползновения убедить ее не иметь дела с этой кубинской буржуазной потаскушкой успеха не имели, как, впрочем, и уговоры со стороны Джели найти себе другого, приличного парня. Ей просто было приятно знать, что кто-то достаточно высокого мнения о ней, чтобы поверить, будто она способна сама изменить свою жизнь.

Они выгрузили длинный складной стол, три складных стула, большой, состоящий из четырех панелей, демонстрационный стенд, коробки с литературой «Лесной планеты» и миниатюрную акустическую стереосистему. Кевин включил систему, поставив этническую музыку Анд: костяные флейты, окарины, двойные барабаны. Женщины установили стенды, повесили плакат «Спасите дождевые леса» с эмблемой Альянса — сине-зеленым шаром с торчавшими из него деревьями — и развесили большие ламинированные фотографии с изображениями обитателей дождевого леса и туземцев в головных уборах из перьев. Снимки сделал Найджел Кукси во время своих многочисленных посещений этого региона. Пояснительные тексты на стендах рассказывали о флоре и фауне джунглей и о том, какая опасность угрожает этому уникальному

природному комплексу. Имелись и другие снимки, фиксировавшие опустошение, оставленное там, где побывали лесозаготовители. Рядом с изображениями бульдозеров и поваленных столов висели карты и графики, демонстрировавшие темпы сокращения лесных территорий.

Луна сама изготовила этот стенд под изумленным взглядом Дженни. В первый раз в жизни Дженни увидела, как кто-то делал что-то оригинальное из ничего — то есть нечто более сложное, чем приготовление еды, пришивание пуговиц или вклеивание вырезок в альбом. Луна и придумала все это, и воплотила свои идеи в материальную форму, использовав компьютер, принтер и устройство для ламинирования. Каркас стенда был заказан по Интернету — и вот тебе на! Задумка обернулась реальностью. И откуда только люди знают столько всякой всячины?

Джели тоже чего только не знала! Она была выпускницей кафедры морской биологии, собиралась работать в области экологии моря и знала кучу историй о том, что делают рыбы, когда они остаются одни. Джели постоянно уговаривала Дженни вернуться в школу, получить образование и распорядиться своей судьбой с толком, словно Дженни была такой же мозговитой, как и она. На самом деле, конечно, ничего подобного не было, но девушке все равно было приятно, что кто-то о ней так думает.

— Ты очень наблюдательна,— повторяла Джели,— и умеешь чувствовать животных.

Дженни не вполне понимала, что это значит, но все равно слушала с удовольствием.

Установив стенд, расставив столы и разложив материалы, обе женщины сели на стулья и стали поджидать, как говорил Кевин, «тех лохов, которые клюнут на всю эту лабуду».

Стояло прекрасное, погожее декабрьское утро, центр Кокосовой рощи наполнялся туристами и гуляками, и вскоре Дженни и Джели уже вели с некоторыми из них разговоры. Дженни сосредоточилась на детях. Ей всегда удавалось на-

ходить с ними общий язык по причине, как говорил Кевин, ее собственного инфантилизма.

Она увлеченно рассказывала о различных изображенных на стендах существах и их интересной жизни. Кевину, как обычно, все это быстро надоело, и он выразил намерение пойти посмотреть, что происходит в парке. Возле засаженной травой территории перед бухтой стояли несколько полицейских тачек и фургон службы контроля за животными.

Он перешел улицу и скрылся в толпе, и Дженни слегка забеспокоилась, полагая, что Джели не упустит возможности за спиной Кевина пройтись на его счет, но когда она, проводив его взглядом, снова повернулась к стенду, то забыла обо всем.

Перед стендом, уставившись на очаровательно отрешенную физиономию ленивца, стоял индеец. Правда, без всяких там перьев — в поношенном, застегнутом на все пуговицы черном костюме, с перекинутым через плечо сетчатым мешком и видавшим виды матерчатым чемоданом у ног. Он слегка коснулся фотографии и поднес кончик пальца к носу.

— Это ленивец,— сказала Дженни.— Они живут на деревьях.

Повернув голову на ее слова, он внимательно присмотрелся к ней, она, в свою очередь, обратила внимание на его татуированное лицо с тремя линиями на каждой щеке и двумя короткими вертикальными отметинами на лбу, и их глаза встретились. Она непроизвольно отвела взгляд, и он упал на фотографию, изображавшую представителя племени яномами, и снова уставилась на индейца. Тот по-прежнему смотрел на нее. Девушке стало не по себе, ее неожиданно пробрала дрожь, и она поспешно опустила глаза, хотя искоса продолжала наблюдать за незнакомцем. Он изучал фотографии на стенде, разглядывая каждую,— дольше всего его взгляд задержался на снимке ягуара.

— Джели,— пробормотала она вдруг севшим от волнения голосом,— взгляни-ка на того малого в черном. Больно уж он похож на тех ребят с наших снимков.

Джели подняла голову от петиции, которую она только что уговорила подписать нескольких туристов, и оглядела индейца.

— Господи, ты права. Какого черта он делает в Майами?

— Можешь его спросить. Хотя вряд ли он говорит по-английски.

Тем временем индеец сам отошел от стенда, подошел к молодым женщинам, что-то сказал им, и Джели, хоть и не сразу, сообразила, что он, пусть нескладно и с чудовищным акцентом, но говорит на ее родном языке, по-испански. По-испански же она и ответила.

— Простите, сэр, я не поняла вас.

— Мне нужно быть в «Консуэла Холдинг»,— старательно выговаривая слова, произнес индеец.— Говорить там с людьми. Сказать им, чтобы они не... не...

На его лице появилось выражение досады, но потом он подошел к стенду и ткнул пальцем в фотографию, на которой была запечатлена рубка леса.

— Чтобы они не делать так. В Паксто.

— Так вы из Паксто?

Смуглое лицо просияло.

— Паксто, да. «Консуэла» не должны... творить такой сивикс. Запрет.

— Что он говорит? — спросила Дженни.

— Точно не знаю. Поняла только, что он явился из заповедника Паксто, это в Колумбии. Похоже, он хочет, чтобы мы остановили кого-то, собравшегося рубить в Паксто леса.

— Что ж, тогда он обратился по адресу,— уверенно заявила Дженни.

— Ну да, но господи, это так странно.

С остановками и перебоями она стала переводить слова индейца. Выяснилось, что его зовут Хуан Батиста и что он живет в деревне рядом с рекой, о которой Джели никогда не слышала. Они убили отца Перрина, но после того, как отец Пер-

рин умер, он рассказал ему, что «Консуэла Холдинг» собирается вырубить весь лес на Паксто, чтобы мертвые люди смогли купить много мачете и бутылок с писко. Поэтому Ягуар велел ему собраться в дорогу. Он на каноэ спустился по реке к еще одной большой реке, а потом к морю, и «Гайана Кастл» доставил его в Майами-Америку. И теперь женщины должны отвести его в «Консуэлу», потому что ему нужно поговорить с людьми, нанизанными на нить, а потом вернуться обратно к рунийя, ибо находиться в стране мертвых людей очень тяжело из-за... чего-то уж совсем непонятного.

— Риуксит,— повторил индеец, показав жестом на небо, на землю, потрогал, подбежав, все снимки животных и растений, потом коснулся сердца, сжал кулак и решительно прижал его к груди Дженни.— Как эти... все как тут,— сказал он.— Здесь, в Майами, не...

Его рука произвела плавное движение.

— Что? Что он говорит? — спросила Дженни.

В груди, там, где индеец коснулся ее, возникло странное ощущение.

— Трудно понять, очень все туманно. Подожди здесь секунду. Я кое-что проверю.

С этими словами она взбежала по ступенькам в библиотеку. Дженни улыбнулась Хуану Батисте, который печально смотрел вслед Джели.

— Она сейчас вернется. Мы действительно хотим помочь тебе, приятель.— Девушка встала и указала на карту Амазонии.— Ты можешь показать мне, откуда ты прибыл?

Никакой реакции. Дженни указала на себя и сказала:

— Я Дженни. Ты можешь произнести «Дженни»?

Ответом был ничего не понимающий взгляд, но ее не обескуражило и это. Ей доводилось жить вместе с приемными детьми, отставшими в умственном развитии, и она прекрасно с ними ладила. Тут главное — не спешить.

Она указала на один из снимков.

— Это орхидея. Скажи «ор-хи-де-я»!

Она жестом показала на свой рот и произвела рукой несколько открывающих и закрывающих движений. И кажется, не напрасно — в его глазах что-то блеснуло.

— Маленький Брат Крови,— произнес он на своем языке и продолжил: — Это очень полезное растение. Мы измельчаем клубни, вымачиваем кашицу в тростниковом спирте, а потом варим из нее сироп. Помогает от ломоты в костях, поноса, жара, кашля, несварения, а также для заживления ран и чирьев.

— Хорошо,— с улыбкой сказала Дженни.— А мы называем его ор-хи-де-я. А это обезьяна. Ты можешь произнести «о-безь-я-на»?

У него получилось, так же продвинулось дело и с остальными снимками. Глядя на ягуара, индеец сказал:

— Знаешь, он очень опасен. Сдается мне, Ягуару вряд ли понравилось бы то, что вы так пленили его душу. Может случиться беда.

Дженни улыбнулась и кивнула. По крайней мере, он разговорился.

Кевин вернулся с возбужденным видом.

— Послушай, они нашли на дереве голову енота, а вокруг кишки и кровища — жуть! Копы думают, наверное, это была стая диких собак или бездомные ребята решили поохотиться. А это еще что за тип? — спросил он, указав на индейца.

— Его зовут Хуан Батиста. Он родом из Амазонии, и мы хотим помочь ему помешать лесопромышленной компании вырубить его родной дождевой лес.

— Издеваешься надо мной, да? Дерьмовые у тебя шуточки. Где ты его откопала?

— Он сам объявился. Это своего рода судьба.

— Ну да, верно, судьба. Ты сказала ему, что мы не занимаемся дерьмом, а?

Он обратился к индейцу:

— Не тудас пришелос, лос приятель. Лос не нашес делос рубитто лос лесос, лос нашес только болтатто дель языкос и раздаватто лос брошюрос.

— Но, Кевин, ведь как раз сейчас у нас появился шанс принести реальную пользу. Я вообще не понимаю, почему ты всю дорогу всем недоволен. Если хочешь знать, этот малыш назвал нам компанию, которая этим занимается, и говорит, что она находится здесь, в Майами.

Джели Варгос вернулась, ее лицо светилось.

— Я посмотрела, и все подтвердилось. В Майами существует компания под названием «Консуэла Холдинг», и у них есть офис на авеню Северный Майами, пятьсот сорок. И я посмотрела в Сети заповедник Паксто. Там вообще не планируется производить никакой вырубки леса, так что это, должно быть, незаконная вырубка. Господи, Руперт из-за этого с ума сойдет.

— Ага, разошлет письма в газеты, в этом и выразится его долбаное сумасшествие,— хмыкнул Кевин.— Ну а если заведется по-настоящему, то попытается получить интервью на Национальном радио. Послушай, у меня возникла идея. Ну-ка завалимся в эту долбаную контору и сунем ублюдкам под нос свидетеля их преступлений. Очная ставка, вот как это называется. А что, адрес у нас есть.

— Я не думаю, что это хорошая идея,— скривилась Джели.

— О, охренеть, какая хорошая!

Он повернулся к индейцу:

— Послушай, приятель, мы двинем прямо сейчас, ладно. Ломанем в «Консуэлу», скажем им, чтобы не рубили твои деревья, о'кей? Ты поедешь с нами, хорошо? Pronto, Consuela, con me.

— Consuela, pronto, sí,— сказал индеец, произведя головой движение, видимо, означающее согласие.

Кевин повел индейца к фургону.

— Кевин, кончай дурью маяться,— проворчала Джели.— У нас здесь стенд, все материалы: как, черт возьми, мы все это увезем, если ты возьмешь да укатишь? И ты не говоришь по-испански — ты не поймешь, что происходит.

— Если хочешь знать, я этот испанский целый год в школе долбил, вот так!

Он усадил индейца на откидное сиденье и прыгнул за руль.

— Кевин, и правда, что ты дуришь? — сказала Дженни.— Это нелепо. Нужно все здесь собрать и ехать вместе. И не сразу туда, а сначала обсудить все, наметить план — с Рупертом и другими.

Кевин запустил мотор, выхлопная туба выпустила мощный шлейф едкого дыма.

— Девчонки, постарайтесь подписать все эти петиции,— прокричал он,— а мы с Тонто* отправимся в логово губителей природы и хорошенько надерем им задницы! ¡Viva la revolución!

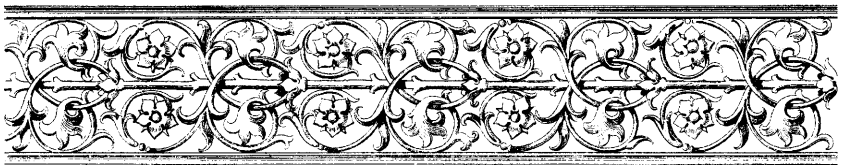
С этими словами он газанул и умчался, прежде чем они успели еще что-то сказать.

Мойе невозмутимо сидит в фургоне, испытывая удовлетворение. Внутри закрытой моторной повозки он оказался впервые в жизни, но это не пугает его и не производит особого впечатления. Ему, конечно известно, что машины уай'ичуранан сильны и быстры, но он не думает, что они добавляют уай'ичуранан счастья. Но важно не это: Ягуар говорил, что он найдет среди мертвых людей союзников — так оно и вышло.

У мертвого человека рядом с ним его смерть зажата глубоко внутри него, хотя он и очень молод. А еще он очень шумный — беспрестанно издает ртом обезьяньи звуки и вдобавок к этому, прикасаясь к разным частям своей машины, напол-

* Индеец, персонаж телевизионной программы «Одинокий рейнджер». *(Прим. пер.)*

няет скрежетом ее внутренности. Это какое-то болезненное жужжание и стук, похожий на барабанный бой, но, в отличие от барабанного боя его соплеменников, лишенный всякого смысла. Ему немного жаль, что здесь нет той женщины с волосами огненного цвета, не той, которая говорит по-испански, хотя и та и другая были бы предпочтительнее этой обезьяны. Огненноволосая женщина не совсем мертва, на самом деле она немного похожа на отца Тима. Он почти видит тень ее смерти за ее плечом, на обычном месте, и невольно задумывается: как же это вышло, что она, живя в странę мертвых, остается до такой степени живой?



3

В холле бизнес-центра Кевин, чувствуя на себе взгляд охранника, посмотрел на висящий под стеклом у стойки охраны список офисов, нашел нужную строку и обратился к индейцу.

— У тебя ведь есть имена этих парней, верно?

Ответом ему был непонимающий взгляд. Ах да, испанский.

— ¿Quienes los hombres de Consuela?

Все тот же пустой взгляд. Он выругался, и взгляд охранника сделался более суровым.

— Нет, вот так: ¿Como se llaman los hombres malos, los jefes de la Consuela?

На коричневом лице отразилось понимание, и индеец вынул из своего мешка отрезок завязанной узлами веревки из древесных волокон. Развязывая каждый узел, он произносил имя: Фуэнтес, Кальдерон, Гарса, Ибанес. Кевин посмотрел на список.

— О'кей, нашел Антонио Фуэнтеса. Давай, Тонто, поедем и зададим им жару.

Они поднялись на лифте на двадцать третий этаж. Индеец был очень спокоен, Кевин, напротив, от нетерпения пританцовывал и насвистывал. Когда лифт остановился, они вышли и направились по коридору, глядя на двери, пока не нашли ту, на которой позолоченными буквами значилось «Консуэла Холдинг». Зайдя внутрь, Кевин огляделся по сторонам, и увиденное его разочаровало. Вообще-то его зна-

комство с хищническими транснациональными компаниями сводилось к тому, что он видел в кино, но эта контора выглядела захудалой по сравнению с банковским офисом его отца. Когда они вошли в приемную, сидевшая за стойкой симпатичная секретарша-кубинка с длинными ногтями цвета лаванды говорила по телефону. Она подняла голову, сказала что-то в телефонную трубку и нажала кнопку.

— Чем могу помочь?

— Ага,— сказал Кевин,— мы хотим встретиться с Фуэнтесом.

На вопрос «А вы договаривались о встрече?» Кевин ответил руганью. Секретарша пригрозила вызвать охрану, но пока она судорожно нажимала кнопки телефона, парнишка схватил индейца за руку и прошел с ним во внутреннюю дверь. За ней оказался маленький коридорчик, потом еще одна дверь, которая вела в просторный угловой офис, из окон которого открывался вид на залив. За большим письменным столом из красного дерева сидел низкорослый смуглый мужчина с густой седой шевелюрой, в очках с толстыми линзами в роговой оправе.

Кевин с порога набросился на него с обвинениями, заявив: дескать, всем прекрасно известно, чем они тут занимаются, что вырубка влажных тропических лесов незаконна, тем более в заповеднике Пакстo, и что этот человек (тут он ткнул пальцем в индейца) является живым свидетелем их преступных деяний, и если понадобится, они и в ООН обратятся, и пикеты организуют, и демонстрацию проведут...

Спустя три минуты, которых ему хватило, чтобы произнести гневную проповедь насчет того, что судьба планеты важнее корпоративных прибылей, Кевина выставили. При этом человек за столом вообще не произнес ни слова, он лишь смотрел на двоих незваных гостей без всякого выражения, разве что с легкой скукой в глазах, какая бывает у человека, ожидающего поезд. Потом в офис вошли трое рослых мужчин в сине-серой униформе и заявили, что все должны по-

кинуть помещение. Кевин сказал, что он не уйдет без письменной гарантии того, что все незаконные вырубки в заповеднике Паксто будут прекращены. Тут один из охранников схватил его за правый рукав и запястье и сделал что-то, причинившее Кевину такую сильную боль, что он опустился на колени и был вынужден сконцентрироваться на том, чтобы не обмочиться. Индейца никто не тронул. Впрочем, он-то, не рыпаясь, дал себя вывести, в то время как Кевин орал, дергался и сыпал угрозами, выполнить которые было, разумеется, не в его силах.

Когда он гнал машину назад, в Кокосовую рощу, его пострадавшее запястье продолжало болеть, не говоря уж о том, что в лифте один из церберов пару раз съездил ему по почкам, но молодой человек все равно ощущал подъем, какого уже давно не испытывал. Фашисты наконец показали свое истинное лицо, он столкнулся с насилием и жестокостью, которые подтверждали то, что до сих пор было для него областью фантазий. Жаль, конечно, что не пролилась ничья кровь, но и побитая физиономия способна вызвать сочувствие и симпатии, а они и есть ключ к реальному политическому действию.

Пока он ехал, его гибкий ум извратил события недавнего прошлого, и он сам поверил в то, что якобы на лице Фуэнтеса вместо презрительной скуки появился страх и что тот вместо высокомерного молчания попытался оправдать свои гнусные преступления. Да куда ему — Кевин буквально уничтожил его своими блестящими доводами, которые как раз сейчас он обдумывал. Да, а когда охранники попытались его вывести, он показал им несколько приемчиков из арсенала боевых искусств, а к индейцу этим фашистам даже прикоснуться не удалось — он уклонялся от них с помощью диковинных движений, такие только в джунглях и увидишь. Короче говоря, они покинули офис победителями, с гордо поднятой головой, как двое героев, предпочитающих реальные действия болтовне.

Тут он бросил взгляд на маленького человека, сидевшего рядом с ним. Вот с ним проблема: если привести его обратно, то его затащат в усадьбу, где многие захотят с ним поговорить. Луна знает испанский, профессор тоже, а это может все испортить. Но, с другой стороны, зачем везти его обратно? Кто вообще знает, что на уме у индейца?

Кевин свернул с набережной на Мак-Фарлэйн и тут увидел, что стенда перед библиотекой уже нет — видимо, девчонки позвали Скотти, и он заехал за ними на грузовике. Но Кевин все равно припарковался на прежнем месте, вышел из кабины и сказал индейцу:

— Vámanos, tenemos buscar las mujeres. Надо пойти поискать женщин.

Он обошел машину кругом и открыл дверь со стороны пассажира.

— Ну давай, приятель, ищи, vamos, обойди с другой стороны. Там посмотри. Busca allí.

Жестом объяснив глупому индейцу, чтобы тот обошел здание с восточной стороны, и, дождавшись, когда тот уйдет, Кевин зашел в здание и выждал, озираясь по сторонам, секунд тридцать, успев за это время придумать объяснение: «Черт, я же не знаю, куда он подевался. Вас не было, мы стали вас искать, я зашел в библиотеку, а этот парень пропал, как сквозь землю провалился. Где мне было его искать?»

Когда он въехал на территорию усадьбы, все высыпали ему навстречу, хотя после того, как выяснилось, что индейца с ним нет, настроение изменилось, и его рассказ не произвел на них особого впечатления. А Луна и вовсе взбеленилась: если обычно, особенно в присутствии Руперта, она все-таки придерживала язык, то уж на сей раз отвела душу, не стесняясь в выражениях. Кевину было заявлено, что он безответственный, тупой, ленивый, лживый, безнадежный кусок паршивого дерьма, бездарно упустивший лучший шанс на удачу, ко-

торый вообще мог им выпасть,— живого свидетеля безобразий, творимых в дождевых лесах. Человека, о котором они могли бы писать статьи! Человека, который мог бы выступать с ними на телевидении. Это ж подумать только! Индеец проделал путь в три тысячи миль, причем бóльшую часть пути на каноэ, чтобы спасти свой лес и свой народ, преодолел немыслимые препоны, избежал неописуемых опасностей — и все для того, чтобы, добравшись до западного мира, нарваться здесь на самого тупого кретина, какого только можно было найти!

Она изрыгала поток ругательств невесть сколько времени, Кевин, не имея оправдания, непристойно отбрехивался, Руперт то и дело безуспешно пытался вставить хоть слово, Скотти взирáл на происходящее с презрительным удовлетворением, профессор выглядел озадаченно, а по лицу Дженни медленно текли слезы, пока Кевин, потеряв терпение, не запустил цветочным горшком в стену. В молчании, которое последовало за этой его выходкой, он, не прекращая ругаться, вышел вон и удалился в их с Дженни коттедж, громко хлопнув за собой дверью.

— Он должен уйти, Руперт,— сказала Луна вслед ему.— Он ленивый сукин сын, ничего не делает, только валяется и курит травку и портит нам репутацию, а уж эта последняя выходка совершенно непростительна. Иисусе! Мы могли бы столько узнать от него, мы могли приютить его...

Она подняла глаза к небесам и в раздражении сжала кулаки (зрелище было не из приятных), после чего обратилась к Руперту:

— Итак? Скажи, пожалуйста, можем мы избавиться от него?

— А как насчет Дженни?

Это сказал Скотти, и Луна наградила его сердитым взглядом.

— А что Дженни? — торопливо сказала она.— Никто не имеет ничего против Дженни.

Дженни шмыгнула носом и мрачно сказала:

— Я здесь без Кевина не останусь.

— Что сделано, то сделано, Луна,— произнес Руперт в своей спокойной, сводящей с ума манере.— И если уж мы, горстка единомышленников, не можем ужиться друг с другом, то чего ждать от целого мира? Разве не так, Найджел?

— Именно,— ответил, помолчав, профессор Кукси, после чего извинился и удалился в свой кабинет.

— Что ж,— сказал Руперт,— давайте сделаем паузу и успокоимся, хорошо? Дженни, не могла бы ты... э-э... заняться этим растением?

И они все разошлись по своим берлогам, оставив Дженни одну в патио смотреть на разбитый цветочный горшок и россыпь земли на кроваво-красных плитках.

Ночь. Мойе лежит в гамаке, подвешенном в ветвях высокой смоковницы в Павлиньем парке Кокосовой рощи. Он наблюдает за тем, как луна поднимается из моря, видит, что Ягуар почти вернулся после визита к Дождю, и по этому знаку рассчитывает, сколько времени прошло с тех пор, как ему пришлось покинуть Дом. Он вспоминает слово «одинокий», ощущает чувство, которое оно представляет, задумывается, вернется ли он туда, а еще думает об Огненноволосой женщине, о том, увидит ли он ее снова. Он ощущает в носу ее запах и полагает, что легко может найти ее даже здесь, в краю невыносимой вони. Если понадобится.

Но сейчас он вспоминает другой запах, запах, который тоже был впитан им в этот странный день, запах того человека — Фуэнтеса. Разумеется, слова, сказанные Обезьяньим парнем Фуэнтесу, были ему непонятны, но смысл был совершенно ясен, как и смысл ответа Фуэнтеса. Он ощущает, как в нем нарастает гнев Ягуара, и испытывает слабое сочувствие к этому человеку, как бывало у него порой, когда они приносили в дар богу маленькую девочку. Печально, конечно, но необходимо, а почему — не ему судить.

Он продолжает жевать жвачку собственного приготовления и спустя несколько минут чувствует, что бог начинает овладевать его телом. Мойе никогда ни с кем не обсуждал это явление. Он не знал никого, принимавшего в себя Ягуара, кроме своего старого учителя, который давно умер. Да и когда тот был жив, они это не обсуждали, как не утруждали себя разговорами о собственном дыхании или циркуляции крови.

Мойе ощущает, как немеют кисти его рук и ступни, волны онемения текут от периферии к центру и сходятся в одной определенной точке в его животе. Звуки и запахи тают, зрение ослабевает, все вокруг тускнеет, сужается до одной точки, проваливается во тьму, а потом зрение возвращается, но это уже другое зрение, и он видит со стороны свое обмякшее тело с бессильно свисающими конечностями. Мойе глядит на него с интересом, не отличимым от того интереса, с которым он смотрит на кору дерева, его листья, на маленьких, ползающих среди них ночных насекомых, как наблюдает за движением луны сквозь облака. Он свободно парит в природе, безразличный, а потому и полностью воспринимающий и ее благодать, и ее ужасы. В этом состоянии глубокой отстраненности он прозревает еще не воплотившуюся сущность Ягуара.

Сначала он видит человека на дереве, а потом происходит нечто, хотя слово «происходит» не точное, ибо подразумевает некую продолжительность, тогда как это явление существует вне рамок обычного времени: его место занимает золотистый, в черных пятнах кот, который почти вчетверо тяжелее спящего в гамаке человека. Личность Мойе пребывает внутри этого существа, удерживаемая воспоминаниями в сознании бога. Он вспоминает то, что случится, как мы вспоминаем сны.

Со светящейся высоко в ясном небе восковой луны Ягуар спускается на смоковницу, затем подобно овеществленному сгустку лунного света вытекает из парка и направляется на юг, скользя через спящие дворы, через стены и изгороди, сопровождаемый хором неистового собачьего лая. Натыкаясь

на водоемы, он либо отклоняется к западу, огибая препятствие, либо, будучи прекрасным пловцом, преодолевает его вплавь. В такой поздний час ночью людей в окрестностях мало, они спокойно спят, укрывшись за дверьми, запорами и сигнализацией. Остановившись на берегу очередного канала, Ягуар принюхивается.

Антонио Фуэнтес беспокойно ворочается в постели в своем прекрасном доме на набережной канала: ему никак не удается выбросить из головы того проклятого индейца. Раскричавшийся американский сопляк — это пустое место, но вот про индейца этого не скажешь. С другой стороны, и американец не должен был бы знать даже о самом факте рубки деревьев в Паксто, не говоря уж о том, что за спиной осуществляющих эту рубку колумбийцев стоит «Консуэла». Было несколько подставных корпораций, созданных специально для того, чтобы затуманить эту связь, так каким же образом невежественный индеец и pendejo, задиристый молокосос, смогли до этого докопаться? Ответ напрашивается сам собой. Не могли — а значит, их пытается достать кто-то, имеющий связи там, в Колумбии. К сожалению, когда имеешь дело с колумбийцами, сталкиваешься с полным отсутствием не то что каких-то там законов, но даже коррупционных правил, и поэтому человек со стороны просто не способен понять, подмазал ли он всех тех, от кого зависит, чтобы ему не подгадили. Поэтому и приходится привлекать таких типов, как Хуртадо.

Он выскальзывает из постели, накидывает халат и подходит к балконной двери своей спальни. Его жена шевелится, но не просыпается. Они оба принимают на ночь снотворное, и ему хочется надеяться, что нынче ночью еще одна таблетка не понадобится. Иначе с утра он будет как пьяный, чего решительно не может себе позволить, ведь им назначена встреча всех принципалов «Консуэлы». Необходимо обсудить угрозу, возникшую в связи с инцидентом в офисе, причем лучше бы

обойтись без привлечения колумбийцев. На протяжении своей карьеры Фуэнтес неоднократно нарушал закон, но с настоящим наркобароном связался в первый раз. Хотя официально, на бумаге, никакой связи нет. Ему самому это не нравится, но потенциальные барыши огромны, и, в конце концов, нельзя сказать, что они сами занимаются торговлей наркотиками. Может, конечно, фактически и занимаются, но важно то, что ему нет необходимости ничего об этом знать. Его главная задача — позаботиться об изоляции и, если она где-нибудь повредилась, подлатать. Чертова крикуна, если уж на то пошло, найти будет нетрудно.

Фуэнтес открывает дверь и выходит на маленький балкон. Воздух свеж и насыщен ароматами расцветшего ночью жасмина и морской воды. Отсюда, со второго этажа, открывается прекрасный вид на водную гладь, благо ночь ясная, с плывущей высоко над единственной линией облаков луной. На востоке видны огни Ки-Бискейн и Кэйп-Флорида. Бывало, что хождение по балкону помогало Фуэнтесу, он уставал и засыпал без снотворного.

Он делает несколько шагов и резко останавливается. Что-то не так. Что? Что он упустил из виду? Изумрудный огонек свидетельствует о том, что сигнализация включена и работает исправно. Дом под надежной охраной. Потом, услышав над головой скребущий звук, он испуганно дергается, но тут же позволяет себе смешок, осуждающий это проявление слабости. Еноты. Придется снова вызывать человека с ловушками. Надо же, однако, каким дерганым сделало его это, в общем-то, мелкое происшествие.

«Я нервничаю, как кот»,— думает он про себя и начинает расхаживать по балкону.

Десять футов в одну сторону, поворот, десять в другую. Пока он ходит, в голове его мелькают цифры — в их команде он счетовод. Кальдерон ведет колумбийские контакты. Гарса изыскивает первоначальные средства. Ибанес знает пути превра-

щения древесины в наличность, потому что по-прежнему существует достаточно людей, чье стремление заполучить превосходное красное дерево заставляет их не задавать глупых вопросов о том, откуда оно берется. Другое дело, что было бы неплохо располагать обзорным отчетом о территории, знать, сколько деревьев можно получить с гектара, и так далее, чтобы иметь более четкую картину.

Конечно, средние цифры позволяют делать прогнозы, но до них дошли слухи о том, что в Паксто плотность леса необычайно высока, цифры просто невероятные, аж по четыре ствола на гектар. Он производит мысленный подсчет. Площадь Паксто равна тысяче двумстам квадратным милям. Если считать по двести пятьдесят девять гектаров на квадратную милю, то при плотности четыре дерева на гектар общее количество стволов составит более миллиона. Возьмем средний радиус в полтора метра, а высоту в тридцать — получается по двести кубометров великолепной древесины с каждого...

От этих подсчетов его отрывает звук, донесшийся сверху, кто-то скребется по черепичной кровле.

Он поднимает глаза к крыше, ничего не видит и снова принимается расхаживать, и мысль его сводится к двумстам миллионам кубических метров первосортного, зрелого красного дерева. Боже мой! Правда, выбрасывать все это на рынок сразу нельзя, иначе цена может упасть. А нынешняя составляет полторы тысячи долларов за куб...

Подсчеты прерывает очередной звук, очень похожий на урчание кота, только гораздо громче.

Аррррах. Ррррррррах.

Фуэнтес снова поднимает глаза. Нет, это не енот.

Джимми Паз зашел в кухню своего ресторана «Гуантанамера» (на самом деле принадлежавшего его матери) и обвел помещение наметанным взглядом. Была среда, подавали салат из морепродуктов, острую похлебку из овощей и мяса и ту-

шеную говядину — блюдо, рецепт которого передавался в семье из поколения в поколение. Оно было особенно популярно среди местных приверженцев традиционной кубинской кухни. Цезарь, шеф-повар, обрабатывал дары моря, которые шли в салат,— лобстер, каменный краб, креветки, кальмары. Рафаэль, помощник, резал и очищал от кожуры фрукты и коренья — ксантозома, обычная и белая, юкка, зеленый банан, тыква и ямс, с которым тушили мясо. За разделочным столом, к удивлению Паза, находилась Амелия, которая вырезала цветы из маринованных грибов и редиса, резала лимоны для украшения салата. Она стояла на табурете, и фартук прикрывал розовые кроссовки, потому что росточек ее составлял всего три фута четыре дюйма.

— Почему ты не в школе? — спросил Паз.

— Нет сегодня занятий, я тебе говорила, папа. А после ланча мы собирались поехать на Мэтисон. Ты забыл.

— И правда забыл,— признал Паз.— Ты, наверное, думаешь, что я самый плохой папа на свете?

Девочка на миг задумалась, потом серьезно ответила:

— Не на всем свете. Но ты не должен забывать все подряд. Бабушка говорит, что ты бы забыл свою голову, не будь она прикреплена к шее.

Последняя фраза прозвучала на кубинском диалекте испанского языка, с акцентом Гуантанамо, который так хорошо знал Паз. Обоими языками малышка владела одинаково.

— Я знаю, ты боишься щекотки, и, не будь у тебя в руках ножа, так бы тебя и защекотал,— сказал Паз и был вознагражден смешком.

— Я занята, папа,— отозвалась девочка, теперь подражая матери, доктору Мом, чрезвычайно занятой все дни напролет.

Паз минутку понаблюдал, как его дочка режет овощи. Она работала медленно, но точно и уважала лезвие, не опасаясь его. Ее бабушка разрешила ей чистить морковь в четыре года, и теперь, по прошествии почти трех лет, малышка справля-

лась с делом весьма умело. Нож, который она использовала, был острый, как скальпель, но Паз совершенно не беспокоился на этот счет, ведь, если бы она порезалась, порез был бы чистый, а умение нарезать продукты — необходимый элемент поварского искусства. Правда, в присутствии матери ребенка он эти соображения держал при себе. Паз надел собственный фартук и принялся нарезать мясо для ajiaco: короткие ребрышки, вырезку из бычка и tasajo, соленую сухую говядину.

Спустя четыре часа Паз пребывал в центре хаоса, вместилищем которого со стороны выглядела кухня в разгар процесса приготовления. Трое мужчин и женщина, которые составляли команду кухни в ресторане «Гуантанамера», словно тренированные атлеты, солдаты или каскадеры, работали на грани возможного среди мелькавших ножей, кипящих кастрюль, горелок, изрыгающих вспышки пламени, сковород, разбрызгивающих горячий жир. Официанты кричали, повара кричали в ответ, грохотала посудомоечная машина, а Джимми Паз работал у гриля внутри сформированной им вокруг себя оболочки спокойствия. Перед ним красовалась примерно дюжина кусков отборного протеина — маринованные стейки, свиные отбивные, филеи, хвосты лобстеров, гигантские креветки — все, находившееся в разной степени готовности, жарилось с разной быстротой на гриле, температура которого была различна на участках, отстоявших друг от друга всего на пару дюймов, но в целом постепенно повышалась везде. Все это Паз запоминал и учитывал — в его голове словно работали маленькие, но точные часики с калькулятором. Необходимые действия он совершал машинально, без раздумий, но при этом голова его была полностью очищена от посторонних мыслей. Этот процесс заменял ему религиозную медитацию. Сейчас, не задумываясь о том, что он делает, как не размышляет о плавании рыба, он готовил обед для столика на четыре персоны — лобстер, стейк, свиные отбивные,

горсть тигровых креветок; все было доведено до полной, безупречной готовности одновременно. Он положил каждое блюдо на подогретую тарелку и передал их Иоланде, повару-ассистенту, чтобы сдобрить положенными приправами и передать на раздачу.

Новый заказ, новый, новый — только около двух тридцати темп начал замедляться, потом звуки стихли, на гриле осталось две или три порции, и все закончилось. Паз подошел к раковине, ополоснул водой лицо и двумя глотками осушил банку ледяного пива.

— Папа?

Паз поднял глаза и увидел, что его дочурка переоделась для обеденного зала — теперь она была в черной юбке до пола, пышной, со множеством складок, белой блузке с бэйджиком, на котором крупными буквами было написано «АМЕЛИЯ», и с ярко-красным цветком в светло-каштановых волосах. Маленькая хозяюшка. Этот образ, как и костюм, придумала ее abuela, бабушка, и замысел себя оправдывал: некоторые особо эмоциональные посетители падали на колени, ну а уж начать привередничать при виде такого ангелочка мог бы разве что самый никудышный клиент.

— Дядя Тито сказал, что ему нужно с тобой поговорить,— сообщила девочка,— восьмой столик.

Она ушла. Паз застегнул поварскую куртку, велел Иоланде следить за грилем и последовал за ней.

Обеденный зал «Гуантанамеры» представлял собой высокое, прохладное помещение, выдержанное в бело-золотистых тонах. Ротанговые вентиляторы обеспечивали циркуляцию кондиционированного воздуха, канделябры со множеством рожков, в традиции кубинских заведений, заливали помещение светом. Интерьер ресторана во всем, кроме размера, воспроизводил столовую большой finca, табачной плантации, где до революции работала матушка Паза, а до нее ее мать и бабка, и так вплоть до времен рабства. Паз не брался судить,

в какой мере в этой стилизации присутствовала ирония, но понимал, что она являлась маркетинговым ходом, рассчитанным на ядро постоянной клиентуры: кубинских изгнанников, ностальгирующих по той comidas criollas, креольской еде, которую, по мнению белых кубинцев, готовить по-настоящему могли только чернокожие.

Однако, взяв на себя управление рестораном, Паз понял, что это создает определенные проблемы. Стариков, помнивших Кубу, оставалось все меньше, туристы представляли собой сезонный контингент, а яппи не слишком рвались вкушать в помещении, освещенном как стадион, острую, богатую углеводами и холестерином пищу. Паз, конечно, старался уменьшить интенсивность освещения и калорийность блюд (отсюда салат из морепродуктов), но объяснить необходимость таких действий Маргарите Паз было весьма затруднительно.

Тито Моралес помахал ему со своего места. Как всегда при виде Моралеса, Паз ощутил сожаление, окрашенное завистью и примесью обиды. Этот человек был детективом в Полицейском департаменте Майами, где служил и Паз, пока не ушел в отставку, поняв, что больше не сможет стрелять в людей. Это Паз взял Моралеса в напарники, перевел его из патрульных в детективы, и, хотя теперь у Моралеса был свой напарник, он, бывало, заглядывал к Пазу перекусить и попросить совета в расчете на его мозги.

Паз сел.

— Что ты заказал?

— Ajiaco.

— Ну и как?

— Невероятно. Я просил Мину сделать его пару раз дома, но не получалось ничего подобного твоему.

— Оно и к лучшему. Ты толстеешь, Моралес. Тебе было бы лучше взять салат.

Моралес добродушно рассмеялся. Его веселило, что человек, продающий еду, говорит ему, что он толстый. За семь лет, которые знал его Паз, Моралес из паренька с мальчишеской

физиономией превратился в солидного, плотного тридцатилетнего мужчину, мужа и отца двоих детей, а также пусть не блестящего, не хватавшего с неба звезд, но компетентного, опытного детектива. Ну а для блеска, в случае надобности, можно было привлечь Джимми Паза. Консультации по старой памяти давались бесплатно, платить приходилось только за заказ.

Некоторое время они добродушно чесали языки о семьях, спорте, департаменте, обычном недовольстве копов начальством и новом полицейском скандале, казавшемся очередным эпизодом в нескончаемом сериале под названием «Полиция Майами». И лишь под конец Моралес перешел ко второй причине — не считая пристрастия к тушеной говядине по-кубински,— побудившей его наведаться в ресторан.

— Мы тут вчера ночью сцапали одного чудика. Тони Фуэнтес убит. Ты слышал об этом?

— Читал в «Геральд». Вроде бы хозяин сцепился со взломщиком, и тот сбросил его с балкона. Преступник скрылся.

— Эту версию мы и выдаем,— мрачно буркнул Моралес.

— А о чем умалчиваете?

— Преступник его, можно сказать, сожрал... И мы сомневаемся, что это был взлом.

— Здорово, Тито, у нынешних полицейских головы варят. И то сказать, средний взломщик охотится ведь за драгоценностями или наличными, а не за чьей-то там печенкой.

На лице Моралеса появилось странное выражение, и Паз подумал, что это одна из причин, по которой этот человек никогда не будет первоклассным полицейским детективом,— он был слишком прозрачным. Да и вообще, по сути, обычным малым — в отличие от Паза.

— Откуда ты знаешь, что это была печенка? — спросил детектив.

— Это самая вкусная часть, если ты хочешь слопать жмурика, я тебе говорю как профессионал в сфере питания. А что еще он съел? Или оно съело?

— Сердце, ну, еще и ляжки обгрызены. Зрелище, скажу я тебе, приятель, еще то. Фуэнтес был вскрыт, как консервная банка из-под бобов. Он валялся в своем саду. Кто-то сбросил его с балкона сегодня ночью примерно после часа тридцати. Сначала ему разорвали горло, так что, скорее всего, малый скончался еще до того, как грохнулся в кусты. Во всяком случае, мне хочется в это верить. Жена встала в семь и обнаружила его. Ну, мы, понятное дело, спросили миссис Фуэнтес: что интересного произошло в последнее время помимо этого?

— Видимо, она тебе чем-то не понравилась?

— Ну, Джимми, мы хоть и тупые копы, но не совсем уж полные кретины. Нет, в семье вроде бы все было нормально. Конечно, бизнес есть бизнес, и у него наверняка были недруги среди конкурентов, но мне всегда казалось, что, когда говорят «сожрать конкурента», этого не подразумевают в буквальном смысле. Все у него было как у всех, не без дерьма, но не более того. Во всяком случае, из всего произошедшего с Антонио за последние сутки необычным можно было назвать только одно событие. Парочка парней вломилась в его офис и принялась обвинять его в том, что он губит какой-то природный заповедник где-то в Южной Америке.

— А сами эти ребята были латиноамериканцами?

— Нет, один был гринго со светлой бородкой. Секретарша сказала, похож на хиппи. Разве у нас все еще есть хиппи?

— Он, наверное, считал себя анархистом.

— Да и хрен с ним, главное, он-то и орал. Приметы: длинные светлые волосы, заплетенные в африканские косички, и черная футболка с каким-то логотипом, но по нему его не найти. Им пришлось вызвать охрану, а этот тип был буйный, ни в какую не хотел уходить. Мы, конечно, насели на охранников в первую очередь насчет логотипа, но хрен кто что запомнил. Ну почему все свидетели ни к черту не годятся, ничего вокруг себя не замечают?

— Это потому, что в отличие от тебя они не приучены наблюдать и не знают заранее, что угодят в свидетели. А как насчет второго парня?

— Это был индеец. По крайней мере, на этом все сошлись. Маленький индеец.

— Что, настоящий?

— Настоящий, но у меня, судя по его описанию, возникло ощущение, будто он не местный. Скорее откуда-то с юга. Да, у него на физиономии были татуировки.— Моралес пальцем начертил линии на своих щеках и подбородке.— Такие они делают на Амазонке, верно?

— Тебе виднее.

— Но это не все. Там еще был кот.

— Кот? Ты имеешь в виду место преступления?

— Ага. По крайней мере, так кажется. Здоровенный дикий кот, вроде кугуара или леопарда. Мы сняли отпечатки следов и теперь ждем, когда ребята из зоопарка ответят на запрос. Чудно́, конечно, но и характер ран таков, что их мог бы нанести только большущий котяра. Это я к чему: можно ли выдрессировать дикого кота, чтобы он кого-нибудь загрыз? Помню, мне в школе книжка попалась: там один парень научил обезьяну убивать людей...

— «Убийство на улице Морг» написал Эдгар По. Правда, он все это придумал.

— Ну и как, по-твоему, это понимать?

— Ну, по-моему, тут и понимать нечего. Держит парень дома тигра, кормит его «Вискас» из тунца и однажды говорит так: «Черт побери, на кой хрен я без конца покупаю эти дурацкие жестянки по доллару двадцать девять центов за пару, когда могу совершенно бесплатно кормить свою киску кубинскими бизнесменами?» И они отправились добывать корм.

Моралес коротко рассмеялся.

— Нет, серьезно.

— Серьезно? А ты видишь, в каком я прикиде? Эта белая куртка не наводит тебя на мысль, что я занят в индустрии питания, а не в области расследования преступлений?

— Майор попросил меня спросить тебя, Джимми,— сказал Моралес, изменив выражение лица на серьезное.

— А, майор. Что ж, сейчас я все брошу и действительно сосредоточусь на этом.

Паз произнес это с таким сарказмом, что при этом даже сам ощутил презрение к себе. Когда Паз был детективом и работал под началом майора Дугласа Олифанта, тот относился к Пазу вполне прилично, и он ничем не заслужил таких выпадов. И откуда в нем, Пазе, такая стервозность: характер, что ли, стал портиться?

Он вздохнул.

— Не знаю, чем бы я мог помочь,— сказал Паз более мягко.— То есть как ни крути, а действовать тебе придется традиционными методами. Выяснить, кто у нас держит крупных кошек, и всех их проверить. Второе: искать того загадочного защитника деревьев и его индейца...

— Это само собой, но майор просил спросить тебя: как ты думаешь, существует ли возможность того, что здесь замешан какой-то ритуал?

— По-твоему, я специалист по каннибальским ритуалам?

— Ты знаешь больше меня,— напрямик сказал Моралес.

— Виноват. Но мы вроде бы сошлись на том, что преступник скормил его киске. Где тут ритуал?

— Ладно, пусть не совсем ритуал.

Моралес умолк, и Паз увидел, что на его лице появилось выражение, которое он так часто видел на своей собственной физиономии: полуулыбка, которую мы надеваем, когда собираемся сказать что-то, из-за чего можем показаться глупыми, что-то невероятное или нелепое.

— Значит, здесь нет культа, который, скажем, заключается в поклонении животным и по которому им скармливают людей?

— По-моему, это уже из кино, а не из жизни. И вообще, зачем притягивать за уши еще и ритуал? Если у нас завелся парень, науськивающий на людей ручного тигра, это уже достаточно хреново. Да и маньяк, по какой-то причине желающий, чтобы его убийства выглядели как совершенными тигром, ничуть не лучше.

Помолчав, детектив сказал:

— Проблема еще и в том, что там не было никакого маньяка, вообще никакого парня. Земля внизу мягкая, к тому же в то утро там побывал садовник, разбросал среди растений компост. Так вот, ни единого человеческого следа обнаружено не было. Вдобавок домовладение обнесено восьмифутовым забором, поставленным под сигнализацию. Ворота были на запоре, сигнализация не сработала, взлома явно не было.

— Ну, значит, наша киска работала соло. А что, мог же дикий зверь сбежать из какого-нибудь частного зверинца. Както сообщали о парне, державшем в трейлере четырнадцать полуголодных сибирских тигров...

— ...один из которых удрал, направился прямиком к дому Антонио Фуэнтеса и залег на его крыше, дождался момента, когда человек вышел на балкон, и прыгнул на него, хотя во всей округе полно собак, котов и енотов — жри не хочу! Там же бродили и павлины. Такая уж местность, живности хоть отбавляй. Или, по-твоему, от такой жратвы тигры морду воротят: а подать мне на ужин жирного кубинского бизнесмена!

Паза так и подмывало отпустить по этому поводу что-нибудь едкое, но он отбросил все пришедшие в голову варианты, пожал плечами и сказал:

— Прекрасно. Ты меня озадачил. Но чего ты от меня ждешь, Тито? Да, в Майами случаются чудеса.

— Это еще не все.

Моралес помолчал и, немного смущаясь, продолжил:

— К слову: дело было в полнолуние.

— А, тогда все понятно. Вервольф. Волк-оборотень. То есть в нашем случае тигр-оборотень.

— А разве бывают тигры-оборотни?

— Ну, черт возьми, а волки, значит, бывают? Тито, ты хоть понимаешь, что несешь, а?

Моралес нервно рассмеялся и выкатил глаза, делая вид, будто все он прекрасно понимает и просто пошутил.

— Ну да, конечно, но все-таки, может, до тебя доходили слухи о каком-нибудь культе, в котором используются хищники?..

Паз встал, почувствовав, как все это его утомило.

— Тито, я отроду не скармливал никого хищникам и в таких культах ни хрена не смыслю. Что я хочу сделать сейчас, так это отвезти моего ребенка на пляж. Прости. Передавай привет майору.

С этими словами он вернулся на кухню. Иоланда подала последний ланч, и на гриле не осталось ничего, кроме подгоревшего жира. Чертыхаясь под нос, Паз очистил жаровню с помощью растворителя жира и стального скребка, после чего переоделся в обрезанные джинсы, сандалии и чистую сетчатую футболку и прошел в крохотный кабинет. Девочка уже ждала его, сидя в бабушкином вращающемся кресле, рисуя карандашом на бумаге. Она тоже переоделась в шорты и розовые кроссовки.

— Где твоя бабушка?

— Да там, в буфетной. Снова кричит на Бренду. Она перепутала заказы на столике номер два, и гость разорался.

— Тогда давай выйдем через черный ход,— предложил Паз.

Мэтисон-Хэммок представлял собой участок мангрового леса с широкой глинистой береговой полосой, омываемой невысокими волнами,— один из немногих реликтов Золотого побережья Флориды, сохранивших первоначальный вид. Когда-то почти вся прибрежная линия Южной Флориды выглядела примерно так, но потом белые люди решили, что им

виднее, каков должен быть настоящий пляж. Амелии это место нравилось потому, что она боялась высоких волн, а здесь к тому же было полно живых созданий — несколько видов крабов, морские птицы, медузы и разнообразные моллюски. Она знала, как они называются и их привычки, и увлеченно рассказывала об этом Пазу в манере, потешно напоминающей ее маму. Не так давно Джимми Паз был кем-то вроде Казановы и о детях особо не задумывался, но с рождением этой девочки оказалось, что он, как и многие перевоспитавшиеся бабники, способен быть хорошим мужем для женщины, с которой не так-то легко жить вместе. Что же до отцовства, то всякий раз, когда Паз смотрел на свою дочку, он просто слабел от любви.

Она бегала перед ним на пляже, садившееся солнце отбрасывало перед ней длинную тень, повергавшую в панику стайки манящих крабов, за которыми она гонялась. Кроме того, солнце создавало из ее кудряшек золотистый нимб вокруг ее головки. Она вся была золотистой, от макушки до пят, даже с золотыми глазами. С расовой точки зрения она, дитя мулата, каковым являлся Паз, и белой женщины, считалась квартеронкой, и случись ей родиться на Кубе сто лет тому назад, она отправилась бы прямиком в один из борделей Гаваны. Другое дело здесь и сейчас — у малышки со смешанной кровью не возникло никаких проблем. Однако впереди ее ждала школа. Пазу из-за того, что он был кубинцем, причем ни черным, ни белым, в школьные годы пришлось натерпеться и от тех, и от других, и при воспоминании о «золотых» школьных годках ему до сих пор становилось не по себе. Конечно, мама Амелии, дипломированный врач, настаивала на частной школе, где царит либеральный дух. Паз, правда, не склонен был этим обольщаться, но, в конце концов, разрешать проблемы следует по мере их поступления. Девочка здорова, весела, а там видно будет. Паз обладал ценной способностью отсекать все лишние, тревожные и гнетущие размышления, что

не раз выручало его во время службы в полиции, когда ему довелось столкнуться с жуткими, сверхъестественными явлениями. Недаром же Тито притащился к нему за советом по поводу бедняги, скормленного коту-людоеду. Черт, это тоже нужно отсечь как совершенно лишнее.

Девочку неуклонно тянуло туда, где дюны и береговая трава сбегали к самому заливу. Ей без конца говорили, что туда нельзя бегать босиком, но она все равно бегала и, хотя Паз кричал ей вслед, не слушалась до тех пор, пока не занозила чем-то ногу. А уж тогда заголосила от души. Когда Паз поспешил ей на помощь, она долго не разрешала ему взглянуть на больное место, порываясь ускакать на одной ножке, потом пыталась не дать вытащить занозу, а по совершении этой насильственной операции устало захныкала и потребовала отнести ее обратно на их подстилку.

Это было сделано им с радостью: Паз понимал, что не сможет носить дочку на руках всю жизнь, и дорожил каждым таким предлогом. Добравшись до места, он предложил ей укрыться розовым застиранным детским одеяльцем, и она, возразив, правда, что уже большая, в конце концов свернулась калачиком у него на руке, натянув на себя потертое одеяльце, и в считанные минуты уснула. Паз попытался почитать новости в журнале, но после десяти минут попыток разобраться в последнем корпоративном скандале задремал и сам.

Проснулся он в панике: Амелии на месте не было. Паз вскочил на ноги, посмотрел на берег и, увидев красный купальник, почувствовал облегчение. Пляж понемногу наполнялся людьми: кто-то заехал сюда после работы, подтянулась пара семей, кучка подростков перебрасывала летающую тарелку, на отмели плескались детишки в компании черного лабрадора. Амелия была занята разговором с мальчиком, стоявшим в пластиковой лодке, покачивавшейся на волнах не-

подалеку от берега. Лабрадор остервенело лаял на них, но без всякого результата. Паз направился к воде и, подойдя поближе, увидел, что это вовсе не мальчик, а очень низкорослый взрослый индеец, коренастый, темнее, чем Паз, с прямыми иссиня-черными волосами и отметинами на лице. На его шее что-то болталось на веревочке. Когда Паз оказался в двадцати футах от них, человек оттолкнул лодчонку алюминиевым веслом, которое держал в руке, и, стоя на корме, быстрым, странным с виду движением лопасти направил ее прочь от берега.

— Кто это был, детка? — спросил Паз.

— Просто человек. Он смешно говорил.

— У него смешной английский?

— Нет, смешной испанский. Я почти не поняла, что он говорил. Сказал, будто у меня прекрасный... ачаурит, или что-то такое. Ты не знаешь, что значит ачаурит?

— Не знаю, детка. А ты разве не знаешь, что не должна разговаривать с незнакомыми людьми, когда рядом нет меня или мамы?

— Я знаю, но он был в маленькой лодке,— ответила девочка с несокрушимой логикой семилетнего ребенка.— И он был печальный.

— А что его печалило?

Она пожала плечами.

— Этого я так и не поняла. Давай сходим за мороженым?

Мойе гребками гонит свою лодку по сверкающей, спокойной воде. В то утро он проснулся в своем гамаке на дереве с набитым желудком и головой, наполненной мыслями об убийстве и вкусом горячей плоти во рту. Индеец сложил гамак и свой черный костюм в чемодан и, одетый лишь в набедренную повязку, спустился к заливу. Оказывается, уай'ичуранан, точно так же как и рунийя, оставляют лодки привязанными, покачивающимися на воде у берега, и воспользоваться ими может каждый.

Мойе берет одну лодку, сделанную из белого материала, больше всего похожего на какую-то белую древесину, вроде бальзы, с веслами, имеющими металлические лопасти, и ручку из чего-то вовсе уж неизвестного, твердого и красного. Весла слишком длинные, неудобные, так что ему приходится встать и работать только одним из них.

Он направляется на юг, держась берега, мимо Снарайз-Пойнт и Таити-Бич, мимо канала, на котором стоит дом, где Ягуар забрал того человека, Фуэнтеса. Почему именно туда, он не знает, но чувствует: это единственное подходящее направление. Сейчас он приближается к длинному, вдающемуся в залив песчаному мысу, на котором собралось множество уай'ичуранан, хотя они не ловят рыбу и не чинят лодки, а просто сидят, едят или бегают кругом, как собаки, и издают свои обезьяньи звуки. Некое чувство направляет его к самому берегу, и тут он видит маленькую девочку: она стоит и смотрит на воду, словно дожидаясь его. Она обернута в красную ткань, как те девочки рунийя, которых оставляют для Ягуара, и это привлекает его внимание. А еще, за левым плечом девочки, отчетливо видна ее смерть. Он уже заметил, что в детстве уай'ичуранан не отличаются от людей, но потом вбирают свои смерти внутрь и становятся мертвецами. Правда, к тому возрасту, в котором находится эта девочка, они, как правило, уже успевают вобрать в себя смерть, и то, что с ней этого не произошло, тоже необычно. Может быть, Ягуар приготовил эту девочку для себя, Мойе должен что-то с ней сделать? Но Ягуар молчит в его сердце.

Несмотря на это, он подгребает к ней близко и говорит по-испански:

— Маленькая девочка, ответь мне! Ты хнинкса?

— Нет, я Амелия,— отвечает девочка.— А как зовут тебя?

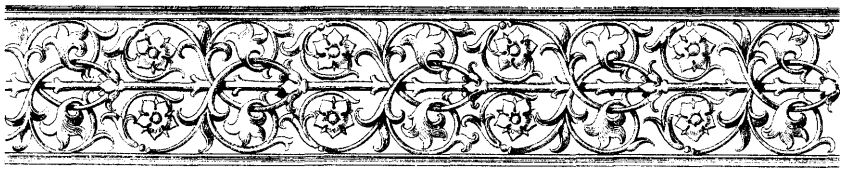
Конечно, он не собирается называть свое имя маленькой девочке.

— Скажи мне правду,— говорит он,— нужно ли мне забрать тебя с собой и отдать тебя Ягуару? Ты можешь сесть

ко мне в лодку, хотя и не годится девочкам и мужчинам находиться в одном каноэ. Но может быть в земле мертвых это считается риуксит?

Девочка, однако, невежливо пялится на него и молчит, и тут он видит, что в их сторону направляется человек с коричневой кожей, и в нем есть что-то такое, что Мойе не нравится. В отличие от настоящего человека он не имеет за плечом смерти, но его сопровождает что-то еще, чего Мойе никогда раньше не видел. Это его пугает.

— У тебя прекрасная ачаурит,— говорит он маленькой девочке и быстрыми гребками отгоняет лодку от берега.



4

Профессор Кукси не водил машину, поэтому Руперт попросил Дженни отвезти его на «мерседесе» в «Тропические сады», где ему предстояло читать лекцию. Вообще-то обычно она просто передавала такие просьбы Кевину, водителем-то считался он, но Кевин с давешней стычки валялся на кровати в наушниках под ломовым кайфом, и девушка, вместо того чтобы выдергивать провод и устраивать разборки, решила повести машину сама. Ей не трудно и даже приятно — она любила этот старый, 230-й модели, 1968 года выпуска автомобиль, с красной кожаной обивкой салона. Сядешь туда и чувствуешь себя как в старом кино, особенно если рядом сидит профессор, говорящий с английским акцентом и слушающий по радио церковную музыку. Для поездок на этой тачке она даже меняла шорты на юбку, ибо, стоило «мерседесу» постоять на солнце, кожаная обивка нагревалась и становилось жарко, ну а юбка казалась ей чем-то старинным, поэтому впечатление, будто она совершает путешествие во времени, было еще сильнее.

Почему Кукси не садится за руль, Дженни не знала. Думала, просто по старости лет. Кевин, правда, уверял, будто он пропойца и права у него отобрали копы за вождение в пьяном виде, но пьяным Кукси никто не видел, так что это, скорее всего, было очередной неудачной выдумкой.

Вспомнив о другой дурацкой выдумке Кевина, Дженни вздохнула: на вопрос о том, куда делся индеец, он понес такую ахинею, что это даже до нее дошло, а когда она спроси-

ла, на кой ему понадобилось это вранье, он разозлился, нацепил свои наушники, врубил музыку на полную громкость и выпал из общения. Такое с ним бывало: парень заводился с пол-оборота, и порой казалось, что сейчас он ее ударит. Но ни разу этого не сделал, не то что некоторые другие ее парни, поэтому девушка искренне считала, будто с Кевином ей, в общем-то, повезло.

Ехать из усадьбы было недалеко, всего-то пару миль, и Дженни запросто могла бы высадить профессора и вернуться за ним позднее, но вместо этого решила побродить по «садам». В усадьбе воцарилась раздражающая, напряженная атмосфера — отчасти из-за Кевина, отчасти из-за того, что дела Альянса вообще шли не очень хорошо. За завтраком Луна держалась холодно, перешептывалась с Рупертом, и смотрели они на нее как-то чудно́. А почему? Разве она была виновата, что Кевин такой придурок? Неудивительно, что ее порадовала возможность убраться оттуда, пока все не утрясется. Да и в компании профессора ей было интересно, тем более что он не выпендривался и держался с ней на равных.

— А о чем будет лекция, а?

— Об Agoanid, осах.

— Меня как-то покусали осы,— сказала она.— Мне было лет шесть, и я бежала за мячиком. Тогда я жила в фермерской семье, на природе. Ну вот, сунула я руку в ямку, куда закатился мячик, и надо же, они тут же меня облепили. Я боялась, что умру.

— Ну, те осы, о которых пойдет речь, вообще-то не жалят. Они оплодотворяют смоковницы. Каждый вид смоковницы имеет собственный вид оплодотворяющих их ос.

— Как пчелы?

— Именно. За исключением того, что пчелы неразборчивы, садятся на самые разные цветы, а осы опыляют лишь один сорт, их привлекают гормоны. Они проникают в неспелый synconium — полое соцветие, представляющее собой жесткий

стручок, через отверстие настолько узкое, что обрывают свои крылья и антенны.

— О! Ничего себе! А как же они вылетают назад?

— Они и не вылетают. Оса выполнила свою функцию и остаток своей короткой жизни проводит, погребенная в synconium. Вызревают ее яйца, и женские особи из ее потомства оплодотворяют новые смоковницы. Это наглядное подтверждение силы инстинкта. Очень большая интересная работа была проделана по взаимодействию феромонов растений-насекомых, например, Костович и Петерсен обнаружили, что деревья рода...

Стоило завести профессора Кукси, и он мог разглагольствовать о своих насекомых бесконечно, против чего Дженни тоже не возражала, воспринимая это как некий шумовой фон. Все равно что гладить белье, когда по телевизору показывают пьесу из серии «Театральные шедевры» или познавательную программу о природе. Ей довелось жить в семье, где из воспитательных соображений разрешали смотреть только такие передачи и ничего, связанного с сексом и насилием, даже мультиков. Однако, как ни странно, кое-что из рассказанного профессором застревало у нее в голове и порой неожиданно для нее самой всплывало на поверхность.

Временами она задумывалась над тем, каково это знать очень много и читать такие книги, как у профессора Кукси: с мелким шрифтом и без картинок. Впрочем, книжек с картинками у него тоже было навалом, и он не имел ничего против того, чтобы она их смотрела. Правда, задумываясь о таких материях, девушка чувствовала тяжесть где-то там в глубине головы, за глазами, и ей становилось чуточку жалко этих башковитых умников. Похоже, они так забивали свои головы тем, что написано в книжках, что для самих себя там не оставалось места. Она припарковала машину, и Кукси своей размашистой птичьей походкой направился к учебному корпусу, а Дженни двинулась в сторону озер. День стоял ясный, воздух был легок, и высокие пальмы покачивались на лег-

ком ветерке, дувшем с залива. Как бывало всегда, красота и совершенство растений оказывали на нее успокаивающее воздействие, даже когда она, как сейчас, не была под дурью. Ей подумалось, если Небеса действительно существуют и если они подобны «Тропическим садам», то в смерти нет ничего страшного. Вообще-то от религии ее отвратили еще в детстве, упорно заставляя ходить в методистскую церковь, но способности испытывать благоговение девушка не утратила, и именно это чувство овладело ею сейчас, когда она ступила под сень гигантских королевских пальм, увитых цветущими (был сезон цветения) лианами. Она остановилась перед ними без единой мысли, в восторге, как, возможно, крестьянка перед старинной Мадонной, совершенно потерянная для мира. Цветы делали ее счастливой, и она решительно не понимала, почему все не могут испытывать такое же счастье от того, что все это просто существует.

Какое-то движение привлекло ее взгляд: ящерица анолис пробежала по ветке железного дерева. Девушка подошла поближе, чтобы рассмотреть ярко-зеленого, под цвет зеленой листвы крупного самца, который на глазах Дженни трижды раздул красный кожистый зоб, демонстрируя брачное возбуждение, и стремительно исчез.

— Ох уж эти парни! — пробормотала Дженни сквозь неожиданно одолевший ее смех. Здесь, в «Садах», она нередко разговаривала вслух сама с собой, а то и с растениями или животными — привычка, которую она выработала в детстве, чтобы спастись от одиночества. Ей приходилось жить там, где с ней месяцами почти не разговаривали, если не считать указаний или нотаций.

Обойдя вокруг озера Королевских Пальм, она прошла мимо амфитеатра к зоне дождевого леса. Втайне Дженни испытывала стыд, ибо, хотя признавала важность сохранения тропических джунглей и получала средства для своего существования от организации, занимавшейся их спасением, ей лично этот тип растительности не нравился, даже в той, сжатой вер-

сии, которая была представлена в «Садах». Она находила дождевые леса сырыми, мрачными, душными. И вообще, как можно любить место, где все наползает одно на другое и свивается в удушающем переплетении беспрерывной борьбы за свет и пищу? Странным образом это напомнило ей зиму на кухне в Айове: пар, плохие запахи, взрослые, маячившие над головой, нежеланные дети на грязном полу — крикливые, недружелюбные, вечно толкавшие друг друга. Но она все равно наведывалась сюда в каждый свой приезд. Надеялась, что ее чувства изменятся, и огорчалась, когда этого не происходило.

Когда Дженни подошла к маленькой дорожке, ведущей к входу в большую оранжерею, где выращивались самые деликатные тропические растения, мимо нее пробежали три человека в рыжевато-коричневой рабочей одежде садовых смотрителей. Судя по всему, они что-то искали, окликали друг друга, периодически останавливались и всматривались в листву. Вскоре они вернулись в сопровождении охранника в синей униформе.

— Ну что, поймали? — спросил кто-то из них.

— Нет,— последовал ответ.— Должно быть, он перебрался через стену.

— Что за суматоха? — поинтересовалась Дженни.

— Какой-то тип ворует растения,— ответила одна из смотрителей, женщина с коротко подстриженными седыми волосами, в очках без оправы.— Только что его видела. Наглый такой, стоит, словно покупатель в супермаркете, и орудует ножиком. Знай себе срезает, что ему надо, и в мешок сует.

— Ага,— подхватил кто-то из ее коллег.— Обычно эти ребята лезут через забор. А что он украл, Салли?

— Да вроде не так уж много. Как правило, такие воришки выкапывают растения с корнем, но этот, не знаю уж зачем, обрезал побеги. И кору тоже.

— А он что, черный был? — подал голос охранник.

— Ну, точно не белый. Я его не больно-то хорошо разглядела, но мне показалось, что он индеец. Кожа красно-корич-

невая, волосы черные, прямые. Одет, словно с пляжа приперся, в плавки или шорты — короче, с голой грудью. Я, как увидела, что он режет ятобу, крикнула: «Эй, так не положено!» И парень пропал, будто сквозь землю провалился.

Охранник заговорил в свою рацию, а потом, обернувшись к садовникам, сказал:

— Ну что ж, мы, конечно, будем начеку, но боюсь, он уже вернулся в резервацию.

Он ушел, и группа разошлась. Дженни пошла обратно по дорожке в зону дождевого леса, рассматривая таблички с научными и обиходными названиями растений, пока не подошла дереву с надписью «MENAEA COURBARIL — ЯТОБА». Мелкий текст рассказывал о том, какое применение находят растению туземцы, но Дженни не стала этого читать, а подняла глаза. Смотрительница сказала, что индеец покушался на это дерево, и девушка решила, что он где-то неподалеку. Во всяком случае, здесь стоило его поискать.

Это было дерево с серой корой, высотой около сорока футов, с блестящими плотными листьями и темными коричневыми, похожими на стручки плодами. Ствол на три четверти, до густой кроны, был голым, но дерево оплетали лианы.

Дженни подняла взгляд в зеленый сумрак и тихонько позвала:

— Эй, Хуан! Как бы тебя там ни назвали! Ты там?

Ни звука, только ветерок, шепчущий среди ветвей, и отдаленный стрекот газонокосилки. Она продолжала смотреть вверх и, когда ее глаза приноровились к тени, увидела что-то коричневое: не плод, не кору и явно не тень. Сначала ей показалось, что это зверек, енот или, вот уж чушь, ленивец, но потом она разглядела лицо человека, его лицо.

— Эй, ты можешь спуститься. Они ушли. Они решили, что ты убрался из «Садов». Спускайся!

Она сделала широкий жест и снова пожалела, что такая тупая и не знает испанского. Но индеец, по-видимому, понял ее, скользнул по стволу, что твой питон, и оказался перед ней,

серьезно глядя на нее. На нем не было ничего, кроме какой-то тряпицы, вроде набедренной повязки, и шнурка на шее, на котором висел маленький мешочек. Свой матерчатый чемодан он держал на плече, придерживая рукой как почтовую сумку.

— Вот здорово, а мы-то уж думали, что совсем тебя потеряли! Тебе не следовало уходить, когда ты был с Кевином. Тебя ведь и арестовать могли, понимаешь? Здесь нельзя резать растения. Дело в том, что это место только похоже на дождевой лес, но на самом деле это не лес.

Индеец отреагировал непонимающим взглядом.

— Послушай, приятель, ты, конечно, мастер прятаться, но здесь, в «Садах», вот этого,— она подошла к кусту, огляделась и, убедившись, что ее никто не видит, сорвала листок,— этого делать нельзя. Нельзя! Запрещено!

При этом девушка энергично трясла головой.

Он взял у нее лист, внимательно осмотрел его и на своем языке ответил:

— Это микур-ка'а. Я использую его главным образом для лечения кожных заболеваний, но он помогает и против головной боли. А если на кого-то навела порчу ведьма, я предлагаю искупаться в отваре из листьев. Обычно помогает неплохо, но тут, конечно, многое зависит от того, какая ведьма. Можно попробовать, если тебя изводят ворожбой.

— Правильно, молодец,— поощрительно сказала Дженни.— Ничего не срывай и вообще не трогай. Иначе будут неприятности.

— Хотя ты, похоже, не заколдована и сама не колдовала. Хотя у вас, мертвецов, это определить трудно.

— Правильно, но мы не можем стоять здесь и разговаривать,— сказала она,— нам нужно как-то переправить тебя к машине и убраться отсюда. Давай я пойду впереди, а ты проверяй, чтобы все было чисто, а потом я помашу, вот так, и ты подойдешь. Постарайся держаться в стороне от тропы, ладно? — Девушка вздохнула.— Прячься в кустах, да. Sí. Мы

идти к машина,— добавила она, коверкая слова, как коверкают их многие, почему-то считая, что иностранцам так понятнее.— Sí?

— Sí,— ответил индеец.

Она улыбнулась.

— Классно! Ладно, дуй за мной!

Дженни зашагала по дорожке, которая вела из зоны дождевого леса к парковке, пропустила вперед группу экскурсантов, а когда обернулась, чтобы подать ему знак, позади никого не было.

— О нет! — непроизвольно воскликнула девушка.— Он снова потерялся!

Но едва эти слова слетели с ее губ, как индеец появился из-за ствола дерева футах в трех позади нее. У Дженни челюсть отвисла.

— Ну, ты даешь, обалдеть! Как это у тебя получается?

Ответа не последовало, и она махнула рукой.

— Ладно, иди за мной.

Она снова двинулась в путь, теперь не делая жестов, но останавливалась каждые пятьдесят ярдов, желая убедиться, что он всякий раз появляется среди растений, примерно на расстоянии вытянутой руки, хотя как он двигается — ей ни разу увидеть не удалось. Когда они наконец подошли к входу, она повела его по узким тропинкам к стене, отделявшей «Сады» от Старой Дороги Ножовщиков.

— Ладно, здесь тебе нужно перелезть через стену, потому что ты не можешь пройти мимо охраны. Я подгоню машину и заберу тебя. Ты comprendo?

Она несколько раз повторяла это, сопровождая слова выразительными жестами, пока не решила, что он понял. Очевидно, он все-таки понял, так как, подогнав машину к нужному месту, она забрала его без происшествий, после чего отогнала «мерседес» обратно к парковке и остановилась в тени дерева коколобо.

Там Дженни включила радио и стала ловить нужную волну.

— Когда одна, я слушаю музыку кантри,— призналась она,— а Кевин терпеть ее не может. Ему подавай альтернативный панк, «Лимп Бискит», «Марун-пять», все в таком роде. Нет, такую музыку я тоже могу послушать, но с кантри не сравнишь, она более настоящая, если ты понимаешь, о чем я. Она о любви и испытаниях — там все больше похоже на жизнь, хотя, может быть, мне так кажется, потому что я деревенщина и многого не понимаю. Кевин, во всяком случает, так говорит. Но это для него я деревенщина, а с тобой такая городская, что дальше некуда.

Она рассмеялась

— Господи, какая ты идиотка, Дженнифер! Он же не понимает ни слова из того, о чем я говорю, верно? Но все равно вроде как понимает, что я имею в виду. Я почему-то чувствую это. Как понимает собака, но лучше. Может быть, я сумею научить тебя английскому. Ты хочешь выучить английский? Ладно, сейчас и начнем. Я — Дженни.

Она указала на себя и повторила фразу, потом только свое имя, а затем указала на свой рот:

— Джен-ни.

— Дженни,— повторил индеец.

— Хорошо! Здорово! Ну а как тебя зовут, Хуан? Я Дженни, а ты...

Она показала. Индеец слегка приподнял подбородок — жест, который она видела раньше и который, как она сообразила, был своего рода кивком. Но тут он вроде бы заколебался, вперил в нее внимательный взгляд и долго молчал, словно принимая какое-то важное решение. Наконец индеец приложил руку к своей груди и дважды похлопал.

— Мойе,— произнес он.

Она повторила это имя, как он, Мо-й-е.

— Здорово! Ты Мойе, я Дженни, это,— коснувшись приборной панели и обведя изнутри рукой кабину,— машина. Скажи: «машина»!

И продолжала называть предметы и части тела. Правда, Дженни не смогла сообразить, как лучше показать глаголы, но вообще-то неплохо представляла себе порядок обучения умственно отсталого ребенка, поскольку сама на протяжении ряда лет находилась в положении такового, и, как ей показалось, они добились определенных успехов. Примерно через час таких занятий она достала захваченную с собой травку, отсыпала косячок, скрутила, раскурила, включила, затянувшись, музыку погромче и передала самокрутку Мойе.

Он взял ее в рот и принялся посасывать.

— Эй, так не пойдет,— заявила она через некоторое время.— Травку друг другу передают, так что отдавай.

Эти слова, естественно, были подкреплены выразительными жестами.

Тем временем кабина «мерседеса» наполнилась дурманящим дымом, после чего Дженни открыла дверцу и опустила окна.

— Чайкора,— сказал Мойе, указывая на тающий дымок.

— Ага, мы называем это травка, или анаша, или марихуана. Много названий. Дурь, короче говоря. Классная дурь. Мы выращиваем ее сами. Тебе нравится?

Она изобразила удовольствие, потирая живот, широко улыбаясь, целуя свою руку, на что он ответил на собственном языке:

— Вы, мертвые люди, очень странные. Вы знаете чайкора, но принимаете его без песнопений и не смешиваете с его братьями и сестрами, чтобы он мог говорить с тобой как положено. Мы считаем, что ассуа — это брат, а уассинай — это сестра чайкора. Вместе они являются одной из маленьких священных семей, которые помогают слушать духов животных. А без остальных членов этой священной семьи мы не можем слышать духов животных как следует. Слышим лишь духов, обитающих в наших головах, но какой в этом толк?

Дженни хихикнула.

— Ага, я слышу тебя, приятель. Торчковый приход. Ой, постой, это прекрасная песня.

Она откинулась назад, закрыла глаза и стала слушать, как Тоби Кит поет: «Я люблю этот бар». Время шло.

Потом дверь машины открылась, и на заднее сиденье скользнул профессор Кукси.

— Ну, Дженнифер, я вижу, ты нашла нашего друга. Ты меня все время удивляешь.

— Ага. Он был в «Садах», воровал части растений. Его чуть было не арестовали, но я вывела его оттуда. А теперь пытаюсь научить английскому языку.

— Правда? Что ж, молодец.

Дженни увидела, что профессор смотрит на индейца както странно, по-настоящему напряженно, будто пытается заглянуть ему в голову, а индеец отвечает ему тем же внимательным взглядом, словно старается сделать то же самое. У Дженни возникло знакомое и печальное ощущение: опять произойдет то, чего она никак не сможет понять.

— Моя дорогая, не могла бы ты чуть убавить звук? Мне бы хотелось понять, что может сказать о себе этот джентльмен.

— Он умеет говорить по-испански,— сказала Дженни.— Джели говорила с...

— Да, но я сомневаюсь, что он говорит на нем хорошо,— сказал Кукси и заговорил на языке, который Дженни никогда раньше не слышала.

Сначала ей даже стало не по себе — ну вот, опять она исключена из общения,— но это чувство мигом прошло, когда она увидела, что лицо Мойе озарилось радостью.

— Я поражен, тайит, услышав рунийя в земле мертвых. Ты священник?

— Нет, но я очень много времени провел в стране джимори. Ты их знаешь?

— Я, конечно, слышал о них. Они поганые люди, воруют жен и поедают младенцев.

— То же самое они говорят о народе рунийя. А еще говорят, будто вы убиваете всех чужеземцев, кто попадает в вашу страну.

— Значит, они к тому же и лжецы,— заявил Мойе и, помолчав, добавил: — Правда, чужеземцев мы все-таки убиваем. Или большинство чужеземцев. Ты знал отца Тима? Он был мертвым, как и ты.

— Знаешь, нас очень много, слишком много, чтобы мы могли знать всех остальных, как вы. Почему ты называешь нас мертвыми людьми?

— Потому что мы, рунийя, живые в нашем мире. Мы внутри его, а растения, звери, камни, небо и звезды, солнце и луна — наши друзья и родственники. Вот что означает быть живым. Рыба живая и птица тоже. Но вы находитесь снаружи этого мира, заглядываете в него как призраки, творите беды и разрушения, как поступают привидения. Поэтому мы считаем, что вы мертвые, как и они. А еще, когда человек жив, он несет свою смерть позади себя, там,— индеец указал через левое плечо Кукси,— и это способ, с помощью которого мы отличаем живого человека от призрака. Вы же все время носите свою смерть внутри себя, поэтому мы называем вас мертвыми людьми.

— Понятно,— сказал Кукси,— и в этом есть определенный смысл. А теперь расскажи мне вот о чем: ты проделал такой долгий путь из своего дома, чтобы остановить нас, мертвых людей, помешать убивать ваш лес. Так я слышал от своих друзей. Скажи мне, как ты думаешь остановить их?

И Мойе рассказал историю, которую он услышал от отца Перрина после того, как он был убит, а что касается того, как остановить это, он знал, что не может этого. Одному человеку не под силу остановить такое, и он не глупец, чтобы считать это возможным. Но Ягуар пообещал ему, когда приведет его в страну мертвых, что покончит с угрозой.

— И как же он это сделает?

Мойе сделал необычный жест, используя руки и голову, который можно было легко понять как пожатие плечами.

— Мы можем спросить Ягуара, что произойдет и как нам поступить, но мы никогда не спрашиваем его, как он делает то, что он делает. И если бы он сказал нам, мы бы не поняли.

— Это, наверное, мудро,— согласился Кукси, а потом они заговорили о других вещах. Кукси отвечал на множество вопросов, которые Мойе задавал о стране мертвых, но наконец, заметив нарастающее раздражение Дженни, он добавил по-английски: — Думаю, сейчас нам нужно вернуться в усадьбу, немного перекусить, а потом можно будет обсудить, чем мы можем помочь нашему другу. Трогай, Дженнифер.

Примерно в это же время в нескольких милях к северу, за накрытым белой скатертью и сервированным серебряными приборами столом, в маленькой столовой для высшего менеджмента, расположенной на тринадцатом этаже Панамерикан-бэнкроп-билдинг, сидели три человека. Все трое имели одинаковое происхождение, были кубинцами и отпрысками семей, которые управляли Кубой из поколения в поколение, вплоть до революции 1959 года. Они покинули Кубу молодыми людьми (и к тому же не переправлялись на плотах) и в Соединенных Штатах процветали. В финансовом отношении они были гораздо богаче, чем их предки, однако вместе с большинством представителей своего класса и поколения они затаили чувство обиды. Их американские современники, с которыми они вели бизнес и играли в гольф, были влиятельными людьми, но они никогда не владели страной безраздельно и не господствовали над ее народом, а потому их власть не имела такого сладостного вкуса. Эти кубинцы сумели, с согласия Америки, перенести большую часть своей культуры в Южную Флориду, которой они управляли как своего рода феодальным владением, неизменным принципом которого было то, что президентом Соединенных Штатов никогда не станет человек, способный нормализовать отношения с мон-

стром, правящим за Флоридским проливом. Они были уверенными в себе, чувственными, умными, хоть и лишенными воображения, трудолюбивыми джентльменами, и если они чего-либо опасались, то лишь того, что им никогда не доведется танцевать на могиле Фиделя.

Но в последнее время появилось еще одно опасение: человек, который организовал эту встречу, Антонио Фуэнтес, был убит предыдущей ночью. У них были контакты с полицией, и они уже знали всю правду о характере этого ужасного преступления.

Кайо Дельгадо Гарса, хозяин встречи и председатель холдинга, хотел, из уважения к памяти умершего, отменить встречу, но остальные двое настояли на том, чтобы она состоялась. Это были Хуан Фернандес Кальдерон по прозвищу Йойо, самый энергичный из всех троих, застройщик и финансист, и Фелипе Гуэрра Ибанес, владевший большим торговым концерном. Все они были одеты в дорогие темного цвета костюмы с галстуками спокойных тонов. Гарса и Ибанес носили на лацканах булавки с логотипами братских организаций, а у Кальдерона на этом месте красовался лакированный американский флажок. Волосы, светло-каштановые у Кальдерона, серебристые у остальных двоих, были безупречно подстрижены, так же как и ухоженные ногти, на запястьях красовались фамильные золотые часы. Гарса имел брюшко, Ибанес был худощав, Кальдерон подтянут и мускулист. Он часто играл в теннис и гольф, имел яхту, и в отличие от остальных у него были голубые глаза.

Молчаливый официант-негр в белом пиджаке с блестящими пуговицами принес напитки и удалился. Они выпили, тепло помянув покойного Фуэнтеса. Официант вернулся. Они снова выпили и, сделав основной заказ, перешли к разговору по существу.

— Итак, Йойо,— спросил Кальдерона Гарса,— что ты обо всем этом думаешь?

Последовало красноречивое пожатие плечами.

— Я в недоумении не меньше, чем ты. Кому понадобилось убивать Тони? Насколько я знаю, у него не было ни одного врага. Да еще и разорвать его таким образом! Непонятно.

— Понятно, если признать, что кто-то хочет нас напугать,— спокойно произнес Гарса.

Кальдерон с минуту не сводил с него внимательного взгляда, а потом взглянул на Ибанеса, который едва заметным движением бровей дал понять, что над этим стоит подумать. Кальдерону было ясно, что они уже обсуждали этот вопрос без него, и он разозлился. Однако эта троица прибыльно занималась совместным бизнесом не один год. Они прекрасно знали друг друга, по крайней мере в деловом плане.

— Ты хочешь сказать, это имеет какое-то отношение к «Консуэле»?

— Он был председателем, публичной фигурой,— сказал Карса.— И кроме того, перед его смертью имел место инцидент, по поводу которого он и хотел встретиться.

— Это безумие, Кайо. Не станет же какой-то ничтожный защитник букашек рвать человека на части только для того, чтобы привлечь внимание.

— С ним был индеец из Южной Америки,— сказал Ибанес.

— Итак, с ним был индеец, присутствие которого подтверждают только та тупая секретарша и еще более тупые охранники. Можно подумать, они видели живых, а не киношных индейцев! Нет, вы вдумайтесь во все это. Какой-то парень врывается в деловой офис, орет всякую пропагандистскую чушь, и его выставляют взашей. А что потом? Этот обиженный малый забирается к бизнесмену в дом, рвет его на куски и пытается представить дело так, будто его жертву растерзал кто-то вроде тигра. По-моему, это невероятно.

— Они знали о связи «Консуэлы» с проектом в Паксто,— сказал Гарса.— Поэтому не так уж и невероятно.

Это, похоже, заставило Кальдерона задуматься. Он кивнул и, пригубив из бокала, сказал:

— Да, это действительно тревожит. Они не должны были знать о Паксто. Но все равно глупо связывать эти два события, не располагая большей информацией. Одно может не иметь к другому ни малейшего отношения.

— Ты действительно так думаешь, Йойо? — мягко спросил Ибанес.

Глядя в его морщинистое, черепашье лицо, Кальдерон ответил:

— А почему бы и нет? Вспомни, что было восемь или девять лет тому назад? Тот черномазый маньяк порубил на кусочки Терезу Варгас, и это не было ни с чем не связано, я имею в виду деловые интересы. Какой-то дикарский культ, что угодно... здесь, учитывая эти кошачьи следы, могло быть то же самое. Это Майами, тут и не такие вещи бывают. Конечно, трудно представить, что такое может случиться с человеком, которого ты знаешь, но тут уж ничего не поделаешь. Это произошло с девушкой Варгас и теперь случилось с Фуэнтесом. Это одна версия. Есть и другая, связанная с политикой. Тони финансировал Сопротивление, это ни для кого не тайна. Не исключено, что ответ в этом.

— Ты думаешь, Фидель послал агента, чтобы убить Антонио Фуэнтеса? — недоверчиво спросил Гарса.

— Конечно нет. Я просто предлагаю логически обоснованные версии. Далее, посмотрим, как обстоят дела с этим колумбийским проектом «Консуэла». Все идет по графику, как было оговорено, ни о каких сбоях неизвестно, поэтому колумбийский след представляется маловероятным. Вариант с маньяком и то правдоподобнее. В конце концов, у того черномазого могли найтись последователи, и, может быть, на сей раз они охотятся не за беременными женщинами, а за мужчинами.

— Но ведь колумбийскую версию ты тоже проверишь, верно? — спросил Ибанес.

И снова Кальдерон увидел этот взгляд, которым обменялись эти двое. «Консуэла» относилась к зоне его ответствен-

ности, и если здесь возникали какие-то вопросы, то решать их предстояло именно ему. Он получал четверть, нет, теперь треть прибылей, но эти деньги приходилось отрабатывать, да еще как. Порой это немного обижало, хотя на самом деле он предпочитал заниматься серьезными делами сам, а не полагаться на эту парочку viejos, старых пердунов. Однако ответил Кальдерон не сразу, как бы желая показать, что он им не мальчик на побегушках.

— Конечно, Фелипе. Непременно это сделаю.

Остаток ланча прошел в учтивом обсуждении не столь животрепещущих вопросов бизнеса, местной политики и их различных интересов. После ланча Кальдерон позвонил своему водителю по сотовому телефону и, выйдя на улицу, увидел, что его ждет белый «линкольн». Водитель отвез его обратно в главный офис его фирмы, расположенный в новом зеркально-стеклянном кубе на Андалусии в Корал-Гэйблз. Личный офис Кальдерона был оформлен красным деревом, кожей и потертыми персидскими коврами — все неброское, но очень дорогое, подобранное дизайнером интерьеров; их кубинские бизнесмены нанимали нечасто. Кальдерон не хотел, чтобы его связывали с теми кубинцами, потомками лавочников из Гаваны, разбогатевшими в Америке, но сохранившими прежние вкусы и замашки. Cursilería. Этим словом обозначали стиль таких людей, вульгарный и крикливый.

В раздражении он сорвал гнев на подвернувшихся под руку сотрудниках, после чего устроил совещание по поводу проекта комплексного жилищного строительства в курортной зоне, который он начал осуществлять близ Неаполя, на западном побережье штата. Это был самый крупный проект из когда-либо затевавшихся им, и его финансирование, на которое его собственного капитала недоставало, осуществлялось по весьма рискованной схеме кредитования. Барыши ожидались колоссальные, но на данный момент он немного превысил лимит, что и было основной причиной создания «Консуэла Холдинг». Правда, деньги, вырученные от операции с древе-

синой, должны были поступить как раз вовремя для оплаты первой серии счетов «Консуэла Коаст Рисорт энд Кондоминиумз», компании по освоению и развитию побережья. Если все остальное пойдет по графику.

Оставшись один, он набрал номер в Кайли, Колумбия, и после нескольких коротких разговоров по-испански со всякой мелкой шушерой его соединили с человеком, говорившим тихим, спокойным голосом. Кальдерон понимал, что Габриэль Хуртадо был из тех, кого средства массовой информации США называют наркобаронами, но умел заставить себя об этом не думать, ибо был человеком с аристократическими претензиями и привычками, а такие люди обладают прирожденным талантом игнорировать источники чьего-либо богатства, если это настоящее богатство. В конце концов, начало благосостоянию таких семей, как Кеннеди и Бронфманы, положила контрабанда спиртным во времена сухого закона, а предки большинства его друзей, выходцев с Кубы, поднялись на работорговле или эксплуатации рабского труда. Деньги, как говорится, не пахнут, да Хуртадо и не был заурядным головорезом. У него были хорошие связи с правительством его страны, и он был так же надежно изолирован от убийц наркокартелей, как Джо Кеннеди от пулеметов Аль Капоне. Поток денег из Латинской Америки для надежных вложений течет через Майами полноводной рекой, и, хотя было бы неблагоразумно привлекать к их происхождению пристальное внимание, многие такие доллары, с легкой руки Хуртадо, были вложены в проекты «Кальдерон Ассоушиэйтс, инк», к взаимному обогащению обоих партнеров.

Они обменялись любезностями, а потом Кальдерон рассказал ему о событиях последних нескольких дней, особо подчеркнув, что маньяк в офисе Антонио Фуэнтеса знал о происходящем в Паксто.

— Я звоню для того,— продолжил он,— чтобы проверить, нет ли утечки с вашей стороны.

— Это невозможно,— ответил Хуртадо.— Мои люди умеют держать язык за зубами.

Слова эти прозвучали с несомненной уверенностью, хотя о том, что лежало в основе этой уверенности, Кальдерон благоразумно не задумывался.

— Возможно,— сказал он,— кто-то захотел насолить нам или вам. Конкурент, считающий, будто его обделили барышами... или оставшийся недовольным комиссионными... да мало ли что.

Последовало молчание.

— Я займусь этим,— заявил наконец собеседник.— В Сан-Педро был какой-то чокнутый священник, который угрожал напустить вонищи, но он уже вне игры. Но тут оказывается, по Майами шатается какой-то carbón, козел, с информацией, которой у него быть не должно. Что будем делать с этим Йойо?

— Делами на этом конце маршрута займусь я,— заверил его Кальдерон.

— Тебе может потребоваться помощь.

— Я справлюсь, Габриэль. Я просто сверялся с тобой.

— Хорошо, но я хочу, чтобы ты помнил: у меня есть обязательства перед людьми там. Я говорю о важных людях. Это происшествие не должно нам повредить. Ты понял, да?

— Да. Абсолютно.

— Хорошо. Твоя семья в порядке? Оливия, Виктория, Джонни?

— У них все прекрасно,— ответил Кальдерон.

— Хорошо. Держи меня в курсе, ладно?

Связь прервалась, прежде чем Кальдерон успел ответить. Впрочем, все равно это был риторический вопрос. Сейчас Кальдерон пытался вспомнить, говорил ли он Хуртадо в ходе их продолжительных деловых отношений о своей семье. О таких вещах он, как правило, предпочитал не распространяться, поскольку придерживался старомодного кубинского правила — строго разделять мир деловых отношений и внутрен-

ний мир дома. И уж, во всяком случае, не было сомнений в том, что до сих пор Хуртадо ни разу не называл их по именам. Ему вдруг захотелось уйти из офиса и основательно выпить.

Мойе наблюдает за миром, который проплывает мимо него. Он видит его из окон металлического каноэ уай'ичуранан, скользящего по сухой земле, мысленно повторяя слово «машина». Он благодарен Огненноволосой женщине за то, что она его ему сообщила. Всегда хорошо знать имена вещей. Рад он также тому, что познакомился с Кукси и получил ответы на многие вопросы, которые его беспокоили. Теперь он понимает, что уай'ичуранан не могут перемещать звезды на небе. Оказывается, они даже не знали, что являются мертвецами, и искренне считали себя живыми людьми. Он снова размышляет о звездах, что они не всегда одни и те же на небе, но подобны деревьям вдоль тропы и точно так же меняются, когда ты проделываешь по земле длинный путь. Это удивляет его, и от этого ему становится слегка грустно.

Машина поворачивает, въезжает на огороженную территорию, где находится несколько зданий, они выходят из нее все трое. Там находятся и другие мертвые люди, включая Обезьяньего парня, который взглядом посылает на Мойе проклятие, не достигающее цели, ибо Мойе отражает его защитным словом на священном языке. Есть там Сердитая женщина, которая говорит слишком много и чересчур громко, и человек с бородой, который говорит медленно и является здешним вождем, и еще один человек, тоже с волосатым лицом, но немногословный. Они переговариваются на своем обезьяньем языке, но с ним говорят по-испански, а когда он не понимает, Кукси повторяет для него их слова на рунийя.

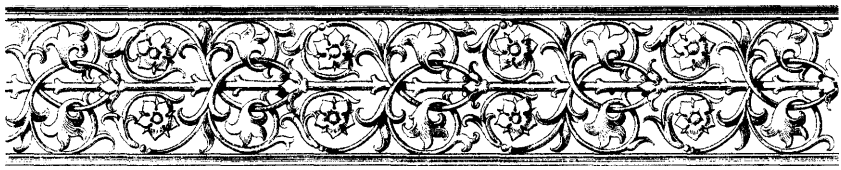
Они садятся за стол, и Огненноволосая женщина приносит еду, которая на вкус как глина, и горячую коричневую воду. Он совсем не голоден, но берет немного, чтобы не обидеть богов этого места. Сердитая женщина говорит о смерти человека из «Консуэлы», на которого кричал Обезьяний

парень,— день назад его убили в доме величиной с гору, куда надо подниматься в маленьком домике без окон, гудение которого особым манером отдается в животе. Обезьяний парень рад, что этот человек умер, но остальные сбиты с толку. Кто убил его? — недоумевают они. Мойе говорит на своем языке, что это сделал Ягуар, и они все странно смотрят на него. Некоторое время они молчат. Потом Кукси спрашивает:

— Мойе, это ты убил этого человека?

— Может быть, я бы убил его, если бы он явился в мою страну,— отвечает Мойе,— но здесь у меня нет силы. Нет, это сделал сам Ягуар. Он гневается на людей, которые хотят погубить его страну, и если они не скажут, что остановятся, то он, наверное, убьет и всех остальных.

Мойе видит, что мертвые люди поражены, но больше они на этот раз ничего не говорят.



5

Плач вытащил Паза из сна, поднял на ноги, пока нетвердые, парализованные от долгого лежания. Он с трудом натянул халат.

— Что такое? — воскликнула проснувшаяся жена.

— Эйми. Ей приснился кошмар.

— О господи, опять! Который час?

— Четыре тридцать. Спи дальше,— сказал Паз и быстро вышел из комнаты.

Войдя в спальню дочки, он в слабом свете ночника «Чирикающая пташка» увидел, что Амелия сидит в постели и плачет, прижимая к лицу старое розовое одеяло. Она протянула к нему руки; он присел на краешек кровати и привлек ее к себе, бормоча что-то успокаивающее и поглаживая девочку по головке. За последнюю пару недель это происходило с ней уже четвертый раз.

— Что это было, малышка, тебе приснился страшный сон? Скажи папе, что ты видела. Чудовище, да?

— Зверя, папочка,— пролепетала сквозь слезы Амелия.

— Зверя? Какого зверя?

— Не знаю. Он был желтый, с большими зубами и хотел меня съесть...

И тут Паза наполнил леденящий страх. Именно в этот миг он понял, что семь мирных лет подошли к концу и в его жизнь официально возвращается то, что он называл «сверхъестественным дерьмом». Больше всего ему хотелось разрыдаться

на пару с дочкой, но вместо этого он, успокаивая себя, сделал глубокий вздох и с надеждой спросил:

— Зверь был похож на собаку?

— Нет, папочка. Он был немножко похож на динозавра и немножко на киску.

— Ну, такого, конечно, испугаешься,— сказал Паз, которому действительно было страшно.— Но сейчас ничего этого нет. Он не сможет добраться до тебя, верно? Сны существуют только в твоей головке, понимаешь? Звери во сне не могут по-настоящему кусать и царапать тебя. Помнишь, мы уже говорили об этом?

— Да, папа, но я проснулась... проснулась, а зверь был здесь. То есть я была совсем проснутая, уже ни полчуточки не спатая, а зверь как был, так и был.

От волнения девочка залепетала на младенческий манер, что само по себе было нехорошим знаком.

— Знаешь, малышка,— попытался успокоить ее Паз,— когда человек резко просыпается, он некоторое время еще продолжает видеть сон, то есть часть его остается во сне, особенно если сон был страшным. Короче говоря, это был только сон — видишь ведь, нет никакого зверя. Он был не настоящим.

— Abuela говорит, что сны настоящие.

Паз тяжело вздохнул и мысленно выругался.

— Я не думаю, что abuela имела в виду именно это, беби. Скорее всего, она хотела сказать, что иногда сны предвещают нам какие-то события, которые трудно узнать другим путем.

— Да-а! Она говорит, что brujos, ведьмы, могут посылать нам плохие сны и от них можно задохнуться по-настоящему.

— Но тот сон, который тебе приснился, не был таким,— наставительно произнес Паз.— Это был всего лишь сон. Сейчас середина ночи, и я хочу, чтобы ты попробовала снова заснуть.

— Я хочу сначала почитать.

— Но, милая, сейчас же поздняя ночь...— захныкал он, но девочка уже соскочила с кровати, легко, как фея, подбежала к своему книжному шкафу и вынула большого формата том под названием «Животные повсюду», и Пазу пришлось перелистать альбом, начиная от «А», альпака и армадилла, и далее по алфавиту, с описанием внешности и повадок зверей, не пропуская ни слова, потому что эту книжку девочка помнила наизусть.

— Вот зверь, который был в моем страшном сне,— объявила она, указав маленьким пальчиком на страницу, ближе к концу.

Паз хмыкнул и поспешил перейти к безобидному мохнатому яку. На ястребе девочку сморил сон.

Он поставил книгу на полку, подоткнул вокруг дочки одеяльце, поцеловал и ушел, но не в постель.

На кухне Паз увидел закутанную в халат жену, которая ставила на горелку почерневший кофейник.

— Как она?

— Все в порядке, просто сон. А ты что, уже встаешь?

Он указал на кофейник и сел у стойки.

— Ага. Мне нужно сделать кое-какие записи. Хотела поработать еще прошлой ночью, но не получилось — заснула.

— Прошлая ночь еще не закончилась.

— Ну да, верно. Кстати, о нынешнем вечере — не забудь про угощение для Боба Цвика и прочих.

— Сегодня вечером?

— Так и знала, что ты забудешь.

— Я плохой муж. Может, уболтаю тебя лечь обратно в постель? Мы бы подурачились.

Она посмотрела на него, подняв брови, губы чуть тронула улыбка, и Паз подумал, что в свои сорок, после семи лет совместной жизни, она все еще красивая женщина. И брак у них удачный. По прошествии времени она перестала переживать по поводу некоторой склонности к полноте и, хотя сделалась чуть более пышной, чем раньше, теперь несла свои фор-

мы с достоинством. Можно сказать, она относилась к типажу Мерилин Монро — блондинка, высокая грудь, широкие бедра. Идеал пятидесятых годов. Правда, это относилось к фигуре, а никак не к лицу — умному, с резкими, почти невротическими чертами. Когда они поженились, ее звали Лорна Уайз, доктор философии, теперь же она звалась Лола С. Уайз Паз, доктор медицины. Имя такое же пышное, как она сама.

— Ты искушаешь меня, но мне действительно нужно сделать эти записи, иначе меня будут трахать целый день, только уже не ты, а на работе.

— Ага, то есть за буквальным сексом последует еще и фигуральный.

Она рассмеялась.

— Что поделаешь!

— Ладно, но раз дело обстоит так и ты столь беспредельно предана своей профессии, что в постель мне тебя не затащить, могу я обратиться к тебе за консультацией?

Кофейник зашипел, жена налила себе большую чашку крепчайшего черного кофе и жестом предложила кофейник ему.

Паз покачал головой.

— Нет, я собираюсь прихватить еще пару часиков сна.

Она села напротив него, сделала пару глотков. Это он в самом начале их отношений пристрастил ее к бодрящему напитку, помогавшему ей продержаться в период, названный ею «материнско-медицинским обучением».

— Консультируйся. Доктор перед тобой.

— Ладно. Так вот, пока Эйми не начала плакать, мне снился сон, яркий, четкий, какие обычно уже не снятся. Я сижу в нашей гостиной, но вместо спинки нашей кушетки я облокачиваюсь на какую-то мягкую стену, возможно, обитую шкурой леопарда, и я жду, чего именно — не помню, просто есть ощущение ожидания. И тут вдруг чувствую, что мех шевелится. Оказывается, это никакая не обивка, а живой зверь. То есть я сижу, прислонившись к зверю, желтому, в черных пятнах,

ну, как у леопарда. Все это невероятно отчетливо. Этот леопард размером с лошадь, огромный, может быть, даже больше лошади, но меня это не удивляет и не пугает, напротив, кажется естественным, и тут между нами происходит этот странный разговор. Он говорит что-то вроде: «Ты знаешь, что земля умирает», а я отвечаю: «Да, правильно, войны, загрязнение окружающей среды, глобальное потепление», всю эту фигню. Зверь вдруг говорит, что я мог бы все это прекратить, то есть спасти мир, и меня это чертовски воодушевляет, и я, конечно, спрашиваю, что для этого надо сделать. Ну, вот тут зверюга и говорит: «Тебе придется позволить мне съесть твою дочь».

— Господи, Джимми!

— Конечно, но во сне в этих словах был смысл, и я подумал тогда, как мне объяснить это тебе, почему в этом есть смысл, понимаешь? Эту ненормальную логику сна? А леопард встает и потягивается, и он как будто нарисован на флаге, знаешь... из мифологии. И мне хочется пасть ниц и преклониться перед ним, хоть он и собирается съесть Эйми. Потом я слышу, что она плачет, и хочу сказать ей: эй, все в порядке, это не больно, это часть того, что должно произойти, чтобы спасти мир, но тут до меня доходит, что она действительно плачет, и я просыпаюсь.

— Ну и сон. Прими полмиллиграмма «Канкса», перед тем как лечь снова.

— Но что все-таки это значит, док?

— Это значит, что существует статистика. Во время «быстрого сна» твой мозг передает материал из краткосрочной в долговременную память, и твоя кора головного мозга интерпретирует эту статистику в искусственный инцидент. Это все равно как слышать музыку в гуле вентилятора или видеть картинки в облаках. Мозг — это орган, генерирующий модели. Эти модели не обязательно должны иметь смысл.

— Я знаю, ты всегда это говоришь, но послушай дальше. Ладно, я иду посмотреть, что с Эйми. Она говорит, что ей приснился кошмар о звере, который хочет ее съесть, и она

видела его и после того, как проснулась. Я ее успокаиваю, мол, это плохой сон, и когда ты думаешь, что проснулся, на самом деле по-прежнему спишь. Так что я ее успокаиваю, и она берет свою книгу о животных и заставляет меня прочесть ее и находит там зверя из своего сна.

— Ты хочешь сказать мне, что это был леопард, да?

— Ягуар. И что ты об этом думаешь?

— Совпадение.

— Это твое профессиональное медицинское мнение? Совпадение?

Лола слегка закатывает глаза.

— Ну конечно! А что еще это может быть? Телепатия, соприкосновение сознаний?

— Или что-то еще. Я все время забываю, что у тебя иммунитет к сверхъестественному.

— Это называется разум, Джимми. Рациональная способность человечества. Что ты делаешь?

— Мешаю тебе, вот что. Запускаю свои лапы под твой несчастный халат. Проверяю, все ли там на месте. О да! Что вы думаете об этом, доктор?

Лола подалась к нему, закрыла глаза и сказала:

— Как это непорядочно с твоей стороны, когда мне нужно поработать.

— А мы быстренько. Залезай на стойку.

— А как насчет Эйми?

— Я дал ей сильнодействующий дурман, барбитурат, крутой героин,— заявил он, заваливая ее на пластик.

— Вот что я получила, выйдя замуж за кубинца,— вздохнула Лола.

— А что, разве еврейки не трахаются на кухонных столах?

— Не знаю, но я поспрашиваю,— успела сказать она, прежде чем их губы сомкнулись.

Лола на время забыла о груде работы, а Паз забыл о своих снах.

Сейчас Лола Уайз Паз работала в клинике Южного Майами, от дома на расстоянии короткой поездки на велосипеде. К тому времени, когда у нее завязались отношения с Пазом, она имела степень по клинической психологии, потом родила ребенка, а затем, вдруг проникнувшись паническим ощущением стремительного бега колесницы времени, в возрасте тридцати четырех лет решила поступить в медицинскую школу. Паз поддержал ее затею, и они оба вкалывали как ломовые лошади, чтобы заработать на жизнь, высвободить время для учебы и выполнять бесконечные родительские обязанности: в последнем им помогала могущественная Маргарита Паз, роковая abuela. Сейчас, как и чаще всего по утрам, после того как Лола уезжала на велосипеде, Паз одел дочку, накормил, отвез ее в школу, потом отправился в ресторан, где сначала приготовил все для ланча, а потом и сам ланч. Тем временем сама abuela забрала Амелию и привезла ее в ресторан «Гуантанамера». Она очень не любила выпускать ресторан из-под контроля и, когда он был открыт, проводила в нем почти все время, но любовь к внучке была сильнее. Когда время ланча прошло и поток заказов превратился в тонкую струйку, Паз увидел, что его чадо примеряет поварской фартук, который ее бабушка, видимо, перешила так, чтобы он ей был впору. Паз профессиональным взглядом оглядел крохотного помощника повара и, повернувшись к матери, произнес:

— А ведь хорошо выглядит, а? Почему бы нам не разрешить ей завтра заняться ланчем? И платить не придется, маленьким детям ведь не платят.

— А мне платят! — возразила Амелия.— Abuela дала мне доллар.

— Ладно, но только не трать деньги на выпивку и сигареты, если не хочешь остаться в три фута ростом на всю жизнь. И такой же боящейся щекотки.

После того как девочка перестала верещать, Паз поставил ее рядом с кастрюлей редиски, из которой нужно было вырезать розочки, и, когда девочка погрузилась в это занятие, ото-

шел, чтобы поговорить с матерью. Маргарита Паз была чернокожей крестьянкой из Гуантанамо и до сих пор, приближаясь к шестидесяти годам, сохраняла метки своего происхождения. Сильные руки, широкие бедра, грудь, на которую можно посуду ставить, и суровый, оценивающий взгляд. В одежде она предпочитала яркие цвета, яркую помаду и яркий лак для ногтей, который подчеркивал ее блестящую шоколадную кожу, на голове ее часто был тюрбан, как сейчас. Паз всегда слегка ее побаивался, но на самом деле он не знал никого, кто бы ее не боялся, кроме своей дочери.

— Продукты сегодня были паршивые,— сказала она, когда он зашел в ее крохотный кабинет.— Поговори с Морено, скажи ему: если это произойдет снова, мы сменим поставщиков, переключимся на братьев Торрес. Скажи ему, что его отец никогда не относился к нам как к американцам.

— Я позабочусь об этом, mami,— ответил Паз, хотя все продукты, как всегда, были высшего качества. Просто сетования и ругань представляли собой ее манеру выказывать любовь.— Послушай, я хотел попросить тебя... Амелии снятся кошмары, ночью она просыпается и кричит, а когда я говорю, чтобы не беспокоилась, дескать, монстры в снах не настоящие, что я слышу в ответ? Abuela говорит: нет, они настоящие. Ты уж, пожалуйста, не говори ей подобных вещей, ладно?

— Ты хочешь, чтобы я лгала моей внучке?

— Это расстраивает ее. Она слишком маленькая, чтобы переживать из-за всего этого.

— Ну а как насчет тебя? Ты тоже слишком маленький?

Паз сделал глубокий вдох.

— Я не хочу начинать это снова, mami. Сантерия — это твое дело, мы не собираемся в этом участвовать. Я определенно не собираюсь, а уж Амелия тем паче.

— Что за сны? — спросила его мать, оставив без внимания это последнее высказывание, как и любое высказывание, которое она предпочитала не слышать.

— Это не важно. Мы не хотим, чтобы ты рассказывала ей такие вещи.

Мать резко вскинула глаза. Это относилось к слову «мы». Миссис Паз всегда представляла себе, что, когда ее сын приведет наконец домой невестку, это будет послушная, уважающая мать мужа кубинская девушка, какая только и нужна кубинскому мужчине. Вместо этого он привел докторшу-американку с бредовыми идеями о воспитании детей.

Доктор! Доктором должен быть мужчина, а женщина должна заботиться о детях — желательно, чтобы их было побольше,— и слушать свою suegra — свекровь с уважением, иначе как может продолжать существовать общество? Но эта невестка была настолько упряма, причем не в чем-то одном, а по множеству пунктов, что, пожалуй, вздумай Маргарита настаивать на приобщении девочки к «вашему культу», могла бы поставить под вопрос возможность для девочки проводить столько времени с бабушкой. И из-за чего? Из-за нескольких маленьких амулетов иде на ее тоненьком запястье и принесения в жертву нескольких птиц, исключительно ради благополучия и безопасности ребенка. Просто возмутительно — после всего того, что она для них сделала!

Задуматься о том, почему ее сын выбрал в жены такую же упертую и самостоятельную особу, как его мать, ей почему-то, не приходило в голову.

Она драматически вздохнула и воздела руки.

— Ну ладно. Что я могу сделать, я всего лишь старая женщина, на меня можно совсем не обращать внимания, это нынче в порядке вещей. Вот уж не ожидала, что, прожив долгую жизнь, на склоне дней буду подвергаться презрению. Да ладно, пусть так. Если угодно, я вообще больше не скажу этому ребенку ни слова! Можешь забрать ее отсюда!

На этом месте она извлекла из рукава яркий шелковый платок и промокнула им глаза.

— Будет тебе, mami, не своди ты меня с ума. Все не так, и ты это знаешь...

— Но,— сказала она и устремила на него свой взгляд,— но есть нечто.

Последовал ритуальный жест, отгоняющий злые силы.

— Что еще за «нечто»?

— Нечто, движущееся в орун, я не знаю, что это, но нечто очень могущественное, и оно имеет отношение к тебе, сынок, и к ней. Да, ты думаешь, что я глупа, но я знаю то, что знаю.

Сказать на это было вроде бы нечего, поэтому Паз поцеловал мать в щеку и вышел.

— Это хорошая розочка,— сказал он дочке,— но вырезать лепестки нужно тоньше, так, чтобы они загибались вниз и были больше похожи на настоящий цветок. Вот, посмотри, как это делаю я.

С этими словами он взял из кастрюли перец и хрустящую редиску, которые за восемь секунд превратил в цветы.

Амелия посмотрела на предложенный гарнир холодно.

— Мне больше нравится так, как это делаю я,— заявила она, снова продемонстрировав, что в семействе Паз яблочко от яблони недалеко падает.

Несколько часов спустя Паз снова потел над грилем, но теперь взял на себя еще и бремя изготовления собственного бананового дайкири. Чувствовал он себя славно, и настроение у него было прекрасное. Гриль стоял в его собственном патио, и на нем потрескивали и дымились несколько порций свиных ребрышек барбекю в кубинском стиле, замаринованных в соусе из лайма, тмина, орегано и шерри. Амелия поставила стол для пикника на пятерых, салат из морепродуктов и цикория-эндивия был приготовлен и теперь охлаждался в холодильнике, в компании с двумя большими винными бутылками с приятным на вкус испанским белым вином и дюжиной маленьких подносов с открытыми пирожками с фруктами. Работал магнитофон: музыка Арсенио Родригеса, которая выплы-

вала из окон комнаты, смешивалась со сладковатым дымком от гриля. До женитьбы Паз почти не готовил дома, и его жизнь вне работы почти полностью состояла из сексуальной. Лола и раньше была более общительная, а после получения докторской степени это ее свойство усугубилось, и теперь гости бывали у них почти каждую неделю. Он не имел ничего ни против того, чтобы готовить для ее гостей, ни против самой их компании. Она не водилась с людьми, к которым можно было бы относиться свысока.

До брака фактически весь интеллектуальный багаж Паза был результатом постельных разговоров, поскольку он встречался только с яркими, одаренными женщинами. Он обеспечивал им прекрасное времяпровождение и сексуальное удовлетворение, а взамен черпал содержимое их мозгов, поскольку, обладая недюжинным умом, был напрочь лишен усидчивости, необходимой, чтобы получать знания, проводя долгие часы в аудитории, слушая, как монотонно гундит профессор, или корпеть над бесчисленными тестами.

У него была исключительно хорошая память, которая подпитывалась только через аудиоканал, но зато давала возможность во время этих вечеринок отпускать ремарки, звучавшие по меньшей мере удивительно в устах бывшего полицейского и нынешнего повара. Когда это случалось, Паз и сам был доволен, и жену, с ее интеллектуальным снобизмом, радовал. В такие моменты он читал на ее лице невысказанное: видите, он вам не какой-нибудь чурбан неотесанный.

Послышался звонок подъехавшего велосипеда, и на подъездную дорожку выкатила Лола. Амелия с радостными криками выбежала маме навстречу, чтобы похвастаться сплетенной ею гирляндой желтых цветов и долларом, заработанным в ресторане. Потом поцелуй для Паза. Лола огляделась по сторонам и восхищенно принюхалась:

— Здорово пахнет! Ты снова идеальный муж.

— Куда там идеальный! Представь себе, я до ланча прибрал кое-что из холодильника.

— О, это мне очень даже понятно,— великодушно отозвалась она.— Я знаю, каковы мужчины — у тебя ведь во рту и маковой росинки не было за сколько? За семь часов?

— Семь часов, тридцать две минуты,— сказал Паз,— но кто считал?

Она рассмеялась и ушла принять душ и переодеться. Паз выпил еще дайкири и добавил к мясу соуса.

Боб Цвик был крепким, уверенным в себе мужчиной еврейско-африканского происхождения с неистребимым нью-йоркским выговором, звучавшим во время неформальных встреч почти непрерывно. Окончив Массачусетский технологический институт в шестнадцать лет, этот малый пять лет работал в Принстоне совместно с Эдвардом Уиттеном над М-теорией. Проникнув в тайны субатомной структуры до такой степени, до какой они его интересовали, он, ко всеобщему удивлению, сменил специальность, переключился на молекулярную биологию, получил степень доктора философии в Стэнфорде, после чего, видимо, почувствовав потребность передохнуть, прибыл в Майами, чтобы позагорать, а заодно стать еще и доктором медицины. Познакомившись с Лолой, он мигом запал на нее, как, впрочем, западал почти на каждую симпатичную женщину, а будучи со смехом отвергнут, стал ее другом. Надо отметить, после первого же отказа он уже не пытался навязываться и не затаил обиды. Паз вряд ли выбрал бы его в друзья, но вполне с ним ладил, пару раз даже брал с собой на рыбалку на своей лодке. Он находил Цвика интересным типом, общение с которым может быть приятным, но при избытке чревато головной болью. Что-то вроде дайкири.

Явившись в тот вечер в шортах, сандалиях и футболке с принстонским логотипом, Цвик вошел размашистым шагом, обнял и поцеловал хозяйку, подхватил и закружил Амелию, пока та не завизжала, обменялся рукопожатием с Пазом и представил свою нынешнюю подружку, длинноногую блон-

динку с костистым сардоническим лицом. На ней был топик без рукавов и длинная юбка из какой-то смятой, липнувшей к ногам материи цвета лаванды. Паз почувствовал небольшое трепыханье в животе, но она и глазом не моргнула.

— Бет Моргенсен,— представилась женщина, протянув руку.— Вы, должно быть, Джимми Паз.

— Он самый,— признался Джимми, гадая, сказала ли она Цвику и, что более важно, собирается ли сказать об этом сегодня вечером.

— Что это, банановый дайкири? — спросил Цвик.— Чего я хочу, так хочу. Бет, этот парень делает самый лучший дайкири во всей галактике. Дайкири галактического уровня.

— Наслышана,— откликнулась Моргенсен, которая на самом деле знала этот дайкири вовсе не понаслышке, поскольку поглощала его в галактических дозах восемь лет назад, когда была одной из многочисленных подружек Джимми Паза.

Он подал напитки вместе с блюдом отварных креветок и маленькими горшочками разнообразных соусов, избегая ее взгляда.

Они выпивали за легким столиком, расслабленно покачивая плечами и пощелкивая пальцами в такт музыке. Несколько раз Паз вставал из-за стола, чтобы снова наполнить блендер, и Амалия, которой нравилось выжимать лаймы и мелко крошить в чашу бананы, всякий раз ему помогала. В последний такой заход он наткнулся на Бет Моргенсен, которая возвращалась из ванной комнаты. Паз отослал Амелию с полным блендером к гостям, и Моргенсен проводила весело семенившую девочку взглядом.

— Итак,— сказала она, окидывая его нахальным взглядом,— что я вижу? Джимми Паз приручен и одомашнен, при жене и дочке. Кто бы мог подумать? Похоже, я упустила свой шанс.

— Вот уж не знал, что у тебя были на мой счет такие соображения. Насколько я помню, твоей целью был толстый профессор.

— Значит, я была глупа. Сколько времени ты женат?

— Семь лет, около того.

— О, опасный период.

— Не знаю. Пока меня все устраивает.

— Значит, она калейдоскоп восторга.

Бет придвинулась ближе, положила руки ему на плечи, слегка покачивая под музыку бедрами.

— Трудно поверить,— сказала она,— чтобы ты еще и хранил ей верность. Совсем не похоже на того Джимми Паза, которого я знала раньше.

— Люди меняются, взять хоть тебя. Помнится, ты готова была выскочить из трусиков за пару понюшек кокаина.

— Верно. Хочешь, чтобы я выпрыгнула из них сейчас? Ты ведь знаешь, что под ними.

Паз одарил ее фальшивой улыбкой, сопровождаемой искусственным смехом, и отстранился.

Бутылка сменялась бутылкой, а в миске росла груда креветочной шелухи. Цвик разглагольствовал о своем намерении проникнуть в тайны сознания и найти ответ на «последний вопрос в науке, остающийся без ответа».

— А я думал,— заметил Паз,— что это должна быть универсальная теория, которая свяжет теорию относительности, квантовую механику, квантовую гравитацию, — Всеобщая Теория Всего.

— Только не это! — воскликнула Бет в притворном ужасе.— О нет! Ты завел с ним речь о связующей теории! Разбуди меня, когда это закончится.

— Да, тиоретически,— сказал Цвик с немецким акцентом,— ти-орети-чески так оно и есть, но беда в том, что, даже вечно наблюдая за столкновением элементарных частиц или глядя в телескопы за процессами, происходящими на расстоянии в миллиард световых лет, можно, конечно, прийти к определенным выводам, но они никогда не получат экспериментального подтверждения. Вот теория относительности или

квантовая механика — это совсем другое дело. Они нашли подтверждение в тысячах долбаных экспериментов.

Его понесло, и он излил на компанию краткий курс основ квантовой электродинамики и общей теории относительности, используя креветки и кухонную утварь в качестве частиц (или волн) и салфетки, чтобы моделировать пространства Калаби — Йау, в которых мнимые семь дополнительных измерений пространства-времени были свернуты в бесконечно малых пределах длины Планка. Он был великолепным лектором, живо и увлеченно излагавшим самые немыслимые заумные теории. Похоже, даже Амелия некоторое время слушала его и лишь потом отвлеклась на игру с кошкой.

— Ага, звучит здорово, только смысла в этом, похоже, никакого, и никто не может соотнести эту бредятину с нашим, данным в ощущениях, миром,— встряла Моргенсен.— Мгновенное воздействие на расстоянии, растягивающееся время, квантовые кошки, которые живы и мертвы одновременно,— лично мне кажется, что вы, ребята, все это просто понапридумывали.

— Это потому, что ты примитивное существо, а не ученый,— заявил Цвик.— Очаровательное, конечно, но примитивное.

— Прошу прощения, почему это я не ученый? Я тоже занимаюсь наукой.

— Лженаукой, вот чем ты занимаешься. Твоя социология — это лженаука, которая использует статистическую методологию, чтобы замаскировать набор ложных постулатов. Она сродни френологии. И не имеет значения, настолько вы точны с вашими долбаными замерами и опросами — поскольку в их основе лежит мура, то и на выходе получается то же самое. Наука — это физика: теория, анализ, эксперимент. Все остальное — дерьмо собачье.

— От такого слышу — парировала Бет.

— Но если рассмотреть все это в ином ракурсе,— покладисто сказал Цвик,— мы начинаем понимать, что социоло-

гия действительно царица наук, глубокая, просвещающая, и при близком рассмотрении существенно отличается по виду от собачьего дерьма...

— Из твоих слов можно сделать вывод, что связующая физическая теория — тоже собачье дерьмо,— зудела Лола.

— Нет,— возразил Цвик,— она имеет внешние очертания настоящей подлинной науки, с математической точки зрения она предсказывает то, что нам уже достоверно известно, но на самом деле маловероятно, чтобы она была чем-то, кроме, ну, не знаю, теологии, что ли. Теология тоже имеет формальные признаки науки. Вот и эта теория при всех ее достоинствах стала совершенно средневековой: нет никакой надежды на ее опытное подтверждение, потому что для постановки такого эксперимента не хватит всей энергии во Вселенной. Да, конечно, хотелось бы добраться до нитей или измерений, замкнутых в длину Планка, постичь суть космоса, да только это все равно что искать черную кошку в темной комнате. Даже если она там есть. Что мы обнаруживаем — темное вещество? Темную энергию? Да сколько угодно, но ничего больше.

Другое дело — биология, особенно нейробиология — она находится на том этапе развития, который переживала физика сто лет назад. Мы получаем огромный объем настоящей научной информации, точно так же, как в свое время и в своей области такие ребята, как Резерфорд и все прочие. Теперь мы можем заглянуть внутрь мозга, фактически наблюдать за тем, как осуществляется процесс мышления, точно так же, как они смогли заглянуть внутрь атома. Существует технология создания образов с помощью магнитного резонанса и циклотрона — это механизмы одного и того же порядка важности. Плюс теперь у нас есть геномы, а это значит, что мы можем выявить генетические переключатели, детерминирующие процесс познания, проследить, как формируются поведенческие реакции вплоть до молекулярного уровня. Таким образом, психологию можно выбросить за окошко. Я хочу сказать, что объ-

ективно она всегда была мурой, но теперь мы точно знаем, что это мура, ибо нет никакого такого «психо», к которому могла бы прилагаться эта «логия».

Все это время Паз помалкивал, впитывая это вместе с изрядной дозой «Бакарди» на фоне навязчивых мыслей о Бет Моргенсен. Более чем за восемь лет он не подумал о ней и трех минут, не вспоминал о ней вообще за более чем восемь лет, но, похоже, сейчас она основательно оккупировала участок его мозга. Вспомнилось, какова она в постели, как не похожа на его жену, какими легкими, в отличие от непрекращающихся военных действий на семейном фронте, были их отношения. Конечно, он знал, что как раз легковесность таких и множества подобных им отношений и подтолкнула его к браку, но все же...

— Бредятина! — заявил он, будучи не столько заинтересован в дискуссии, сколько желая очистить мысли от мусора.— Как раз этого ты никаким способом узнать не можешь.

— Ну, если не сейчас, то потом мы обязательно узнаем. Вся эта сфера систематизируется, философизируется, что характерно для всей истинной науки. Мы движемся к настоящему пониманию кода нервной деятельности, того, как в действительности работает мозг. Такому же конкретному, как основные свойства кварков, которые устанавливают качество элементарных частиц, а те, в свою очередь, устанавливают свойства химических элементов, потом молекулы, потом жизнь и так далее.

— Никогда,— сказал Паз.

— Почему никогда? Какие у тебя аргументы?

Паз помешкал, проверяя готовившееся на гриле мясо чуть дольше, чем требовалось, и за это время в его памяти всплыла белотелая женщина с вьющимися каштановыми волосами, заостренным носом, серыми, по-волчьи раскосыми глазами и маленькими, упругими грудями. Сивилл, студентка-философ, рассказывавшая ему о теории логических типов.

— Теория логических типов,— сказал Паз.— Альфред Норт Уайтхед.

Обе женщины пришли в восторг от того, какого щелчка отвесил он задаваке Цвику.

— При чем тут эта теория? — раздраженно спросил он.

— Да при том,— заявил Паз, которому выпитое спиртное придало уверенности, что любой комплекс не может быть частью самого себя.— Назовем совокупность всех знаний, которыми мы располагаем о конкретном предмете, комплексом А, а всю совокупность знаний как таковых, научных, традиционных, бытовых,— комплексом Б. Очевидно, что комплекс А, по определению, вписывается в комплекс Б: не важно, идет речь о массе элементарных частиц или количестве парикмахеров в Цинциннати, верно? Но комплекс под названием «понимание сознания» — это вовсе не еще один комплекс типа А, это нечто принципиально иное. В определенном смысле даже более значимое, чем комплекс Б, на самом деле представляющий собой совокупность всех человеческих сознаний. Таким образом, полное постижение этого человеческим сознанием противоречит теории, поскольку данный комплекс А не может вписаться в комплекс Б. Никогда.

Цвик вытаращил глаза, помолчал и с чувством сказал:

— Это полное, окончательное, совершенное, абсолютное дерьмо!

— Плюс,— добавил Паз,— сознание не обязательно продукт мозга. Можно, конечно, не одобрять дуализм, однако непризнание его, так же как и признание,— это вопрос убеждения, веры, а не знания. Это не наука.

— Сознание не является продуктом... что это, Средние века? Нет никакого особого сознания? То, что мы понимаем под сознанием, представляет собой эпифеномен, явление, сопутствующее мгновенному электрохимическому состоянию, генерируемому кусочком мяса. Это иллюзия, созданная эволюцией для того, чтобы организовывать и координировать сенсорные данные с помощью действий.

— В таком случае, с кем я разговариваю? И с какой стати я должен верить тебе больше, чем ты веришь в духов?

— Эй, доказательство в том, чтобы позволить мне проникнуть в твой череп и сделать пару крохотных надрезов, и тебя больше не будет. Уж в этом, приятель, можешь мне поверить.

— Я-то тебе верю, но это ничего, кроме дерьма, не значит. Я вот тоже могу пойти туда и вырубить свой приемник, настроенный на «Радио Мамби». Приемник заткнется, звуков больше не будет слышно, но разве это означает, что долбаное «Радио Мамби» просто перестало существовать? Правда, это было бы неплохо.

— То есть, по-твоему, существует субстанция, именуемая «сознание», которая каким-то образом плавает в эфире, лишь соприкасаясь с мозгом?

— Вовсе не обязательно, но чем это хуже утверждения насчет того, что сознание детерминировано мясом? И это объяснило бы демонов, сновидения и ясновидение лучше, чем твой подход.

— Господи! Это Средние века. С чего начать? Ладно, во-первых, любой дуализм не соответствует принципу «бритвы Оккама», то есть добавляет ненужный уровень сложности феномену, который может быть объяснен и без того.

— Долбаный Оккам с его долбаной бритвой,— сказал Паз и добавил: — Подожди минутку, придержи эту мысль!

Крохотный воображаемый таймер отзвонил воображаемый сигнал в несуществующем сознании Паза, и он встал и театрально сорвал крышку с гриля, открыв взору решетки с исходящими паром ребрышками как раз в момент идеальной готовности.

— Давайте поедим,— заявил Паз, и все захлопали в ладоши.

Во время самого обеда Лола искусно увела разговор в сторону от космологических тем, расспрашивая Бет о ее исследованиях, которые были посвящены изучению жизни улич-

ных проституток Майами (девушек, которые позволяли молодым людям целовать их за деньги, как они объяснили Амелии), и сама рассказала несколько забавных историй из своей практики в качестве нейропсихолога в приемном покое, о своих нынешних обязанностях и об учебе в медицинской школе с Цвиком, указав на его полнейшую некомпетентность в области элементарной лечебной практики — он в жизни не нашел у больного вену с первой попытки, а бывало, не находил и с двенадцатой.

Цвик отнесся к этому обвинению вполне добродушно, охотно признав, что стал доктором только потому, что смог производить жестокие опыты над человеческими существами, ничем не рискуя и не испытывая ни малейшей вины по этому поводу.

Они выпили почти галлон испанского белого вина, и, после того как убрали со стола и подали десерт, Паз как anejo — дополнение вынес бутылку рома Havana Club, и они попивали его маленькими глотками некоторое время, пока девочка не стала клевать носом и ее не пришлось унести в постель.

— Я боюсь ложиться спать, папа,— сказала она, когда он наконец уложил ее под одеяло.

— Ты так устала, что уснешь сразу, сама того не заметив.

— Да, но что, если снова явится зверь из сна?

— Не явится. Сегодня он заявится к другой маленькой девочке.

— К кому?

— Скорее всего, к капризной девочке. Не такой, как ты.

— Но что, если придет другой зверь?

— Ну, в таком случае, может, хочешь взять мой енкангуэ? Никакой зверь из снов не захочет с этим связываться.

— Ух ты! Его сделала для тебя abuela, правда? Чтобы защитить тебя от монстров.

— Правда.

— Мама говорит, это просто суеверие.

— Маме позволено иметь свое мнение,— ласково сказал Паз, снял через голову висевший на шнурке амулет и аккуратно привязал его к кроватному столбику.— Не открывай его, ладно?

— А что будет?

— Он может перестать работать. А сейчас — доброй ночи.

— Я хочу сказку.

Она взяла книжку и раскрыла на коротенькой, в три страницы, сказке «Паутина Шарлотты».

Вернувшись в патио, Паз поставил компакт-диск Ибрагима Фереро и некоторое время стоял, прислушиваясь к сочному голосу, напевавшему старое болеро, музыку из великой эпохи песен 1940-х годов, музыку его матери. Царила бархатная тьма, насекомые жужжали в деревьях, аромат жасмина витал в воздухе, единственный свет давали цитронелловые свечи, горевшие на столе в подсвечниках из желтого стекла. Он обнял рукой плечи жены и повел ее в медленном танце. Издалека, из погруженного в темноту двора, доносились звуки спора между Цвиком и Бет.

— О чем шум? — шепнул он ей на ухо.

— Она выпила и настроена воинственно. По двум пунктам. Во-первых, он недостаточно уважает ее интеллект и научные заслуги. Во-вторых, и это, кажется, главное: он считает, что людям, которые хотят добиться чего-то в науке, не следует иметь детей. А она смотрела на Эйми с таким видом, будто готова была ее похитить. От природы не уйдешь, биологические часы тикают, время уходит, и Бет, видимо, начинает осознавать, что должность вовсе не заполняет пустоту, так же как не заполняют ее блестящие бессердечные хлыщи вроде Боба Цвика. Бедная сучка.

— Ты все это знаешь по себе?

— А то по кому же?

Она сильно его стиснула.

— И это я получил за то, что такой дурачок.

— Вовсе ты не дурачок, дурачок.

— Но не такой умный, как Цвик.

— Нет, но ты более смышленый. Я не уверена, что найдется кто-нибудь такой же умный, как Цвик. Хотя этим своим пассажем с Уайтхедом ты его слегка уел. Все-таки ты прелесть, никогда не перестаешь меня восхищать.

Звуки спора затихли, сменились плачем, более тихим разговором, потом слабым скрипом креплений веревочного гамака.

— Ну вот, по-твоему, они занимаются этим в нашем гамаке? — поинтересовался Паз.

— Надеюсь, что так. Они могут согреть его для нас. Господи, когда в последний раз мы занимались этим во дворе?

— До того, как Амелия научилась справляться с дверными ручками.

— Вот и заводи после этого детей,— сказала Лола.

Цвик, пошатываясь, вернулся к столику и налил себе на пару пальцев старого рома. Паз с Лолой подошли к нему.

— А где твоя подружка? — спросила Лола.— Задушена?

— Отключилась в гамаке. Это все твоя вина, Паз, твоя и твоих дайкири, и твоего anejo — рома, и твоих онтологических рассуждений. Ты знал, что физика — это патриархальный заговор для продвижения доминантного мировоззрения? Как и медицина.

— Ну, когда ты разрешишь тайну сознания, это не будет иметь значения,— сказал Паз.— У тебя появится возможность заново закодировать мозги всем и каждому.

Цвик рассмеялся намного громче, чем заслуживало это замечание.

— Ага, а что, если это изменит физику? Послушай, хочешь, я открою тебе секрет Вселенной?

Он изобразил параноика, озираясь через оба плеча.

— Только никому не рассказывай, ладно. Так вот, теория относительности и квантовая электродинамика зиждут-

ся на могучих столпах постулатов, каковые чрезвычайно убедительны, так убедительны, что ничего убедительнее во Вселенной вообще нет. Может, даже слишком убедительны, так что это превосходит всякую вероятность. Ты ведь детектив, не так ли? Что, если бы я сказал тебе, что всякий раз, когда происходит прорыв в физике, обнаруживается раздел абстрактной математики, который просто идеально подходит к данной новой концепции? Эйнштейн случайно обнаружил, что Риманова геометрия прекрасно подходит для математического описания общей теории относительности. А ребята, изучавшие квантовую физику, случайно обнаружили матричную алгебру и тензоры. И когда они впервые предложили связующую теорию, она случайно вписалась в бета-функцию Эйлера, старый раздел математики, насчитывающий две сотни лет, который никогда раньше не находил применения. Можно помянуть и Калаби с Йау: геометрия гиперпространства прямо-таки случайно описала, как искривляются эти дополнительные измерения, которые нужны для связующей теории. Не говоря уже о том факте, что целая область мировых констант прямо-таки случайно обеспечивает существование вселенной, в которой эволюционирует сознательная жизнь, а ведь изменись хоть одна из них, не было бы никаких звезд, никаких планет, никакой жизни. Что бы ты на это сказал, а?

— Я бы поискал подтасовку. Или что-то в этом роде.

— Да, но в чем? Это бесперспективный вопрос. Допустим, это подтверждает связующую теорию с физической точки зрения. Допустим, что мы принимаем предположение Хокинса о том, что черные дыры излучают свои ядерные превращения, находим черную дыру, достаточно малую и доступную для изучения, и, производя наблюдения, обнаруживаем излучение, предсказанное связующей теорией. Аллилуйя! У физики наконец есть теория всего, за исключением... за исключением того — а что, если мы все это придумали? Наблюдения — это зыбкая основа для выводов, когда ты знаешь, что ищешь

и что хотел бы увидеть. Тысячи астрономов наблюдали небо и вписывали свои наблюдения в Птолемееву систему, идя при этом на всяческие, большие и малые, допущения. Правда, эта теория все равно рухнула, но связующая теория рухнуть не может, потому что это теория всего, все уже объяснено и подтверждено миллиардом наблюдений. Но наблюдение само по себе — это продукт сознания, и мы не знаем, что это такое!

— Почему же ты пошел в медицину?

— Почему я занялся медициной? Скажем, я ошибаюсь, и Джон Сирль, и все они ошиблись. Сознание — это не маленький обман мозга, это вещь в себе, основной составляющий элемент Вселенной наряду с пространством-временем и массой. Он обладает собственным существованием, может быть, где-то в дополнительных измерениях пространства Калаби — Йау или в какой-то связующей вселенной. Это твой дуализм субстанции, да? Твой и Декарта. Тогда ты можешь иметь собственных богов и демонов, а? Свои чудеса.

— Но ты в это не веришь,— сказал Паз. В горле у него неожиданно пересохло, и он налил себе фруктового сока, который вообще-то предназначался для дочки.

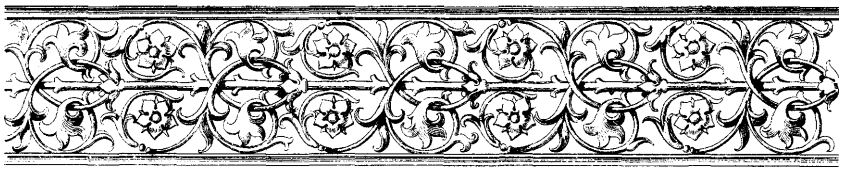
— Ха, это всего лишь пьяный треп. Но давай предположим, что это правда, мы действительно обнаружили тайну сознания, точно так же как мы открыли секрет физического мира, и тогда должны существовать эти два новых столпа знания, внешний и внутренний миры, тянущиеся к небесам, а потом явится какой-нибудь Эйнштейн и выяснит, как они связаны, замкнуты один на другой. И что тогда? Возможно, мы услышим зуммер или громкий клик. А потом поперек небосвода появится грандиозная надпись — «ИГРА ОКОНЧЕНА». Или, может быть, мы научимся не только наблюдать квантовый мир, но и действительно его изменять. На самом деле фактически манипулировать сокровенной структурой ткани пространства-времени и массы-энергии!

— Но это вряд ли случится скоро, верно? — спросила Лола.— А то я только что сдала кучу вещей в химчистку.

Цвик схватил свечу, поднес ее к своему подбородку и голосом из фильмов ужасов произнес:

— Мы были бы как боги! Ха-ха-ха-ха!

Все они рассмеялись, но как-то слегка тревожно, и у каждого были для того свои основания.



6

Дженни бросила разломанный банан в блендер, чтобы смешать его с сельдереем, свеклой, белковой мукой и экстрактом семян подорожника блошного, и нажала кнопку. Через стеклянную верхушку было видно, как образуется мягкая, розовато-серая воронка. Приготовление утренней порции кашицы для Руперта было одной из обязанностей Дженни наряду с кормлением птиц, котов, своего дружка, а в последние дни еще и Мойе — индейца, или рунийя. Ей пришлось запомнить его имя. С ним было сложнее всего, потому что пищевые пристрастия Мойе расходились с принятыми в Альянсе. Руперт считал, что употреблять в пищу мясо выращенных на убой животных неправильно и что защитникам природы следует подать всем хороший пример, а заодно и проявить солидарность с жителями дождевых лесов, перейдя на их диету. Руперт попросил профессора Кукси расспросить Мойе о том, чем питаются его соотечественники. Но оказалось, что Мойе в принципе считает едой только мясо, включая в это понятие и рыбу, и черепах, и прочих рептилий, а заодно и водоплавающих птиц, а когда к нему приставали с более подробными расспросами, оскорблялся — считал, что речь идет о «женской пище». Таким образом, все съестное разделялось у него на мясо и «женскую пищу».

Она должна была и присматривать за ним, что было не трудно, гораздо легче, чем за ребенком, потому что в целом он вел себя смирно и мягко. По утрам, когда она занималась домашними делами, и в это время, как сейчас, когда ей при-

ходилось готовить еду и подавать ее, она сажала индейца перед большим телевизором в гостиной. В усадьбе имелось кабельное телевидение, она обычно включала для него программы о природе. Очевидно, они ему нравились, но он безропотно сидел рядом с ней и когда она смотрела свое любимое шоу «Одна жизнь, чтобы жить», хотя ей приходилось объяснять ему, что к чему, потому что трудно было понять сюжет бесконечного сериала, если ты не знаешь, что было раньше. Дженни перелила густую смесь из блендера в дымчатый стеклянный бокал, из которого любил пить Руперт, поставила его на сервировочный поднос вместе с травяным чаем для Луны, кофе для Джели и чрезвычайно крепким, но с молоком чаем для профессора Кукси, добавила тарелочку с шоколадным печеньем, «Спрайт» для себя и отнесла поднос в офис.

Все они говорили о Мойе и что с ним делать теперь, когда произошло это убийство старого кубинского воротилы. Она заинтересовалась, поэтому, поставив поднос на столик, села в сторонке в кресло и стала слушать. Это было нормально, поскольку, по мнению Руперта, она должна была считать себя полноправным членом сообщества, а не какой-то там служанкой или нечто вроде этого. Ну, по большому счету она и не считала себя служанкой — ей довелось побывать в прислуге на самом деле, и уж она-то прекрасно знала разницу.

Дженни подумала, что появление на встрече уже после ее начала немного похоже на попытку смотреть сериал с середины — не сразу понимаешь, что там да как, но поскольку персонажи известны, постепенно вживаешься. Луна хотела использовать Мойе, чтобы основательно облить дерьмом ребят, затевавших вырубку леса. У нее был друг, телевизионный продюсер на Четвертом канале, и она подумала, что могла бы состряпать интересный сюжет. Убойную историю о маленьком сыне природы, проделавшем невероятный путь из Южной Америки в хрупкой скорлупке каноэ.

Джели на это сказала, что он, к сожалению, не кубинец, а когда Луна спросила, что это значит, Джели пояснила, что

Мойе находится в стране нелегально, и, если его история приобретет публичное звучание, Служба иммиграции и натурализации тут же отправит его на Кром-авеню куковать за решеткой в компании всяких там гаитянцев.

— Вот дерьмо,— сказала Луна,— я об этом не подумала,— и добавила: — Руперт, ты должен поговорить со своим конгрессменом.

Руперт давал уйму денег этому конгрессмену, но Дженни все время забывала его имя, что-то вроде Уолти. Иногда он подбивал этого малого толкнуть в Конгрессе речугу начет чего-нибудь, что было бы актуально для «Лесной планеты».

Руперт, однако, завел волынку насчет того, что сейчас, может быть, не самый подходящий момент, пока ничего не прояснилось с этим убийством. И спросил профессора Кукси, как тот думает, способен ли Мойе убить кого-нибудь таким образом?

— Ну, в общем, он говорит, что нет, и я верю ему, но до определенного момента,— ответил Кукси, подумав.— По его словам, этого человека убил Ягуар, что заставляет меня задуматься.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Луна.

— Да то. Как я понимаю, этот Ягуар для него своего рода бог, так что, может быть, это фигура речи — ну, вроде когда с человеком, которого мы не одобряем, случается что-то плохое, мы говорим: «Бог наказал». Но с другой стороны, тут могло иметь место перевоплощение.

— То есть?..— не поняла Луна.

— Это такой обряд, я неоднократно наблюдал его в экспедициях. Шаман принимает какой-то наркотик, обычно разновидность айауаска, который является экстрактом лозы Banisteria, вместе с другими растительными добавками. Он впадает в транс, во время которого дух его животного-покровителя овладевает им и наделяет его особыми возможностями. Такими, например, как сверхчеловеческая сила, способность видеть в темноте, способность путешествовать в форме

духа и так далее. Понимаешь, это уже не он, но дух животного. Так вот, в этом случае наш Мойе вполне мог совершить убийство, но ничего не помнить и на самом деле не знать об этом преступлении.

Дженни заметила, что на лице Руперта появилась мечтательная полуулыбка, которая появлялась у него, когда он слышал что-то такое, чего слышать не хотел и у него возникало желание, чтобы все с чьей-нибудь помощью, если не само собой, поскорее рассосалось.

— Это неприятно,— произнес он.— Очевидно, это существенно уменьшает или, скорее, сводит на нет возможность того, чтобы индеец представлял какую-либо ценность для нас как для организации. На самом деле я не уверен, с учетом всех обстоятельств, не следует ли нам заявить в полицию.

Лицо Луны побледнело под загаром, а глаза сузились. Дженни уже давно усвоила, что это предвещает бурю, и буря не заставила себя ждать.

— Полицию? Руперт, о каком долбаном дерьме ты вообще толкуешь? Против какого черта мы тут боролись, если не против той дряни, которая творится в Паксто, чему Мойе является живым свидетелем? Живым свидетелем! И ты хочешь посадить его под замок, потому что какой-то кубинский мерзавец позволил себя угрохать?

— Конечно, я не хочу сажать его под замок,— ответил Руперт выводящим из себя рассудительным, менторским тоном.— Однако предоставить убежище... э-э... человеку, который, возможно, совершил тяжкое преступление, означало бы скомпрометировать принципы нашей организации и подвергнуть нас... э-э... угрозе судебного преследования. Ты, конечно, понимаешь это?

Это большая ошибка, подумала Дженни. Когда у Луны появлялся такой взгляд, хотелось либо согласиться с ней, либо убраться из города, скажем, дня на три.

— Нет,— сказала Луна,— я понимаю одно: у нашей организации вообще нет никаких принципов, кроме возможно-

сти предоставить кучке толстосумов думать о себе хорошо из-за того, что они имеют возможность потратить кучу денег. О, раз я не покупаю тропическую твердую древесину и на завтрак пью выращенный в тени экологически чистый кофе за три тысячи зеленых, дайте-ка медальку как добропорядочному гражданину, радеющему за экологию. Позволь мне выразиться ясно, без обиняков. Если кто-нибудь вздумает вызвать копов и заложить им этого человека, я лично сдерживаться не стану. Я тоже настучу куда следует, только не в эту чертову полицию. Каждый борец за чистоту окружающей среды узнает, что здесь произошло и кто в каком дерьме сидит. Я обзвоню все телеканалы города. За воротами будут постоянно торчать съемочные группы с телевидения, и тебе придется без конца объяснять им, почему сохранение дождевых лесов не настолько важно для Руперта Зингера, чтобы он мог рискнуть навлечь на себя подозрение в противоправном поступке. Мне плевать, если ты вышвырнешь нас отсюда, мне плевать, если нам со Скотти придется спать в нашем долбаном трейлере и питаться рисом и бобами...

— Мы можем сделать запись,— подала голос Джели Варгос.

Луна прервала свою гневную, пафосную речь, и все уставились на Джели.

— Мы могли бы записать его рассказ: пусть он говорит в камеру, по-своему, а на это можно будет наложить субтитры с переводом. И разослать копии средствам массовой информации. Это вывело бы на чистую воду «Консуэлу», оказало бы давление на колумбийцев и помешало им уничтожать национальный парк, особенно учитывая то, что Паксто был организован в первую очередь благодаря пожертвованиям организаций по охране окружающей среды.

— Не понимаю, каким образом это может решить нашу проблему,— сказал Руперт.— Такая запись не имеет значения для средств массовой информации, пока они не получат сведений о том, кто этот человек, причем подтвержденных.

То, что он низкорослый, с коричневой кожей, подстрижен под горшок и имеет на лице татуировки, еще ничего не доказывает — лицо может разрисовать и ряженый. Так что нам в любом случае пришлось бы назвать себя, представить его для интервью...

— Нет, идея хорошая,— заявила Луна.— Если мы сделаем все правильно, это вызовет сенсацию. Он станет публичной фигурой, и тогда не будет иметь значения то, что он нелегальный иммигрант.

— Почему, Луна? — спросил Руперт.

— Если мы сделаем все, как надо, и разошлем побольше записей, то к тому времени, когда Служба иммиграции и натурализации возьмется за это, дело уже будет сделано. У нас уже будут интервью. Я могла бы предложить Санни Риддл эксклюзивный сюжет, эпическое путешествие по Ориноко. И в конце концов, черт с ним, пусть они заберут его и посадят за решетку — не на всю же жизнь. Пусть они репатриируют его. Бога ради, он же не поселиться здесь хочет, не просит политического убежища. Ему нужно, чтобы его лес оставили в покое — и все. И кроме того, мы могли бы сделать из этого книгу, могли бы получить грант, направить группу в Колумбию для возвращения Мойе в его природную среду обитания. Господи, да наша организация мигом оказалась бы в числе самых значительных.

— Я вижу,— сухо заметил профессор Кукси,— нас уже не волнует, что, возможно, у этого малого в обычае потрошить людей, находясь в состоянии наркотического транса.

— Но ведь, насколько я понимаю, у нас нет никаких доказательств этого, верно? — сказал Руперт.— Это всего лишь предположение, как признаешь и ты сам. И Джели права. И Луна. Это могло бы стать большим прорывом для нас.

Он отвернулся от Кукси и добродушно посмотрел на обеих женщин своими карими глазами.

— Но как нам организовать эту запись? Может, где-нибудь подальше от усадьбы?

В ожидании их ответа он отправил в рот изрядный кусок шоколадного печенья. Профессор Кукси повернул голову и посмотрел на Дженни в упор, словно знал, о чем она думает.

Дженни встала и вышла, не потрудившись забрать поднос из-под еды или спросить, не нужно ли кому чего-нибудь, как делала обычно. Она редко впадала в гнев, ибо вообще — какой прок злиться, но все услышанное ей не понравилось. По ее мнению, профессор Кукси мог бы выдвинуть возражения, да и она сама могла бы, хотя до сих пор Дженни со своим мнением не вылезала, когда обсуждались дела организации. Этот разговор напомнил ей другие беседы, которые велись при ней между социальными работниками и приемными родителями. Они всегда говорили о ней так, будто ее там не было, решали, что делать с ее проблемой. Ей стало не по себе. Конечно, Мойе при этом разговоре не присутствовал, но по существу это дела не меняло, они относились к нему именно как к проблеме, а вовсе не как к живому человеку, у которого наверняка есть свои соображения по поводу собственной участи и которому наверняка нашлось бы что сказать.

Чаще всего разговаривал с Мойе профессор Кукси, ибо он знал язык, но он по большей части говорил о растениях и о всяких непонятных делах, которыми индеец занимался у себя дома в дождевом лесу, а также о богах и духах.

Дженни прошла через внутренний двор и по садовой лестнице спустилась к пруду. Мойе, как она и ожидала, был там: хмуро смотрел на водопад и мурлыкал себе под нос. Она присела на корточки рядом с ним и спросила, что он делает.

Он ответил на рунийя:

— Когда я впервые оказался в стране мертвых, я думал, что уай'ичуранан умеют двигать звезды на небе, и очень боялся. Кукси сказал мне, что это не так, но то, что я вижу здесь, на самом деле почти так же плохо. Вы создаете свой маленький мир, как в этом пруду, как в вашем саду, но все это неправильно, все сивикс, и при виде всего этого у меня болит живот. Жи-

вые существа живут в мертвом окружении. Неужели ты никогда не прислушивалась к тому, что говорит растение или животное?

Она кивнула и улыбнулась.

— Да. Здесь здорово, просто круто. Понимаешь, это все как настоящее. Насосы работают от солнца. Солнце, видишь,— она указала на небо,— заставляет воду бегать по кругу. Солнце, водопад, понимаешь?

— Ты очень странное существо,— сказал Мойе.— Если бы я мог поговорить с тобой как следует, я бы проверил тебя и выяснил, чего ты лишена, хотя Обезьяний парень Воу затаскивает тебя в свой гамак очень часто. Я бы спросил Кукси об этом, хотя, возможно, именно из-за того, что вы мертвы, у вас так мало детей. А еще мне интересно, где ваши старейшины. Я слышал, некоторые племена поедают своих стариков, может быть, вы тоже так поступаете. Обязательно спрошу Кукси.

— Кукси сейчас в офисе, на собрании,— сказала она, узнав произнесенное имя.— Ты можешь отправиться к нему попозже. Хочешь сходить со мной посмотреть мою программу? «Одна жизнь»? Джессика и Джон? Пойдем?

Она изобразила рукой включение телевизора и начертила в воздухе экран, а потом, отстранившись от него, жестом поманила за собой. Несколько минут спустя они устроились перед экраном, она в потертом, но уютном ротанговом кресле, он на корточках, прислонившись спиной к кушетке.

Мойе наблюдает за украденными призраками мертвых людей в коробе духов. Кажется, будто они живут обычной жизнью мертвецов, хотя ему ясно, что этим ящиком управляют демоны. Время от времени мертвые люди исчезают, и появляется демон, который кричит и производит шум. Вот и сейчас: он видит, как демон появляется из бутылки и кричит на мертвую женщину, которая в ответ улыбается. Демон летает вокруг нее и обращает все в металл, вроде лезвия топора, кото-

рый сверкает на солнце, хотя они находятся в хижине, где солнца нет. Потом демон возвращается в бутылку, а женщина говорит о том, как она любит этого демона. Мойе знает, что у ее дочерей никогда не будет детей. Теперь мертвый человек пытается отравить собаку демона, но это не получается. Мертвый человек кладет яд в две миски, но собака демона выбирает миску без яда, ест и не умирает, а, напротив, разговаривает с человеком и говорит ему, как глупо он поступил — ему следовало положить яд в обе миски! Ясно, что уай'ичуранан не так умны, как рунийя, когда речь идет об истреблении демонов. Потом происходит что-то непонятное, одна сцена сменяется другой так быстро, что трудно уследить, а потом следует жужжание и писк, которые всегда предвещают возвращение духов.

Как всегда, когда в ящике показываются духи, Огненноволосая женщина начинает говорить, и Мойе думает, что это ее обряд поклонения. Сам Мойе, конечно, тоже умеет ловить духов и делает это, когда они начинают создавать для деревни неприятности. Или когда появляется дурной человек, убийца, колдунья — в таком случае он улавливает дух этого человека, держит взаперти, чтобы тело можно было легко сжечь. Но ему, как и никому из рунийя, никогда не пришло бы в голову заводить с ними разговоры. Только очень скверные или совсем глупые люди, отправляясь на Луну, оставляют своих духов позади, и что полезного можно узнать из разговоров с такими духами?

Интересно, думает он, может, это духи ее предков. Это, по крайней мере, имело бы смысл, потому что рунийя постоянно разговаривают с предками и для этих целей хранят высушенные сердца своих предков в красиво украшенных мешочках, которые свисают с потолочных балок их длинных домов. Интересно, может быть, в этой коробке духов как раз и находятся высушенные сердца. Однажды, в первый раз, когда она показала ему ящик с духами, он попытался вскрыть его заднюю стенку своим ножом, но она разволновалась и потяну-

ла его за руку. Он понял, что заглядывать в ловушку духов для нее сивикс, и потому не стал этого делать.

Она улыбается, указывает на ящик и говорит. Она хочет, чтобы он увидел что-то. Он смотрит. В комнате одного из домов уай'ичуранан готовятся совершить пувис. (Слышится громкое гудение, которое всегда происходит, когда ожидается что-то важное, это он успел усвоить.) Мойе уже видел это много раз. Мертвые духи всегда готовятся совершить пувис: они целуются, трутся друг о друга, снимают свою дурацкую одежду или большую ее часть, и все равно никогда никакого пувис не получается. Что и понятно: ну как духи могут делать пувис? На это способны только люди.

Духи этих мертвых людей ложатся на помост, где они спят, накрывшись одеялом, и дух мертвой женщины издает звуки, похожие на те, которые женщины издают в жизни; он слышал их много раз, когда Огненноволосая женщина и Обезьяний парень занимались пувис в своей хижине. А еще этим занимаются Сердитая женщина и Мужчина с волосатым лицом, но она издает другие звуки. Мойе знает, что духи не делают пувис, потому что женщина не стоит на коленях, показывая мужчине темные складки своей ака, чтобы возбудить его.

В любом случае, он больше не видит их, видит лишь дырку в стене их длинного дома, которая у мертвецов называется окном. Гул нарастает, и он снова видит мужчину и женщину, как если бы он прошел через это отверстие. Мойе и сам способен делать такое — проходить через стены,— и потому он знает, что айсири, колдун, где-то поблизости. Да, теперь он видит айсири, который уменьшился в размерах, чтобы проникнуть в короб духов. Огненноволосая женщина говорит, говорит, и Мойе хочется, чтобы она для разнообразия помолчала. У айсири в руках мешочек, и Мойе знает, что это лайгуа, ловушка для духов, потому что у него самого есть такой, хотя он и не захватил его с собой в землю мертвых. Его лайгуа поменьше, зато украшен яркими перьями.

Сейчас голова айсири становится больше, показывая, что он очень могуч, и Мойе видит ловушку для духов ближе. Он видит, что к этой лайгуа прикреплен маленький ящичек с духами, в котором кудесник может видеть пойманных духов. Он качает головой и думает, что, должно быть, колдуны уай'ичуранан глупы, раз нуждаются в подобной ерунде, поскольку сам Мойе или любой приличный кудесник рунийя, конечно же, чувствует, когда дух, на которого он нацелился, пойман, и не имеет никакой надобности еще и смотреть на этого духа. Но с другой стороны, Мойе не может не признать другого — то, что айсири явился прямо в короб для духов и показывает всем, как он заманивает и ловит духов и демонов, очень даже умно и интересно. По разумению Мойе, это делается потому, что уай'ичуранан очень много и им трудно разобраться, кто из них айсури, кто нет, из-за чего кудесник и показывает смотрящим в короб свою силу, чтобы те, если их беспокоят недружелюбные духи или враги, духов которых необходимо захватить, знали, к кому обратиться.

Мойе очень доволен тем, что додумался до этого, потому что разобраться в повадках и обычаях мертвецов очень непросто.

Сейчас снова затанцевали демоны, зазвучали громкие неприятные звуки, и он отворачивается.

— Ты понимаешь? — снова спросила Дженни.— Они собираются записать тебя на видео. Ну, как тот частный детектив в сериале, который записал Дэниэла и Линдси, видишь?

Она указала на телевизионный экран, выразительно ткнула пальцем в видеокамеру, а потом в Мойе.

— Они собираются записать, как ты расскажешь свою историю, а потом показать тебя по телевизору. Может быть, ты прославишься, и тебя пригласят на ток-шоу к Литтерману или еще к кому.

Он смотрел на нее с недоумением, как обычно, когда ей приходилось объяснять ему что-нибудь сложное.

— О господи, подожди секунду, ладно? Я лучше покажу.

Она выбежала из гостиной и помчалась по коридору в комнаты профессора Кукси. К ее удивлению, она увидела, что по офису слоняется Кевин.

— Слушай,— сказал он,— может, сходим в зоопарк? Поболтаем с Биллом Кирни. Поиграем с животными.— Когда она заколебалась, он добавил: — Мы могли бы взять с собой этого коротышку. Он наверняка никогда не бывал в зоопарке.

Дженни почувствовала благодарность.

В этом весь Кевин, подумала она. Как раз в тот момент, когда ты уже готова отказаться от него, он делает что-то по-настоящему славное.

Она обняла его и сказала:

— Конечно. Я просто должна ему кое-что показать.

С этими словами она вытащила из футляра принадлежавшую Кукси портативную видеокамеру «Панасоник» и проверила кассету и батарейку.

— Занятная штуковина,— сказал Кевин.— Ты точно знаешь, что с ней делать?

— Ну да,— ответила Дженни.— Я как-то жила в одной приемной семье, и этот малый, Хэрольд Логан, был просто помешан на программе «Самое забавное домашнее видео Америки». Бывало, заставлял ребят отмачивать фокусы, ну, типа сталкиваться на великах или падать мордой в торт — такую дурацкую фигню. Спал и видел, как отхватит главный приз в тысячу долларов, но сколько записей ни посылал, на шоу ни одна не попала. Думаю, там все забито для своих. Короче, поскольку я была самой старшей из детей, он научил меня пользоваться похожей хреновиной. Он думал, что будет забавнее, если он сам окажется в кадре. Один раз придумал идиотский сюжет с батутом. Ну, якобы дети прыгают из окна на батут, подскакивают, и все такое. Потом этот малый — здоровенный, пузатый придурок — тоже прыгает на батут, но тот не выдерживает и лопается. Он специально так под-

строил, чтобы лопнул, думал, смешно будет. Козел! Да только вышло круче — батут ни хрена не лопнул, а выдержал его, он подскочил, слетел с батута и вписался физиономией прямиком в угольный гриль для барбекю. Угольки горячие были, он сосиски жарить собрался или еще какое-то дерьмо. Ну вот, а когда приложился, так не только рожу обжег, у него и волосы вспыхнули. Он, натурально, орет, руками машет, жена выбежала с кувшином лимонада и давай его поливать, да только никакого толку. Еле-еле из шланга погасили. Я все это дурацкое шоу засняла, от начала до конца.

— Он получил приз?

— Куда там, он страшно обгорел, к тому же ругался так, что это никак нельзя было показывать. Тем более что подверглись опасности дети.

— Бывает, это ведь шоу-бизнес.

— Наверное,— сказала она и отправилась с камерой в гостиную. Кевин потащился за ней.

Дженни показала видеокамеру Мойе.

— Смотри. Она похожа на ту, что используют на телевидении, правда, я думаю, эта лучше. Так вот, я говорила, они собираются заснять тебя, чтобы твою историю можно было показать по телику.

С этими словами девушка направила камеру на Мойе. К ее огромному удивлению, он издал крик ужаса и выбежал из комнаты. Дженни в беспокойстве бросилась за ним.

— Что делать?

Кевин рассмеялся и сказал:

— Может быть, у него страх перед сценой. А что это за фигня насчет записи?

Дженни рассказала, о чем шла речь на собрании.

— Ну, это, конечно, ерунда,— равнодушно сказал он.— Так, дерьмовый пиар, и только.

— А у тебя есть более удачные идеи?

— У кого, у меня? Не, я просто рабочая пчелка. Так ты хочешь прогуляться?

— Конечно. Только верну на место эту штуку.

Когда Дженни вернулась в кабинет профессора с камерой, туда вошел Кукси и вопросительно на нее посмотрел.

— Я как раз показала Мойе, что такое видеокамера,— пояснила она.— Мы смотрели телевизор, и я сказала, что его тоже покажут по ящику, но он не понимал, и я, чтобы до него дошло, вынесла камеру. Но вот ведь какая ерунда получилась — он вдруг перепугался, будто я собралась его застрелить, и убежал. А вдруг он подумал, что это ружье?

— О, в этом я сомневаюсь. Вряд ли он знает, что такое ружье.

— Правда? Хорошо бы. И вот еще что: мы с Кевином хотим взять Мойе с нами в зоопарк. Это хорошо, а?

Памятуя о том, что за история вышла из прошлой встречи Кевина с Мойе, девушка почти ожидала отрицательного ответа, но Кукси эта идея неожиданно понравилась.

— Отличная мысль! — с улыбкой сказал он.— Уверен, это будет интересный опыт для всех.

Она нашла индейца в старом сарайчике, где он решил повесить гамак. Припав к земле, он бормотал что-то себе под нос, и в тусклом свете, пробивавшемся сквозь грязную крышу из гофрированного стекловолокна, выглядел нездоровым. Ей потребовалось некоторое время, чтобы убедить его пойти с ними и объяснить, что такое зоопарк.

Она мимически изобразила несколько типов животных — обезьяну, попугая, тигра,— в то время как индеец смотрел, не отрывая глаз. Наконец он собрал кусочки кости и перьев, которые вертел в руках, и положил их в плетеный мешочек, с которым не расставался. Она дала ему футболку с логотипом Альянса, а также уговорила надеть найденные в доме штаны-бермуды и резиновые шлепанцы. Потом они сели в «фольксваген» Кевина.

Дорога в зоопарк, находящийся в южном округе, заняла сорок минут, в течение которых Кевин, гоня на максималь-

ной скорости, слушал запись «Металлики», в то время как Дженни разговаривала с Мойе. Индеец сидел между ними на сиденье, как послушный ребенок, глядя прямо перед собой. Похоже, он пребывал в трансе, хотя Дженни была уверена, что он понял то, что она ему говорила. Она надеялась, если она будет говорить с ним достаточно долго, он каким-то образом приобретет способность говорить по-английски. Был с ней такой случай — она проживала в доме с ребенком, который вообще не умел говорить, а она знай трещала с ним без умолку, и через некоторое время он стал выговаривать слово за словом. Дженни до сих пор помнила, как ей было приятно.

В Зоологическом обществе Флориды Руперт пользовался авторитетом, благодаря чему у них имелись бесплатные пропуска. Как только они оказались на месте, Кевин направился прямиком к служебному корпусу, чтобы узнать, где сейчас его приятель по имени Кирни, работающий в обслуге зоопарка.

— Ремонтирует какую-то трубу возле площадки общения,— сообщил Кевин, получив нужные сведения, и они пошли по дорожке в том направлении.

Стоял чудесный солнечный осенний день, по небу плыли легкие облачка, но, несмотря на это, зоопарк не был переполнен, что радовало. По дороге Дженни объясняла Мойе концепцию площадок общения.

— Там дети входят в контакт с животными. Общаются с ними. Играют, гладят.

Она погладила индейца по руке, показывая, что имеет в виду. Проходя мимо киоска, девушка купила содовой воды и сосиску и кукурузный початок. Она спросила Мойе, не хочет ли он поесть, и очень удивилась, когда он жестами отказался.

— Слушай, приятель, ты ведь вообще ничего не ешь. В чем дело, а?

Но тут Кевин увидел Кирни, стоявшего на коленях возле вделанного в тротуар коммуникационного люка.

Дженни равнодушно смотрела, как парни обмениваются приветствиями и обнимаются. Кирни, невзрачный, похожий на хорька коротышка в грязных черных пластиковых очках, со множеством пирсингов и татуировок, придававших ему сходство с дерьмовой рождественской елкой, Дженни совсем не интересовал, а когда Кевин велел ей показать индейцу зверей, пока он потолкует с другом о делах, она погрустнела. Знала Дженни их дела: наширяться или надраться. Говорить она, конечно, ничего не стала, но у нее возникло предчувствие, что в конечном счете ничего хорошего из этой поездки не выйдет — Кевин опять отмочит какую-нибудь глупость. Ее раздражение затронуло и Мойе: вечно ей приходится с кем-то возиться — то с детьми, то с животными. Теперь вот с этим тупым индейцем, с которым и поговорить-то нельзя...

Она схватила его за руку и повела через маленькие ворота в зону общения, и там, на тропке, они встретили белую козочку. Коза остановилась, уставилась на них, потом подскочила, совершив в воздухе поворот на сто восемьдесят градусов, и умчалась на максимальной скорости, прорвавшись сквозь несколько семейных групп и сшибив по дороге малыша. Стадо овец плотной кучей понеслось в самый дальний угол своего загона, где они сбились в плотную стайку и заблеяли; иногда они задирали вверх глупые морды, а потом тыкались друг дружке в бока, пряча глаза в шерсти. Кролики носились кругами и пронзительно верещали, два ослика тщетно пытались перепрыгнуть через изгородь. Служитель зоопарка, который показывал нескольким детям, как кормить теленка из бутылочки, пошатнулся, когда теленок сорвался с места и, мыча, помчался обратно к своей матери.

Дженни, естественно, занервничала, ибо что-то тут было неладно. Зверюшки все разом словно сбрендили, а там и люди начали подхватывать на руки перепуганных детишек и давать деру. Дженни увидела, как элитной породы голуби в кровь бьются о проволочную сетку. Парочка павлинов неук-

люже пыталась взлететь в воздух и оседлать низкую ветку дуба, при этом самец оглашал окрестности демоническими криками.

Не сразу, но все же до Дженни дошло, что в центре этого звериного безумия находятся они с Мойе, однако, присмотревшись к индейцу, она не увидела в его глубоко посаженных глазах никакого выражения, кроме легкого беспокойства.

— Ладно, скучновато здесь, все только для малолеток. Пойдем еще куда-нибудь. О,— тут ей на глаза попалась табличка с надписью «Чудеса тропической Америки»,— ты ведь оттуда родом. Пошли, это будет как поездка домой.

«Чудеса» демонстрировали в новехоньком, оборудованном по последнему слову техники павильоне с огромным телеэкраном и стереозвуком, но неожиданно, в самый разгар шоу, Мойе вдруг напрягся, вскочил с сиденья и вышел. Дженни вышла следом за ним, слегка раздосадованная, ибо шоу было, в общем-то, интересным: во всяком случае, ей больше нравилось изучать дождевой лес в павильоне с кондиционером, а не в самих душных, сырых джунглях. Однако делать было нечего. Когда они проходили мимо туалета, Дженни знаками и движениями, словно необученной собаке, дала Мойе понять, чтобы он не сходил с места до ее возвращения, но когда вернулась, его не оказалось на месте. Борясь с паникой, она устремилась мимо огромного резервуара с рыбами Амазонки, мимо террариума с ядовитыми лягушками, мимо туканов и попугаев, носух и пекари, пока наконец со вздохом облегчения не увидела его, застывшего в восхищении перед большой застекленной клеткой.

— Это ягуар,— сказала она.— Самка. Здесь написано, что ее зовут Анита.

Дженни, запинаясь, начала читать надпись на табличке, но потом поняла, что индеец ее не слушает, и потому умолкла. Просто стояла молча рядом с Мойе и смотрела.

Огромная кошка лежала на широкой деревянной полке и, видимо, спала. Вдруг ее нос дернулся, уши встали торчком,

и она открыла золотистые глаза. В один миг она спрыгнула со своего лежбища, прижала нос к толстому стеклу и уставилась на Мойе. Она тяжело дышала, из открытого рта доносилось низкое громкое урчание. Мойе тоже стал издавать похожие звуки, ритмичные, монотонно повторяющиеся.

— Что ты делаешь? — спросила девушка, которой вдруг показалось, будто эти звуки забивают ей уши и застревают в голове.

Желудок скрутило, словно от страха. Она подумала, возможно, всему виной дерьмовая сосиска, и прав Руперт, когда говорил, что нельзя есть всякую покупную дрянь, в которую неизвестно чего напихано. К тому же у нее начались и какие-то нелады с глазами: свет замигал, все замельтешило — она даже подняла взгляд к потолку, чтобы посмотреть, все ли нормально с лампами. Смотреть пришлось осторожно, поскольку мигающий свет запросто мог вызвать припадок, но оказалось, что лампы тут ни при чем — все вокруг пошло мерцающей рябью, углы словно отодвинулись и скруглились, а стеклянная стенка прогнулась, будто водная поверхность под дуновением ветра. Дженни сделала глубокий вдох, только тут поняв, что стояла не дыша.

Она отчаянно заморгала, надеясь отделаться от наваждения, но оно не пропало, а странный звук, состоящий из звериного рыка и ритмичного распева Мойе, становился все тише и тише, пока не превратился во что-то вроде скрипа. Дженни огляделась по сторонам — нет ли кого-нибудь, у кого можно узнать, что происходит,— но тут свет почему-то начал тускнеть, и в конце концов все, кроме нее, Мойе и клетки, исчезло, погрузившись в серое марево.

Когда же она снова глянула на клетку, Мойе находился внутри ее, сидел на корточках. Зверь тоже сидел, его морда находилась в шести дюймах от лица Мойе. Они застыли неподвижно, обращенные к ней в профиль, словно рельефы, высеченные на стене храма в джунглях. Дженни коснулась

стекла, но это было просто стекло, гладкое, слегка нагревшееся. Не удовлетворившись, девушка тихонько постучала по нему два раза костяшками пальцев, желая убедиться, что оно действительно твердое, и Мойе повернул к ней голову.

Она увидела, что его глаза уже не глубоко посажены, как раньше, и не светло-карие, а зеленовато-золотистые, с вертикальными щелками в зрачках. У нее вырвался крик, а потом все ее тело словно обдуло прохладным ветерком: она ощутила знакомый привкус чего-то, похожего на сладкий пепел. А следом накатил ужас эпилептического припадка.

Когда она пришла в себя, какая-то женщина средних лет с добрым лицом вытирала ей рот. Дженни лежала на боку, на твердом полу, что-то мягкое было подложено ей под болезненно пульсировавшую голову. Хорошо еще, что ей ничего не засунули в рот, и поскольку она только что сходила в туалет, то, по крайней мере, не обмочилась. Когда ее зрение прояснилось, она увидела Мойе, стоявшего с Кевином и копом, который разговаривал по рации со смотрителями зоопарка. Вокруг собрались зеваки, мамаши велели своим чадам отвернуться и не смотреть, а сами при этом таращились за милую душу.

Добрая женщина помогла ей подняться на ноги и спросила, не нужно ли ей чего. Дженни ответила, что все нормально. То же самое девушка сказала сначала полисмену, потом встревоженному представителю зоопарка, потом парамедикам, которые прибыли, когда она уже выходила из здания. На самом деле, конечно, до нормы было далеко. Она чувствовала боль во всех конечностях, ей хотелось заснуть и не просыпаться.

— Я думал, что ты принимаешь те таблетки,— сказал Кевин уже в машине.

— Я перестала. У меня от них возникала сонливость и тошнота.

— Лучше сонливость, чем припадки падучей.

— Приступы. Их больше не называют припадками. Не знаю, наверное, я надеялась, что вылечилась. Иногда с возрастом это проходит. У меня был только один приступ с тех пор, как мы с тобой начали встречаться.

— По мне, так и одного слишком много. Господи, ты же была вся серая: я уже боялся, что ты окочуришься у меня на глазах. Почему он произошел? Ты говорила, что должны быть возбудители, которые это провоцируют.

— Ага, но они разные бывают. Чудные.

— Какие, например?

— Ты будешь смеяться.

— Нет, не буду. Скажи.

— Мойе начал... завел что-то вроде песни, и тут все как-то кругом пошло, и он вроде бы прошел сквозь стекло. Оказался в клетке с ягуаром.

— В клетке? Да каким образом он мог залезть в клетку? Там все на запорах.

— Хрен его знает, как залез, он просто был там. Он словно бы разговаривал с ягуаром, а когда я постучала по стеклу, обернулся, и глаза у него были... ну, короче, как у ягуара.

Кевин рассмеялся.

— Ох, ну ни хрена себе история! Зашибись!

— Ты обещал, что не будешь смеяться. Я рассказываю тебе то, что видела.

— Ладно, не гони волну, все ведь ясно. Когда хватанет такой припадок, может и не такое привидеться.

— Ничего мне не привиделось,— возразила она, но не слишком уверенно.

— Еще как привиделось,— сказал Кевин,— такая дрянь происходит только в фильмах ужасов, или когда ты наглотаешься совсем уж дерьмовых колес. Конечно, тебе привиделось. Слушай, что тут гадать, давай спросим самого индейца. Эй, Мойе, mi hermano, братишка, ты превращался в ягуара там? Нет? Видишь, ты все придумала.

От этого разговора она почувствовала себя еще более усталой, чем обычно после приступа, и погрузилась в сон, из которого ее вытряхнуло ощущение изменения движения машины.

Разлепив глаза, девушка выглянула в окно. Они медленно ехали по улице с роскошными особняками в испанском стиле, стоявшими в глубине дворов, полных пышной тропической растительности. Дорожные знаки и указатели здесь размещались на окрашенных в белый цвет бетонных столбах.

— А чего это нас в Гэйблз занесло? — спросила она.

— Просто хочу кое-что проверить. Вон в той крутой халупе, что справа от нас, живет Хуан Ксавьер Кальдерон.

— А кто он такой? Твой приятель?

— Нет, куколка, это один из тех трех парней из «Консуэлы», про которых мы узнали от твоего краснокожего приятеля. Правда, тогда их было четверо, ха-ха.

— И почему ты хочешь увидеть его дом?

Кевин промолчал.

— В кайф, наверное, жить в такой хибаре, прикинь? Трахаешь весь мир и огребаешь за это крутые бабки. Ручаюсь, там у него есть бассейн, теннисный корт, какого только дерьма нет.

— Ну, увидел ты это место, и ладно,— нервно сказала Дженни.— Может, теперь поедем домой? У меня голова раскалывается.

— Да с тобой вечно какое-то дерьмо творится,— проворчал Кевин, врубил радио погромче и прибавил скорость. Они уехали в облаке выхлопных газов.

Мойе недоумевает, почему Обезьяний парень, когда едет, все время заставляет машину кричать на себя. Он заметил, когда машину ведет Огненноволосая женщина, машина не орет, а тихо жужжит. Может быть, это нужно, чтобы удерживать его в бодрствующем состоянии, ибо арийю't Обезьяньего парня так съежилась, что он уже, можно сказать, не чело-

век. Огненноволосая женщина, правда, пытается вернуть его в человеческое состояние, но она не знает, как это делается. Если бы Мойе умел говорить на ее языке, он бы дал ей несколько советов. И у него есть порошки, которые могли бы помочь. У самой этой женщины арийю't очень насыщенная и чистая, но запущенная, словно одичавший ямс на заброшенном поле. Но хотя Мойе не говорит на их языке, у него чуткий слух охотника, и он услышал знакомое имя — Кальдерон, которое он знает. Он сможет найти снова и этот дом, и человека, который в нем живет.

Профессор Кукси всегда отправлялся на прогулку после ужина, когда была подходящая погода, как сейчас. Тропическими вечерами он, бывало, гулял по маленьким улочкам позади шоссе Ингрэм или вдоль набережной Карл-Гэйблз, вдыхая насыщенный ароматами цветов воздух и влажный запах широкого канала. Он думал, не тот ли это вечер, когда следует броситься в него и умереть. Но его удерживали не столько еще сохранявшиеся остатки христианской веры, сколько элементарное чувство приличия, хотя он не одну ночь пристально всматривался в черную гладь воды. Он не думал, что действительно пребывает в депрессии, поскольку презирал все это гротескное самокопание, присущее большинству американцев. Он не поддавался хандре, был деятелен, делал свою работу, пытался быть добрым и проявлял интерес к миру природы вокруг себя. О своем состоянии он думал как о печали, о меланхолии, которая имела свои причины.

Несмотря на все эти суицидные помыслы, такие поздние прогулки почти всегда доставляли ему простую радость созерцания жизни — радость увидеть парад енотов, ночную цаплю, ловившую рыбу на берегу канала, опоссума на дереве, попугая на ветке, гигантскую африканскую жабу, и все это нередко под трели пересмешника над головой. В такие моменты он обычно звал жену, чтобы разделить с ней этот восторг, но потом

вспоминал, что она умерла. Иногда он вспоминал об этом не сразу и слышал ее голос в своих ушах. В такие вечера он бежал домой и пил виски, пытаясь забыться.

В нынешний вечер ничего подобного не произошло, и он запомнился ему лишь зеленой обезьянкой, которая сидела на высокой пальме. Очевидно, она сбежала из какого-нибудь домашнего или коммерческого зверинца. Кукси вошел в свою комнату в лучшем настроении, чем обычно, и совсем не удивился, увидев Мойе. Тот ждал его, сидя на корточках и рассматривая череп как раз такой обезьяны.

— Замечательно,— сказал Кукси на кечуа.— Я только что видел одну из них на улице.

— Только одну?

— Да.

— Значит, она одинока.

— Да. Наверное, убежала из клетки. Или из большого питомника, где полно обезьян. Неподалеку отсюда был один такой. Потом его разрушило ураганом, многие обезьяны разбежались, и в городе их до сих пор полно.

— Я ходил в такое место сегодня.

— Я так и понял. И как оно тебе понравилось?

— Мне не понравилось. Это было мертвое место, хотя животные казались живыми. Они двигались, ели и пили, но они не были там... трудно объяснить, что я имею в виду, даже на кечуа. Это космологическая трудность. Так всегда называл это отец Тим Перрин.

Он произнес английское слово, и Кукси улыбнулся.

— Да, космологические трудности самые худшие.

— Да. Там была самка ягуара в стеклянной клетке. Я разговаривал с ней. Она родилась там и никогда не убивала, и даже не знала, кто она такая. Совсем как младенец, которого уронили на головку, теперь он может только говорить или видеть. Это было очень печально. Потом я почувствовал, как Ягуар шевельнулся во мне и произвел со мной... на рунийя это слово звучит как йана'тсит. Ты знаешь это слово?

— Нет.

— Нет, и я вижу, ты не умеешь этого делать. Так называется способ переместиться с одного места на другое, не проходя этот путь по тропе, лежащей в пределах здешнего мира. Таким образом, я переместился к этому зверю и рассказал самке ягуара, кто она. Но пока я говорил с ней, в Огненноволосую женщину вселилось божество: она затряслась, и белые воды хлынули из ее рта.

— Ты имеешь в виду Дженни?

— Да, Дженни. Я не знал, что уай'ичуранан способны принимать в себя божество таким образом, однако это доказало то, что я почувствовал сразу. В ней не все мертво.

— У нас это считается недугом,— сказал Кукси после некоторого размышления.

— Конечно, но ты, как и все вы, думаешь, будто ты живой, и это ничего не значит. Однако она действительно страдала, потому что не знала, как приветствовать божество. Во всяком случае, так это выглядело. Скажи лучше, ты знал, что мой дух задумали похитить и поместить его в короб духов вместе с другими пленными духами и всяческими демонами?

Кукси подавил улыбку.

— Да, но это еще одна космологическая трудность, суть которой я постараюсь тебе объяснить. Ты хочешь помешать этой компании вырубать ваш лес, а среди уай'ичуранан, которых очень много и которые живут во множестве городов и деревень далеко от Майами, это делается так. У нас есть машина, похожая на зеркало, но если зеркало сохраняет твое отражение только тогда, когда ты стоишь перед ним, эта машина сохраняет отражение и может посылать его по воздуху ко всем коробам духов, которые мы называем телевизорами. А еще эта машина может сохранять в памяти твою речь и донести ее не в пересказе, а произнесенную твоими собственными словами, до всех уай'ичуранан. Таким образом, ты мо-

жешь появиться в телевизоре перед великим множеством людей одновременно, и многие из них возмутятся тем, что задумала «Консуэла». Возможно, это заставит компанию отказаться от своих намерений. И конечно же, все это не имеет никакого отношения к твоему духу. Телевизор — это вовсе не ловушка для душ, это всего лишь машина, как лампа на моем столе. К этому не причастны никакие колдуньи. Те, кого ты называешь демонами,— это просто изображения, созданные машинами, а люди, которых ты видишь за стеклом,— это не похищенные духи, а настоящие люди, находящиеся в разных местах, иногда очень далеко.

— Я слышу, что ты говоришь, но мне трудно поверить в это.

— Почему?

— Потому что лица людей в коробе духов, телевизоре, отличаются от лиц настоящих людей, даже от лиц многих уай'ичуранан. У них нет... тут я должен использовать мой собственный язык... нет арийю't. Можно сказать, нет настоящей внутренней сути. У тебя это есть, у Дженни она есть, и у Мужчины с волосатым лицом есть, и у других, пусть слабая, чуть различимая, но у тех, позади стекла, нет ничего. Они пусты. Так бывает с духами, когда их с помощью колдовства отрывают от людей: они отделены от мира и потому испытывают постоянный сильный голод. Такой дух стремится заполнить внутреннюю пустоту, высасывая сущности других живых существ, но пустота эта бесконечна, как и его голод, иначе бы он раздулся и заполнил собой весь мир. И когда мы видим в лесу такого духа, мы понимаем, что это дух, а не реальный человек, ибо этот голод виден на его лице. Этого духам не скрыть, хотя они умеют говорить обманные речи. Так вот, у людей за стеклом твоего телевизора лица именно такие, и поэтому я уверен — все они мертвые духи, что бы ты там ни говорил о машинах. Скажи мне, разве ты сам не замечал этой разницы?

— Замечал,— признался Кукси.— Но у нас это своего рода маска. Разве вы не надеваете маски и не разрисовываете свои лица, когда общаетесь с богами?

— Конечно. Но ведь ты говоришь, что мертвые люди из телевизора почитают богов, тогда как раньше ты говорил, якобы они говорят с людьми издалека, как олень оставляет метку на дереве, чтобы передать послание другим оленям. Каких богов почитают таким образом?

— Богатство и известность,— сказал Кукси.— Это наши главные боги, а еще порой бог похоти.

— Конечно, вы мертвые, поэтому вы почитаете богов смерти. Это я понимаю. Тем не менее я не могу войти в короб духов. Для меня это было бы смертью, тогда я был бы не Мойе и был бы рад жить в зоопарке, как тот бедный зверь, которого я видел сегодня. Мне придется найти другой способ заставить компанию остановиться, или, точнее, мне придется подождать, пока Ягуар найдет другой способ.

— И что это за способ?

— Откуда мне знать? Разве я Ягуар? Да если б и знал, я не уверен, что мне позволено было бы рассказывать. Ягуар обычно не хочет, чтобы все знали о его делах.

— Мне показалось, что ты считаешь нас своими союзниками.

— Это так. Я думаю, ты хочешь помочь, но часто магические союзники глупы, особенно когда это люди, тем более — мертвые люди. Мне пришлось бы... для этого нет слова в вашем языке, мы говорим иуай'чиникс — заставить их жить по-другому, прежде чем они смогут помочь, и я не уверен, что смогу это сделать, поскольку здесь я очень слаб. Но сейчас мне, наверное, нужно уйти отсюда.

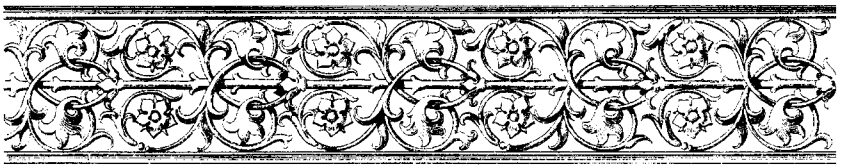
— Да, твое желание мне понятно. Но куда ты пойдешь? И как ты будешь жить?

— Найду большое дерево и стану жить на нем. Я заметил, что уай'ичуранан ходят по тропкам, даже не поднимая глаз,

так что на дереве меня никто не потревожит. Что же касается средств к существованию, то вода есть повсюду, и Ягуар будет кормить меня. Что еще мне нужно? Ну а если ты хочешь мне помочь, то покажи мне большое дерево.

— Кажется, я знаю именно такое дерево, которое тебе нужно,— сказал Кукси.

Они поговорили еще несколько минут — Кукси отвечал на вопросы Мойе и сам задал несколько вопросов,— а потом оба растворились в ночи.



7

Услышав этот звук, Йойо Кальдерон мгновенно вскочил на ноги в темноте, пошарил в письменном столе в поисках пистолета, одновременно пинком сбросив прикрывавшее его ноги одеяло. Звук застал его не в кровати — на ней он не спал уже несколько ночей. С тех пор как начались эти сны, Кальдерон проводил ночь на кожаной кушетке в рабочем кабинете. Он делал это потому, что не хотел мешать спать жене. Конечно, не то чтобы его так уж волновал ее покой, но она лезла с вопросами, а кроме того, имела обыкновение сплетничать, а круг общения у нее был весьма широкий. А ему вовсе не улыбалось, чтобы вся кубинская община принялась судачить о том, что Х. К. Ф. Кальдерон сдвинулся и его одолевают какие-то ночные страхи.

Насколько он мог определить, звуки — приглушенные удары, царапанье, словно кто-то раздирал дерево, и тихое, покашливающее рычание — доносились со стороны передней части дома. Он невольно покосился на телефон — может, вызвать полицию? Ну уж нет, не хватало только, чтобы копы толкались в его доме, задавали вопросы, лезли в его дела. Он накинул на себя легкий халат и, вооружившись пистолетом, вышел из комнаты, спустился в темноте по лестнице, остановился в прихожей и снова прислушался. Ночи стояли прохладные, кондиционеры в это время года не включали, и единственными постоянными звуками были тихое щелканье автоматики, доносившийся с улицы шум проезжавших автомобилей да неизменный шелест листвы тропических растений на ветру.

Йойо посмотрел на панель охранной сигнализации. Судя по мерцавшим зеленным огонькам, все было надежно заперто, и нигде не было никаких нарушений, но поскольку эти данные категорически не совпадали с его собственными ощущениями, он, тихо выругавшись, отключил сигнализацию и отпер входную дверь.

Перед входом расстилалась лужайка, дорожка вела через нее к мирной улице спокойного района Гэйблз. Выставив перед собой пистолет, он сделал шаг наружу и сразу увидел на дорожке какую-то черную кучку. Кальдерон наклонился взглянуть, что это еще за дерьмо, и на сей раз выругался вслух — оказалось, и правда дерьмо! Кучка фекалий животного, причем ему даже смутно показалось, что он знает какого. Конечно, Йойо не был специалистом по части кошачьего кала, ибо представители его социального слоя сами не вытряхивают лоточки за кошками, но у его дочки коты всегда были, и как выглядят кошачьи какашки, он все же представлял. Другое дело, что, судя по куче, нагадивший здесь котяра был по меньшей мере размером с человека.

Звук, донесшийся сзади, заставил его обернуться — пушка наготове, палец на спусковом крючке,— и в поле зрения одновременно оказались дубовая входная дверь, исцарапанная длинными, глубокими бороздами, и его дочь Виктория, стоявшая на пороге в розовой шелковой пижаме, с разинутым от удивления ртом. Кальдерон сунул пистолет в карман халата.

— В чем дело? — спросила она.

— Ничего. Иди спать.

Он направился к двери.

— Вот так «ничего»! Я слышала какие-то странные звуки. Поэтому и встала. А тут ты с пистолетом на изготовку.

— Говорю тебе, ничего не было, иначе я бы не стоял здесь, разговаривая с тобой,— ворчливо отозвался Кальдерон, присматриваясь к мягкой земле клумб, разбитых по обе стороны от дорожки. Ногой в ночной туфле он потрогал следы, ос-

тавленные гигантской кошкой, по крайней мере те, до которых мог дотянуться с дорожки.

— Что ты делаешь? — спросила Виктория.

— Ничего! Сколько раз я должен повторять одно и то же? Отправляйся в постель, иначе сюда спустится твоя мать, а мне только этого не хватало.

Он раздраженно махнул рукой, и, пожав плечами, она повернулась и ушла. Он последовал за ней в дом и с хмурым, недовольным видом, появлявшимся на его лице всякий раз при мысли о детях, снова включил систему сигнализации. Кальдерону не повезло с детьми. Хуан-младший, его старший сын, предпочитавший называть себя Джонни, отирался в Нью-Йорке, мечтал об артистической карьере, вел образ жизни как у настоящей звезды, правда, на отцовские денежки. Что же касается дочки, то ее выдали замуж прямо со студенческой скамьи, по сговору, как было принято у влиятельных кубинцев, за отпрыска одной из самых богатых кубинских семей в Майами. Оказалось, он сильно пил и имел (хотя это не обсуждалось в семье Кальдерон) особые пристрастия, а спустя всего три месяца после свадьбы так разогнал в пьяном виде свой «мерседес», что свалился в канал. Виктория вернулась домой и теперь, скорее всего, останется здесь навсегда. К сожалению, она не красавица, но, по крайней мере, она не похожа на девиц, которых он видел в городе, кубинских девушек из хороших семей, носивших одежду, едва прикрывавшую тело, и вытворявших бог весть какие безумства. Сам он, сторонник традиций, уступил современности лишь в одном вопросе: разрешил ей работать в офисе одной из своих компаний, где она, надо признать, проявила великолепное чутье и хватку по части недвижимости и теперь практически возглавляла проект «Консуэлы» по освоению побережья. Кальдерон, конечно, радовался ее успехам, но при этом испытывал легкое раздражение, словно от зуда в таком месте, до которого не дотянуться, чтобы почесать. Все-таки бизнесом лучше бы заниматься парню, а не девушке.

Кальдерон вернулся в свой кабинет. Он беспокойно подремывал перед экраном гигантского телевизора, по которому показывали какой-то дурацкий фильм, пока в окна не просочился рассвет. Услышав, как зашевелились слуги, он позвал Кармелу, горничную, и велел ей убрать с дорожки всю эту гадость, а потом поднял с постели менеджера по строительству и заявил, что ночью какие-то хулиганы изрезали ему парадную дверь и ее нужно немедленно заменить. Несколько часов спустя, когда Кальдерон выходил из дома, бригада рабочих уже вовсю трудилась, меняя дверь. На вопрос, что делать со старой дверью, последовал ответ — сжечь.

Однако заменить и сжечь дверь было легче, чем выбросить все случившееся из головы, поэтому все утро он ловил себя на том, что отвлекается от текущей работы или не может на ней сосредоточиться. Дошло до того, что даже на совещаниях его возвращало к действительности лишь воцарявшееся за столом напряженное молчание, и он, встрепенувшись, видел растерянные, удивленные лица. Между тем отвлекаться он не имел права, ибо его империя поддерживалась перевернутой пирамидой сделок. Каждая последующая сделка была масштабнее предыдущей, но обеспечивалась теми, которые состоялись раньше. Конструкция эффективная, но неустойчивая, требовавшая постоянного контроля. И стоило в определенных кругах пройти слуху о том, что Йойо Кальдерон теряет этот контроль, что его курортный проект «прокис»... Нет, нечего забивать голову такой ерундой, это не случится, он...

А что «он»? Как у многих людей его поколения, профессии и культуры, у него не было настоящих друзей. Их заменяли деловые контакты и общение с нужными людьми, и, уж конечно, он не собирался обсуждать события прошлой ночи с Гарсой и Ибанесом. Его задача в том, чтобы решить любую проблему со сделками по лесу в Паксто, а больше им ничего знать и не полагалось. Как и всем прочим — жена служила для украшения, отец уже одряхлел, сын был никчемным,

братьев у него не имелось, а о том, чтобы откровенничать со служащими, не могло быть и речи.

После ланча он провел совещание по курортному проекту с Гэри Ривасом, вице-президентом по продажам, Оскаром Клементе, его вице-президентом по финансовым вопросам, и некоторыми сотрудниками рангом пониже. И с дочерью. Почти на всех совещаниях последнего времени речь шла о поступлении наличных. Как любой большой проект, «Коаст», так называла его фирма, начал развиваться на основе инвестирования не собственных средств, а банковских кредитов, полученных под залог будущей недвижимости. Эти деньги пошли на первичное планирование, получение разрешений и согласований, составление проектно-сметной документации и, наконец, на строительство первой очереди жилых и инфраструктурных объектов курортной зоны — в данном случае коттеджей, яхт-клуба, поля для гольфа, причала для прогулочных катеров. Деньги от продажи этих объектов предполагалось инвестировать в строительство следующей очереди и так далее. Поступление чистой прибыли ожидалось после продажи семидесяти процентов запланированных сооружений, до тех же пор компания фактически представляла собой нечто эфемерное. Ничего необычного в этом не было, такова природа бизнеса, а бизнес — занятие не для слабонервных. За что Кальдерон и любил это занятие.

Начали заседание с легкого разговора о том о сем, а потом Ривас и Клементе раздали информационные таблицы и выступили с отчетами. У Риваса новости были никудышные, хотя он их так не называл. Это был темноволосый малый, примерно возраста Виктории, склонный к выразительной жестикуляции, со сверкающими вставными зубами. Он был почти противоестественно элегантен, вроде кукольного Кена, дружка куклы Барби. Вроде бы девяностые прошли, и квартиры в кондоминиумах на западном побережье Флориды не шли нарасхват по цене, начиная с миллиона двухсот тысяч долларов, но он решил, что выйдет на контрольные цифры за счет

европейцев и азиатов, а также благодаря снижению курса доллара. Это представлялось маловероятным. Виктория, рассматривая его прожекты, находила, что это недостижимо, даже если недвижимость на Консуэла-Коаст станет самой модной покупкой для каждого плутократа от Лиссабона до Шанхая, но она промолчала. Ее отец тоже не стал задавать вопросов о цифрах, и они перешли к Клементе.

Дядюшку Оскара, как его называли среди Кальдеронов, отличал веснушчатый купол лысой макушки, на которую он старательно зачесывал завитушки крашеных темных волос; его яркие черные глаза поблескивали за толстенными линзами очков в черной оправе. По-английски он говорил с сильным акцентом, изрядно сдобренным еще и богатой россыпью кубинских идиом. Клементе представлял собой своего рода реликт, наследие предыдущего поколения Кальдеронов. Он сумел унести ноги с острова вместе с миллионами дедушки Виктории как раз перед тем, как Гавану захватил Сатана.

По его мнению, пирамида перекрывающихся заимствований держалась крепко и должна была обеспечить покрытие «сжигания капитала» компании на следующий год, чему способствует ряд благоприятных факторов: низкие процентные ставки, доступные и дешевые рабочие руки, усердные, не выбивающиеся из графика подрядчики, готовность банков к обычной пролонгации кредита...

Взгляд Виктории перебежал на ряд абзацев, выделенных звездочками, которые, казалось, и вправду создавали впечатление чуда финансовой стабильности; она быстро произвела мысленный подсчет и вмешалась:

— Подожди-ка минутку, откуда взялись эти пять с половиной миллионов? Инвестиционный доход?

Все уставились на нее, и она почувствовала, что краснеет.

— Я что хочу сказать... это не отражено в последних финансовых документах, а без этого маловероятно, что мы сумеем погасить главный кредит от Первого Флоридского. Оговорено ли это банком как часть нашего обеспечения?

Оскар посмотрел на Кальдерона, и Виктории стало ясно, что финансовый директор тоже не знает, откуда взялись деньги.

— Это финансы «Консуэла Холдинг»,— завил Кальдерон.— С ними все в порядке. Переходим к следующему вопросу.

— «Консуэла»? Из «Консуэлы» нет никакого потока наличных. Это спекулятивное внешнее инвестирование. Почему мы утверждаем, будто это активы, из которых предлагаем взять взаймы?

Кальдерон хмыкнул.

— Моя маленькая девочка теперь финансовый гений. Год тому назад она не могла отличить активов от детской коляски, а теперь норовит управлять бизнесом за меня. Вот они дети, а?

Все собравшиеся за столом подхватили его смех. Кальдерон уставился на дочь взглядом мачо, заставив ее опустить глаза, после чего добил словами:

— Когда мне потребуется твой совет, я спрошу тебя, поняла? А сейчас, Оскар, давай с этим заканчивать.

Поставив девчонку на место, он почувствовал себя увереннее, но после собрания, уйдя к себе в кабинет и велев секретарю, чтобы его не тревожили, уселся за письменный стол, сжал маленький красный шарик, о котором говорили, якобы он хорошо снимает напряжение, и стал думать о реальной проблеме, проблеме, тесно связанной с теми самыми пятью с половиной миллионами долларов, о которых упомянула глупая девчонка. Очевидно, кто-то убил Фуэнтеса, и теперь этот «кто-то» пытается угрожать ему, о чем и говорит дикая выходка, имевшая место прошлой ночью. Фуэнтеса разорвала, как предположили, большая дикая кошка. Они хотели отпугнуть их от Паксто, это ясно, а потому необходимо найти людей, которые это делают, и остановить их. Он и раньше пускал в ход угрозы, включая и угрозу физической расправы, и по-

нимал, что, как только решение принято, отступать нельзя. Йойо набрал номер в Колумбии, не тот, который использовал несколько дней тому назад, но особый сотовый телефон только для экстренных случаев.

— Да? — произнес спокойный голос.

— Хуртадо?

— Да.

— Кальдерон. Послушай, ситуация, о которой мы говорили с тобой на днях, усложнилась. Я думаю, нужно твое вмешательство.

— Я слушаю.

— Прошлой ночью в моем доме произошел инцидент. Мне кажется, он связан со смертью Фуэнтеса.

— Кто-то вступил в контакт?

— Нет, просто хулиганят, но это явное предупреждение. Следы большой кошки, такие же, какие были рядом с телом Фуэнтеса.

Последовал вздох, некоторое время длилось молчание.

— И что, по-твоему, я должен предпринять, Йойо?

Кальдерон глубоко вздохнул:

— Ну, ты ведь знаешь, они убили одного из нас и угрожали мне. Это дело рук не какого-то мелкого carbón, козла, из числа придурковатых защитников природы. Что бы ты ни говорил раньше, но угроза исходит с вашего конца.

— Неужели? А как насчет того парня и его индейца, которые заявились в офис Фуэнтеса?

— Отвлекающий маневр. Пойми, эти борцы за охрану окружающей среды чокнутые, они могут жить на деревьях, прокалывать покрышки, в крайнем случае взорвать самодельную бомбу, но если что и сделают, так непременно сами же и раструбят об этом в СМИ — иначе в их действиях нет никакого смысла. Здесь дело совсем другого рода. Прости, что говорю так, но в этом определенно есть колумбийский след.

— Колумбийский след?

— Да! — Кальдерон возвысил голос.— Они разорвали Антонио в клочья, черт возьми! Они вырвали сердце из его тела, его печень... Американцы так не поступают.

— Да, это правда. Но успокойся, друг мой. Я уверен, мы что-нибудь придумаем. Нам нужно найти тех, кто все это устроил, и заставить их остановиться, это важно, да?

— Конечно. Значит, ты это организуешь?

— Обязательно. Мои люди свяжутся с тобой. И знаешь что, Йойо? Давай я постараюсь разобраться с этим тихо, хорошо? Никакой прессы, никакой шумихи и никакого контакта с властями. Мы поняли друг друга?

— Да, конечно.

— Хорошо. Передавай привет семье.

Собеседник отключился. Кальдерон вытер лицо носовым платком. Лишь через несколько минут он осмелился подняться на ватные ноги и подойти к маленькому кабинетному бару.

Виктория Кальдерон вернулась с совещания в свой, гораздо меньший, чем у отца, кабинет, где не было никакого бара. От пережитого страха она вспотела, и теперь одежда противно липла к телу, и страшно хотелось принять душ. Молодая женщина уселась за стол и попыталась поработать, но цифры прыгали перед ее глазами, и в конце концов, что было совсем для нее не характерно, она выругалась, потом еще раз, а потом разразилась целым потоком отборных испанских ругательств, выученных преимущественно за время ее кратковременного брака. Правда, ругалась она вполголоса, чтобы не было слышно за тонкими стенами кабинета. Черт возьми, все оставалось по-прежнему: одним словом и усмешкой он мог превратить ее в безмозглое ничтожество.

Непроизвольно, едва ли отдавая себе отчет в том, что пальцы нажимают на кнопки, она набрала номер самого близкого ей человека, сумасбродной сестры ее матери. В трубке зазвучал теплый голос Евгении Ариас, обладавшей удивитель-

ным чутьем к душевному состоянию собеседницы, хоть Виктория и пыталась прикинуться, будто позвонила просто так, поболтать.

— Ну, чем он тебе насолил на этот раз? Приходи к «Эскибел», и я куплю тебе выпивку,— сказала тетушка, выслушав племянницу.— Три выпивки! Потом мы пойдем к столикам, огребем кучу наличных, ну а затем, может быть, нам повезет устроить небольшую потасовку.

Виктория хихикнула.

— О господи, я не могу. Это сведет его с ума!

— Так ему, ублюдку, и надо! В общем, приходи! Ты можешь полежать здесь с полчасика. Мы перекусим и будем на месте к семи. Согласна?

Виктория призадумалась. Тетушка Евгения, младшая из двух сестер, была пухленькой, бойкой женщиной весьма веселого нрава, решительно ни в чем не похожая на свою сестру. Она не была замужем, водилась с людьми, пользовавшимися дурной репутацией, подозрительными, красивыми мужчинами, много пила, содержала антикварный седан «ягуар» и шофера, который ее в нем возил, и, к ужасу родных, прекрасно обеспечивала себя средствами к существованию как профессиональный игрок. Ее терпели и приглашали на традиционные семейные сборища, но Йойо Кальдерон такого образа жизни, разумеется, не одобрял и потому был категорически против того, чтобы его дочь с ней общалась.

— Право, не знаю,— ответила Виктория.— Мне пришлось бы солгать ему и маме, но он дознается, и тогда меня вообще неделю из дома не выпустят.

— Думаешь, этот козел будет держать тебя взаперти? Вики, у меня есть для тебя новость: ты взрослая. Тебе двадцать восемь лет. Максимум, что он может сделать,— это выставить тебя из дому — ну и черт с ним! Ты переедешь ко мне. Я научу тебя делать ставки в джай алай. Ты с цифрами в ладах, и это дело быстро усвоишь.

Неожиданно для себя Виктория рассмеялась: очень уж это предложение звучало невероятно, оно просто не могло предназначаться ей. Она сменила тему, и они продолжили болтать о семье и нескучной жизни Евгении, и, когда закончили разговор, Виктория снова почувствовала себя собой. И что это значит? Она не знала точно, но, вернувшись к плотным рядам цифр, решила, что станет не беглянкой, как Евгения, а победительницей. В конце концов, она дочь своего отца.

У основания этого дерева находилась памятная табличка, установленная Обществом садоводов Южной Флориды. На табличке значилось, что это самое большое дерево во Флориде, а особо любопытным сообщалось, что это FICUS MACROPHYLLA, бенгальский фикус, и что в 1890-х годах его посадил священник, чтобы предохранить храм от жары. Дерево по-прежнему закрывало от солнца большое кирпичное строение, сменившее прежнее, с жестяной крышей, а во второй половине дня оделяло тенью и современное здание, в котором размещалась начальная частная школа.

Дерево покрывало территорию размером с бейсбольную площадку большой лиги и представляло собой огромную, плотную массу темно-зеленых, продолговатых, блестящих листьев, покрывавших дюжины столов и побегов, гладких и серых, в приглушенном облаками призрачном свете этого дня похожих на ноги стада слонов. Казалось, будто это стадо с бесконечной медлительностью брело через окружавшую огромное дерево лужайку.

На покачивающейся скамье, подвешенной между двумя живыми опорами, сидела мисс Милликен, учительница первого класса, и в качестве десерта после уроков читала своим маленьким ученикам очередную главу книги «Тик-Ток из Страны Оз». За многими уже пришли, и вокруг сидящих кружком детей образовался другой круг, взрослый, состоящий преимущественно из молодых мам или нянь. Единственным

в этой компании, кто не являлся ни мамой, ни няней, был Джимми Паз.

Наконец книга была закрыта, дети загалдели, родители двинулись к своим чадам. Некоторые, быстро похватав детишек, торопливо разъезжались по своим делам, как всегда не терпящим отлагательств: родители детей, посещавших эту школу, были в большинстве своем людьми очень занятыми и не считали возможным тратить время как-то иначе, нежели принося его в жертву богам достатка и успеха. Джимми Паз не относился к их числу, как и несколько других человек, которые, судя по их одежде и машинам, являлись наследниками бывших коренных обитателей Кокосовой рощи — раскованные, артистичные, хотя достаточно состоятельные, чтобы вносить нешуточную плату за обучение. Они собрались вокруг мисс Милликен, чтобы поболтать, кратко обсудить своих детей и пообщаться друг с другом в приветливой тени великого дерева.

Необщительный Паз, не являвшийся бывшим хиппи или художественной натурой, последовал за дочкой к смоковнице, где стал свидетелем демонстрации ее умения залезать на дерево, и вынужден был признать, что вряд ли сумеет свеситься с низкой ветки вниз головой, зацепившись за нее ногами... Зато он после «гимнастических упражнений» сумел защекотать девочку так, что она, хихикая, не удержалась и упала в его объятия.

— Папа, ты знаешь, что на этом дереве живет чудовище?

— Нет, я не знаю. Страшное?

— Немножко страшное,— ответила она после недолгого размышления.— Но не такое страшное, как ар-р-р!

Рычанием, жестами и мимикой девочка изобразила по-настоящему страшное чудовище.

— Оно разговаривало со мной,— добавила она.— По-испански.

— Правда. О чем?

— О разном. Оно из настоящих джунглей и умеет разговаривать с животными. Я показала его Бритни Райли, но она его не увидела. И сказала, что я тупая. Теперь я ее ненавижу.

— Я думал, она твоя лучшая подруга.

— Еще чего! Она полная дуреха, вот. Моя новая лучшая подруга — Адриана Стейнфельс. Можно, она придет к нам домой?

— Не сегодня, сладкая. Можешь ты показать мне это чудовище?

— Хорошо.

С этими словами она взяла его за руку и повела в глубь лабиринта корней. Воздух там был сырой, прохладный и наполненный острым гнилостным запахом усыпавших землю опавших листьев и плодов. Они подошли к серо-зеленой вертикальной колонне, могучему, неохватному центральному стволу главного дерева штата. Амелия показала вверх.

— Оно живет вон там,— сказала она, подождала минутку, прислушалась и пожала плечами.— По-моему, сейчас его там нет. Где abuela?

— У нее возникла какая-то проблема. Ей пришлось уехать к себе в иле.

— А мы можем туда поехать?

— Можем,— ответил Паз, сам немного удивившись своим словам.

Это означало размолвку с женой. Нужно ли ему это? Может быть, пора все объяснить? Даже если Паз не верил в культ сантерии, это было частью наследия его ребенка, как и его собственного, и сейчас этот категорический запрет вдруг показался невыносимым. Амелия — не Бритни и не Адриана, белый хлеб... слово gusano, личинка, снова всплыло на поверхность его сознания. Что ж, девочке семь лет, это не так уж мало для того, чтобы узнать, кто она и откуда. Он нежно любил свою жену, но ее материалистическую уверенность в собственной незыблемой правоте не одобрял и, хотя долго избе-

гал разговоров на эту тему, решил больше не уклоняться. О чем и сказал себе, тут же смоделировав в уме возможный ход беседы и прокручивая, как это часто делают мужья перед семейными баталиями, предполагаемые аргументы и возражения. Он покинул недра огромного растения и, крепко сжимая маленькую теплую ручку, вышел из-под дерева.

Честно говоря, история с монстром на дереве ему не нравилась. Да, конечно, у Амелии порой появлялись воображаемые товарищи по играм, и ее мама с уверенностью врача утверждала, что в соответствующем возрасте это вполне естественно. А у нее соответствующий возраст? Почти семь. По мнению Паза, в этом возрасте ребенок уже достаточно социально активен, и воображаемых друзей должны вытеснять реальные; если же дело обстоит наоборот, то это не совсем правильно. И не полезно. С другой стороны, он сам, именно сейчас, собрался отправиться с ребенком туда, где у каждого взрослого есть воображаемый друг, способный внезапно появляться из мира духов и полностью овладевать им. Это правильно? Полезно?

Что сказала бы по этому поводу ее мать, Паз прекрасно знал и заставил себя выбросить все это из головы. Это ему удалось, хотя было ясно, что неудобные мысли скоро вернутся.

Иле — община последователей сантерии — имела резиденцию в ничем не примечательном с виду доме Педро Ортиса. Он находился в районе, населенном преимущественно кубинцами, к юго-западу от первоначальной Малой Гаваны, на Восьмой Юго-Западной улице, которая по этой причине носила еще и испанское название Souesera. Вокруг молельного дома собралось огромное количество машин. Они стояли у тротуаров всех ближних улочек и на всех бывших лужайках, заасфальтированных и переоборудованных под парковочные площадки, поэтому припарковать свой «вольво» Пазу удалось лишь в двух кварталах от места.

Сегодня был День святого Франциска Ассизского, важный праздник в сантерии. Когда африканские рабы впервые уви-

дели статуи этого святого, они добавили к бусинкам его четок цепочки из пальмовых орехов, использовавшихся в культе йоруба, и так соединили итальянского святого с Ифа-Орунимила, ориша, или прорицающим духом. Получить предсказание в этот день означало сподобиться особой благодати, что и объясняло наплыв верующих, равно как и присутствие здесь Маргариты Паз. Пока они шли к дому, Паз в общих чертах объяснял дочери, что тут к чему. Некоторое время она, как это свойственно детям, просто впитывала информацию, принимая все на веру, а потом спросила:

— А мне тоже предскажут будущее?

— Я не знаю,— честно ответил Паз.— Ты можешь спросить abuela. Она знает об этом гораздо больше меня.

— А что в этом мешке?

Паз приподнял пластиковый пакет.

— Ямс.

Она сморщила носик.

— А нам обязательно его есть?

Несмотря на все папины старания, Амелия ямс не жаловала.

— Нет, это для ориша,— ответил он.— Ифа любит ямс.

Амелия хмыкнула: вкус Властителя Судеб на нее впечатления не произвел.

Они зашли в дом, и ноздри Паза тут же наполнились типичным запахом подобных мест — горящего воска от десятков свечей, сладких благовоний, которые продавались в магазинах «Ботаника» по всему городу, ямса, сладких кокосовых орехов и рома. А над всем этим господствовал запах живой домашней птицы. Несмотря на гомон толпы, из курятников в задней части дома доносилось птичье кудахтанье.

Он крепко держал Амелию за руку, хотя детишек тут было полно и бегали они свободно. И вообще, как и должно быть в храме, здесь находились люди всех возрастов и цветов кожи, хотя в кубинской общине преобладали темные оттенки.

— Смотри, abuela! — воскликнула Амелия и, вырвавшись, побежала к бабушке.

Пазу нравилось видеть их обеих вместе из-за выражения, которое появлялось на лице его матери, когда она обнимала свою nieta, внучку. Это была безудержная радость, которую он не видел на ее лице в дни своего детства.

Раньше он в такие моменты ощущал обиду, но это осталось в прошлом. Теперь все это уже не имело значения, пусть даже его жена-психоаналитик придерживается другого мнения. Теперь часть этой радости даже передавалась ему. Миссис Паз обняла его, расцеловала в обе щеки и улыбнулась, показав золотые зубы.

— Ты привез ее,— сказала миссис Паз.

— Конечно, почему бы и нет? — отозвался он, хотя этот вопрос имел реальный ответ, который они оба знали.

— Спасибо,— сказала она, и Паз едва не разинул рот от удивления.

На его памяти это был первый случай, когда у матери нашлись для него слова благодарности.

Бабушка и ребенок двигались через толпу, принимая теплые приветствия. Паз шел за ними следом, чувствуя некоторую растерянность, но и облегчение, словно с души у него свалилась давняя тяжесть. Девочка, конечно, росла в любви и знала, что такое похвала, но дома ее всегда хвалили за что-то, за какие-то заслуги и достижения. В центре восхищенного внимания такого множества людей она оказалась впервые и раскраснелась от радостного смущения.

У Паза возникло чувство, что бабушка подготовила такую встречу, желая похвастаться перед членами общины своей чудесной малышкой. «А почему бы и нет? — подумал он.— У нее была нелегкая жизнь, и уж эту маленькую радость она заслужила». Казалось, здесь его мать претерпевает преображение из строгого фельдмаршала ресторана и хозяйки дома его детства совсем в другую женщину. Не в первый раз Паз

призадумался, почему она не воспитала его в духе сантерии. Очевидно, возраст этому не преграда, это было видно по присутствию здесь множества детей. И снова он подавил обиду.

Они приблизились к святилищу — палатке из желтого и зеленого шелка, заключавшей в себе приземистый цилиндр, покрытый атласной парчой тех же тонов — fundamentos, то есть сакральных ритуальных цветов Ифа-Орунимила. Вокруг святилища горели дюжины свечей, пол в несколько слоев был усыпан ямсом и кокосовыми орехами. Амелии разрешили добавить к подношениям свою порцию ямса, после чего отвели посмотреть на огромный, как на свадьбе, многоярусный торт с выполненной глазурью надписью «Маферефун Орунимила».

— Это торт на день рождения, да?

— Да, в каком-то смысле,— ответила миссис Паз.— В этот праздничный день мы благодарим Орунимила и воздаем ему хвалу. Видишь, здесь так и написано «Хвала Орунимила», на лукуми.

— А можем мы его съесть?

— Потом, дорогая. Сначала нам нужно увидеть нашего бабалаво. Запомни, детка, он очень святой человек, так что, когда мы встречаем его, мы кланяемся и говорим: «Ибору ибойа ибочиче».

Они повторяют несколько раз эту фразу, а потом проталкиваются через плотную толпу к тому месту, где на простом плетеном кресле сидит Педро Ортис, бабалаво. Миссис Паз и Амелия опустились на колени и произнесли на искаженном языке йоруба, который кубинцы называли лукуми: «Да примет Ифа это приношение». Миссис Паз представила Амелию сантеро — Паз наблюдал это с близкого расстояния. Ортис был худощавым мужчиной с дубленой кожей, окладистой черной, чуть тронутой сединой, бородой и большими темными глазами, которые казались сплошными зрачками. Он обнял и миссис Паз, и Амелию, а потом посмотрел через голо-

вы собравшихся прямо на Паза, и у того появилось ощущение, будто бабалаво прекрасно знает, о чем он думает. Интересно, что Паз ожидал этого, и это ничуть его не беспокоило. Да, странные события происходят и, видимо, будут происходить. Это всегда было частью его жизни, а теперь, похоже, станет частью жизни и его дочери.

Его мать знаками приглашала его подойти к ней. Ортис встал и покачал головой, очевидно, не ожидая от этого квазиагностика подобающего поклона.

— Он согласился призвать Ифа для Амелии,— сказала миссис Паз.— Это очень важно. Но ты ее отец, и требуется твое согласие.

— Ну ладно. А что будет?

— Ты просто согласись! — резко бросила она.

— Хорошо, мама. Это твое шоу, я тебе доверяю.

Едва эти слова слетели с его губ, как он понял — так оно и есть.

Ортис повел их в маленькую комнату в задней части дома, где находились вазы с тропическими цветами и подносы с фруктами, а на стенах были изображения различных ориша. Ифа в облике святого Франциска, Шанго в виде святой Барбары, Бабалуайе в обличье святого Лазаря и другие. В одном углу стояла статуя в полный рост святой Каридад, покровительницы Кубы, а почти всю другую стену занимал большой застекленный шкаф из красного дерева, канистиллеро, хранилище священных реликвий. Единственными другими предметами обстановки были складной стол для игры в бридж с круглой деревянной шкатулкой, стоявшей посередине, и четырьмя стоявшими вокруг стульями с прямыми спинками. Ортис сел на один из них и подождал, пока усядутся остальные.

— Ты знаешь,— сказал он, взглянув Пазу в глаза,— обычно мы не просим Ифа предсказывать судьбу детей. Их будущее пока сформировано в столь малой степени, что расспро-

сы о нем можно счесть неуважением. В каком-то смысле их маленькие духи все еще содержатся в руках их предков, таких как ты сам и Йетунде.

Тут Ортис мимолетно улыбнулся миссис Паз, а та, услышав свое культовое имя, тоже улыбнулась.

— И конечно, матери ребенка. Таким образом, то, что я сделаю,— это спрошу Ифа о тебе самом, спрошу, есть ли что-то, что нужно сделать или не делать ради ребенка. Это непросто, но я согласился из любви и уважения, которые питаю к Йетунде. Сейчас мне нужно, чтобы ты дал мне пять долларов и двадцать пять центов.

— Ладно,— пробормотал Паз,— пятерка и четвертак. Бери.

Он вручил жрецу банкноту и монету. Ортис завернул монетку в банкноту мудреным, похожим на оригами, способом, порылся в шкатулке на столе, извлек оттуда цепочку из фрагментов черепашьего панциря, скрепленных латунными звеньями, а также самые заурядные, какими торгуют на каждом углу, блокнот и карандаш. Откуда-то из памяти выплыло слово «опеле». Слово знакомое, и черепаховую цепочку Паз раньше видел, но не сам ритуал в действии.

Ортис прикоснулся завернутыми в банкноту монетами к центру опеле, потом прижал их ко лбу, груди, рукам и плечам Паза, проделал то же самое с Амелией, положил деньги в шкатулку, несколько минут монотонно бубнил заклинания, приподнял цепочку и с легким звоном опустил ее на стол.

Затем бабалаво внимательно изучил линию скорлупок, отмечая, какие упали вверх выпуклой стороной, а какие — вогнутой. Паз знал — это способ, которым Ифа говорит с людьми.

На вырванном из блокнота листке бумаги Ортис делал карандашные пометки: вертикальными черточками отмечал скорлупки, упавшие выпуклой стороной, кружками — вогнутой. Получилось две колонки из четырех отметин. Он изучил их, нахмурился, взглянул на Паза, нахмурился еще больше,

посмотрел на Амелию, тихонько хмыкнул и неожиданно спросил Паза, есть ли у него собака.

— Собака? Нет, собаки у нас нет. У нас есть кошка.

Ортис покачал головой.

— Нет, это должна быть большая собака или... что-то похожее. Может, у соседей есть подобное животное?

— Есть пудель, через дом. А почему ты спрашиваешь об этом?

— Потому что... хм, это очень странно, очень странно. Я проделываю это на протяжении сорока лет и не припомню, чтобы ориша посылал такой знак. Ты ведь знаешь, этот обряд родился в Африке, и в нем сохраняются знаки, указывающие на то, что случается там, а у нас нет. Ну, например, наши посевы не поедает саранча, мы не выменяваем жен на коров. Очень странно.

Он уставился на опеле, словно надеялся, что тот примет другую форму.

— Но в этом замешана собака? — уточнил Паз.

— Не совсем. Но что еще это может быть? Здесь у нас нет львов. Львы не уносят наших детей здесь, в Америке. Однако знаки говорят буквально следующее: «Самого старшего ребенка уносит лев». Таково точное прочтение.

— Ты можешь проделать это еще раз? — спросил Паз, а в животе вдруг возник ледяной ком, и он непроизвольно схватил дочь за руку.

Но Ортис покачал головой:

— Нет, мы не можем так насмехаться над ориша. Что дано, то дано. Но это и впрямь великая загадка. Мне придется помолиться об этом и сделать жертвоприношение. О, и есть еще одна странность. Требуется жертвоприношение.

— Ты имеешь в виду животное, верно?

— Нет, оракул говорит о человеческом жертвоприношении, но это не определенно. Буквально строка гласит: «Кто так отважен, чтобы пожертвовать самым близким». Вообще, такие знаки принято истолковывать как духовное жертво-

приношение, очищение, но мне за сорок лет не выпадало ничего подобного. Есть очень много цифр, не только двести пятьдесят шесть из одного броска, как ты видишь, причем их значение различается еще и в зависимости от дня и времени года. Это знают даже не все бабалаво. Возвращайся, поговорим еще, и да дарует нам тогда Орунимила больше света.

Они втроем вышли из комнаты, и тут же на освободившееся место прошла пожилая женщина. Образовалась длинная, словно у театрального туалета, очередь: люди переговаривались по-испански в ожидании возможности узнать будущее. Паз почувствовал, как его страх вытесняется озлоблением, сметающим обрывки с таким трудом собранного им доверия. Отослав Амелию туда, где угощали тортом, он раздраженно обратился к матери:

— Ну и что все это означало?

— Ты, я вижу, разозлился.

— Конечно, я разозлился. Животные, поедающие детей? Человеческое жертвоприношение? Ты представляешь себе, каких трудов будет стоить уложить ее теперь в постель? Ей уже снились звери, которые хотят ее съесть.

Глаза его матери расширились.

— Что? Ей снятся такие сны? Почему ты мне не рассказал?

— Почему? Потому что это просто сны, мама. Всем детям в ее возрасте снятся кошмары, и все это... дурацкое колдовство этому не поможет. Впрочем, дурака, наверное, свалял и я, потому что привел ее сюда. Все это...

Он обвел рукой помещение, полное разбившихся на кучки последователей культа, и запнулся, ибо не нашел бранного слова, достаточно крепкого, чтобы выразить его отношение к происходящему.

— Ты ничего не понимаешь,— произнесла она с нехарактерным для нее спокойствием.— Тебе давно следовало пройти посвящение, но ты все отнекиваешься, и поэтому Орунимила не может говорить с тобой прямо.

Сама она разговаривала с ним как с ребенком, и это, как и ее спокойствие, разозлило настроившегося на ссору Паза еще больше.

— На сегодня с меня хватит,— сказал он.

Обычно такие заявления вызывали лишь бурю эмоций, но на сей раз его мать лишь кивнула:

— Как хочешь.

— До встречи,— буркнул он и повернулся, чтобы забрать Амелию.

Но той нигде не было видно.

Паз решительным шагом направился через комнаты, проталкиваясь сквозь становившуюся все теснее толпу. Было душно и влажно, что усугублялось запахом свечей и благовоний: его рубашка взмокла под мышками от пота, пот со лба затекал в глаза. Он окликал дочку по имени, спрашивал незнакомцев, не видели ли они маленькую девочку в розовой кофточке, джинсах, розовых кроссовках, но в ответ люди лишь участливо качали головой. Внутри него нарастал страх. Выбравшись из дома, он принялся рыскать по прилегающей территории. Свежий воздух освежил разгоряченное лицо, но Паз, даже не заметив этого, в состоянии, близком к неконтролируемой панике, бросился обратно в шум, толчею и духоту дома и нашел Амелию, которая мирно сидела на коленях у своей бабушки, вытирая с губ следы желтой и зеленой сахарной глазури.

— Папа,— похвасталась девочка,— мне достался кусок торта с написанным на нем именем Орунимила.

— Славно,— произнес Паз пересохшим ртом.— А где ты была? Я искал тебя повсюду.

— Я все время была здесь, с abuela.

Паз не мог встретиться с матерью взглядом, но готов был показать под присягой, что за последние десять минут заходил в эту самую комнату четыре раза и там не было ни Маргариты Паз, ни ее маленькой внучки.

Паз, как бесшабашный и безответственный отец, каким всегда и являлся, усадил Амелию в «вольво» рядом с собой. Жена всегда сажала ее на заднее сиденье для большей безопасности, но Паз, как бывший коп, видел куда больше разбившихся машин, чем она, и это сделало его фаталистом. А еще ему нравилось, когда она сидит рядом с ним. Он сам провел годы, сидя на переднем сиденье старого «форда»-пикапа, лишенного не только подушек, но и ремней безопасности, зато изобиловавшего всякого рода твердыми выступами, острыми металлическими углами и прочим, способным вмиг истерзать несчастное дитя. Ничего подобного, однако, не произошло, а поездки с матерью в столь смертоносных условиях так и остались в числе самых ярких воспоминаний его детства.

Сейчас он вел машину в затуманенном сознании, держа направление более или менее точно на юг, в направлении дома, но, доехав до поворота на Южный Майами, проехал мимо и направился дальше по автостраде Дикси. Я могу ехать дальше, думал он, до самых рифов, до Западного Рифа, где кончается дорога. Можно взять лодку и надувной круг и понырять за раковинами, чтобы Амелия, оставаясь на поверхности, отдавала указания. И вообще, он мог бы открыть на побережье маленькую лавчонку, продавать туристам раковины, пить много рома и предоставить Амелии заботиться о нем. Это такой образ жизни. Он знал парней, которые его вели, и они казались вполне счастливыми, пока не посадили печень. Дурацкие мысли, лучше бы им выветриться вместе с пивом.

Остановился он у заправки к северу от Перрин, там, где кончаются пригороды Майами и начинается сельская местность. Это подчеркивали торчащие у парковки вызывающе убогие торговые павильоны из шершавого белого бетона.

— Можно мне шоколадку? — спросила Амелия.

— Нет, иначе твоя мама меня убьет. Я возьму тебе пакет сока. Сиди смирно и не трогай машину.

— Я умею водить машину, могу сама повести.

— Я уверен, но не сегодня, ладно?

Выйдя из машины, Паз зашел в местную лавчонку: там было холодно — кондиционер работал на полную мощность,— но в воздухе висел запах разогретых в микроволновой печи tacos. Купив упаковку из шести банок пива «Миллер» и пакет сока, он вернулся в машину, вскрыл банку и одним большим глотком выпил большую часть безвкусного, шипучего напитка.

— У этой леди клоунская прическа,— заявила Амелия.

Паз посмотрел в указанном направлении. «Эта леди», афроамериканка, кроме густой копны ярко-оранжевых волос являлась счастливой обладательницей крохотных, в обтяжку, атласных голубых шортов, босоножек на высоченных каблуках и красного топа, подчеркивавшего пышность ее колышущейся, как пудинг, груди. Тут же слонялись и другие девицы, одетые в том же духе. Они болтали с водителями грузовиков и целой оравой фермерских поденщиков, с виду похожих на мексиканцев. На глазах у Паза и Амелии девушка отошла в сторонку с крепким дальнобойщиком, из заднего кармана которого торчал бумажник, прикрепленный к поясу цепочкой.

— Она жена того человека? — спросила Амелия.

— Я не знаю, дорогая, думаю, они просто друзья.

— Он хочет, чтобы она поехала в его грузовике. Он демон.

— Неужели? Откуда ты знаешь?

— Просто знаю. Я могу сказать, кто демон и кто колдунья. Некоторые колдуньи добрые, ты знаешь это?

— Нет. А как насчет монстров? Есть хорошие и плохие монстры?

— Конечно. Разве ты сам не знаешь? Вот Годзилла, например, или Шрек — они ведь хорошие.

— А как насчет вампиров?

— Папочка, вампиры — просто выдумка, они не настоящие,— терпеливо объяснила Амелия,— как Барби. Посмотри, а вот та леди, которая ужинала с нами.

Паз посмотрел. Бет Моргенсен только что вышла из «хонды» и оживленно разговаривала с парой дорожных проституток. Очевидно, они были хорошо знакомы.

Паз выпил оставшееся у него пиво и завел машину, решив быстренько убраться отсюда, но звук двигателя привлек внимание Бет. Она с ухмылкой подошла к машине и одарила его поцелуем через окно, задержав губы чуть дольше, чем того требовалось.

— Решил загрузиться пивом, прежде чем вернуться домой к жене? Замашки типичного представителя рабочего класса.

— Ага, сразу видно, в тебе всегда говорит психолог.

— Вижу, ты со своей малышкой. Как дела, зайка?

— Прекрасно,— ответила Амелия и громко потянула сок через пластиковую соломинку.

Разговор взрослых казался ей чуточку нервным, но в любом случае скучным — куда как интереснее были забавные, разукрашенные леди, которые подошли к машине, дружелюбно улыбаясь Амелии. Бет, словно они были на вечеринке у кого-нибудь в саду, представила всех друг другу. Все было очень цивилизованно. Одна из проституток предложила присмотреть за ребенком, пока Паз будет заниматься нужным и важным делом, другая предложила скидку в связи с тем, что у него такой смышленый ребенок. («Правда, мне еще один не нужен!») Они рассмеялись, Бет их поддержала, Паз наклеил на физиономию слабую улыбку. Наконец труженицы улицы разбрелись по своим «рабочим местам».

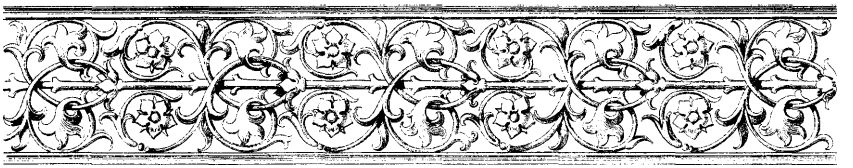
— Ты из тех исследователей, которых называют «наблюдатель-участник»? — с некоторым раздражением осведомился Паз, на что Бет Моргенсен издала смешок и сказала:

— О нет, дорогой Джимми, ты же знаешь, я не оказываю платных услуг: если чем и занимаюсь, то только из любви к делу, чистая, можно сказать, благотворительность.

Она достала из сумочки визитную карточку, лениво облизала ее и сунула за солнцезащитный щиток над его головой.

— Звони в любое время. Социология никогда не спит.

На обратном пути Паз вынул карточку из винила и, вместо того чтобы выкинуть ее, непроизвольно, словно его рука повиновалась мистической силе, засунул в нагрудный карман рубашки.



8

Дженнифер сидела на дне рыбного пруда, на глубине, позволявшей дыхательной трубке выступать над поверхностью, и держала на коленях большущий коралловый обломок, помогавший ей не всплывать. Никогда прежде она даже не думала о том, чтобы утопиться, но теперь, после всего, что случилось, эта идея угнездилась в ее сознании. Девушка задумалась о том, будет ли ей больно умирать, и вдруг поняла, что и этот вопрос относится к великому множеству таких, ответа на которые она не знает, ибо глупа. Безнадежно глупа, как высказалась о ней Луна, узнав, что индеец снова исчез — как будто она могла следить за ним каждую минуту!

Луна фактически потребовала у Руперта избавиться от Дженни, и тот, вместо того чтобы, как обычно, мягко спустить дело на тормозах, посмотрел на девушку с видом капризного ребенка, которому только что отказали в лакомстве (уж Дженни-то хорошо знала этот взгляд), и сказал: дескать, это возможно, принимая во внимание все происшедшее, и ей лучше начать подыскивать себе другое место. Но это было еще не самое худшее. Оставшись наедине с Кевином, она выплакала все глаза, а он сказал:

— Слушай, детка, дай мне знать, когда кончишь хныкать, а?

— Я думала, ты меня любишь,— сказала она и услышала в ответ:

— Конечно, мы можем встречаться и потом, трахаться и все такое.

В результате она взяла свой спальный мешок, пошла в старый сарай, где раньше ночевал Мойе, и прошлую ночь провела там.

Она протянула руку и стала кормить хлебными крошками орду разноцветных сомиков и цихлид. Она будет скучать по ним, может быть, и рыбки тоже будут скучать по ней. Скучают ли вообще рыбы? Еще одно знание, которого нет в ее глупой голове. Хлеб закончился, рыбья мелюзга рассеялась, словно рассыпавшиеся блестки, и внимание Дженни привлек большой астронотус, двигавшийся на средней глубине причудливым манером, будто поставленная на край, колышущаяся тарелка. Он поранился — в здешнем пруду это случалось часто, ибо в естественной среде обитания этих рыб кораллы всегда покрыты водорослями или илом, и водные обитатели не могли приспособиться к острым, режущим краям кораллов их нынешнего дома. Скотти не без досады говорил ей, что особенно часто рыбки повреждают чешую во время брачных игр, когда движутся особенно быстро и теряют осторожность. По его мнению, следовало осушить пруд и поместить риф в мягкий, пористый вкладыш, но Руперт не соглашался, будучи, по словам Скотти, жадным ублюдком.

Астронотус неуклюже повернулся, и она, увидев позади его маленького бокового плавника красный порез, подумала о том, что нужно бы выйти и найти Скотти. У него для подобных случаев имелся лечебный резервуар на сорок галлонов. Но не успела она претворить свою мысль в действие, как налетела пиранья с красным брюшком, вырвала из раненой рыбины кусок плоти, а потом в образовавшемся кровавом облачке появились еще десять пираний. Несколько мгновений — и пираньи исчезли, как исчез и астронотус. То немногое, что от него осталось, тут же принялись подбирать налетевшие стайкой карпики и прочая рыбья мелочь.

Дженни вылезла из пруда чуть ли не раньше, чем поняла это. Хотя солнышко уже пригревало, ее била дрожь; она сняла маску и, чтобы унять озноб, закуталась в полотенце.

Нет уж, о том, чтобы топиться в этом пруду, не может быть и речи, хотя это, наверное, тоже глупо — какое тебе дело, сожрут тебя или нет, если ты все равно мертвая? С другой стороны, а вдруг они сообразят, что ты решила утопиться, и вздумают съесть тебя, пока ты еще жива?

Девушка передернулась — но вовсе не от холода — и чуть ли не бегом припустила в сарай под зеленой крышей.

Профессор Кукси был там, он потирал подбородок и смотрел в землю. Дженни от встречи с ним никакой радости не испытала: когда все на нее насели, он ей ничем не помог, а смотрел на нее в своей обычной невозмутимой манере, как на одно из своих насекомых. Однако ее глаза машинально последовали за его взглядом, а поскольку на земле ничего не оказалось, она спросила:

— Что там такое?

— Хм? О, ничего. Но присмотрись к этому отпечатку. Он не кажется тебе странным?

Она посмотрела. Полом в сарае служила мягкая, не утрамбованная почва, на которой прекрасно отпечатывались следы. Теперь и Дженни увидела отчетливый след маленькой босой ступни. Такой след был единственный — остальные были оставлены обувью: рифлеными подошвами туфель Скотти, ее собственными дешевыми шлепанцами или кожаными сандалиями Кукси.

— Наверное, это след Мойе,— сказала она.— А что с ним не так?

Профессор посмотрел на нее и, опустившись на колени, показал:

— Эй, неужели ты не видишь? Отпечаток слишком глубокий. Глубже, чем след Скотти, и гораздо глубже, чем твой или мой, хотя я бы сказал, что у вас с Мойе один размер. Сколько ты весишь?

— Не знаю. Примерно один двадцать, один двадцать пять.

— Хм, вот это, как я понимаю, твой след, он как раз рядом. Очень удобно сравнивать: давай посмотрим, какой вывод можно из этого сделать.

Кукси вынул из кармана рубашки маленькую латунную линейку, измерил глубину обоих отпечатков, встал, вынул из кармана блокнот в кожаном переплете и произвел подсчет.

Потом он нахмурился и проворчал:

— Что за бред собачий, этого же быть не может! — и снова принялся за подсчеты. Через несколько минут профессор обреченно вздохнул и сказал: — Этого не может быть, но это так и есть. Судя по имеющимся цифрам, наш малыш Мойе весит двести шесть килограммов.

— А это много?

— Я бы сказал, очень много! Это более четырехсот пятидесяти фунтов.

— Но может быть, он нес что-то тяжелое. Разве тогда след не был бы более глубоким? — предположила Дженни.

Кукси посмотрел на нее с таким выражением, которого она никогда не замечала по отношению к себе: это было выражение восторга, не имевшего отношения к ее внешним данным.

— Господи, конечно! Какой же я идиот! А все потому, что занимаюсь одними животными, которые редко таскают поклажу. Что ж, моя дорогая, ты только что сделала вывод, исходя из научных рассуждений. Молодец!

Дженни почувствовала, что от груди до линии волос заливается краской, и ее рот невольно расплылся в дурацкой, довольной улыбке.

— И все же,— продолжил Кукси,— предположим, мужчина, ростом и весом примерно с тебя, обладает гораздо большей мускульной силой. Но добрых триста фунтов — это очень тяжелый груз. И что он мог тащить? Валун? Наковальню?

Теперь посмотри на характер отпечатка — пальцы вдавились в землю сильнее, чем пятка, а это указывает на обычный прогулочный шаг, в то время как с таким грузом не больно-то прогуляешься. Возникает вопрос: смог бы кто-то из нас, ты или я, идти с такой ношей чуть ли не на цыпочках, как с пакетом из магазина? Нет, и в этом кроется загадка. В любом

случае, тебе, наверное, хочется спросить, почему я вообще пришел сюда.

— Э-э-э...

— В общем, я... э-э... понимаю твои трудности — я хочу сказать, что тебя попросили уйти,— и в каком-то смысле я ощущаю за это ответственность.

Он рассказал о проблемах Мойе, связанных с телевидением, и о том, что обнаружилось позже.

— Но если ты все-таки хочешь здесь остаться, думаю, я смогу что-нибудь устроить. Мне нужен помощник. Состояние, в котором находятся мои образцы, иначе как бардаком не назовешь, и одному мне, хоть убей, все это в порядок не привести. Ну и, конечно, будет скромная стипендия из моего гранта.

Дженни не знала, что такое скромная стипендия, но признаваться в этом ей не хотелось.

— Я бы рада, но как насчет Руперта и Луны?

— Дженни, не хочу хвастаться, но я в этой организацию значу гораздо больше, чем наша Луна. Замолвлю словечко Руперту — и дело в шляпе. Что скажешь?

— Но... я хочу сказать... я ведь ничего не знаю.

— Да. И потому будет что узнавать. У меня есть свои маленькие методы, а средний аспирант обычно не расположен их изучать. Ну, так как — договорились?

Когда она в ответ бросилась ему на шею, обхватила руками и прижалась к нему своим чудесным, влажным телом, он многое почувствовал, но... говорить не стал.

На протяжении следующей недели Дженнифер, к своему великому удивлению, обнаружила, что навыки, которые требовались от помощника исследователя, очень похожи на те, которые она усвоила во время пребывания в разных фермерских хозяйствах Айовы и домах, где она жила в приемных семьях. Они сводились к умению перемещать тяжелые или громоздкие предметы, не поранившись, ничего не развалив и не раскидав, а если это все же произошло, быстро навести

порядок. Ей нужно было уметь драить стены, полы и окна, сортировать схожие предметы и раскладывать так, чтобы можно было найти, а также добродушно и с готовностью исполнять все, что тебе велят.

При этом иметь дело с профессором оказалось куда приятнее, чем со многими из ее приемных мамочек и папочек: к ее неизбежным ошибкам он относился с терпением и ничем не давал ей понять, что видит в ней тупицу с замедленным развитием.

Наконец все коробки с образцами были аккуратно расставлены по полкам (которые Дженни сколотила с помощью Скотти), разбросанные бумаги убраны в папки, а журналы уложены в зеленые картонные коробки с аккуратными, отпечатанными на машинке ярлыками. Вся комната, бывшая прачечная, где еще недавно сам черт мог бы сломать ногу, была очищена, отмыта и покрашена.

Теперь жидкостью для полировки мебели здесь пахло сильнее, чем табачным дымом или формалином, и этот факт вызывал у Дженни нелепую гордость.

Однажды утром, когда Кукси встречался с Рупертом на террасе, а она мыла пол, явился Кевин, посмотрел и сказал, что она наконец нашла свое место в жизни в качестве уборщицы. Он-то думал, что отпустил едкую остроту, но Дженни, к ее собственному удивлению, это ничуть не задело.

— Нормальная, честная работа,— сказала она.— Тебе стоило бы как-нибудь пробовать что-нибудь в том же роде. Может, пошло бы тебе на пользу.

Она отвернулась от него и продолжила мыть пол, ожидая от него какого-нибудь гадкого ответа, но так и не дождалась. Вместо этого Кевин сказал:

— Итак, детка, какова ситуация? Когда ты вернешься в наш домик?

— Я не знаю, Кевин,— отозвалась Дженни, не прекращая работы,— а ты правда хочешь, чтобы я вернулась?

— Ну конечно! А ты как думаешь?

Она прервала работу и посмотрела на него.

— А что, по-твоему, я должна думать? Когда они вышвырнули меня пинком под зад, ты это проглотил. А теперь, выходит, передумал?

— Послушай, извини, ладно? Я был не прав. Тебе не обязательно собачиться по этому поводу.

Дженни оперлась на швабру и уставилась на него: ей казалось, что вся положительная энергия, которой она зарядилась в последние несколько дней, вытекает прочь. В первый раз она заметила нечто расплывчатое в его лице и поняла: это имеет отношение к тому времени, которое она провела с Кукси. Лицо профессора было по-своему цельным, тогда как на лице Кевина всегда читалось ожидание. Он всегда думал, какое выражение лица нужно принять, чтобы получить желаемое. Вот и сейчас он смотрел на нее с мягким ожиданием, приправленным легкой обидой, и это невольно действовало. Она действительно любила его, даже когда он вел себя как полное дерьмо, и знала, он тоже любит ее или полюбит когда-нибудь, во всяком случае, если ей удастся найти способ сделать его похожим на Кукси. Но не сейчас, сейчас у нее не было желания разбираться с его фокусами.

— Если я, по-твоему, собачусь, так, может, тебе не стоит здесь отираться, а?

— Я не это имел в виду. Будет тебе, детка, будь умницей.

Он изобразил очаровательную улыбку и шагнул на только что вымытый пол.

— Уходи! — сказала она.— У меня дел по горло.

И он ушел, хлопнув дверью, бормоча под нос проклятия, оставив ее удивляться самой себе. Весь разговор при всей его напряженности велся очень тихо, ибо Руперт находился неподалеку, на террасе, а Руперт требовал, по крайней мере, внешней гармонии. Луна была единственным человеком в здешней компании, кому позволялось выпускать пар, повышая голос.

Позднее, но в тот же день Дженнифер забрала из коттеджа, в котором проживала вместе с Кевином, рюкзак, в котором хранила все свои пожитки, и оставила его в бывшей прачечной вместе со своим спальным мешком и надувным матрасом. Пол и стены маленькой комнатки были выложены мексиканской плиткой, как в кухне, за исключением мест, где раньше находились старые грубые раковины, а теперь все было неровно замазано цементом. Там было маленькое окошко и дверь наружу. Оглядывая новое жилище, девушка удивлялась своей самонадеянности. Похоже, она, чего никак от себя не ожидала, решительно менялась. Кукси появился рядом с ней.

— Переезжаешь, да? — спросил он.

— Если это никому не помешает.

— Не беспокойся, дорогая. Мы создали это пространство и имеем на него все права. Хотя, надеюсь, твои домашние дела не скажутся на работе, а?

— Не скажутся. И спасибо.

— Хорошо. Ну а что касается работы, то, мне кажется, пора тебе к ней приступить.

— А я думала, что я уже давно приступила.

— Нет-нет. Я имею в виду работу. Научную работу. Неужто ты решила, будто я пригласил тебя в качестве поденщицы? Нет, ты нужна мне как ассистентка.

Слова этого Дженнифер не знала, но что оно значит, исходя из ситуации, примерно сообразила. И призадумалась.

— И чем я должна буду заниматься? — осторожно поинтересовалась она.

— Эволюционной биологией. Это моя тематика, понимаешь? Помимо моей работы для Альянса я должен поддерживать свое научное реноме, занимаясь научными исследованиями и публикуя статьи, иначе никто не станет воспринимать меня всерьез, когда я буду выступать на тему уничтожения среды обитания, дождевых лесов и так далее. Так вот, важным элементом эволюционной биологии является изучение загадочного симбиоза некоторых видов древесных ос с фиговыми

деревьями. Деревья не в состоянии репродуцироваться без этих ос, а осы не могут жить без этих деревьев. Кроме того, каждую породу деревьев опыляет лишь одна, определенная разновидность ос, следовательно, мы имеем дело с примером параллельной эволюции. Проблема узкой межвидовой адаптации в ходе эволюционного процесса вызывает сейчас большой интерес, и именно над этим я работаю. Эй, ты все поняла?

— Хм. Профессор, я бросила школу в седьмом классе.

— Ага, понятно, но, может быть, это вовсе не недостаток. Таксономия — одна из немногих областей научного знания, в которой оригинальный вклад может быть сделан людьми, вообще не имеющими никакого образования. Кстати, ты будешь называть меня на «ты» и Кукси, за исключением тех случаев, когда мы будем находиться в кампусе, где я читаю лекции действительно в качестве профессора.

Он подвел ее к своему письменному столу, теперь расчищенному от бумажных завалов, усадил в свое кожаное кресло, которое он использовал, только когда читал, а сам уселся за стол.

— Итак, что ты знаешь об эволюции? — спросил Кукси.

Дженни призадумалась, в ее голове всплыла сцена из фильма.

— По-моему, это когда обезьяны превратились в людей?

— Именно так, очень хорошо. Но до этого еще много чего произошло. «В начале Бог создал небо и землю, земля же была безвидна и пуста, и тьма витала над бездною: и Дух Божий носился над водою». Эту часть мы, по крайней мере с сугубо научной позиции, опускаем и начинаем с того, что теперь, спустя миллиарды лет, мы наблюдаем миллионы различных типов живых существ, растений, животных и существ, не относящихся ни к тем ни к другим. Возникает естественный вопрос: как они возникли? И ответ, как мы полагаем, в том, что они менялись со временем. Менялись от простого к сложному, приобретали иную форму. Давай посмотрим на нас с тобой. Мы всю жизнь едим бифштексы, картофель и бобы

или, с поправкой на вегетарианство, соевые бифштексы, картофель и бобы, но остаемся собой, Найджелом и Дженнифер, а не становимся коровами, растениями или соевым белком. Мы вбираем в себя много чего, воздух, воду, пищу, и сами производим различные выделения, но остаемся распознаваемыми объектами. Почему?

Дженнифер не знала, в чем честно призналась. На самом деле этот вопрос никогда ее не занимал.

— Ладно, я тебе объясню,— сказал Кукси.— Клетки нашего тела содержат химический код, который побуждает нас воспроизводить из всего, поступающего снаружи, из еды, воды и воздуха, только нас и ничего другого. Так оно и получается, верно? Так-то оно так, но не совсем. Давай предположим, что у Найджела и Дженнифер родился ребенок — ведь этот ребенок уже не будет ни Найджелом, ни Дженнифер. Репродуктивный процесс — это лотерея, даже если не принимать во внимание всевозможные мелкие изменения, возникающие при всяческих разнообразных погрешностях и сбоях в репродуктивном процессе. В большинстве случаев такого рода сбои бывают неблагоприятны для ребенка, но случается и наоборот. То есть младенец может появиться на свет еще более красивым, чем Найджел, и еще более умным, чем Дженнифер.

При этих словах щеки Дженнифер окрасил легкий румянец, но профессор, похоже, не заметив этого, продолжал:

— Так вот, суровая реальность природы в том и состоит, что ее ресурсы, а стало быть, и возможности выживания живых существ, каждому из которых требуется среда обитания, пища и так далее, ограничены. Чего мы в таком случае можем ожидать, рассматривая любую биологическую популяцию?

Это был не риторический вопрос. Дженнифер поняла, что он ждет ее ответа и что пожатием плеч и «я не знаю» на сей раз не отделаться. Это была своего рода игра, но, играя в нее, профессор, похоже, всерьез считал, что ответы каким-то об-

разом сами возникнут в ее сознании, если она как следует поразмыслит. Игра чуточку пугала ее, но и воодушевляла: в кои-то веки кто-то рассчитывал на ее сообразительность. И ведь правда, стоило пораскинуть мозгами, и у нее появились определенные мысли.

— Некоторые из них умирают, да? Дело в том, что я знала одну семью, бедную, и хозяйка, миссис Мак-Грат, привязалась к одному из детей, который нравился ей больше остальных, и она давала ему больше еды, а остальные почти ничего не получали. Правда, органы опеки прикрыли ее лавочку.

— Очень хорошо. Ты мыслишь правильно. Миссис Мак-Грат практиковала искусственный отбор. Чарльз Дарвин тоже наблюдал нечто подобное и на этой основе создал целую теорию. Но в природе нет никаких органов опеки, и помогать беспомощным некому. Жизнь в природе — это сплошная борьба за существование, а поскольку между отпрысками одних родителей существуют мелкие различия, что из этого следует?

Последовала еще одна короткая пауза. На сей раз Дженнифер подумала о приемных семьях, и ужасных центрах временного содержания, и противных стычках из-за еды.

— С некоторыми все будет в порядке, но не со всеми, поэтому спустя некоторое время успешных останется больше...

— Потому что?..

— У них будет больше детей, а эти дети будут похожи на них. Унаследуют их изменения.

— Очень хорошо. Почти идеальное описание процесса эволюции вследствие естественного отбора. Но, как говорится, Бог таится в деталях. Или там речь о дьяволе? В любом случае, это, конечно, здорово — размышлять такими общими, масштабными категориями, но существует ли возможность проследить, каким образом этот процесс осуществляется на практике, так сказать, проверить теорию с помощью опытных данных? И в этом нам помогают древесные осы и их деревья.

Помнишь, что я рассказывал тебе о жизни Agaonidae? В тот день, когда ты нашла в «Садах» Мойе.

— Нет,— призналась она.

— Правда? А я думал, что изложил все доходчиво.

Ей пришлось отвести глаза.

— Прошу прощения, но, боюсь, я пропустила это мимо ушей.

— Ничего страшного,— сказал Кукси после непродолжительной паузы.— Не сомневаюсь, постепенно ты все усвоишь, шаг за шагом. На данный момент нам нужно, чтобы ты научилась различать видовую принадлежность, то есть отличать одно насекомое от другого, хотя они очень похожи. На первый взгляд может показаться, что они вообще одинаковы, хотя у них имеются важные генетические различия. Видишь ли, эти маленькие осы предоставляют нам уникальную возможность — я бы сказал, привилегию — наблюдать возникновение нового вида. Их образ жизни настолько исключителен, а эволюционная ниша, как мы ее называем, настолько мала, что сама эволюция, можно сказать, сжимается во времени, и на их примере мы можем на протяжении короткой человеческой жизни отследить процессы, которые в других условиях у других существ занимают миллионы лет. Это понятно?

Дженнифер кивнула:

— Уфф!

Кукси улыбнулся, показав желтые зубы.

— Прекрасно. Если это ты усвоила...

Он встал из-за письменного стола и направился к длинному деревянному столу на другом конце комнаты, где стоял бинокулярный учебный микроскоп с двумя комплектами окуляров, а на множестве полок с выдвижными ящиками хранились препараты и образцы. Профессор снял с полки потускневшую от времени и частого использования, закатанную в пластик таблицу и положил перед ней. Они сели на лабораторные табуреты.

— Сегодня мы займемся названиями органов и частей тела.

В саду мушмула, ну как на картине.
Мы учим слова, и все по-латыни.

— Это что?

— Так, стишок. Не важно. Я просто хотел сказать, что, прежде чем начать пользоваться определителем, тебе нужно выучить научные названия разных частей тела насекомого. Итак, смотри: кончик вот этой длинной штуковины, антенны, называется radicle, корешок. Повтори!

Она повторила.

— Далее, это pedicle, стебелек. Повтори: «pedicle»! Хорошо. Теперь anneli...

Она повторяла и повторяла бессмысленные для нее слова. Кукси перешел от антенны к самой голове, крыльям с разнообразными узорами прожилок, к thorax, грудному отделу, ножкам, gaster, брюшку, и закончил длинным яйцекладом, указывая на все маленькие щитки, наросты и шипы, служащие систематикам для классификации насекомых.

На это ушло полчаса. Потом Кукси указал карандашом на кончик антенны модели.

— Что это, скажи, пожалуйста? — попросил он.

Дженни не знала. Карандаш дернулся вниз по тоненькому отростку.

— Это? Это?

— Ничего не получается,— всхлипнула девушка.

— Чепуха! Все у тебя получится. Просто ты внутренне сопротивляешься получению знаний, ибо само понятие «учеба» вызывает у тебя неприятные ассоциации. Не напрягайся и позволь названиям войти в тебя. Память любого из нас имеет огромную вместимость, и в твоей голове есть плодородная равнина, которой всего лишь требуется немного воды и семена.

— Я слишком глупая.

Она готова была удариться в слезы и закусила губу, чтобы сдержать их.

— Нет, вовсе нет. Будь ты глупой, ты бы уже умерла, или пристрастилась к наркотикам, или стала проституткой, или имела бы троих детей. Подумай об этом!

Дженнифер подумала и вдруг поняла, что это сущая правда: а ей-то казалось, будто это просто слепое везение. Что-то лопнуло в ее голове, как после долгой, очень долгой понюшки кокаина: ей открылся совсем другой мир, только в отличие от того, наркотического, она знала, что выпадать из этого вовсе не обязательно.

— В любом случае,— продолжил Кукси,— некоторые из самых глупых людей, которых я знаю, являются признанными мировыми светилами в области систематики беспозвоночных. А теперь начнем сначала. Это radicle. Повтори...

— Radicle,— повторила она.— Radicle.

Вечером, после того как Паз свозил Амелию в иле, у них с Лолой произошла яростная стычка, причем Паз надеялся, что это было главное сражение, а не просто ковровая бомбардировка, предшествующая массированному наступлению. Хотя в семье было заведено улаживать подобные дела перед тем, как ложиться спать, Лола бежала с поля боя и заперлась в спальне, которую использовала как кабинет. Оттуда, как при артобстреле, вылетали снаряды: то и дело вперемежку доносились ругательства и рыдания. Избыточная реакция, подумал он и сказал это через дверь, но не получил никакого ответа, что само по себе было необычно и тревожно. Лола была не из тех, кто избегает обсуждения после эмоциональных взрывов; напротив, она обожала предаваться длительному, подробному анализу, препарируя суть их семейных проблем так, что Паз начинал ощущать себя образцом, лежащим на предметном стеклышке под объективом исследовательского микроскопа. Что, однако, терпел, ибо принимал любимую

женщину такой, какая она есть, и считал, что именно это делает его хорошим мужем.

«А может быть, часть проблемы как раз в этом?» — размышлял Паз, сидя ранним утром в саду с чашкой кубинского кофе в руке: может быть, он был слишком покладистым. Задумался Паз и о самом доме, том, где они жили.

Изначально это был ее дом, типичное для Южного Майами флоридское ранчо из бетонных, покрытых белой штукатуркой блоков с серой черепичной крышей и окрашенными в аквамариновый цвет стальными противоветровыми навесами. Назвать это здание архитектурным шедевром язык бы не повернулся, но, будучи достаточно старым, дом был окружен разросшейся зеленью. Огромная бугенвиллея покрывала одну боковую стену и часть крыши пурпурными цветами, а над задним двором раскинулась крона большого манго, помимо которого сад мог похвастаться разнообразием и других плодовых деревьев — тут были лайм, апельсин, грейпфрут, гуава, авокадо. Внутренняя отделка дома сплошь состояла из скандинавского дерева и кожи, причудливых или абстрактных картин в зеркально-стальных рамах и ковров. Не его вкус, он предпочитал старину, эксцентрический хлам, «Тайную вечерю» на бархате — но при всем том он не мог не признать, что его жене такая обстановка подходит как нельзя лучше. Да и матушка его говорила: это не дом, а самый настоящий докторский офис.

Да, мать. И конечно, эта ссора не обошлась без упоминания о ней. Дожидаясь, когда подействует крепкий кофе, Паз вернулся мыслями к тому, что мог припомнить из обвинений и контробвинений того вечера. Он приехал домой под мухой, подверг опасности жизнь их драгоценной дочурки тем, что вел машину в пьяном виде, и, естественно, после этих упреков выслушал еще и медицинскую лекцию о вреде алкоголя.

Ладно, виноват, больше не повторится — вроде бы проехали,— но тут встревает ребенок.

Мамочка, догадайся, где мы сегодня были, и выкладывает все — церемонию сантерии, ямс, вонючий дым, преклонение перед ложными идолами плюс визит к леди, которые целуют юношей за деньги, и то, что папа разговаривал с той леди, которая приходила к нам в гости. Это, конечно, объяснить легко, легче, во всяком случае, чем полученную от Моргенсен визитку.

С ней вообще по-дурацки вышло: Паз беспечно бросил ее на свой туалетный столик, а Лола, сыщик почище его самого, обнаружила ее — с отпечатками губ, накрашенных красной помадой. Ну и пошло-поехало. Может быть, расскажи Паз о встрече первым, гроза бы миновала, а так получалось, будто его уличили в чем-то непозволительном, и что бы он ни говорил, все это выглядело неуклюжими оправданиями завзятого волокиты. Паз вообще чувствовал себя дурак дураком. С одной стороны, ему вроде бы и оправдываться было не в чем, а с другой — в глубине души он знал, что он честный парень и ни на что бы на такое не пошел, но ведь хотел, а значит, все могло обернуться по-всякому.

Найдя эту линию размышлений непродуктивной, он оборвал ее, и тут как раз из дома, в футболке, шортах, с парусиновой сумкой на плече, в которой лежала рабочая одежда, появилась Лола. Смерив его ядовитым взглядом, она решительно проследовала через патио наружу к сараю во дворе, где держала свой велосипед.

— Доброе утро! — обратился к ней Паз.

Никакого ответа. Она вывела велосипед на дорожку, но Паз встал и перехватил ее.

— Может, поговорим снова? — спросил он, схватив руль.

— Я слишком сердита. Отпусти велосипед, пожалуйста.

— Нет, пока мы не поговорим.

— Мне нужно на работу,— сказала она, пытаясь освободить руль.— У меня пациенты...

— Пускай они умрут,— сказал Паз.— Это более важно.

При этих словах она нарочито выразительно вздохнула и сложила руки на груди.

— Ладно, будь по-твоему. Говори.

— Вчера мы погрызлись. Я извинился, и теперь все в прошлом. Ты прощаешь меня, и мы живем дальше, как бывало всегда.

— Не так все просто.

— Объясни сложность.

— Я чувствую, ты меня предал. Не знаю, могу ли я теперь тебе доверять.

— И все из-за того, что я выпил пару банок пива?

— Не умничай! Мне трудно поверить в то, что ты взял нашу дочь на церемонию вуду, предсказание будущего, кровавое жертвоприношение и... и подношение ямса. Даже не удосужившись обсудить это со мной. Наполнил детскую головку ужасным вредоносным вздором. Как ты мог!

— Это не вуду, Лола, ты знаешь. Пожалуйста, перестань называть сантерию вуду. Это оскорбительно.

— Это одно и то же.

— Верно, как католики и иудеи — одно и то же, ибо и те и другие родом из Палестины. Я объяснил тебе все прошлой ночью. Это не заговор. Это произошло импульсивно, под влиянием момента. Маргарита была там, и Эйми попросила меня отвести ее к ней, и я подумал, что ничего страшного не будет, если...

— Это нелепый варварский вздор. Ты сам в него не веришь!

— Может, так оно и есть, но зато верит моя мать, и я должен уважать это. А у Эйми только одна бабушка, и они любят друг друга, и я не встану и не скажу ей, что у ее бабушки башка набита дерьмом, ибо она верит в сантос. Это часть ее культуры, точно так же как наука, как медицина.

— За исключением того, что медицина реальна. Это небольшое различие. Медицина не вызывает ночных кошмаров у маленьких девочек.

Что-то в ее голосе — высокий тон, неожиданная дрожь — заставило Паза остановиться и присмотреться к жене повнимательнее. Подобная резкость была у нее не в чести, когда речь заходила об особенностях его культуры, она всегда предпочитала шутку, легкую иронию.

— Что происходит, Лола? Не может быть, чтобы это было только из-за сантерии? Мы женаты семь лет, и ты никогда раньше по этому поводу так не заводилась.

Что-то было не так. Она не хотела встречаться с ним взглядом — и это Лола, которая обычно была большой любительницей поиграть в гляделки.

— Может быть,— необдуманно добавил он,— тебе стоило выйти замуж за доктора-еврея.

— О, теперь к твоему упрямому невежеству добавилась и толика трусливого антисемитизма? Послушай, мне пора ехать, иначе я опоздаю на обход.

Несколько озадаченный этим последним разговором, Паз поднял руки. Она вскочила на велосипед и укатила по подъездной аллее.

Позднее в то утро Паз без происшествий и не обсуждая дурные сны доставил дочку в школу, но уже за обычными ресторанными хлопотами вспоминал, как, вскочив с супружеской постели, где лежал в одиночестве, прибежал на ее крик и застал ее не проснувшейся, но дрожащей и всхлипывающей, с открытыми, ничего не видящими глазами. Рассказать об этом эпизоде их домашнему психиатру Паз забыл, а сама Лола (к счастью) его проспала. Теперь он и не собирался этого делать.

Паз готовил юкку: это была утомительная работа, что в настоящий момент могло его только порадовать. Юкка — это основа кубинской кухни, но продукт этот коварен, как сама жизнь. Начать с того, что сначала нужно удалить безобразную, грубую корку, после чего открывается зеленый подкожный слой, который ядовит. Его требуется счистить, но очень акку-

ратно, не сдирая вместе с ним все ценное. В процессе очистки растение, словно кровоточа, истекает белым соком. И наконец, самая сердцевина тоже подлежит удалению, поскольку она несъедобна. Паз тоже ощущал себя ободранным и кровоточащим и знал, что в его собственной сердцевине есть нечто ядовитое.

Эта мысль заставила его громко рассмеяться. Пожалуй, он мог бы написать книгу под названием «Юкка: путь к личностному росту». С подзаголовком «Путь к просветлению по методике кубинского повара».

Получив в результате своих манипуляций бушель съедобного материала, он пропустил юкку через кухонный комбайн, получив кашицу, служащую основной знаменитых кубинских яблочных оладий-ракушек и нового лакомства, которое Паз опробовал: хорошо прожаренных креветок в кляре из юкки с ромовой добавкой. Приготовив для начала совсем чуточку, он поделился образцами с коллегами по кухонному цеху, провел консультативный совет и занялся экспериментами с приправой и температурой фритюра. К одиннадцати он решил, что блюдо достаточно хорошо и годится к подаче со свежим салатом, и сообщил об этом официантам. Его мать отсутствовала, поэтому никаких возражений, связанных с тем, что в 1956 году креветок фри в кляре из юкки на Кубе еще не придумали, а значит, в ее ресторане подавать не должны, можно было не опасаться.

Но кстати, где же она? Она уехала, чтобы забрать Амелию в обычное время. Он почувствовал легкое беспокойство, но подошло суматошное время ланча, и за хлопотами он забыл о заботах.

Примерно в половине третьего Пазу пришлось посмотреть вниз, поскольку его настойчиво теребила его маленькая дочурка. Она была одета в узкое, без рукавов платьице из желтого шелка с узором из больших зеленых тропических листьев длиной до лодыжек и крохотные белые сандалии с ремешками на небольших каблучках. Ее волосы были заплетены в косы и уложены вокруг головки блестящим венком и допол-

нены украшением в виде белой гардении за ухом. На шее ее красовались бусики из зеленых и желтых стекляшек.

— Вот так наряд. Ходила по магазинам с abuela?

— Да. Мы побывали в особом магазине.— Она потрогала свои бусы.— Эти бусинки благословлены. Это не обычное ожерелье, папа.

— Кто бы сомневался. Ну а как дела в зале? Все довольны?

— Да. Туда набилась уйма японцев, все одеты одинаково. Почему они так делают?

— Не знаю. Наверное, у них такой обычай.

— Ладно, в общем, я пришла потому, что один человек в зале хочет с тобой встретиться. Он знает, что ты мой папа. Третий столик.

— Спасибо. Какой он с виду?

Она подумала.

— Похож на футболиста, но лысый.

Майор полиции Дуглас Олифант действительно был похож на футболиста. В годы учебы в колледже он и на самом деле был футболистом, играл за штат Мичиган. Этот темнокожий, спокойный мужчина нравился Пазу настолько, насколько может нравиться человек, на которого приходилось работать. Помимо прочих достоинств, Олифант возглавлял отдел убийств и домашнего насилия Департамента полиции Майами. Подняв голову от почти пустой тарелки, он кивнул Пазу, указывая на место напротив.

— Вижу, тут были креветки,— сказал Паз, усаживаясь.

— Верно. Вообще я готов сказать, что по части стряпни ты гораздо более ценен для человечества и города, чем когда ловишь убийц. Прекрасная еда, Джимми.

— Спасибо. Мой ответ прежний — нет.

— Ты еще не знаешь, о чем я хотел тебя просить.

— Ручаюсь, что знаю. Тито заходил сюда на днях. Департаменту приспичило, чтобы я дал консультацию по той большой шишке, которую сожрал невидимый тигр-вуду.

Олифант натянуто улыбнулся.

— Это было бы здорово. Подобный акт гражданской сознательности встретил бы высокую оценку твоих друзей в кубинском сообществе, особенно в свете недавних событий.

— Например?

— Прошлой ночью было совершено хулиганское нападение на дом человека по имени Кайо Д. Гарса, кубино-американского банкира. Его входную дверь исцарапали или изрезали глубокими бороздами, а на дорожке перед фасадом остались фекалии, которые, как оказалось, принадлежали ягуару. Это мнение ребят из зоопарка: наши парни, если ты помнишь, не шибко большие доки по части ягуарового дерьма. Хотя, конечно, дерьмо — оно дерьмо и есть, то есть мало что дает. Если не считать того, что на дворе нашли отпечатки лап здоровенного котяры, больно уж похожие на те, которые были обнаружены у бедолаги Фуэнтеса.

— Того, недоеденного Фуэнтеса?

— Ага, его самого. Ну, тут мы, понятное дело, встрепенулись, потому как наложить у дома кучу — это одно, а убийство — совсем даже другое. Стали копать, и, когда Тито поинтересовался, с кем мистер Гарса имеет дело, на кого мы вышли? Первым делом на покойного Антонио Фуэнтеса. Смотрим общие связи Фуэнтеса и Гарсы, находим некоего Фелипе Ибанеса, ворочающего экспортом-импортом, и выясняем, что такие же хулиганы навестили и его, просто он не придал этому значения и не стал дергать полицию. Когда к нему явились копы из Майами-Бич, он как раз ставил новую дверь, а ягуаровые какашки уже смыли. А вот следы остались, мы их обнаружили и там. Оба они живут на Рыбачьем острове, в больших домах усадебного типа.

Так вот, очевидно, что Фуэнтес, Гарса и Ибанес были деловыми партнерами: мы прошлись по архивам и установили, что, хотя у каждого есть свой особый круг интересов, в прошлом году четверо воротил зарегистрировали фирму «Консуэла Холдинг Лимитед» как учредители с равными долями

участия. Четвертый малый — это Хуан К. Кальдерон. Ты его знаешь?

— С чего бы это?

— Да с того, что, когда я произнес его имя, у тебя физиономия дернулась.

Паз пожал плечами.

— Он большой заправила, в кубинской общине известен хорошо. Йойо Кальдерон, как же. Все знают, кто он такой. Что он за человек?

— Можно спросить Тито. Он тоже кубинец.

— Я спрашиваю тебя.

— Я не тот парень, к которому стоит обращаться с такими вопросами. Люди вроде Йойо не контактируют с такими, как я.

— Он никогда не обедает здесь?

— Никогда.

— Это весьма категоричное заявление. Значит, ты знаешь, как он выглядит?

Паз собрался сказать бывшему боссу что-нибудь сердитое, но сдержался и ограничился ухмылкой.

— Да, это вышло совсем неплохо. Я оказался допрошенным в моем собственном ресторане. Классно, майор. Может быть, мы поместим это в меню?

Олифант позволил себе натянутую улыбку.

— Да ладно, чего там: просто пара старых товарищей говнецо разворошили.

Он отправил в рот прожаренный ломтик юкки и захрустел.

— Давай, Джимми, помоги нам. Пойми, речь идет о больших шишках, на меня всю дорогу давят, я имею в виду, по делу Фуэнтеса. А дело-то тухлое. Вот я и прошу: если это какая-то кубинская вендетта и все такое, мне нужно в этом разобраться. Особенно во всех этих странностях...

— Надо же! Никак не думал, что в Департаменте полиции Майами обнаружилась нехватка кубинцев. Неужели, кроме меня, спросить не у кого?

— Я уже спрашивал. И получил множество самых разнообразных, зачастую противоречивых сведений. Правда, у каждого второго из наших кубинских копов есть кузен или приятель, работающий на кого-нибудь из этих ребят, и у меня складывается впечатление, будто вся троица в «Консуэле» получает сведения раньше, чем я. Вот почему я пришел к тебе. А ты морду воротишь.

Паз поднял руку и засучил рукав своей поварской куртки.

— Видишь, какого цвета моя кожа? Те кубинцы, о которых идет речь, хотят видеть ребят с такой кожей только у плиты или с подносом. Они не водятся со мной или такими, как я, и не делятся с нами своими секретами.

— Но ты знаешь Кальдерона.

— Это как посмотреть. Я бы не сказал, что знаю его.

— Но он здесь не обедает. Я думал, это самый лучший кубинский ресторан в Майами. Что же, он не бывает в ресторанах? Или, может быть, предпочитает китайскую кухню?

— Много лет назад у него с моей матушкой были деловые отношения. Потом они расплевались. Вот и вся история.

— А что за отношения?

— Меня в подробности не посвящали. Можешь спросить у нее.

— М-да. Ладно, итак, что у нас есть по Кальдерону? Я ведь почему спрашиваю: у нас убийство и две хулиганские выходки, которые могут иметь предупреждающий или угрожающий смысл, и все эти деяния направлены против троих партнеров по предприятию, в котором четвертым совладельцем является Кальдерон. Мы попросили кое-кого зайти к Кальдерону: тот уверяет, якобы у него тишь да гладь. Дверей никто не царапал, ягуары на газоне не гадили. И все бы ничего, да только дверь у него новехонькая, только что сменили. Волей-неволей подумаешь, что неспроста. Итак... Хуан Кальдерон. Хороший малый, плохой малый, может быть, способный на насилие?..

— Ладно, майор, поддаюсь давлению: этот малый из тех, кого кубинцы называют gusano, червяк,— короче говоря, дерьмо дерьмом. Он и его папаша заявились сюда еще с первой волной иммигрантов с кучей наличных, скупили уйму всяких фирмочек, а потом нажили еще больше денег, давая в долг под грабительские проценты мелким кубинским предпринимателям. Эти деньги были вложены главным образом в строительные проекты и принесли еще больше барышей. Похоже, этим он занимается и сейчас. Способен ли он на насилие? Может быть, если уверен, что это сойдет ему с рук, или, если у него неудачный день, может со зла дать пинка прислуге. Но речь, как я понимаю, о том, способен ли он грохнуть партнера, вырезать из него ломтик-другой и сожрать без приправы, и тут я должен ответить — нет. Это не их стиль.

Олифант собрался было ответить, но в этот момент, прижимая к груди охапку меню, мимо прошла Амелия с группой из четырех человек, которых усадила за столик рядом. После этого она остановилась перед Олифантом.

— Все в порядке, сэр? — спросила она.

— Все просто замечательно, мисс,— сказал Олифант, расплывшись в улыбке.

Паз не помнил, чтобы когда-нибудь видел на его лице такую улыбку.

— За исключением того,— сказал Паз,— что я хотел бы, чтобы моя маленькая девочка села мне на колени.

— Папа, я работаю,— строго сказала она, после чего обратилась к Олифанту: — Можно, я пришлю официанта с меню десертов?

— Нет, спасибо,— сказал Олифант.— Знаешь, раньше у меня тоже была маленькая девочка, которая сидела на коленях у меня. Это было получше любого десерта.

— А что с ней случилось? — спросила Амелия.

— Она выросла и уехала.

Амелия оставила это без комментариев, сказала: «Я принесу ваш чек» — и ушла.

Олифант рассмеялся и покачал головой.

— Строгая, однако, особа.

— Да, деловая. Впрочем, я начинал свой бизнес в таком же возрасте. Правда, это был нелегальный бизнес, но, надеюсь, мы беседуем не для протокола. Послушайте, майор...

— Называй меня Дуг. Ты больше не работаешь у меня.

— Дуг, я бы хотел помочь, честно, но я и правда не вожусь с этой компанией.

— Ладно,— сказал Олифант.— Но если что-нибудь надумаешь, дай знать, хорошо?

Судя по тону и выражению лица майора, было совершенно очевидно — по его глубокому убеждению, Паз о чем-то умалчивает.

В тот день, как обычно почти каждую среду, три уцелевших партнера компании «Консуэла» завтракали в Банкирском клубе. Люди — мужчины в дорогих костюмах и несколько женщин — улыбались им, останавливались поговорить, жали руки, но трудно было сказать, то ли это своего рода ритуал, означающий принадлежность к стае, то ли первые, пробные укусы шакалов, собирающихся растерзать умирающего хищника. Немножко и того и другого, подумал Йойо Кальдерон, улыбаясь в ответ и протягивая руку. Ему не понравилось, как выглядит Ибанес, старый, усталый и напуганный.

Впрочем, даже Гарса, обычно производивший впечатление стремительной, коварной акулы, выглядел не лучшим образом: лицо было одутловатым и бледным, движениям не хватало привычной уверенности и энергии. Он уговорил коллег выпить еще по коктейлю, и спиртное немного взбодрило их, помогая скрыть внутреннюю неуверенность, как дешевая краска на старом автомобиле. Во всяком случае, это позволяло показать присутствующим, что дела у них в порядке, а как полагал Кальдерон, в данной ситуации это уже что-то. В бизнесе, особенно в бизнесе, который ведется в тесных рамках кубинской эмигрантской общины, видимость — это девя-

ностo процентов успеха. Партнеры заказали свой обычный ланч — здоровенные порции дорогостоящего протеина — и сделали вид, будто с аппетитом налегают на еду. Обслуживающий персонал, конечно, знал, как мало из заказанного съедается на самом деле, но кто принимает в расчет обслугу?

— И когда это началось? — спросил Гарса.

— Сегодня,— сказал Кальдерон.— Когда Хуртадо желает, чтобы дело было сделано, он действует без промедления. По-моему, это хороший знак.

— Да, лучше некуда! — с горечью заметил Ибанес.— Полагаться на такого человека! Хотелось бы знать, чем обернется эта защита, которую он посулил?

— Да ты ничего и не заметишь. Несколько машин на улице, вот и все. Вся суть в том, чтобы действовать осторожно, но выявить и устранить всякого, кто это делает.

— Мне просто трудно поверить, что это происходит со мной,— сказал Ибанес таким тоном, будто пересказывал страшный сон.— Они явились в мой дом! Утром горничная пошла вывести собаку и видит, вся дверь ободрана... Она впала в истерику, эта глупая сука, и отправилась к моей жене. В результате на меня насели сразу две истеричные женщины, Господи Иисусе, и что я мог им сказать?

— Да, Фелипе, мы наслышаны о твоих истеричках,— сказал Кальдерон.— Но давай не будем сами уподобляться этим женщинам, а? Несколько дней, и со всем этим будет покончено. Они сделают какой-нибудь глупый шаг, и тогда,— он щелкнул пальцами,— им крышка. Проект Паксто продолжит осуществляться, и все у нас будет в порядке.

— Откуда у тебя такая уверенность, будто это займет несколько дней? — спросил Гарса.— А почему не месяцев?

Кальдерон, боявшийся именно этого вопроса, прокашлялся и сказал:

— Хуртадо считает, что давление на нас связано с колумбийскими интересами. Он распустил слух, будто мы опере-

жаем график по вырубке — дополнительные рабочие руки, транспорт, ускоренная доставка оборудования и так далее. Наших недоброжелателей это подтолкнет к более активным действиям, и они неизбежно себя выдадут.

— Ты собираешься использовать нас как наживку! — возмутился Ибанес, и его голос прозвучал громче, чем это было принято в респектабельном клубе,— сидевшие за соседним столиком обернулись в их сторону.

Сам Кальдерон голоса не повышал, но это давалось ему не без усилий: он чувствовал, как пульсируют вены на висках.

— Фелипе, подумай головой. Мы уже все мишени, на нас на всех нацелились. Здесь главное — время, время и конфиденциальность. Идет полицейское расследование. Кем бы ни были эти люди, чрезвычайно важно, чтобы мы добрались до них раньше полиции. Кстати, о полиции: они выяснили что-нибудь?

Этот вопрос был адресован Гарсе, племянник которого служил в Департаменте полиции Майами и служил их источником информации по этой части. Гарса пожал плечами.

— Обычная глупость. Можешь себе представить, они собираются проверять местных защитников окружающей среды. Очевидно, они знают, что мы все связаны в плане бизнеса, и им любопытно, почему Кальдерона, в отличие от остальных, не тронули. Ты слишком быстро убрал дерьмо, Йойо, и в результате стал для копов главным подозреваемым.

Кальдерон заставил себя рассмеяться, к нему присоединился Гарса, а Ибанес ухитрился придать своему лицу выражение, которое могло бы сойти за веселость, если не обращать внимания на выражение его глаз. Сейчас Кальдерон чувствовал себя чуть лучше. В конце концов, смеяться перед лицом опасности — это то, что ожидается от мужчины, и вообще, это шоу не так уж бесполезно. Посмотреть со стороны — серьезные кубинские бизнесмены угощаются и беззаботно смеются — стало быть, все у них нормально.

Они допили кофе, разговаривая о других, менее щекотливых делах. Официант принес счет в кожаной папке и положил ее перед Ибанесом, однако Гарса потянулся и взял ее первым.

— Моя очередь,— заявил он.

Рукав его при этом слегка задрался, и Кальдерон увидел на руке, поверх золотых часов «Пиаже», тонкий браслет из красных и белых бусинок. Как каждый кубинец, Кальдерон знал, что это значит. В данном случае это означало, что хладнокровный и безжалостный Кайо Гарса обратился за защитой к Шанго, ориша ярости, а стало быть, опасность куда больше, чем кажется со стороны. Это заставило Кальдерона задуматься о том, не знает ли Гарса об источнике их проблем что-то, чего не знает он, но эта мысль была мимолетной, в целом же наличие оберега лишь подорвало его уважение к этому поддавшемуся панике человеку. А также послужило лишним подтверждением тому, что лишь он, Кальдерон, держит себя в руках и контролирует ситуацию.

Сейчас ночь, и все спят: Дженнифер и профессор Кукси, Кевин и Руперт, Паз и его семья, кубино-американские бизнесмены, их семьи и друзья. А вот человек по имени Пруденсио Ривера Мартинес вместе со своими товарищами не спит. Они бодрствуют, затаившись в фургонах, припаркованных рядом с домами людей из компании «Консуэла». Все эти люди, терпеливые, безжалостные, прекрасно знающие свое дело, прибыли из Колумбии. В каждом фургоне находится по три человека, один дежурит, остальные отдыхают в заднем отделении. Пруденсио Ривера Мартинес, их командир, в скромном, взятом напрокат автомобиле «таурус» переезжает с места на место, передвигаясь по охраняемой зоне и находясь на связи со своими подручными. Время от времени, с непредсказуемыми интервалами, он звонит то на тот, то на другой пост по мобильному телефону, но пока все спокойно. Никаких проблем, никаких вопросов.

Мойе, лежащий в гамаке, подвешенном среди ветвей гигантского фикуса, тоже не спит. У него пластиковая бутылка с водой и пакетик «Фритоз», кукурузных чипсов, который дала ему маленькая девочка. Он никогда раньше не ел чипсов, но находит их съедобными и приканчивает весь пакет. Ему нравится соль и аромат кукурузы. В человеческом обличье он получает удовольствие от растительных продуктов, а не только от мяса. Кстати, мяса, что оказалось для него полной неожиданностью, на улицах Майами полно. Оказывается, здесь обитает множество животных, гораздо больше, чем можно было предположить, учитывая огромное количество мертвых людей. Кстати, живи в Майами рунийя, всех этих животных давно бы съели. Наверное, все дело в том, что уай'ичуранáн разучились охотиться, наверное, потому, что у них есть машины, делающие еду, как птица несет яйца. Он видел это собственными глазами.

Он вынимает из плетеного мешка глиняный кувшин, втягивает в ноздри немного порошка, а когда ощущает приход йана, заводит песнь, открывающую проход между мирами. Йана плавно освобождает его от тела, как нож отделяет рыбную мякоть от костей, и позволяет соскользнуть в мир сновидений. Но прежде чем отбыть полностью, он, как часто в такие моменты, вспоминает, что случилось, когда он в первый раз дал йана отцу Тиму. Священник стал смеяться, никак не мог остановиться, и Мойе с трудом удержался от того, чтобы не рассмеяться самому, хотя за все поколения, с тех пор как Ягуар дал йана Первому Человеку, в памяти рунийя не отмечено, чтобы кто-нибудь смеялся. Обычно те, кто делает это в первый раз, напуганы до смерти.

Неудивительно, что потом, когда они вернулись из мира снов, Мойе спросил священника, что его так рассмешило, и отец Тим ответил: мол, йана позволяет посмотреть вокруг глазами Бога, а для Бога все это, должно быть, забавно, так же как нас забавляют детские огорчения и обиды. Малышу кажется, будто из-за его оплошности рушится мир, а взрослый

с улыбкой берет его на руки, понимая, что мимолетная боль скоро пройдет.

Именно тогда Мойе обнаружил, что отец Тим, находясь в трансе йана и путешествуя в мире снов, не сливается с божеством, но осознает себя существующим отдельно. Мойе это показалось удивительным, и после этого они часто беседовали о том, что отец Тим называл онтологией. Давным-давно, сказал отец Тим, мысли каждого были подобны воде, омывающей все, все в себе содержащей и содержащейся во всем. Между мыслями людей не было никаких различий, и весь остальной мир и пращуры уай'ичуранан жили точно так же, как рунийя. Потом одному из этих предков пришла в голову мысль, которая была сделана не из воды, а из железа. И в скором времени у многих из уай'ичуранан появились такие мысли, а с такими мыслями они отрезали себя от мира и начали разрезать и делить его на крохотные части. Так они овладели великой властью над миром и таким образом стали мертвыми.

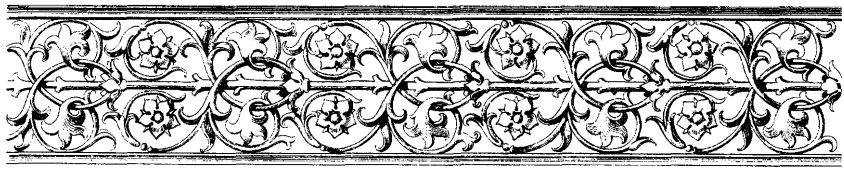
Потом Мойе понял разницу даже между таким уай'ичура, как отец Тим, и собой. Когда Мойе принимал йана, он в любое время становился Ягуаром, а Ягуар был им, и он был частью жизни всего существующего — животных, растений, камней, неба, звезд. Но отец Тим мог приобщаться к этому лишь темной ночью, когда не светила луна и огонь в хижине затухал, превращаясь в угольки. «Сквозь туманное стекло» — так описывал отец Тим прозрение, которое получал от своего Йан'ичупитаолик, и, наверное, ему пришлось бы долго ждать прихода того в землю мертвых, прежде чем он смог бы уподобиться Мойе. Не будь ты язычником, Мойе, частенько говаривал священник, ты был бы святым.

И вот сейчас Ягуар-в-Мойе парит в мире снов Майами. Расстояния в мире снов не такие, как в мире под солнцем, поэтому он без труда находит всех людей, к которым ему нужно наведаться. Он посещает своих союзников, которым дарует сны силы и мощи, подготавливая их к борьбе. Своим вра-

гам он посылает сны, в которых им снятся ужасы, следствием чего становятся раздающиеся в спальнях дорогих кварталов пронзительные вопли, включающийся посреди ночи свет, глотающиеся горстями таблетки, выпитое спиртное. Таким способом в стране Мойе готовятся к битве.

Наконец он заглядывает к девочке, к ее отцу и ее матери. Здесь он обнаруживает нечто странное. Вокруг ребенка пребывает тичири, но не только: присутствует еще и нечто, чего он не узнаёт, сущность чуждая, но весьма могущественная. Мойе и не подозревал, что мертвые люди умеют призывать тичири, но, очевидно, это так. Интересно, он просто ошибся в этом, как насчет звезд, или дело обстоит так же, как с разными животными, которые живут в земле мертвых? Надо будет спросить Кукси. Но так или иначе, проникнуть в сон отца трудно, а в сон девочки почти невозможно. А вот с матерью никаких затруднений нет, так что большую часть времени он проведет там.

Мойе понятия не имеет, почему Ягуар желает, чтобы он делал это, но для него воля Ягуара равносильна приказу. Он часто не понимает, каковы побуждения божества, и этот случай далеко не самый странный. Настанет время, и ему откроют правду. Или не откроют.



9

Что-то опять не так! Дженни потерла глаза и снова всмотрелась в объективы бинокулярного микроскопа. Она воспользовалась иголкой и подвинула крохотный образец так, чтобы свет падал на него под слегка другим углом. Она бы сказала, что это Pagoscapus gemellus, если бы не узор радиальных и костных прожилок крыла, который был больше похож на узор P. insularis. Только это никак не могла быть insularis: у него не хватало характерных пропорций сегмента ноги и изогнутого яйцеклада, который отличает этот вид. Здесь яйцеклад был длинным, но почти прямым, не было ничего похожего на комбинацию признаков на рисунке в определителе видов. Вздохнув, она убрала странную древесную осу с предметного столика микроскопа и поместила ее в пузырек с полудюжиной других, не определенных. Следующий экземпляр оказался хорошим gemellus, и она опустила его в склянку с этикеткой и записала в блокнот его номер.

Появление не поддающегося определению образца расстроило девушку, ибо примерно за неделю, когда Дженни занималась систематизацией образцов для профессора, она привыкла к тому, что маленькие осы с точки зрения систематики — существа очень правильные и легко определяются как принадлежащие к одному из двух изучаемых подвидов. Нарушение этих правил задевало ее чувство порядка, которое было хоть и совсем недавним, но очень сильным. До этого Дженнифер и в голову не приходило размышлять о разнообразии природы, более сложной, чем изложено в «Ферме старого Макдональда».

Наряду с познаниями о таксономии древесных ос она впитала веру в то, что каждое живое существо должно аккуратно вписаться в огромную, разветвленную, но строгую иерархическую классификационную систему живой природы, каждый из элементов которой определен эволюцией. Она принимала это как данность, и отступление от этого принципа порождало разброд в мыслях. Если каждое живое существо должно относиться к какой-то определенной категории, подчиняться классификации, то исключений быть не должно, и странно выпадавшие из системы маленькие осы раздражали ее именно по этой причине. Дженни понимала, что за ее предварительной сортировкой последует лабораторный митохондральный анализ лаборатории (правда, она не имела четкого представления о том, что это такое), но хотела сделать все, как надо, в частности, чтобы угодить Кукси. Это тоже было нечто новое. Конечно, не само старание угодить, тут как раз ничего нового не было: учитывая ее прошлое, без этого она вряд ли могла бы выжить. Но желание угодить Кукси имело совсем другую природу.

Дело в том, что, делая что-то хорошо для Кукси, она вроде бы делала это для себя, а делая хорошо для себя, она тем самым... Тут у нее уверенность пропадала, ибо, чтобы додумать эту витиеватую мысль, недоставало концепции, зато она поняла, что для Кукси делать что-то хорошо — это вроде формы богослужения. Бог присутствует во всех деталях, моя дорогая, частенько говаривал он. Так или иначе, в его лице она впервые в жизни столкнулась с настоящим, родительским отношением к себе, и это стало для нее подлинным потрясением.

С другой стороны, она начала понимать разницу между тем, чем занимается она, и тем, чем занимаются настоящие биологи, работающие в экспедициях и лабораториях, познавая жизнь миллионов видов живых существ и постигая то, как в их сложнейшем взаимодействии субстанция жизни протекает через глубины времени в бесконечном, беспрерывно ме-

няющемся потоке. Она знала, что это всегда будет за пределами ее понимания, но благодаря самому пониманию того, что такие люди есть (и Кукси один из них), девушка чувствовала себя лучше и даже прониклась к себе большим уважением, чем когда-либо раньше. Воодушевляло чувство причастности к большому делу: это было примерно то же, что быть худшим игроком в команде, играющей в мировом первенстве.

Оказалось, что микроскоп способен увлечь: склонившись над окулярами, Дженни забывалась, как это бывало в пруду с рыбками. И сейчас она не услышала, как вошла Джели Варгос, не обратила внимания на ее приветствие, не откликнулась, пока ее плеча не коснулась рука. Вот тогда она вскрикнула, подскочила и чуть не опрокинула табурет.

— Ого, ты, я гляжу, ушла в это с головой,— заметила Джели.

— Ну да. А где ты была? Я не видела тебя уж и не помню как долго.

— Ну, знаешь, семейные дела. Моя кузина собирается замуж. Мой дедушка по этому поводу развил бурную деятельность. Обычная кубинская суматоха, когда все на рогах круглые сутки, недели напролет.

Это было сказано тоном, наводившим на мысль о нежелании вдаваться в подробности, что показалось Дженни немного странным: обычно Джели как раз с упоением рассказывала о делах своей семьи, тем более что в лице Дженни, лишенной семейных радостей, она всегда встречала благодарную слушательницу.

— А что ты делаешь с микроскопом? — поинтересовалась Джели, указав на прибор.

— Определяю для Кукси видовую принадлежность Agaonidae.

— Что ты делаешь?

— Что слышала. Это нужно для его работы по эволюции мутализма и точности адаптации. Он показал мне, как это делать.

— Ну ничего себе! Прямо скажем, по сравнению с приготовлением завтрака это шаг вперед... Как все это произошло?

— Сама не знаю. Меня собирались выкинуть отсюда из-за того, что я потеряла Мойе, но Кукси сказал, что я могу работать у него — этим я и занимаюсь. Я теперь ассистент-исследователь, каково? Да и по-прежнему готовлю завтрак.

— Здорово,— сказала Джели, хотя Дженнифер уловила в ее тоне не только отсутствие искренности, но и какой-то намек на недовольство, причина которого была ей непонятна.— Можно посмотреть, чем ты занимаешься?

— Конечно.

Дженни подвинулась, дав Джели заглянуть в другой окуляр, тогда как сама положила на предметный столик крохотную осу, определила ее и положила другую. Обе оказались P. insularis, о чем она с гордостью сообщила, используя ученые термины.

— А Кукси проверяет твою работу? — спросила Джели после этой демонстрации.

— Проверял, когда я только начинала, больше не проверяет. Он говорит, что я могу справиться не хуже его, ну почти.

— Хорошо.

Последовала пауза, после которой Джели сказала:

— Как я понимаю, ты теперь не будешь выезжать со мной, да?

— Не знаю. Об этом тебе нужно поговорить с Луной. Кевин и Скотти занимались этим, пока ты была в отлучке, ну а я стала работать здесь.

— О, это эффективная команда! Скотти бормочет, а Кевин норовит разжечь революцию. Кстати, Кевин-то что обо всем этом думает?

Она жестом указала на микроскоп и ящики с образцами.

— Не знаю. Мы с ним поссорились и почти не разговариваем. Он, видишь ли, на меня злится.

Она бесцельно крутила винт регулировки фокуса и раскачивалась на табурете.

— Правда, я вроде люблю его. Мы с ним долго были вместе, почти два года. Сама понимаешь, мне одиноко по ночам.

На самом деле Джели не очень-то это понимала, но открывать это Дженнифер не собиралась, как и комментировать ее разрыв с Кевином. Это показалось Дженни немного странным, поскольку раньше она любила посудачить на такие темы.

— Ладно, мне нужно поговорить с Луной,— сказала Джели.— Увижу я тебя за завтраком?

— Если не увидишь, значит, и завтрака никакого не будет,— добродушно ответила Дженни и вернулась к своим образцам.

Следующие два часа прошли в усердной работе, по окончании которой она с удивлением и восторгом обнаружила, что полностью обработала серию образцов, собранных с двух пород фикуса. Дженни убрала последние склянки обратно в ящички с образцами, а те поставила на полки, все, кроме склянки с осами, которых она не смогла идентифицировать по определителю видов. Сделав это, Дженни потянулась, разминая затекшие мышцы, и отправилась на кухню, чтобы помочь Скотти приготовить на завтрак салат из тунца. В La Casita его готовили из свежего тунца, а Дженнифер, пока не получила работу в «Лесной планете», вообще не знала, что тунец — это самая настоящая рыбина, которую можно купить в магазине, разделать и приготовить. Для нее тунец существовал только в банках, как и консервированный колбасный фарш. Таким же открытием стало и приготовление майонеза из яиц и масла — раньше она считала его чем-то изначальным и неделимым, вроде бензина. Приготовив, как ее учили, заправку, она сварила вкрутую полдюжины яиц, в то время как Скотти мыл зелень, резал авокадо, а потом чистил тунца. Они работали вместе почти молча, но хорошо, не мешая друг другу. Раньше ее раздражало то, что Скотти никогда с ней не раз-

говаривал иначе как по делу, но теперь, когда у нее в голове завелись собственные мысли, отсутствие болтовни ее не так тяготило. Тем более что теперь у нее был Кукси.

Вот уж с ним были разговоры так разговоры, не то что с остальными. Джели, например, все время хотелось посудачить о всяких умных вещах, о науке и политике, но так, будто она учительница, а ты ученица, и нужно было все время восхищаться ею: ах, а я и не знала этого, какая ты умная! А Кукси и в голову не приходило, что кто-то может не знать того, что знает он. Профессор просто гундел свое, считая, мол, она поймет, словно она училась в колледже в Англии, и, когда он умолкал и говорил: «А?» — чтобы посмотреть, все ли она поняла, Дженни с ходу признавалась, что не поняла ничего. И тут на его лице возникало странное выражение, будто бы на самом деле она поняла, скажем, теорию распределения полов или что-то другое и просто делает вид, якобы не поняла, шутки ради, а потом, с помощью умелых вопросов, он подводил ее к тому, что, оказывается, ей и вправду все ясно.

Во всей науке нет такой идеи, которую не мог бы постигнуть второразрядный, но упорный ум, говорил Кукси, цитируя Уайтхеда. Он много цитировал Уайтхеда, а еще Йетса и кучу всяких умников, о которых Дженни отродясь ничего не слышала.

— А вообще-то, моя дорогая,— как-то заявил он,— насчет того, что ум у тебя второразрядный,— это еще вопрос. Поскольку он почти идеально пуст, у нас просто не было случая оценить его истинные возможности. Ну а упорства тебе точно не занимать, это я часто замечал.

У них имелось большое красочное блюдо в форме рыбины, которое неизменно использовалось для подачи рыбных блюд. Так нравилось Руперту. Скотти добавил к рыбе растертый в однородную массу салат, нарубленный лук-шалот, латук, каперсы и редис, и разукрашенный таким образом тунец стал выглядеть, как на японской гравюре. Он понес тунца на тер-

расу, а Дженни последовала за ним с подогретым хлебом и охлажденной бутылкой шардоне.

Ей трудно было сказать, связаны ли наблюдаемые изменения в группе с ее новым положением, или происходило что-то еще. Как справедливо указывала Джели, Дженни мало смыслила в оценке расстановки сил и прочего, но происходящие перемены чуяла нутром, тем более что тут особой сообразительности не требовалось. Девушка прекрасно помнила, что, перед тем как исчез Мойе, Руперт частенько вел беседы с Луной и Кукси, а Луна разговаривала с Рупертом и Скотти, Скотти разговаривал с Луной и Кевином, Кевин же лишь иногда разговаривал с ней, главным образом с улыбочкой отпускал замечания себе под нос. Когда Джели приходила, она появлялась за завтраком и всегда садилась рядом с Дженнифер и разговаривала с ней и Луной. Теперь же, похоже, все изменилось. Джели и Луна сидели по обе стороны от Руперта, Кевин занимал место на их конце стола, а профессор и Скотти сидели по обе стороны от Дженнифер, за тем концом стола, который Кевин всегда называл «крестьянским». При всей их очевидности, эти перемены никто и никак не комментировал.

Усевшись, Дженни сказала Кукси, что закончила серию.

— Неужели? Это замечательно, моя дорогая. Придется найти для тебя еще какое-нибудь занятие.

А потом он пустился в рассуждения со Скотти об опылителях орхидей, то и дело делая паузу, чтобы включить в беседу Дженнифер, и спустя некоторое время Скотти стал делать то же самое. Обычно тихий, как кот, о рыбах и растениях он мог говорить без умолку, хотя никогда раньше не распространялся об этом с Дженнифер. А что же Кевин и Луна? Они терпеть не могли один другого, но сейчас только и тарахтели, словно друзья не разлей водой. Странно, конечно, но еще более странным было то, что Дженни это ни чуточки не волновало.

После завтрака Дженни помыла посуду и, вернувшись с кухни, нашла Кукси, который, примостившись на табуре-

те рядом с микроскопом, сверялся с лабораторным журналом.

— Ты все записала на этой странице? — спросил он.— В этой колонке номера, кажется, идут не подряд.

— Да, но несколько образцов мне не удалось определить, и я не смогла их ни к чему отнести. Что-то, наверное, напортачила — прошу прощения. Те, которые я не смогла определить, находятся здесь.

Она подняла баночку, и Кукси всмотрелся в черную массу внутри.

— Ага, значит, они не определяются — ты не смогла отнести их по классификации ни к gemellus, ни к insularis?

— Да. Я смотрела по определителю, но они ни к чему не подходят.

— Странно. Что ж, давай посмотрим, ладно?

Он уселся за микроскоп и поместил осу на предметный столик. Некоторое время он внимательно всматривался, потом рассмотрел еще одну, потом третью, что-то бормоча себе под нос. Потом Кукси встал, достал папку с оттисками, изучил несколько распечаток, сверившись с определителем, снова заглянул в микроскоп... Все это сопровождалось бурчанием под нос, а потом неожиданно профессор стукнул кулаком и выругался:

— Ох, мать твою! У меня нет слов!

— Что? Я здорово дала маху?

Он посмотрел ей в лицо, и она увидела, что его глаза блестят, как у двухлетнего малыша, получившего конфетку.

— Здорово, да, но маху ты не дала. Ничего подобного. По-моему, ты обнаружила новый вид Pegoscapus.

— А это хорошо?

— Хорошо? Это замечательно! Эпохально! Я сам изучал этих маленьких паршивок более двадцати лет и обнаружил только один новый вид.

Для Дженни, лишь недавно узнавшей о существовании видов и о существовании у каждого живого существа науч-

ного названия, открытием стало то, что, оказывается, могут быть насекомые, не имеющие никакого названия.

— Так что, их назовем мы? — уточнила она, испытывая совершенно особое чувство.— И как? То есть, я хочу сказать, под каким названием занесем в журнал?

— Да как захотим, так и назовем, черт возьми! — воскликнул Кукси.

— Правда? То есть просто придумаем?

— Конечно. Разумеется, существуют определенные традиции. Виды обычно называют или по какому-то свойству, присущему данному организму — вроде особенностей формы или размеров, или по повадкам, по ареалу обитания, а то в честь кого-то, прославившего себя в данной области. В одном только Pegoscapus, как ты знаешь, отличились Хоффмайер и Герр. Я сам назвал мой Tetrapus в честь моей покойной жены.

Тут что-то произошло: Кукси словно сдулся, свет, только что сиявший в его глазах, потускнел, сам он осунулся. Дженни заметила это и испугалась.

— А как ее звали? — ляпнула она, не найдя ничего лучшего.

— Порция,— тускло отозвался Кукси.

— Как спортивную машину? — спросила Дженнифер.

И была поражена, увидев выражение его лица, ошеломленное, словно от удара. Девушка испугалась еще больше, не зная, не сморозила ли она по глупости что-нибудь обидное, ведь с этими англичанами ничего не поймешь, у них на все какие-то свои, странные понятия. Вон у него какое лицо сделалось: того и гляди удар хватит. Весь покраснел и за грудь схватился.

Она едва не побежала звать на помощь, когда из горла профессора вырвались звуки, которые не могли быть не чем иным, кроме смеха. Это удивило Дженнифер еще больше, ибо раньше Кукси хватало разве что на сухой смешок, а чтобы он давился от хохота, такого и представить никто не мог.

Но так или иначе, Кукси смеялся, и смеялся, похоже, не над ней, так что все было в порядке. Хоть и весьма странно.

Он сотрясался от хохота, колени дрожали, из глаз струились слезы.

— О господи, боже мой! — восклицал профессор время от времени и в конце концов заразил Дженни.

Она тоже рассмеялась из солидарности, радуясь тому, что ее дурацкая ремарка вызвала такой бурный поток веселья. Вообще-то она когда-то знала девушку по имени Крайслер, но не мог же такой джентльмен, как Кукси, и вправду жениться на девчонке, названной в честь машины.

Кукси все еще пребывал в пароксизме смеха, плотно закрыв глаза и совершенно утратив контроль над собой; он отпрянул от стола с микроскопом и свалился бы на пол, если бы Дженни не поддержала его. Она опустилась под стол вместе с ним, поддерживая его торс. От него пахло табаком и чем-то мужским. Тут смех Дженнифер сошел на нет, ибо то, что происходило с Кукси, уже не было смехом или, по крайней мере, не совсем смехом.

Спустя некоторое время, кое-как отдышавшись, он открыл глаза и посмотрел на нее. Его щеки были мокрыми от слез.

— О господи,— сказал он.— Как некрасиво. Пожалуйста, прости меня.

— Да ну, все здорово. Наверное, я ляпнула что-то забавное. Правда, если честно, сама не знаю, что именно.

— Да откуда тебе знать — эта старая шутка была в ходу у нас с женой... Ты напомнила... ну, и мне крышу снесло. Попробую объяснить. Начнем с машины — ты ведь, надо думать, имела в виду «порше», так? Порция — Порше — как-то в прошлом это тоже пришло мне в голову.

Даже не попытавшись встать с пола, профессор начал рассказывать:

— Мы были на конференции в Белладжио, это чудесный городок в Италии, со старинным дворцом, в котором они устра-

ивают всякие форумы и съезды. И в этой конференции принимала участие молодая женщина по фамилии Мазератти. Не знаю, однофамилица или вправду состояла в родстве со знаменитой автомобильной династией — во всяком случае, эта симпатичная итальянка, похоже, на меня запала. Понятия не имею почему, но в любом случае мне ее внимание льстило — я ведь не всегда был старым козлом, вовсе нет. Представь себе, всякое бывало. Но вот эта Мазератти кокетничала довольно откровенно, и моя Порция — Порше — исходила от ревности. Все это вылилось в крупный разговор, но в разгар ссоры я вдруг возьми и ляпни: «Что за глупая ревность, кому придет в голову, имея "порше", пересесть на "мазератти"!» Порцию это остудило, а когда я добавил, что у нее, наверное, тормозная жидкость потекла, мы оба расхохотались как сумасшедшие. Наверное, просто так прорвалось напряжение: шутка-то, честно говоря, ерундовая. Но с тех пор, стоило нам увидеть ту женщину, на нас смехунчик нападал: вино прыскало из носов, и все такое.

Последовал долгий вздох и краткое молчание.

— Понимаешь, мне порой кажется, будто вместе с ней я сам наполовину умер. А тут ты сказала это, накатили воспоминания, ну меня и прорвало. Надеюсь, я не напугал тебя этой дикой выходкой?

— Нет, что вы. А как она умерла?

Кукси снова рассмеялся, но своим обычным суховатым, сдержанным смехом.

— Типичный вопрос для американской девушки. Все вы размахиваете своими печалями как флагами, верно? И ожидаете, будто и все остальные делают то же самое. Может, это и правильно. То, что я держал свое горе в себе, не принесло мне решительно ничего хорошего. Раз уж ты спросила, отвечу — ее укусила fer-de-lance.

— Что это?

— Змея. Bothrops atrox. Самая опасная рептилия в американских тропиках. Мы находились в Колумбии, собирая

образцы с участка леса, которому по графику предстояла скорая вырубка. Это была чудесная маленькая долина, полная удивительной жизни. Ну а поскольку рубка уже проводилась неподалеку, туда сбежалось множество представителей местной фауны, включая и змей. Мы работали слишком усердно, выбились из сил, слегка утратили бдительность, чего там ни в коем случае допускать нельзя, но наша работа была чрезвычайно важна. Там могли находиться дюжины, даже сотни видов, которые больше нигде не встречались и которые эти свиньи собирались уничтожить, чтобы сделать мебель и разрешить кучке крестьян собрать несколько жалких урожаев. Однажды вечером, довольно поздно, она выбежала, чтобы в последний раз проверить свои ловушки, долго не возвращалась, и я, взяв фонарь, отправился ее искать. Нашел — она лежала на тропке, в нескольких сотнях ярдов от нашего лагеря. Было совершенно ясно, что случилось. Мы оба видели это раньше. Ее уже облепили муравьи и жуки. Больше я в лес не возвращался.

— Ой, какой кошмар! — пискнула Дженни.

— Да. Волосы у нее были такие, как у тебя, рыже-золотистого цвета, хотя она носила короткую стрижку.

Он намотал прядь ее волос себе на палец. Она подумала, что сейчас он ее поцелует — интересно, каково это, когда целует такой старик? — но вместо этого он закрыл на миг глаза, и по всему его длинному телу пробежала дрожь. Потом он прокашлялся, неуклюже поднялся на ноги и снова стал обычным профессором Кукси. Как ни в чем не бывало он начал возиться с насекомыми, бережно укладывая крошечные экземпляры обратно в баночку.

— Нам, конечно, надо будет опубликовать статью и получить подтверждение от международного научного сообщества, но тут, полагаю, никаких проблем не возникнет. Ну а что касается названия — я предлагаю P. jennifer. Как тебе?

— Это что, в честь меня?

— Конечно тебя! Кто сделал это открытие, если не ты? Ты добилась бессмертия, моя дорогая. Твое имя будет жить вечно или, по крайней мере, до последнего предсмертного содрогания нашей научной цивилизации, и поколения аспирантов будут повторять его, готовясь к экзаменам. Что ты об этом думаешь?

— Ну, ни фига себе! — воскликнула Дженнифер.

— Такое событие требует шампанского,— провозгласил Кукси.— Давай посмотрим, что есть у Руперта в его обширных подвалах, а?

Во Флориде дома строили без всяких подвалов, уж это-то Дженни знала, но поскольку одно чудо уже случилось, она стала ждать продолжения праздника, и действительно, в скором времени профессор вернулся с детской улыбкой на лице, двумя большущими бутылками и парой парадных хрустальных бокалов Руперта, которые доставали только для торжественных обедов. Дженни видела, как подают шампанское в кино, но никогда его не пробовала. Собственно говоря, до того, как она поселилась в усадьбе, весь ее опыт по части вина ограничивался дешевым крепленым пойлом, которым бездомные спасались от холода. Правда, с тех пор ей доводилось пробовать и настоящее вино, по большей части из оставшихся недопитыми бутылок на приемах, которые давал Руперт для богатых гостей. Кевин таскал его с кухни, пытаясь не попасться, к самому же вину демонстрировал всяческое презрение, как к элементу буржуазного снобизма, и читал ей этикетки, передразнивая манеру говорить богатеев — в своей версии.

Дженни ему поддакивала, но вино ей нравилось — во всяком случае, его послевкусие. Это было ощущение, для которого у нее не имелось определения, но которое давало ей представление о том, что у правильных людей и жизнь правильная, не как у бродяжек вроде нее. Пробовать вино было для нее примерно тем же, что слушать умные разговоры, в которых используются непонятные ей слова.

По ее представлению, глядя на нее, что-то похожее могли чувствовать плававшие вокруг нее рыбки. Видеть в ней некое чуждое существо, живущее в иной среде более высокой жизнью. Такие мысли, теснясь в ее голове, порой порождали смутное недовольство, но и только, ибо не было субстрата, в котором они могли бы укорениться. Кевин делил весь мир на «дерьмовых богачей и бюрократов», с одной стороны, и «народ» — с другой, и Дженни подозревала, что относится к последнему, но все же изредка задумывалась об этом, и ей почему-то казалось, что все тут не так просто. Она оставалась открытой для физического удовольствия — рыбный пруд, цветы, «Шато Марго» — и на каком-то глубинном уровне понимала, что в этом она отличается и от Кевина, и от скучных или злющих фермерских жен Айовы, которые воспитывали ее по поручению государства.

На вкус шампанское напоминало ароматизированный воздух, словно и не питье вовсе. Кукси лил его в горло, как воду в пустыне, и в ее бокал тоже подливал постоянно. Он вставил CD в стерео в своей спальне, и полилась музыка.

Неплохая, подумала Дженни, не такая, как обычно, в которой вообще не было слов или визгливое пение на испанском или каком-то языке, который она не понимала. На сей раз женщина пела по-английски только в сопровождении пианино, и слова можно было разобрать, как в песнях кантри. И никаких ругательств.

— Клео Лэйн,— сообщил Кукси, хотя она не спрашивала, а потом снова наполнил свой бокал и начал говорить без остановки.

Восхищался вином, сравнивал с другими сортами, рассказывал обо всяких оказиях с шампанским, о том, как оно взорвалось на свадьбе его сестры, о своем доме неподалеку от Кембриджа, о тамошней сельской местности с ее флорой и фауной, о доброте и мудрости своей матери, о том, как в детстве отец брал его в Норфолк наблюдать за насекомыми и пти-

цами, о тамошних топях, их сходстве и различии с болотами Флориды, о своей любви к низкой, плоской сырой местности, о странности того, что так много времени своей жизни он провел в дождевых лесах, о приключениях в джунглях, чудесных спасениях, странных обычаях туземцев, не менее странных обычаях коллег-биологов, завораживающей красоте огромных деревьев, оплетенных лианами, украшенных цветами, покрытых суетливой, летающей, ползающей жизнью. И во всем этом присутствовала Порция — напрямую о ней Кукси вроде бы и не распространялся, но все картины оживали именно тогда, когда он упоминал о ней.

— Ты когда-нибудь бывал там, откуда родом Мойе? — спросил она.

Он ответил не сразу.

— В каком-то смысле. Я бывал неподалеку оттуда, близ Пакето, и я был знаком с человеком, который действительно хорошо знал этот регион. Э, да у нас почти все закончилось. Ну, мы и свиньи. Все нам мало, никак не напиться.

Хлопнула пробка, он открыл еще одну бутылку, и теперь профессор перешел к расспросам, вытягивая из Дженни всю подноготную ее невеселой жизни, которая сейчас, когда она откровенничала под воздействием шампанского, почему-то казалась не такой уж печальной. Отец неизвестен, мать-подросток, она погибла в автомобильной катастрофе, никаких родственников, государственная опека, обнаружившаяся эпилепсия, в связи с чем и с приемными семьями пришлось распроститься, в школе сплошные неудачи, ранний дурацкий секс, аборт, побег и жизнь бездомной бродяжки. Она поймала себя на том, что не стесняется рассказывать о вещах, которыми не делилась ни с кем, даже с Кевином. Об изнасиловании или изнасилованиях, если сосчитать парней, которых она уже знала, страшных парней, заставлявших ее торговать наркотиками, об аресте и тюрьме.

Они то и дело менялись ролями: то взахлеб говорила она, то он. Иногда Кукси комментировал услышанное от нее, рассказывал к месту шутку или анекдот. Все было здорово, хотя Дженни вдруг поняла, что не может рассказать о многих своих чувствах и переживаниях, которыми ей хотелось бы поделиться, ибо у нее элементарно не хватает слов. И вообще, как она говорит? Почему у нее через слово «типа» или «ну это»? Кукси вот запросто обходится без таких словечек. Послушать его, так он говорит, словно книжку читает или как диктор, который шпарит по телику, но ведь это не по телику вовсе, а в реальной жизни.

Она неуклюже озвучила эти свои соображения, и он рассмеялся.

— Ну да, мы с тобой ведем цивилизованную беседу, сдобренную шампанским. Иначе зачем бы вдовушке делать вино?

Заметив недоумевающий взгляд девушки, профессор поднял бутылку и ткнул пальцем в этикетку:

— Видишь — «Veeve Clipot». По-французски «Вдова Клико». Кстати, у тебя забавное произношение, когда ты что-то читаешь. Это всегда так?

— Ага. У меня вообще с чтением нелады.

— Ну, неудивительно, это дислексия.

Он объяснил ей, что это значит, и добавил:

— Но не горюй, ты в хорошей компании. Скажем, с сэром Ричардом Брэнсоном и еще несколькими миллиардерами. Плюс, кажется, Шер. И моей матерью, которая была довольно известным антропологом. Конечно, определенные проблемы дислексия создает, но это далеко не конец света. А что, раньше тебе никто об этом не говорил?

— Нет. Они просто считали, что я вроде как тормозная.

— Тормозная, да? Странное словечко. Что ж, может, ты такой и была, но теперь, и это очевидно, двигаешься вперед. Ты делаешь успехи, и, если хочешь, я тебе в этом помогу. Еще шампанского?

Она молча протянула свой бокал, думая о Шер.

Он поднял свой бокал так, чтобы свет из окна падал на его золотистое содержимое.

— Я всегда представляю себе клетки мозга помигивающими под воздействием шампанского, вот как эти крохотные пузырьки. Очаровательно. Так вот, милая, разум и сознание гораздо сложнее, чем представляют себе люди. Для большинства из нас это прежде всего способность манипулировать абстрактными символами. Мы ценим такое умение превыше всего, хуже того, ценность всего прочего чуть ли не отвергаем вовсе, а в результате в ответе за судьбу цивилизации частенько оказываются люди, решительно неспособные мыслить конкретно,— экономисты и им подобные. Величайшая ценность реальной науки, напротив, заключается в том, что она постоянно сталкивает человека с природой, сложной, но вещественной и конкретной, соприкосновение с которой раскрывает всю нелепость всяческих пустых абстракций.

Очевидно, настоящее образование должно в первую очередь раскрывать внутренние способности каждого индивидуума. Но мы этого не делаем, а пытаемся научить всех и каждого оперировать абстрактными символами и, если у кого-то это не получается — таких, между прочим, полно,— списываем эту недоработку на их «неполноценность». Вот, как в случае с тобой. Ну и, кроме того, существуют формы умственной деятельности, о которых наша культура просто не имеет понятия. Моя мать как специалист очень любила распространяться о том, как по-разному разные народы распоряжаются своими мозгами. Интересно, какое мнение сложилось бы у нее о Мойе?

— Ох, Мойе! — вздохнув, сказала Дженни.— Господи, что же с ним случилось, куда он подевался? Ты думаешь, у него все в порядке?

— В полном порядке. Правда, Мойе?

С этими словами он оглянулся через плечо, глядя на тень в углу комнаты у двери. Дженни проследила за его взглядом,

увидела сидящего там на корточках индейца и с перепугу расплескала часть шампанского.

— Господи! Откуда он взялся? Я даже не слышала, как открылась дверь.

— Конечно. Увидеть или услышать Мойе можно только тогда, когда он сам этого захочет. Один из примеров его особого рода умственной деятельности. Я рад видеть тебя,— сказал Кукси на кечуа.— Как ты поживаешь на своем дереве?

— Хорошо. Это хорошее дерево, хотя никто не говорил с ним долгое время. А у тебя все в порядке? И у нее?

— У нас обоих все прекрасно. Не хочешь ли шампанского?

Он поболтал бутылкой, и Мойе встал и подошел поближе.

— Что это? — спросил индеец, принюхавшись.

— Это похоже на писко, но с добавлением воды, а также воздуха.

— Тогда спасибо, но мне нельзя. Ягуар вернется в небо сегодня ночью.

— А ты не можешь пить писко при полной луне?

— Нет. Ему это не нравится, а я могу понадобиться ему сегодня ночью, или на следующий день, или следующий. Вот буду свободен, тогда с удовольствием выпью с тобой твоего писко.

— А что он будет делать с тобой? Если придет.

— Все, что пожелает, конечно. Тебе не стоит задавать глупые вопросы, тем более что в целом ты не глупец.

Он перевел свое внимание на Дженни, которая улыбнулась ему и сказала:

— Привет, Мойе, как дела?

Он оставил это без внимания и снова заговорил с Кукси:

— Огненноволосая кажется более счастливой, чем раньше. Я вижу, она выпила много твоего писко с воздухом, но есть и что-то другое. Думаю, она нашла то, что было потеряно.

— Да, можно сказать и так.

— Да, и я вижу тень ее смерти, почти так же, как если бы она была живым человеком. Она хочет заняться с тобой пувис, Кукси.

— Нет, что ты!

— Да, потому что я видел это в ее снах. И в твоих снах тоже. Ты заберешь ее в свой гамак?

— Это не наш обычай, Мойе.

— Я верю тебе, потому что вижу, как женщины приходят, чтобы забрать своих детей из-под моего дерева, и у всех у них только один ребенок, иногда два. А ведь у вас так много еды. У каждой должно быть десять, и все толстые. Наверное, уай'ичуранан разучились это делать.

— Нет, они только об этом и думают. Уверяю тебя, очень многие уай'ичуранан только и занимаются, что пувис.

— Нет, я хотел сказать, что они разучились вызывать духов детей из солнца в тела их женщин. В общем, затащи ее в свой гамак, а может быть, она затащит тебя в свой, я слышал, это делается среди вас. У нее широкие бедра и тяжелая грудь, и она выносит много здоровых сыновей для клана Кукси. Но я пришел спросить тебя, не слышал ли ты чего-нибудь о Паксто, прекратили ли там вырубку и строительство дороги.

— Они не прекратили, Мойе. И боюсь, что не прекратят.

Мойе помолчал некоторое время, потом сделал характерный жест, похожий на пожатие плечами, и понурился.

— Плохо дело,— сказал он на кечуа, а потом спросил о чем-то на собственном языке, которого Кукси не знал, и, не дожидаясь ответа, направился к двери.

Кукси и Дженнифер последовали за ним в сад. Мойе закинул голову, уставившись на полную луну, сейчас запутавшуюся среди верхних ветвей одного из высоких дубов, окаймлявших усадьбу.

— Что ты будешь делать теперь, Мойе? — спросил Кукси.

— Вернусь на свое дерево и буду ждать,— сказал индеец. Повернувшись, он собрался уйти, но задержался и снова обра-

тился к Кукси: — Послушай, я тут кое-что обнаружил. Оказывается, есть уай'ичуранан, которые умеют вызывать тичири. Ты знал об этом?

— Я не знаю, что такое тичири, Мойе.

— Я объясню. Есть мир под луной и мир над луной. Под луной проживаем наши жизни мы, люди, а над луной — мертвые, духи и демоны и так далее. Мы, йампирина, умеем путешествовать между этими мирами, а также айсири, кудесники и ведьмы: когда ты спишь, тропы открыты, и оттуда приходят сны. Все это знают. Но только немногие знают, что стража проходов можно вызвать, связать и заточить в т'наису,— тут он коснулся маленького свертка, который свисал у него с шеи,— так что в сны того, кто это носит, нельзя проникнуть, во всяком случае без усилий. Этот страж называется тичири.

— И ты нашел такого стража, охраняющего одного из нас?

— Нашел. Маленькую девочку. Казалось бы, пустая трата сил, зачем так старательно охранять маленькую девочку? Кому какое дело до снов девочки? Но я думаю, это необычная девочка. По какой-то причине она привлекла внимание Ягуара. Скажи мне, можешь ты призвать тичири или изготовить т'наису?

— Я не могу,— ответил Кукси.— Но многие родители молятся, чтобы у их детей были хорошие сны. Может быть, дело именно в этом.

— Молятся? Ты хочешь сказать, просят Йан'ичупитаолик? Нет, это было что-то другое. Надо будет подумать об этом побольше.

После этих слов индеец исчез в тени.

— О чем это он, а? — спросила Дженни.

— Да так, трепотня,— беззаботно ответил Кукси.

— Это не было похоже на трепотню,— возразила Дженнифер, которой шампанское придало смелости.— Больше было похоже на серьезный разговор. А где он живет, с тех пор как убежал?

— На дереве. Похоже, он доволен. Да, он говорил серьезно. Думаю, сегодня ночью он собирается кого-то убить.

— Господи! И кого?

— Наверное, одного из тех людей, которых он считает ответственными за вырубку его леса.

— Ты можешь его остановить?

— Я нет. Да и в любом случае он не думает, что делает это сам. По его убеждению, это делает человек на луне, или Ягуар, как он называет своего бога.

Кукси поднял глаза на небо, к звездам.

— А что, если подумать, то там вполне можно увидеть ягуара. А можно и что-нибудь другое. Некоторые люди говорят, будто это старая женщина с мешком на спине. В некоторых частях Европы — это груженый воз, сокровище Шарлеманя.

— Но ведь это просто игра воображения. Разве нет?

— Это зависит от того, что понимать под воображением. Или фантазией. Мы с тобой только что говорили о разуме, и вот пожалуйста — хороший пример. Наше воображение в кооперации с некоторыми особенностями нашего разума позволило создать телевидение и ядерные бомбы. А в его представлении существует возможность проникать в сны людей и манипулировать массой и энергией совершенно иначе, чем это делаем мы. Ты помнишь отпечаток его ступни? Моя мать клялась, что собственными глазами видела, как шаман поднимался по вертикальному стволу дерева, вышагивая, словно по улице, а она, смею тебя заверить, не тот человек, которого было легко обдурить. Мойе, так сказать, воображает, что может превратиться в ягуара, но для него это вполне реально, и, честно говоря, я не исключаю, что каким-то странным образом он и правда умеет это делать.

Дженни почувствовала, как из ее горла вырвался булькающий смешок.

— Да это же дурдом,— пробормотала она, но осеклась, вдруг вспомнив эпизод в зоопарке, в клетке с ягуаром.

— Кажется, в бутылке еще чуть-чуть осталось,— заметил Кукси, осушив свой бокал.— Хочешь?

— Нет, спасибо. У меня уже и так кружится голова.

Он кивнул.

— Ну что ж, тогда спокойной ночи. Я и сам малость перебрал, а хочу еще почитать перед сном. Пойду. Я оставлю для тебя в рабочей комнате свет.

Когда он ушел, Дженнифер спустилась по дорожке к пруду и села на низкую каменную скамью, стоявшую у воды. Луна, оседлавшая верхушку дерева, одновременно ярко подрагивала на поверхности темной воды и обращала маленький водопад в поток серебра. Девушка уставилась на лунную рябь, чувствуя себя странно, и не только от вина. Она поискала объяснение и поняла, что у нее нет слов, но почему-то ей не удавалось и просто отдаться течению, и погрузиться в лишенные мысли глубины, как она делала всю свою жизнь. Слишком уж много всего вдруг собралось в ее голове: и эта оса, и история с присвоением насекомому ее имени, и рассказ Кукси о его жене, и вообще все, что относилось к жизни, о которой она не подозревала. То есть нет, конечно, она видела что-то в этом роде по телику и в кино, но все это не имело к ней никакого отношения, а тут вдруг оказалось, что она причастна к этому в Настоящей Жизни. Дженни поймала себя на мысли, что она стоит на пороге жизни, осознала, что после сегодняшнего дня цветов и рыбок будет уже недостаточно. Ее терзала тоска по тому, какой она была, и смешанное со страхом томление по другой жизни, от которой было уже не спрятаться в ставшее вдруг слишком тесным убежище уверенности в том, что она для этого слишком тупая.

И тогда она заплакала, молча, как научилась делать давным-давно в чужих домах, где не любили плаксивых детей. Ее лицо исказилось, уподобившись трагической маске, она обхватила себя за плечи, раскачиваясь взад-вперед на гладком камне, а из горла вышел приглушенный хнычущий звук, как

у потерявшегося котенка. Ей было непривычно плакать на открытом воздухе. Раньше она это делала только во время припадка в какой-нибудь запертой кладовке. Или в кабинке школьного туалета для девочек, где она пряталась от дразнивших ее детей.

Однако о том, что это необычно, она подумала, уже отплакавшись, и тут поняла: ведь это новый для нее тип мышления — рассмотрение отражения жизни. Кукси сейчас продемонстрировал ей, как это делать: нужно посмотреть на жизнь со стороны, словно это кино. Но пока она плакала, она вообще ни на что не смотрела и ни о чем не думала.

Она закашлялась, ибо ее горло всегда болело после рыданий, да и лицо тоже. Опустившись на колени возле пруда, она плеснула себе в лицо воды, поднялась, утерлась подолом и услышала, как хлопнула дверь. Гравий заскрипел под ногами, и появился Кевин.

— Что, решила искупаться под луной? — спросил он, окидывая ее взглядом.

Говорил Кевин заторможенно, чуть заплетающимся языком, и она учуяла запах марихуаны. От воздействия наркотика его лицевые мышцы расслабились, и лицо обмякло, чего раньше она как-то не замечала.

— Нет, просто сижу.

Он вручил ей свою бандану. После недолгого колебания она взяла ее и вытерла себе лицо.

— Хочешь прокатиться?

— Куда?

— Может, на пляж. Ночь-то какая, просто кайф.

Если бы Кевин повел себя с ней так две недели назад, это обрадовало бы ее на весь день, но сейчас она видела, что он на это и рассчитывает, — видела сквозь маску его лица то, что находилось под ней. Пустоту и отчаянную печаль своего никчемного существования. Теперь она понимала и природу их отношений: ей хотелось, чтобы кто-то думал за нее и забо-

тился о ней, потому что она недоделанная и глупая, а он хотел, чтобы кто-нибудь им восхищался и зависел от него, ибо он никчемный кусок дерьма.

Совсем как в моем сне, подумала она и в этот момент вспомнила, что он снился ей не только прошлой ночью, но и много раз до этого.

Она была ребенком, запертым в погребе — в убежище на случай торнадо. Запер ее приемный отец за плохое поведение, с намерением сделать с ней что-то ужасное, но пока он ушел домой, она должна была постараться выбраться и сбежать. С ней был заперт еще один ребенок, и она, как бывает в снах, откуда-то знала — это Кевин. То, что оба они дети,— это как бы само собой разумелось. Стены подвала были земляными, и она принялась копать. Собственно говоря, это была не настоящая земля, а что-то мягкое, скользкое, как желе, отходившее большими ломтями. Она попыталась заставить копать и Кевина, но он ни за что не хотел: вместо этого брал ломти, которые она уже отковыряла, и аккуратно складывал у стены. Он сказал, дескать, не хочет иметь проблемы с родителями. Дженни разрывалась между желанием освободиться и завораживающим восторгом, в который приводило ее сложенное из дрожащих, студенистых блоков сооружение. Был там и рыжий кот, вспомнила она: он убежал в вырытую ею шахту и исчез. Стало ясно, что выход найден, и ей очень захотелось последовать за ним.

— Пожалуйста, Кевин, пожалуйста! — воззвала Дженни к мальчику из сна...

— Что — пожалуйста? — спросил Кевин.

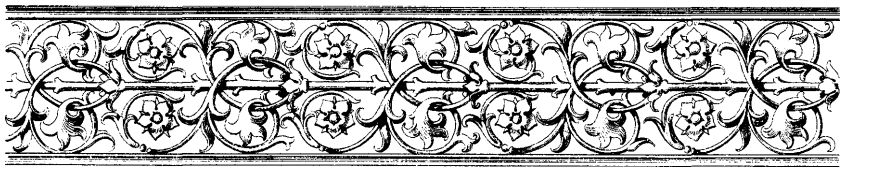
— Ничего,— ответила она и только сейчас поняла, что говорит вслух.

Ей вдруг стало так жалко его. У него и правда не было ничего, кроме его дурацкой революции, секса и самоутверждения. Она почувствовала волну сострадания и на каком-то бессловесном уровне поняла, что подобное чувство испыты-

вал к ней профессор Кукси. Она научилась этому у него. И может быть, если бы она осталась с Кевином, то смогла бы произвести и с ним подобную трансформацию. И вообще, наверное, она в долгу перед ним за собственное преображение, ведь без него, пожалуй, она просто не попала бы сюда и не встретила никакого Кукси.

Дженни встала и повернулась к нему с улыбкой, лишь наполовину притворной.

— Что ж,— сказала она,— если мы собрались идти, то пойдем.



10

— Это путь не к пляжу,— сказала Дженни.

— Да, я знаю, я просто хочу заглянуть на секундочку в одно местечко в Гэйблз.

Она не стала спрашивать зачем. Она не была обижена или разочарована, как могло бы быть несколько недель тому назад. У Кевина, когда он был с ней, всегда находились другие дела, но если раньше она воспринимала это как пренебрежение к себе, то сейчас видела в этом лишь описание видовой принадлежности.

Всегда занимается другими делами,
даже находясь с подружкой . . *Кевин обыкновенный.*

Не занимается другими делами . . . . . *см. пункт 14.*

Дженнифер никогда не доходила до этой части таксономического определителя, но теперь считала, как было бы здорово встретиться с настоящим представителем пункта 14 или все равно какого. Главное, она теперь знала: такие люди существуют, раз существует Кукси, просто до сих пор они ей не попадались. По привычке девушка винила себя, ведь будь она более интересной как личность, то могла бы вызвать и больший интерес к себе. Сейчас Кевина, похоже, больше, чем она, интересовал дом, на который и она походя бросила взгляд. Он показался ей смутно знакомым: характерный для этого района, двухэтажный, светившийся под луной бледно-голубой особняк, но спрашивать, что в нем особенного, у нее же-

лания не было. Вместо этого она думала о Кукси и покойной жене Кукси, о том, на что он намекал, учитывая природу их отношений. Она думала о том, правда ли, что люди могут любить друг друга так сильно, или это просто фантазия, которую придумал Кукси, как любовные истории, которые показывают в фильмах по телевизору. Она никогда не видела такой любви в реальной жизни и сейчас поняла: то, что она испытывала к Кевину, было так же несущественно, как картинки на мелькающем экране. Как странно иметь такие мысли, подумала она, болезненные, в каком-то смысле ужасные, но и совершенно восхитительные. Ну, словно она держит в руках рулевое колесо своей жизни, и сама за нее в ответе.

Пруденсио Ривера Мартинес сидит в «додж-вояджере», припаркованном в конце улицы, с ним двое его людей. Он наполовину спит, но просыпается всякий раз, когда мимо проезжает машина. Это происходит нечасто, потому что Кортиллоавеню короткая, и ездят по ней только немногие толстосумы, живущие в здешних особняках, и те, кто попадает сюда по делам,— гости, обслуживающий персонал, подрядчики. Ни один дом на улице не охранялся так, как дом Кальдерона. То есть вместо настоящей охраны у них тут вывешиваются смешные маленькие таблички с предупреждением, что это частная собственность, и если кто-то сделает что-нибудь плохое, то кто-нибудь вызовет полицию. Обхохочешься! Ну все здесь, в Америке, не как у людей. В Кайли дома таких шишек имели трехметровые стены, окаймленные сверху колючей проволокой или битым стеклом, у каждого дежурила команда вооруженных охранников, а члены семьи ездили не иначе как в бронированных лимузинах и с вооруженным эскортом.

Вообще Мартинес привык серьезно относиться к делу, но тут, на этой улице, настоящему специалисту из Колумбии и делать-то было нечего. Работенка не труднее, чем съесть тарелку бобов. Он был уверен: если маленькая проблема, возникшая у Хуртадо, связана с американцами, тут никаких за-

труднений не возникнет. Однако Мартинес разделял мнение босса насчет того, что к этому могут быть причастны колумбийцы. Он видел полицейские фотографии трупа Фуэнтеса, которые Кальдерон раздобыл через свои связи среди копов Майами, и даже испытал своего рода патриотическую гордость — на такое, конечно, способны только его соотечественники. Он и сам знавал людей, которые потрошили своих врагов таким образом. Насчет того, чтобы их еще и поедали, у него точных сведений не было, но с юга, где уже с полвека продолжалась гражданская война, доходили слухи о ребятах из джунглей, которые съедают своих врагов. Сам он был не мясником, а более изощренным убийцей и в последнее время специализировался на автомобильных бомбах. Ну а на тот случай, если потребуется более эффектное «мокрое» дело, у него имелись специалисты, и некоторых из них он привез с собой.

Звук проезжающего автомобиля снова заставляет Мартинеса встрепенуться — мимо его окна медленно двигается ярко раскрашенный фургон. Стекла в машине колумбийца сильно тонированы, но даже при этом он различает листья, попугаев, стилизованных обезьянок и несколько английских слов, которые он не вполне понимает. И не надо — главное, что он видит и заносит в свой блокнот номер. При проведении наружного наблюдения он всегда записывает номера проезжающих вблизи объекта машин. Конечно, если кто-то собрался на дело, особенно колумбийцы, номера наверняка будут фальшивыми, но на всякий случай надо отмечать все.

Раскрашенный фургон замедляет ход и останавливается перед домом Кальдерона, выжидает немного, потом медленно продолжает путь. Мартинес нажимает кнопку на своем сотовом телефоне. Получает моментальный ответ и говорит:

— Выясните, кто это.

— Перехватить? — спрашивает голос в телефоне.

— Нет, просто проследите за ними. Я хочу знать, кто они и откуда.

Мартинес отсоединяется.

На дальнем конце улицы еще один фургон «додж» с тонированными окнами отъезжает от обочины и следует за раскрашенным «фольксвагеном» за угол.

Кевин и Дженнифер пересекли насыпь Рикенбакер и выехали к Виргиния-бич, относительно незастроенной полоске общественной земли к северу от Медвежьего Среза. Кевин забрал из машины ворсистое одеяло и полбутылки вина Руперта, и они, выйдя с маленькой парковочной площадки, спустились с насыпи туда, где начинались мангровые заросли. Кевин расстелил одеяло на маленькой полянке, под иголками нависших австралийских пиний. Здесь было темно, яркий лунный свет загораживали свисавшие ветви. Погода стояла прохладная, и кусающиеся насекомые не проявляли особой активности. Понимая, почему Кевин выбрал это темное местечко, Дженнифер, хрустя твердым песком, направилась к воде.

— Куда ты пошла? — окликнул он.

— К воде. Я хочу искупаться при луне.

Одна девушка, которую она когда-то знала, Розалинда, сказала ей, что лунные лучи оказывают полезное воздействие на женщин. Будто бы они усиливают тонкие энергии и препятствуют менструальным спазмам. Дженни припомнила крохотную маленькую девушку с соломенными волосами, со множеством пирсингов на лице и темными татуировками, окольцовывавшими руки на манер браслетов, которая к тому же увлекалась кристаллами и астрологией. Она составила гороскоп для Дженни на листке, вырванном из блокнота. Солнце и Луна в Раке, Скорпион на подъеме.

— Это значит, тебя должно притягивать море,— объяснила Розалинда.— Для тебя особое значение имеет твоя личная окружающая среда, и ты любишь ее обустраивать, наводить уют. Ты можешь быть очень эмоциональна, и порой тебе при-

ходится прятать свои чувства под оболочкой внешнего безразличия. Ты ревнительница семьи и ее традиций. Хотя твой темперамент изменчив, люди будут обращаться к тебе за лаской и заботой. Ты защитница и воспитательница, вроде матери.

Последнее казалось уж полной чепухой, да и посыл насчет эмоциональности тоже, однако, может быть, в свете всего того, что переживала Дженни сейчас, Розалинда в чем-то все же попала в точку? А возможно, все это и дерьмо собачье, как считает Кевин.

Она сбросила сандалии и вошла в воду. Вода была теплее, чем воздух, и на ощупь воспринималась как бензин. Плывущая высоко в небе кремовая луна окрашивала серебром каждую маленькую волну.

Войдя в воду по колени, Дженни предоставила лунным лучам проникать в ее кожу, очень желая, чтобы все это оказалось вовсе не дерьмом, и тут позади нее заскрипел песок под ногами Кевина, не иначе как направлявшегося к ней за астрально предсказанными заботой и лаской.

— Эй...— сказал он.

Не думая Дженни отступила назад на песок, мгновенно освободилась от футболки и шорт и нырнула прямо в отраженную луну. Здесь было мелко, глубина достигала менее пяти футов, и она проскользнула над самым дном. Оно было совершенно черным, и это немножко разочаровывало: ей хотелось, чтобы и под водой все переливалось в волшебном лунном свете. Дженни на миг задумалась о том, почему это не так, и решила, что надо будет спросить Кукси.

Благодаря постоянной практике в рыбном пруду она умела надолго задерживать дыхание, что сейчас и сделала, зависнув в полной темноте.

Послышался легкий всплеск, и она ощутила движение воды, давление чего-то движущегося. Неужели по ночам приплывают акулы? — подумала девушка со страхом и одновре-

менно презрением к себе. Еще одно, неведомое ей ощущение. Оттолкнувшись ногами от песка, Дженни вынырнула на поверхность и убедилась, что никаких акул нет и в помине, а в дюжине ярдов от нее плещется и барахтается Кевин.

— Господи, Дженни, я подумал, с тобой что-то случилось!

— Со мной все в порядке. Ты собирался спасать меня?

— Ну да,— рассмеялся он,— у меня сейчас героическая фаза.

Он подплыл и обнял ее, прижав ее грудь к своей и поцеловав ее в шею.

Это что-то новенькое, подумала она, не так, как когда он хотел только секса. Впрочем, секса он тоже хотел, его он хотел почти всегда, а сейчас, в общем, хотела и она. Но даже когда они трахнулись в первый раз, в этом не было прежнего ощущения, он словно боялся ее потерять и хотел еще и ее любви.

Но если это правда и ей не кажется, тогда почему он повел себя так дерьмово, когда они решили выставить ее из усадьбы?

Тем временем Кевин засунул руку за резинку ее трусиков, его указательный палец стал продвигаться вниз, как рыбешка за хлебной крошкой. Она отпрянула, увернулась от него и отплыла на спине.

На сухом песке она сняла мокрые трусики, надела шорты и футболку, нашла свои сандалии и потрусила к одеялу, которым утерла лицо и обсушила волосы. Кевин подошел следом за ней со смущенным видом, который пытался скрыть за своей обычной кривой ухмылкой.

— Пошли в фургон,— предложила Дженни, сложив одеяло.

В мангровых зарослях Сантьяго Иглесиас опустил очки ночного видения и сказал своему товарищу, Дарио Раскону:

— Ну вот, похоже, шоу конец. Пошли в фургон.

— Что значит «конец»? — возмутился Раскон.— Мне хочется трахнуть эту сучку. Да. Трахнуть прямо в ее белую задницу. Знаешь, я никогда не драл вот такую рыжую шлюху.

Ну, как насчет этого? Мне это пришло в голову, когда она перед нами голая вертелась, штаны переодевала. Да и вообще, она рыжая. Хочешь знать, о чем я подумал? Надо затащить ее в лес, а уж там мы позабавимся.

Он причмокнул и потрепал свои гениталии, демонстрируя высокий уровень сексуального интереса.

— Нам велели проследить, куда они пойдут,— сказал Иглесиас.— Если тебе охота потом объяснить ему, почему ты решил, будто трахнуть рыжую сучку важнее, чем делать то, что нам велено, валяй. Флаг тебе в руки.

— ¡No me friegues, pendejo! (Нечего меня пугать!) Дай мне эту шлюху на десять минут, и мы узнаем не только, кто она, откуда и куда собралась, но и что она ела на завтрак в прошлый вторник.

— Это хороший план, и я вижу, ты понимаешь ситуацию гораздо лучше, чем Пруденсио.

— Он просто хочет заполучить информацию, приятель. Я сообщу ее ему, и он не развоняется.

— А если развоняется, можно, я заберу твои сапоги?

Раскон инстинктивно глянул вниз на свои сапоги тонкой работы с серебряной отделкой, выругался себе под нос и, тяжело ступая, поплелся к машине, сопровождаемый тихо хихикающим Иглесиасом.

Они сели в свой фургон. Раскон хотел включить радио и поднять окна, чтобы не залетали москиты, но Иглесиас сказал нет, отчасти чтобы позлить его и показать, кто здесь главный, а отчасти чтобы посмотреть, что будут делать американцы. Он, конечно, представлял себе, чем они займутся, но хотел понаблюдать за этим.

Все было, как ожидалось: американцы залезли через боковую дверь в свой «фольксваген», он слегка просел на рессорах, а потом начал ритмично раскачиваться. Все его окна были открыты, и вскоре легкий ветерок донес до двух наблю-

дателей тяжелое пыхтение, потом серию отрывистых, высоких женских восклицаний и отчетливый мужской стон.

— Она сейчас кончает, эта маленькая шлюха,— кисло сказал Раскон.— А я этого слышать не могу, у меня яйца болят.

В подтверждение своих слов он помассировал названную часть тела.

— Эй, если тебе вздумается дрочить, выйди из машины,— буркнул Иглесиас.

— ¡Pela las nalgas! Гладкие ягодицы!

— Когда мы вернемся, попроси Торреса показать тебе его прекрасную белую задницу.

— ¡Cállate, cabrón! Заткнись, козел! — рявкнул Раскон.— Вот увидишь, до того, как мы покончим со здешними делишками, я эту девку все равно трахну.

— И снова я желаю тебе удачи, приятель,— сказал Иглесиас.— А пока... Слушай, они собираются заняться этим опять!

Подумав немного, Пруденсио Мартинес тянется к заднему сиденью и тормошит дремлющего там человека.

— Что случилось? — спрашивает тот.

Его зовут Рафаэль Алонсо Торрес. Он стройный и молодой, самый молодой из тех, кого привез с собой Мартинес, голодный и агрессивный малый из района боен Кайли, которому черт дал миловидное, ангельское личико. Глядя на него, Мартинес словно видит себя двадцать лет тому назад.

— Хорош дрыхнуть,— говорит Мартинес.— Ты достаточно поспал. Иди в дом. Сядешь в кресло, которое я тебе показывал. И не спи, будь начеку.

— А как насчет Гарсии и Очоа? — спрашивает парень, зевая и потягиваясь.

— Гарсия на кухне, а Очоа следит за задней дверью. Мне нужно, чтобы ты находился на том этаже, где у них спальни.

— Что-то случилось?

— Нет, все тихо, но мимо проезжала машина, и мне это не понравилось.

— Машина?

Мартинес смотрит на него.

— Эй, cabrón, давай двигай! И, Рафаэль, позаботься, чтобы телефон был включен.

Торрес выходит из фургона, идет к задней двери дома, стучится, и Бенино Гарсия впускает его. Они обмениваются несколькими словами, и Гарсия возвращается на кухню смотреть телевизор горничной. Торрес проходит к главному фойе и оттуда поднимается по лестнице на второй этаж. Здесь находятся четыре спальни, каждая с ванной, а в задней части дома также есть комната, которую мистер Кальдерон использует в качестве кабинета или домашнего офиса. Торрес занимает позицию в кресле между дверью в эту комнату и дверью в хозяйскую спальню. Кресло неудобное, и он тихонько чертыхается, когда садится в него, но особо не ерепенится. По сравнению со многим, чем ему приходилось заниматься, это очень легкая работа. Ну а спать он может где угодно.

В отличие от своего клиента Йойо Кальдерону сегодня ночью не спится, как не спится уже много ночей, больше, чем он может припомнить. Это продолжается недели, а то и месяцы.

Нет, думает он, это началось примерно в то время, когда погиб Фуэнтес, может, чуть позже, когда вдруг дельце с Паксто начало тухнуть. Он приписывает эту бессонницу стрессу, хотя скрупулезно следует всем советам по снижению стрессовой нагрузки, какие вычитывает в журналах по бизнесу и фитнесу. Беда в том, что в этих, в общем-то весьма полезных, журналах ситуация с ночными кошмарами вообще не рассматривается. Успешные американские бизнесмены не упоминают о своих снах и даже не признаются, что они им снятся. Разве что фигурально, в том смысле, что они видят во сне грандиозные планы по дальнейшему развитию и процветанию своих компаний.

Кальдерон — образованный человек, и он знаком с идеями, лежащими в основе психотерапии по Фрейду. Сны, особенно повторяющиеся, имеют глубокий смысл, это сигналы, указывающие на подавление неприемлемого желания. Он сам сверился с книгами, потому что книг на тему о том, как развить в себе самоуважение, у его дочери пруд пруди. Он тайком заглядывает в них, но все, что там написано, кажется ему мусором. У него никогда не было проблем с самоощущением. Чуть больше месяца назад Йойо Кальдерон ощущал себя одним из лучших людей Майами. Он мужчина приятной наружности, решительный, сексуально состоятельный, богатый и продолжающий богатеть, порядочный муж и отец, щедрый ко всем своим многочисленным любовницам, человек слова, когда имеет дело с равными себе, филантроп по отношению к нуждающимся, человек, уважаемый в обществе, и уж конечно, не собирающийся обращаться к чертову психиатру. Это исключено, хотя он и просил семейного доктора выписать ему «Ксанакс» для снятия стресса. Полмиллиграмма перед сном — такова рекомендованная доза, но сегодня он принял три миллиграмма в надежде, что не увидит этот сон.

Он всегда один и тот же. В нем он где-то в тропиках, одетый как исследователь. Жарко, темно, и он сидит за столом. К нему выстраивается очередь диковинно и пышно разодетых местных жителей, и они, один за другим, продают ему все свои украшения, за которые он расплачивается вырванными из блокнота листками бумаги с банальными фразами, какие можно найти в «печенье-гадание». «Новые друзья помогут тебе», «Ты завоюешь всеобщее восхищение» и прочее в том же роде.

Он рад, что это приносит ему доход, и убеждает себя, что с его бумажками туземцам будет гораздо лучше, чем с их богатыми украшениями из золота и перьев.

Но в процессе этой работы он слышит сначала тихий, а потом все нарастающий шум, похожий на урчание огромного, величиной с гору, кота.

Оказывается, никаких туземцев нет и в помине: он наедине с этими звуками. Возникает страх, он чувствует, что ему надо убираться, бросает добычу в мешок, выбегает из хижины и оказывается на глинистой тропке посреди темных джунглей, наполненных этими звуками: ар-рах, ар-рар-рах.

Позади него, все ближе и ближе, слышен глухой стук чудовищных лап. Он бежит, сжимая свой мешок, его шею уже обдает жаркое дыхание. Убежать невозможно — ноги вязнут в липкой грязи, он падает и, издав пронзительный вопль ужаса и отчаяния, безнадежно медленно, как бывает только в кошмарах, ползет дальше на брюхе. Он оборачивается, поднимает голову и видит золотистые глаза, челюсти...

Он просыпается весь в поту, проклиная все на свете, и, когда смотрит на часы, всегда оказывается, что сейчас около трех и ему уже не уснуть. Ночь окончательно испорчена. Но сегодня ему не снятся джунгли. Сегодня он проваливается во мрак и просыпается на кушетке в своем кабинете. Он пристрастился спать там, чтобы избежать стыда, связанного с этими воплями, метаниями во сне и жуткими пробуждениями. Здесь, по крайней мере, никого нет. Шторы задернуты, и в комнате очень темно. Единственный свет исходит от циферблата электронных часов на его письменном столе; судя по цифрам, сейчас 3.06. В комнате прохладно, и сначала он думает, что кто-то включил кондиционер, ибо в его ушах слышен рокочущий звук. Нет, это не механический звук.

Ар-рар-рах. Ар-рар-рар-рах.

Перепугавшись, Кальдерон вскакивает, отбрасывает одеяло, тянется к выключателю. Свет загорается, и в комнате он — огромный и золотистый. Он думает, будто ему все еще снится сон, новый и еще более ужасный кошмар. Эта последняя мысль остается с ним несколько секунд — до того, как он умирает.

В холле Рафаэля Торреса будит шум из кабинета Кальдерона, тяжелый стук, будто свалился предмет мебели. Он идет

по коридору к двери этой комнаты, прислушивается и слышит странные, похожие на тихое урчание звуки. Их происхождение непонятно, и Торрес колеблется. С другой стороны, этот малый болен.

Торрес легонько стучит в дверь и спрашивает по-испански:

— Мистер Кальдерон, у вас все в порядке?

Ответа нет. Он видит, что в комнате горит свет, так что же там не так? Однако на всякий случай открывает дверь.

Ему требуется одна секунда, чтобы понять то, что он видит, еще одна секунда, чтобы выхватить пистолет. То, что убило Кальдерона, уже движется по направлению к нему, движется невероятно быстро, но он крепкий молодой человек с мгновенными рефлексами. И, прежде чем упасть, он даже успевает сделать один выстрел.

Находясь на кухне, Гарсия услышал звук выстрела. С пистолетом в руке он устремился вверх по лестнице. Выстрел разбудил и Викторию Кальдерон, но та сначала решила, будто это часть ее сна. Ей снилась война в какой-то дымящейся земле. Солдаты напали на деревню, а она пыталась собрать детишек и увести в убежище среди деревьев; ужас состоял в том, что она все время недосчитывалась то одного, то двух детей, и ей приходилось возвращаться обратно. Делать этого не хотелось, она пыталась придумать отговорки, а люди смотрели на нее темными, обвиняющими глазами. Лишь услышав за дверью тяжелые шаги, Виктория поняла, что это не сон,— сердце ее тяжело забилось. Она накинула халат поверх пижамы и выбежала из комнаты. Спиной к ней стоял крупный мужчина, один из тех людей, которых ее отец называл «маленькой охраной». Виктория вела довольно уединенную жизнь, но была далеко не глупа и с первого брошенного на них взгляда поняла: это не сотрудники какого-нибудь охранного агентства, а самые настоящие головорезы, а значит, ее отец попал в ужасную беду. Крупный человек разговаривал по сотовому телефону по-испански, со специфическим акцентом.

— Что случилось? — спросила его она.

Человек обернулся и поднял ладонь вверх, как дорожный полицейский. Она машинально остановилась, и это дало ей время увидеть, что лежит на полу у ног этого человека. Пол здесь был покрыт бледно-зеленой плиткой, на фоне которой растекшаяся по стыкам между плитками алая кровь выделялась особенно ярко.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы снять спазм в горле.

— Где мой отец? — требовательно спросила она.

Мужчина убрал телефон. Виктория шагнула вперед, но человек преградил ей путь, качая головой. Она услышала, как открылась входная дверь, на лестнице зазвучали шаги, и прихожую заполнили смуглые вооруженные люди. Один из них остановился перед ней с сердитым, угрюмым выражением на широком лице. Она узнала в нем Мартинеса, того, кого ее отец называл начальником группы безопасности.

— Я хочу видеть моего отца! — сказала она.

— Это плохая идея, мисс. Вам нужно вернуться к себе в комнату. Мы обо всем позаботимся.

— Он ранен?

— Мистер Кальдерон мертв, мисс,— ответил Мартинес.— Я выражаю вам мои глубокие соболезнования. Каким-то образом убийцам удалось проникнуть в...

Виктория Кальдерон ударила его по губам.

— Дурак! Подонок! Как ты мог...— начала она, и тут, к ее величайшему удивлению, Пруденсио Мартинес отвесил ей пощечину, да такую, что ее отбросило к стене, по которой она и сползла на пол, оставшись сидеть в полном недоумении.

А когда она подняла голову, то увидела, что Пруденсио Мартинес грозит ей пальцем, как непослушному ребенку. Свой удар он нанес машинально, без малейшей злобы. Это была естественная реакция человека, принадлежащего к социуму, в культуре которого женщина, какое бы положение

в обществе она ни занимала, не может безнаказанно ударить мужчину на глазах у его подчиненных. Кроме того, его подопечный был мертв, а она его совершенно не заботила.

От вызванного убийством потрясения Мартинес оправился быстро. Не то чтобы его самого или его босса так уж волновала жизнь Йойо Кальдерона, но в данном случае имел место полный провал операции. Главное было не в том, что они не предотвратили убийство, а в том, что упустили убийц. В данной ситуации необходимо было усилить посты на других охраняемых объектах на случай еще одного нападения. Колумбийцы, не задерживаясь, покинули дом, унося мертвого товарища, завернутого в одеяло.

Когда они ушли, Виктория с трудом поднялась на ноги и прислонилась к стене. Голова болела, щека, по которой пришлась оплеуха, припухла и горела. Легкий ветерок, дувший по коридору, нес с собой запах мясной лавки. Она почувствовала, как сжимается ее желудок, и заставила себя сделать несколько глубоких вдохов. Нельзя, чтобы ее сейчас вырвало, потому что...

— Виктория? Виктория, что происходит?

В дверях стояла ее мать. Она выглядела превосходно, даже проснувшись посреди ночи, хотя перед сном, помимо снотворного, приняла, как обычно, тройную порцию виски. Виктория подошла к ней.

— Все в порядке, мама,— сказала она,— все в порядке... у нас произошел небольшой взлом, но сейчас все в порядке. Почему ты снова не ложишься спать?

— Взлом. О господи! Где твой отец?

— Все в порядке, мама, все в порядке,— твердила Виктория самым успокаивающим тоном, каким могла, но Оливия Кальдерон, хоть и не блистала умом, уловила в ее голосе фальшь.

Она шагнула в холл, растерянно огляделась по сторонам, ища мужа, а когда увидела на плитке кровь, пронзительно

закричала и побежала к кабинету. Влетев туда, она издала дикий вопль — Виктория и не знала, что человеческое горло способно произвести нечто подобное,— и упала без чувств. Ничком, лицом в лужу свертывающейся крови.

«Со мной этого не случится»,— думала Виктория Кальдерон, сопротивляясь подступавшей истерике.— Я не могу позволить себе даже рвоту, не то что беспамятство. Мой отец мертв, от моей матери нет никакого толку, мой брат идиот, да и в любом случае он далеко отсюда. Я отвечаю за эту ситуацию и сделаю все необходимое. Этот кусок дерьма ударил меня, потому что решил, будто я незначительный игрок, а это значит, если в следующие несколько дней я не сделаю нужный шаг, мы потеряем все, что есть у моей семьи». Она произнесла эти слова себе под нос, по привычке, выработавшейся еще в детстве, когда ей стало ясно, что, как ни старайся, ни мальчиком, ни красавицей ей не стать, а стало быть, у нее на роду написано разочаровывать и отца, и мать. Так она сохраняла здравомыслие, и, если даже никто не хотел с ней разговаривать, она могла, по крайней мере, поговорить с собой, и поговорить разумно.

«Но это завтра,— сказала она себе,— а сейчас первым делом нужно вызвать полицию». Она так и сделала, набрала номер 911 на телефоне в своей спальне и сразу, хотя тела отца еще не видела, сообщила об убийстве. А еще сообщила, что ее мать лишилась чувств и нуждается в помощи.

Повесив трубку, Виктория вернулась туда, где лежала ее мать. Мимоходом она отметила про себя, что в лужицах крови остались следы, которые могут быть интересны для полиции, но первым делом занялась матерью. Перевернула ее на спину, чтобы та не лежала лицом в луже крови, а потом намочила в ванной салфетку и, как могла, вытерла кровь с ее лица и волос. А потом, осторожно переступая через лужицы, вошла в кабинет отца и заставила себя не отвести глаз от того, что лежало на полу.

«Любопытно,— подумала она,— как мало у меня чувств. Конечно, от этого зрелища тошнит, но было бы то же самое, попадись мне на глаза любой другой труп в таком состоянии, жертва аварии например. Его и не узнать, вся голова всмятку, лицо в крови, это мог бы быть кто угодно. Но ведь я-то знаю, что это он. Мне всегда казалось, будто я люблю отца, и, если с ним что-то случится, это будет страшное горе, но нет, ничего подобного. У меня такое ощущение, будто с этой смертью моя жизнь начинается заново.

Я должна,— пришла следующая мысль,— быть холодным монстром, каким меня всегда считала моя семья. Они говорили, будто я никогда не смогу удержать мужчину, что я не настоящая женщина и так далее. Хорошо. Ну что ж, мой отец мертв, и теперь я должна...»

В холле зазвучали пронзительные крики, и Виктория, снова осторожно обходя лужицы, вышла из комнаты и увидела Кармель, горничную, которая стояла в розовом халате и мохнатых домашних тапочках, театрально поднеся руки ко рту. Ее жесткие волосы, казалось, чуть ли не встали дыбом, но было ли это от испуга, как в кинофильмах, или они просто сбились на подушке во время сна, Виктория не знала. В любом случае она подошла к женщине и основательно встряхнула ее, чтобы прекратить истерику и подвигнуть служанку к действию.

— О господи, сеньора умерла?

— Нет, это сеньор умер. Моя мать лишилась чувств от шока. Помоги мне перенести ее.

Это было сказано тоном, какого горничная никогда раньше не слышала от Маленькой Сеньоры, как называли ее на кухне, властным голосом, который привычнее было слышать из уст ее отца, и выучка взяла верх над ее естественным отвращением. Совместными усилиями женщины перенесли миссис Кальдерон в ее спальню, где сняли с нее намокшую в крови ночную рубашку, протерли тело влажной губкой, одели в свежую ночную рубашку и положили на кровать. Все это

время женщина не издала ни звука и, казалось, почти присоединилась к своему мужу в смерти.

Внизу прозвучал дверной колокольчик, и Виктория, спустившись, впустила полицейского из участка Корал-Гэйблз, парня на несколько лет ее моложе. Она рассказала ему, что ее отец убит. Он попросил показать ему тело. Она повела его наверх, в кабинет. Увидев то, что находилось в комнате, он произнес не слишком профессиональное ругательство и позеленел, его лицо стало почти таким же, как напольные плитки. Убийства такого рода, а на самом деле и вообще убийства в Городе Красоты, как любят называть свой район местные жители, очень редки, и главная обязанность любого местного копа, который обнаружил такое, позвонить в Департамент полиции округа. Что этот человек и сделал.

Потом запиликали сирены, прибыла «скорая помощь». Парамедики определили, что мистеру Кальдерону уже не помочь, и забрали находившуюся без сознания миссис Кальдерон в госпиталь Милосердия. После этого они ушли. Виктория вернулась в свою спальню, чтобы сделать несколько звонков, и первым делом она позвонила своей тете Евгении.

— Только попробуйте заявить, что вы в такой час ошиблись номером! — произнес голос, ответивший после двадцати гудков.

— Тетя Джинни, это я. Послушай, у нас несчастье. Тебе нужно поехать в госпиталь Милосердия и присмотреть за мамой.

— О господи! Боже мой, что случилось?

— Мы точно не знаем. Какой-то несчастный случай, возможно взрыв. Здесь полиция, и мне нужно остаться и ответить на вопросы. Мама на самом деле не пострадала, но она лишилась чувств. Можешь ты туда подъехать? Я не хочу, чтобы она была одна, когда придет в себя. И не могла бы ты связаться с доктором Рейнальдо?

— Где твой отец, Виктория?

Этого вопроса следовало ожидать.

— Он... э-э... он убит, так что... пожалуйста, тетя Джинни, если ты начнешь плакать, я растеряюсь, а я сейчас не могу себе этого позволить. Я поговорю с тобой позднее и расскажу все. Но не могла бы ты просто... поехать?

На том конце линии последовала пауза.

— Хорошо, ладно. Господи, боже мой! Погоди, дай прийти в себя. Все, еду. Ты уже позвонила Джонни?

— Сейчас позвоню, он следующий в моем списке. Спасибо, тетя, никогда этого не забуду. Я позвоню тебе попозже.

Она положила трубку и набрала номер в Нью-Йорке. После четырех гудков Виктория услышала музыку и беззаботный, приятный голос, напевающий куплет из песенки хип-хоп, которую она не узнала. Куплет оборвался, и тот же голос произнес:

— Вы почти застали Джонни Кальдерона. Я не могу подойти к телефону сейчас, но оставьте сообщение, и я вам перезвоню.

Она повесила трубку и позвонила еще шесть раз. Наконец она услышала, как ее брат пробурчал:

— Что?

— Это Виктория, Джонни.

— Что случилось? — Его голос слегка дрогнул.

Она изложила ему краткую версию происшедшего, но сообщила главный факт. Он сказал, что прилетит первым рейсом, и на этом разговор закончился. Близки они не были.

Детективы из округа прибыли спустя несколько минут. Они показали ей свои удостоверения и назвались детективами Финнеганом и Рамиресом из полиции Метро-Дэйв. Она не поняла, ведь они находятся в Корал-Гэйблз, и Рамиресу пришлось объяснить, что полиция округа часто оказывает помощь копам пригородных районов, особенно в таких делах, как убийства.

— В Департаменте полиции Майами есть соответствующий отдел, мэм, но здесь, в Гэйблз, прибегают к нашим услугам.

Он сочувственно улыбнулся. Это был американец кубинского происхождения, среднего роста, лет сорока, в очках «авиатор», с густыми усами. Финнеган был гораздо выше и чуть постарше, с редеющими, сильно тронутыми сединой волосами и сдержанным и почтительным выражением лица профессионального гробовщика. Одеты они были просто, оба в дешевых синтетических слаксах и спортивных куртках, а рубашка Рамиреса была ужасающего ядовито-зеленого цвета. На обоих были безобразные черные башмаки на толстой подошве. Ни тот ни другой не походили на экранных копов, ведь те, даже в исполнении самых невзрачных актеров, всегда были окружены своего рода аурой значительности. Виктория, как и большинство людей, видевших детективов только на экране, даже испытала некое разочарование: уж больно эти ребята смахивали на заурядных почтовых клерков.

— Покажите нам, где находится тело, мисс Кальдерон,— попросил Финнеган.

Они поднялись на второй этаж. Виктория заметила, что лужица крови подсохла по краям и стянулась в маленькие студенистые островки. Детективы натянули резиновые перчатки, надели на туфли белые бахилы и вошли в кабинет. Вскоре к ним присоединились эксперты в белых комбинезонах.

Виктория ждала в своей комнате, лежа навзничь на кровати, и думала о том, что ей нужно сделать завтра. Посредине этих мыслей, составления списков и определения стратегии поведения ее сознание решило отключиться.

Резко проснувшись от стука в дверь, она увидела, что с порога на нее смотрит детектив Рамирес. Виктория моментально вскочила на ноги и, хотя ее качало из стороны в сторону, попыталась восстановить полную дееспособность и не подать виду, что это ей нелегко. А тут еще и щека болела, и не было возможности привести себя в порядок перед зеркалом. Она пожалела о том, что не приложила к месту удара лед, и тут же устыдилась этой мысли.

— Мы бы хотели с вами поговорить,— сказал детектив.

Они устроились в столовой на нижнем этаже, за длинным столом из красного дерева. Высокие напольные часы в углу показывали 4.45, а это значило, как ни трудно было в это поверить, что с тех пор, как пистолетный выстрел разбудил ее, прошло менее двух часов.

Похоже, в Голливуде ведение допроса отображали более правдоподобно, чем внешность детективов. Вопросы были очевидными, теми, каких и следовало ожидать, и Виктория ответила на них не уклоняясь, но и не стараясь раскрыть всю подноготную.

— Значит, этот охранник ударил вас? — спросил Финнеган, когда она описала события, последовавшие за выстрелом.

— Да. Но я от расстройства совершенно потеряла самообладание и набросилась на него. Я была в истерике, и он, возможно, решил, что оплеуха — лучший способ привести меня в чувство.

— Судя по вашему лицу, это была не просто пощечина, а чертовски сильный удар. Что они вообще за люди, эти охранники?

— Не имею представления. Тот, который ударил меня, был у них за главного, его звали Мартинес. Имена остальных мне неизвестны. Их нанял мой отец. Где, я не знаю. Это важно?

— Конечно! — сказал Финнеган.— По вашим словам, они унесли жертву с места преступления и, насколько мне известно, не сообщили ни о чем полиции. Нам обязательно нужно поговорить с этими ребятами. Полагаю, у вашего отца был заключен договор с охранной фирмой, он оплачивал их счета и все такое.

— Надо полагать, так оно и было, но этим занимался он, а я, как уже говорила, не в курсе дела.

— Хорошо. Что именно здесь произошло?

Виктория описала сцену со своей матерью, звонок по номеру 911, в «скорую помощь» и звонки родственникам.

Последовал классический вопрос, его задал Рамирес:

— Мисс Кальдерон, вы знаете кого-нибудь, кто мог бы желать зла вашему отцу?

— Почти все, кто знал его в то или иное время, включая меня. Он был не легким человеком. У него были конкуренты, которые, разумеется, могли быть им недовольны, но такого рода разногласия улаживаются с помощью адвокатов. Иногда это выливается в ругань по телефону или нечто в таком роде, но... Трудно представить себе бизнесмена, врывающегося в дом конкурента и кромсающего его топором.

— Вы думаете, убийца использовал топор? — спросил Финнеган.— Почему?

Она пожала плечами.

— Я не думаю, просто... хочу сказать, я не смогла взглянуть на его тело, то есть осмотреть его, настолько оно было истерзано. Тогда я вообще ни о чем не подумала, и слово «топор» появилось только сейчас в нашем разговоре. Но вот еще что — этот паренек, охранник, которого унесли его товарищи, его-то как раз я рассмотрела. Его лицо и шея были просто изорваны, истерзаны в клочья.

— Ну ладно,— сказал Финнеган,— но когда вам представится возможность подумать, вы могли бы составить список, скажем, «конкурентов», людей, у которых был зуб на вашего отца? Должно быть, что-то у него было на уме. Неспроста ведь он нанял охрану.

— О да, тому предшествовало хулиганство. Кто-то изрезал нашу входную дверь. И вдобавок оставил у нас на дорожке фекалии.

— Фекалии,— повторил за ней Финнеган, бросив взгляд на своего напарника.— Что за фекалии?

— Трудно сказать, детектив. Я не специалист по фекалиям. Мы очистили дорожку и заменили дверь.

— И вы не стали вызывать полицию по этому поводу?

— Нет, мой отец не хотел... не хотел поднимать шум и не стал предавать этот эпизод огласке. Видимо, решил разобраться сам. Поэтому и обзавелся охраной.

Последовали рутинные вопросы — детективы пытались реконструировать события последнего дня жизни жертвы. Финнеган передал инициативу Рамиресу, сам же прислушивался и присматривался к этой женщине. Он нутром чуял: за этим кроется нечто более глубокое. Больно уж все это странно: какие-то охранники, уносящие с места происшествия труп своего товарища, пощечина дочери нанимателя, за которым они не уследили,— нет, все это ни в какие ворота не лезет. Финнеган по опыту знал, что у сотрудников охранных агентств нет привычки раздавать оплеухи собственным клиентам, и в его голове начала складываться версия, которая нравилась ему больше. Скорее всего, потерпевший был связан с нападавшими, чего-то с ними не поделил, последовала стычка, и он погиб. Но и уложил одного из плохих парней. Остальные тело своего товарища унесли, а пощечину женщине дали в качестве предупреждения, чтобы не болтала лишнего. Все это можно было проверить, и он решил так и сделать, если ему разрешат продолжить данное расследование. Участок в Метро-Дэйв был, в принципе, более чистым, чем департамент Майами, но убийства, в которых были замешаны высокопоставленные кубинцы, всегда находился под пристальным вниманием самого высокого начальства, особенно если дело попахивало связями с организованной преступностью или имело политические мотивы. В общем, как ни крути, это может стать шилом в заднице, и...

От этих размышлений его оторвало появление на пороге отчаянно жестикулировавшего начальника команды техников-криминалистов, и Финнеган, оставив Рамиреса продолжать допрос, вышел к нему. В последнее время благодаря тому, что телевидение всячески превозносит значение их работы, криминалисты стали считаться важными шишками, а ведь в прежние времена трудно было представить, чтобы кто-то из технического персонала мог позволить себе оторвать детектива от допроса свидетеля. Финнеган заметил даже, что некоторые из них фактически выполняют работу детективов,

беседуют с людьми на месте происшествия, прямо как на телевидении. Он этого не одобрял, а потому заговорил с этим малым, Уаймэном, грубовато.

— В чем дело, Уаймэн, подождать не мог? Не видишь, я провожу допрос?

— Мы нашли пулю в кабинете, девять миллиметров, в спинке кушетки. Так что история с выстрелом не вранье.

— И ты сорвал меня с допроса из-за какой-то долбаной пули?

— Нет, Финнеган, не из-за пули. Там есть кое-что другое, снаружи.

С этими словами техник повернулся и зашагал через большое помещение с плиточным полом, заставленное множеством декоративных растений и миниатюрных апельсиновых деревцев в горшках. Через застекленные двери он вышел в патио. Там находился обычный плавательный бассейн, сейчас прикрытый, росло множество густых кустарников, три больших виргинских дуба с замшелыми стволами, а весь двор окружала аккуратно подстриженная живая изгородь высотой в десять футов — сплошная зеленая вертикальная стена.

— Посмотри вон туда,— сказал Уаймэн, указывая на заднюю стену дома.— Мы думаем, именно оттуда проник преступник.

Финнеган сразу понял, что он имел в виду. Они находились непосредственно под окнами кабинета. Створчатый оконный переплет и оба крыла окна выдавались прямо из стены.

— Во время проникновения окно было открыто. Полагаю, потерпевший чувствовал себя в безопасности, ибо в той флоридской комнате, через которую мы только что прошли, находился охранник. Мы нашли окурок сигары и кофейную чашку.

— Да, то же самое говорила горничная.

Финнеган поднял глаза на окно. Нижний край находился как минимум в пятнадцати футах от земли, но примерно на половине этой высоты вдоль стены был устроен навес.

— Да, этот малый мог подставить стол или нечто подобное и взобраться на этот козырек.

— Гм, конечно, только ни хрена подобного он не делал,— проворчал Уаймэн.— Этот малый запрыгнул в окно прямо с земли и зацепился за раму когтями.

Финнеган посмотрел на криминалиста с подозрением: это что, идиотская шутка? Но лицо Уаймэна было серьезным, на широком лбу собрались морщинки. Он достал из кармана рабочий фонарик и посветил на стену.

— Вон они, четыре параллельные борозды в штукатурке и,— тут он переместил широкий луч чуть выше,— те же самые на дереве оконной рамы.

— Может быть, это какая-то лестница, стремянка с крючками...— предположил Финнеган.

— Да, мы тоже так сначала подумали. Пока не обнаружили вот это.

Освещая фонариком известняковые плиты патио, он отвел детектива футов на двадцать пять от дома. Там, в центре дорожки, виднелись четыре красноватых отпечатка. Они были смазаны, но их безошибочно можно было определить как подушечки огромных кошачьих лап.

— Пол кабинета и территория перед ним, снаружи, пропитана кровью. Я имею в виду, что обе жертвы были почти полностью обескровлены, кровищи вытекло более двух галлонов. И там повсюду такие же отпечатки, в том числе и на подоконнике. Получается, что этот котик спрыгнул с окна, приземлился вот здесь, сделал пару шагов, прыжком перемахнул через живую изгородь и приземлился в следующем дворе. Потом он или они повернули внутренний ключ кованых железных ворот и по служебному проезду направились к авеню Монтойя. После чего скрылись.

— Ты хочешь сказать, здесь орудовал малый с дрессированным зверем?

— Ага, мне это тоже не нравится, но другого объяснения я придумать не могу,— ответил Уаймэн.— Уж поверь мне, я пытался. Но версия со зверем лучше всего объясняет характер повреждений, нанесенных жертве. У этого бедняги череп раздавлен, как ореховая скорлупа или консервная банка. Живот вспорот, и, кажется, отсутствует печень. И посмотри-ка сюда.

Уаймэн подошел к островку растений под одним из виргинских дубов, раздвинул листву имбиря и направил луч фонарика на обнажившуюся землю.

— Вот здесь он припадал к земле, перед тем как прыгнуть через изгородь. Зверь, конечно, не парень. Слепки со следов мы, ясное дело, снимем, но я уже сейчас могу сказать, что зверюга большой. Очень большой. То есть, судя по глубине отпечатков, весит он не меньше трехсот фунтов.

— Господи! Что, неужели лев?

— Скорее всего, тигр. Львы не слишком увлекаются такими прыжками. Или самый крупный в мире леопард. Или ягуар из ада. Или инопланетянин. Короче говоря, приятель, все это более чем странно.

Финнеган посмотрел вверх на высокую, неповрежденную изгородь, а потом вниз на землю. Человеческих следов нигде не было.

— Ладно, кот ограду перемахнул. Но как через нее перебрался парень?

— А вот этого, Финнеган, я не знаю,— заявил Уаймэн.— Сам сообрази или придумай что-нибудь. На то ты и детектив, черт возьми.

Сигнал сотового телефона вырвал Сантьяго Иглесиаса из легкой дремы. Он выглянул в окошко. Раскрашенный «фольксваген» стоял на прежнем месте, но теперь оттуда не доносилось никаких звуков. Звуки издавал храпевший рядом Дарио Раскон.

Звонил Пруденсио Мартинес.

— Мне нужно, чтобы ты немедленно сюда приехал,— сказал он и назвал адрес на Рыбачьем острове.— Chingada грохнули, а заодно с этим сукиным сыном прикончили и Торреса.

— ¡Maldito! Проклятье! Как это случилось?

— Откуда я знаю, cabrón? Ладно, козел, нужно не дать этому повториться снова. Шевелись!

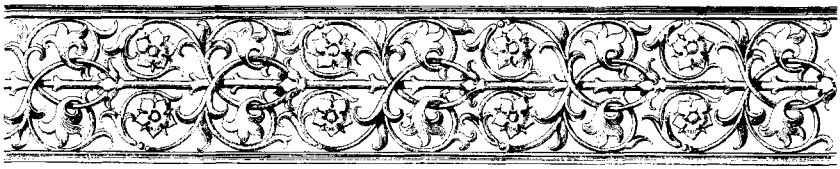
— А как насчет «фольксвагена»?

— Забудь о нем. У нас есть их номера. Мы можем найти их, когда понадобится.

После пребывания в обличье Ягуара Мойе необходимо было помыться, полностью погрузиться в чистую воду. На родине он, естественно, использовал бы реку, и, хотя здесь, в Майами, река тоже есть, ему не нравится ее запах, поэтому он предпочитает залив. Сейчас он находится в горловине Павлиньего парка, среди маленьких яликов и барж, а сверху на него взирает сияющий лик Ягуара. Мойе облизывает губы и смеется. Он так и не привык к тому, что на земле мертвых соль присутствует всюду в огромном количестве: пожалуй, из всех здешних диковин это удивляет больше всего. Там, откуда он родом, лепешки из соли используют, чтобы покупать невест.

Он заканчивает ритуальное песнопение, выходит из воды, смахивает капли с кожи и надевает одежду священника. Мойе чувствует, что его желудок полон мяса, и он и знает, и одновременно не знает, что это за мясо. Как-то он попытался объяснить это ментальное состояние отцу Тиму (хотя в такие подробности, как происхождение мяса, не вдавался), но удовлетворительного объяснения, как и в некоторых других случаях, не получилось. Однако отца Тима очередное онтологическое затруднение, похоже, не смущало. Его всегда приводили в восторг именно те аспекты образа жизни и традиций

рунийя, которых он решительно не понимал. И голова у него от всего этого не болела в отличие от Мойе, у которого она частенько болела, когда отец Тим беседовал с ним о теологии и обычаях уай'ичуранан. В ходе таких разговоров Мойе усвоил новое для себя слово — «невыразимый».



11

Эту новость Паз узнал утром, когда, проснувшись, ощутил легкий испуг, возникающий, когда человек осознает, что кто-то наблюдает за ним спящим. Жена его, которая обычно вставала рано, сидела в ногах их кровати с «Майами геральд» в руках и с тревожным выражением на лице — хотя и не таким тревожным, какое, как казалось Пазу, не оставляло ее уже не один месяц. Было такое чувство, будто само время стало в их доме каким-то странным; может быть, это имело отношение к тому, что обитателям дома каждую ночь снились вариации одного и того же сна. Это могло немного сбить внутренний календарь. Взгляд Лолы уже не выражал боль, как раньше, когда на вопрос «Что-то не так?» она отвечала: «Я не могу говорить об этом», но сделался мягче, и сама она выглядела доступнее. Это наводило на мысль, что ее нынешнее беспокойство коренится не в ней самой, а имеет внешнее происхождение.

— Что-то не так? — спросил он.

— Плохие новости. Впрочем, для тебя, может быть, и хорошие, я не знаю.

С этими словами она вручила ему газету. «Геральд» поместила это на первой полосе.

«Убит строительный магнат из Корал-Гэйблз» — гласил заголовок, под которым тема раскрывалась: «Второе убийство видного бизнесмена кубинского происхождения внушает страх».

Паз прочитал, и им овладело чувство, будто он прижимал к себе что-то живое и вдруг понял, что оно, оказывается, умерло.

Он почувствовал, что она наблюдает за ним.

— Прости,— сказала она.— Это, должно быть, шок.

— Наверное,— согласился он.

— Что чувствуешь?

Он пожал плечами.

— Сам не пойму. Диву даюсь ... ну, я ведь никогда ничего от этого малого не получал, но... Знаешь, я ведь и вспомнинал-то о нем через два года на третий, а тут вдруг пару недель назад является к нам в заведение майор Олифант и спрашивает, знаю ли я его. И я, как обычно, отвечаю, нет, мол, и это, общем-то, правда — а теперь пожалуйста! Понимаешь, ведь единственная причина, по которой матушка родила меня от этого типа, состоит в том, что она раскрутила его на деньги, необходимые, чтобы начать бизнес, и за всю свою жизнь у меня с ним состоялся всего один разговор. Тогда он сказал, что убьет меня, если я снова к нему сунусь, и я больше не совался. Придерживался той позиции, мол, все это дерьмо — дело семейное и за пределы семьи ничто выйти не должно.

Довольно долго, до тех пор, пока черные буквы, сообщающие об убийстве, не перестали иметь для него какой-то смысл, Паз молча таращился на газету, а потом с шумом выпустил воздух.

— Была ли у меня хоть слабая надежда, что он... изменится, введет меня в свой клуб и познакомит со своими крутыми приятелями? Парни, скажет, я хочу представить вам своего черномазого бастарда, Джимми Паза. Вряд ли. Я не знаю, читала ли ты истории о женщинах, беженках, или как их там... Короче, они несут на руках своего ребенка, уворачиваясь от пуль, голодая, истекая кровью, а потом, когда добираются до лагеря беженцев и показывают дитя доктору, тот видит, что младенец уже неделю как мертв. Я это к чему: она не могла

этого не знать, но не подпускала это знание к себе. Но оно все равно ее настигло. Есть в этом смысл?

— Да, в каком-то странном смысле. Что ты будешь делать?

— Не знаю, Лола. Думаешь, мне следует послать венок?

Услышав этот сарказм, она поднялась с кровати, ее лицо снова напряглось, но он схватил ее за руку и усадил обратно.

— Извини. Просто с утра пораньше это малость трудновато переварить.

Он погладил ее руку.

— Важнее другое: когда ты расскажешь мне, что происходит с тобой?

— Ничего не происходит. Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Еще как имеешь. Ты нервничаешь, раздражаешься — та наша с тобой стычка, она ведь возникла не на пустом месте! Ты возвращаешься с работы, и у тебя стеклянный взгляд, словно ты принимала наркотики.

Он помолчал и старательно вытянул шею, пытаясь поймать ее взгляд. Она опустила голову, уклоняясь от этого.

— Ты принимаешь наркотики? — спросил он.

— Конечно нет! Просто очень много работы. Работа нейропсихологом в приемном отделении — это не пикник. Иногда я принимаю валиум.

Это была ложь. Лола пичкала себя всевозможными транквилизаторами и антидепрессантами в самых различных дозировках и комбинациях уже не одну неделю. А ведь она психиатр, ей хорошо известны все признаки надвигающегося кризиса. А еще ей, как врачу, известно, что в психическом недуге, как в недуге вообще, нет ничего постыдного, однако она стыдилась своего состояния и не хотела говорить об этом с мужем. Она рассказала о навязчивых снах своему психотерапевту. Они поговорили об этом. Они обсудили, что значит видеть навязчивые сны о том, как твой муж отдает твоего ребенка ягуару, чтобы тот унес его и съел. Что значит, когда во

сне ты сама желаешь, чтобы это случилось? Что твой муж одет в меховые шкуры, в одной руке несет лук и стрелу, а в другой — маленькую модель тюрьмы? Может быть, это подсознательное проявление расизма — ты видишь в нем дикаря? Или чувствуешь себя в этом браке как в неволе? Маленькая тюрьма? Это обычное дело. Ничего особенного. А как насчет той женщины в голубом и белом, которая стоит позади вашего мужа: может быть, это ваша мать? А семь стрел, которые ваш муж выпускает во сне, они попадают в дочь или в зверя? Двусмысленность — источник тревоги, да? Что бы это значило, попади он в зверя? Что символизируют стрелы? Почему семь? Это может быть сексуальный комплекс, например страх соперничества с дочерью, сексуальная агрессия со стороны мужа против дочери, пугающая и подавляемая? Что символизирует ягуар?

Но она, конечно, всегда говорит, что он ничего не символизирует, и недоговаривает, а поскольку недоговаривает, то не получает облегчения и несет свою напряженность домой. И то сказать, не может же она сообщить доктору, что золотые пятнистые звери, точно такие же, снятся и ее мужу, и ее дочери, и подтекст у их снов тот же. Это не может быть ничем, кроме совпадения, но такое совпадение невозможно, а значит, этого не может быть. И начни она уверять, что это так, на нее, конечно, посмотрят с сочувствием, но уже не как на коллегу, а как на больную. Абсолютный материализм является одним из главнейших, неписаных, но непреложных в ее профессии законов, что же до всякого рода духов, призраков, посланий из иного мира, голосов и видений, то это всего лишь символы, проявления скрытых желаний. Следствие каких-то внутренних травм. Верить во что-то иное — это, по их понятиям, и значит быть сумасшедшим.

Она знала, что ее муж не придерживается этого убеждения и верит, что невидимый мир может быть не порождением больного воображения, а такой же реальностью, как пожар-

ные гидранты и манго. Конечно, на людях он ничего такого не говорил, но ведь не просто же так потащил ребенка на тот обряд. Ну а ее свекровь, его мать, верит во все это по-настоящему, и вместе они обратят ее дочь против нее. И она останется одна.

— Как часто это случается, Ло? — спросил Паз голосом старого копа, каким полицейские разговаривают с наркоманами. Он сразу почувствовал это, она тоже.

— Я сказала, я в порядке! — отрезала Лола, вскочила с постели и пошла в спальню. Там она посмотрела на себя в зеркало и произвела профессиональную оценку.

Пациентка — тридцать девять лет, пол женский, белая, упитанная, могла бы и сбросить несколько фунтов, выглядит дерьмово — мешки под глазами, сухие губы, ломкие ногти, тусклая кожа. Жалобы: судороги, бессонница, раздражительность, выливающаяся в дурацкие стычки с мужем, ночные кошмары, пониженная сексуальность, повторяющиеся сны. История ипохондрии, ничего нового. Пациентка довольна (или была довольна) карьерой и отношениями, никаких предыдущих травм, кроме одной церемонии вуду, одного спасительного чуда, ниспосланного Господом, в которого она не верит, и нескольких происшествий, связанных с убийствами...

Она решила записаться на компьютерную томографию, пусть проверят, нет ли опухоли в мозгу. Ну а пока в качестве временной меры взяла флакончик с таблетками валиума, по пять миллиграммов в каждой.

Паз встал, надел толстовку и джинсы. Он решил приготовить завтрак для Амелии и отвезти ее в школу, а потом, вернувшись, принять душ, выкурить сигару и выпить еще кофе, словно это обычный день. На самом деле, когда он закончил эти рутинные дела, день и в самом деле превратится в обычный: этому снова помогла его невероятная способность отстраняться от нежелательных мыслей. Умей фармацевтические компании производить средства, дающие такую способ-

ность, валиум и ему подобные медикаменты были бы изгнаны с рынка.

Другое дело, что было ясно — тема всплывет снова, не сегодня, так завтра, не завтра, так на следующей неделе. Паз украдкой наблюдал за женой, высматривая признаки ментального расстройства. Они имелись в изобилии, но за годы совместной жизни Паз усвоил, что комментировать состояние жены, если жена психиатр,— дело в высшей степени неблагодарное. Впрочем, поскольку служба детективом в убойном отделе развивала терпение на уровне многострадального Иова, ему его было не занимать. Он терпеливо ждал, как будет развиваться ситуация, стараясь при этом уделять как можно больше внимания дочери.

Спустя неделю и один день после убийства Йойо Кальдерона, после пышных похорон (на которых Паз не присутствовал) и после того, как убийство исчезло с первых страниц газет, уступив место более недавним, хотя и менее резонансным, Паз находился на работе. Заканчивалось суматошное время ланча, и он, отчищая проволочной щеткой гриль, размышлял о том, как провести в этом году отпуск. Хорошо бы взять жену и ребенка и на лодке отправиться по Внутреннему протоку к островам Ки, остановиться в какой-нибудь уютной гавани, чтобы солнышко выпарило дерьмо из всех троих. Он обдумывал, когда лучше всего взять этот отпуск. С одной стороны, было бы неплохо до рождественских школьных каникул, но тогда его мать осталась бы одна на Рождество; нет, этого нельзя делать. Значит, после Рождества. Согласится ли на это Лола?

Его подергали за фартук, и он, резко развернувшись, едва не выругался. Может быть, Паз еще не дошел до такого состояния, как его жена, однако нервы явно шалили и у него.

— В чем дело? — буркнул он более грубо, чем хотел, и увидел, что девочка моргнула и отпрянула.

Он опустился на колени и крепко обнял ее.

— Прости, детка, я тут задумался и не сразу понял, что это ты.

— О чем ты задумался?

— Кое о чем приятном. О том, чтобы с тобой и мамой отправиться на лодке к Islomorada, к островам. О каникулах.

— А можно нам взять Феликса и Луи?

— Я думаю, котам не понравится плыть на лодке. Но мы можем отправить их в гостиницу для домашних животных.

— Таких не бывает.

— Есть. Они смогут заказывать с кухни жареных мышек, а также в номере есть бар, полный кошачьей мяты. Они ее едят и ловят кайф. Им это понравится.

— Хорошо, но там, в зале, леди, которая хочет поговорить с тобой. Она не заказала ничего, кроме café con leche, кофе с молоком, и пирожное из гуавы.

Паз сразу вспомнил о Бет Моргенсен. Что, если эта женщина станет агрессивной и начнет охотиться на него? Только этого не хватало.

— Какая она с виду?

— У нее светлые волосы. По-моему, я раньше ее не видела. Десятый столик.

Паз помыл руки и лицо и снял грязный фартук. Как всегда, выходя в обеденный зал после смены, он задержался на минуту, чтобы привыкнуть к переходу из зоны контролируемого хаоса и жары к зоне спокойствия, роскоши и прохлады. Женщину, сидевшую за десятым столиком, он не узнал, но она казалась ему смутно знакомой: было что-то этакое в ее глазах и форме челюсти. Бывшая пассия? Ну нет, склерозом он еще не обзавелся и своих подружек помнит. Кто-то из полиции? Возможно. Он наблюдал за ней из-за ширмы, отделявшей служебный коридор от зала.

Она действительно была блондинкой: светлые волосы, хорошая стрижка, бледная, лавандового цвета блузка. Паз знал

толк в одежде и сразу понял, что ее блузка не массового производства и куплена не на распродаже.

Итак, состоятельная женщина, лет около тридцати или чуть за тридцать, гладкая загорелая кожа, не хорошенькая. Черты ее лица были тяжеловаты, нос слишком велик и слишком широк — короче, лицо у нее скорее мужское, делающее ее похожей на своего папашу. Только глаза хороши — светло-карие, чуть раскосые, с густыми ресницами.

И она была кубинка. Паз не мог сказать точно, что в ее облике говорило об этом, но он был уверен. Нервная кубинская женщина: пока он за ней наблюдал, она беспокойно ерзала на стуле. То ли высматривала кого-то, то ли считала, будто кто-то смотрит на нее, хотя ресторан опустел и людей в непосредственной близости от нее не было. Ее длинные загорелые пальцы выстукивали по столу неровный ритм, который высекал разноцветные искры из кольца и браслета.

Паз вошел в зал и быстро подошел к ее столику:

— Я Джимми Паз. Вы хотели меня видеть?

Перед тем как заговорить, она бросила на него оценивающий взгляд и, не ответив на его официальную улыбку, сказала:

— Да. Пожалуйста, присядьте. Вы знаете, кто я?

Он сел, некоторое время молча разглядывал ее, потом покачал головой:

— Нет, простите. А должен?

— Пожалуй, и не должны. Я ваша сестра. Единокровная сестра, я хочу сказать. Виктория Ариас Кальдерон де Пинеро.

Она протянула руку, и Паз рассеянно ее пожал. Ну, по крайней мере, вопрос со знакомым лицом разъяснился: похожую физиономию он видел в зеркале каждое утро, когда брился.

— О'к-кей,— произнес Паз с запинкой.— Чем могу служить вам, миссис Пинеро?

— Нет, пожалуйста, не называйте меня миссис Пинеро! Виктория.

— Очень мило с твоей стороны, сестренка. Наверное, мне следовало бы выразить соболезнование в связи с твоей утратой.

— Это и твоя утрата.

— Я удивлен, что ты вообще знаешь о моем существовании,— заявил Паз, оставив последние слова без внимания.— Интересно, откуда?

— От моей тети Евгении, она все время здесь обедает. Тетушка в нашей семье вроде белой вороны.

— Да, а мне казалось, что это я...

Он увидел, как ее щеки окрасил легкий румянец.

— О господи! — вздохнула Виктория.— Может, не стоит сводить счеты с покойником, хотя у тебя, конечно, есть для этого основания? То, как отец отнесся к тебе и твоей матери, было непозволительно, и я от имени всей семьи прошу за него прощения.

— Знаешь, мне кажется, однажды я видел тебя,— сказал Паз, снова оставив без внимания ее последнюю фразу.— Мне было лет четырнадцать; я как раз узнал о своем происхождении и притащился на велосипеде к вам в Гэйблз. Тебе было, наверное, лет семь или около того. Я остановился там и долго наблюдал за вами, пока ваша мать не заметила меня. Потом вышел ваш отец, с первого взгляда понял, кто я такой, отволок меня в кусты, от души отколошматил и предупредил: если я еще раз посмею его побеспокоить, то мне эта взбучка покажется ерундой, не говоря уж о том, что он угробит бизнес моей матушки. Так что меня не интересуют долбаные Кальдероны или их извинения. В общем, если это все, Виктория...

Он отодвинул стул и собрался встать, когда она сказала:

— Нравится тебе или нет, ты его сын. Такой же язвительный, такой же жесткий, та же гордыня. Уж я-то знаю: мне всю дорогу от него доставалось.

Он воззрился на нее и увидел, что глаза ее полны слез, и одна слезинка незаметно соскользнула на щеку. Его глаза и глаза его дочери.

Паз откинулся назад на стуле и вздохнул:

— Ладно. Виноват. Не было смысла выкладывать тебе мою печальную историю. Очень мило, что ты просто взяла и пришла со мной повидаться и извиниться. Это все, или я упомянут в завещании?

Она оставила сарказм без внимания.

— Нет, и я тоже. Кроме трастового фонда, доверенного маме, он все оставил Хуану. Джонни, как мы его зовем.

— Везунчик Джонни. И что, он теперь будет до омерзения богатым?

— Это еще как сказать. Мой... наш отец был своего рода игрок. Его последний проект — застройка побережья — был масштабнее всего, чем мы когда-либо занимались: отец рассчитывал, что это введет нас в высшую лигу. Он восхищался Трампом, если тебе это о чем-то говорит. Мой брат славный парень, но бизнес не его фишка: он умеет лишь ставить подпись на задней стороне чека. После похорон мне удалось убедить его выдать мне генеральную доверенность на управление компанией в обмен на существенное увеличение денежного содержания.

— Значит, ты теперь большой босс.

— На бумаге. Как ты можешь себе представить, отец не комплектовал штат своей компании мужчинами, которым нравится выслушивать указания от женщины.

Она помолчала и совершила движение, может быть неосознанно, которое Паз видел бесчисленное количество раз во время своей службы в полиции: слегка напряглась, чуть скосила глаза в одну сторону, а потом перевела взгляд в другую. Это означало, что сейчас разговор коснется опасной тайны.

— Есть кое-что еще,— сказала она.— Поэтому я и пришла. Я понимаю, это нелепо, я хочу сказать, после всего того, что случилось, какое мне дело? Но я должна была попытаться, а обратиться мне, честно говоря, больше не к кому.

— Я слушаю.

— Хорошо,— сказала она и рассказала ему историю, часть которой он уже знал из других источников: о партнерах «Консуэлы», о смерти Фуэнтеса, о ночном вандализме, о весьма специфических охранниках и подробно обо всем, имевшем место в ту ночь, когда погиб Кальдерон. И о странностях в платежном балансе компании.

— Это интересная история,— сказал Паз, когда она закончила.

— Да, но проблема в том, как это истолковать. В полиции думают, будто отец был связан с гангстерами. Они считают, он брал у них деньги в долг. Возможно, так поступали все партнеры «Консуэлы». Они думают, это одна из тех ситуаций, когда сначала они дают деньги взаймы, а потом захватывают бизнес, а если собственники сопротивляются, их убивают.

— И ты с этим согласна? Ты думаешь, именно это произошло с Фуэнтесом и твоим отцом? Прости, нашим отцом. Ты думаешь, старик связался с бандитской шайкой?

— Очень может быть. Я знаю, что люди, которые были в моем доме, не были кубинцами.

— Откуда ты это знаешь?

— Они беспрестанно грязно ругались: слово «трахнуть» у них с языка не сходило. Но они говорили не как у нас, не joder. Они всегда говорили tirar.

— Это колумбийцы.

— Я знаю. Детектив Финнеган считает, что это был либо удар со стороны конкурирующей банды, либо эти люди в нашем доме ни от кого нас не охраняли: они держали нас в заложниках и по какой-то причине решили убить отца.

— Этот Мэтт Финнеган из полиции округа?

— Да. Ты его знаешь?

— Немного. Хороший коп. А как он объясняет то, что был убит охранник?

— Тут все не больно-то складывается. То ли его пристрелили гангстеры из другой банды, то ли сам отец. Правда, пуш-

ка отца так и не выстрелила. А главное, все путает гигантская кошка.

Тут Паз почувствовал, как все волоски на его руках, на загривке, по всей коже встали дыбом. Он с трудом подавил дрожь.

— Гигантская кошка?

— Да. В кабинете, там, где он был убит, и на дорожке снаружи остались отпечатки кошачьих лап. И следы когтей на стене под окном. Это чепуха, конечно.

— Конечно. Я так понимаю, ты склоняешься к теории гангстеров.

— Я не знаю. Да, я думаю, отец имел дело с некоторыми, так сказать, не вполне законопослушными людьми, но... я видела, во что его превратили. Какой был смысл во всей этой... кровавой резне? Здесь наверняка что-то личное, что-то, чего мы не понимаем.

— Например?

— Я не знаю! — воскликнула Виктория, едва не сорвавшись на визг. Она закрыла глаза, ее передернуло.— Извини. Все это... я держусь из последних сил. Но дело в том, что, если это гангстерские разборки, полиция уже ничего не сделает. Тот, кто совершил это, сейчас уже в Колумбии. А если нет, если это было личное дело или, не знаю, какой-то ужасный маньяк, они его тоже не найдут, ибо не смотрят в этом направлении. Я хочу сказать — конечно, они попытаются. Убиты два видных кубинских бизнесмена, копов, конечно же, тормошат, но они копают только в одном направлении, и это в то время, как я изо всех сил пытаюсь спасти семейный бизнес. А раскручивание идеи, якобы покойный вел дела с гангстерами, не слишком этому способствует: кредиторов это вряд ли воодушевит. Что может стабилизировать положение, так это раскрытие дела и поимка убийц. Вот почему я пришла к тебе.

Эти слова и то, что за ними крылось, ударили Паза как оплеуха. Он уставился на нее.

— Постой, ты хочешь, чтобы я нашел этих парней?

— Да.

— А почему? Потому что я сын? И должен отомстить за отца?

— Да. Меня не волнует, как он поступил с тобой, как он отнесся к тебе, un padre es un padre para siempre. Отец всегда остается отцом.

— О, ради бога! — воскликнул Паз, который слышал подобное выражение точно в тех же самых словах много-много раз, только вместо отца в нем фигурировала мать. — Во-первых, я больше не коп. Во-вторых, с чего ты взяла, будто у меня получится лучше, чем у Мэтта Финнегана, который располагает всеми ресурсами полиции?

— У тебя будет личный интерес. И ты лучше, чем они. Ты поймал убийцу-вуду, именно тогда я и узнала, кто ты такой. Еще девчонкой я следила за новостями с тетей Евгенией. Каждый кубинец в городе следил за тогдашними событиями из-за того, что он сделал с той девушкой, Варгас. Я хочу сказать, мы знали их, всю эту семью. И тут на экране появился ты, что-то произнес, и моя тетя спросила: «А ты знаешь, кто этот малый?» И тогда она рассказала мне про тебя, но предупредила: если я проболтаюсь отцу, что знаю этот секрет, мне мало не покажется. С того времени я выискивала все, что могла найти о тебе в газетах и библиотеках. И я гордилась тем, что ты мой брат.

«Но не настолько, чтобы увидеться со мной хоть раз, пока тебе что-то не потребовалось»,— подумал Паз, но сказал другое:

— Мой ответ «нет». Прости, мне бы хотелось помочь тебе, но я... я просто не готов к чему-то подобному. Я парень, который управляет рестораном, и ничего больше...

Он заметил, что Виктория уже смотрит не на него, а на кого-то за его плечом. Он обернулся и увидел свою дочь, с интересом рассматривавшую их обоих.

— Привет, как тебя зовут? — сказала Виктория.

Амелия подошла поближе и, приподняв серебристый бэйджик на своем платьице, показала его незнакомке.

— Амелия? Славное имя. Я рада, что наконец познакомилась с тобой. Я твоя тетя Виктория. Ну, можно сказать, наполовину тетя.

— А где вторая половина? — спросила, поразмыслив, Амелия.

Она не знала точно, что значит тетя. Вот про дядю, маминого брата, знала — он жил в Нью-Йорке. Правда, у нее были подружки, у которых имелись тети, которые неизменно ассоциировались с днем рождения и рождественскими подарками («Моя тетя Джули подарила мне это»), на что Амелии до сих пор ответить было нечем. И потому она решила, что даже полутетя лучше, чем никакой тети вовсе.

— Другой половинки нет. Это просто такое выражение,— сказала Виктория.

— Ага, но если бы ты подарила мне подарок к Рождеству, это был бы целый подарок, верно?

— Амелия, у тебя, наверное, много дел,— проворчал Паз.— По-моему, тебе нужно пойти помочь Бренде с салфетками.

— Папа, я пойду, но сейчас я разговариваю с моей тетей, не так ли?

— Конечно,— подтвердила Виктория.— Так что там насчет подарков?

— Я пока не знаю, ты ведь у меня только что появилась. Ой, а можно спросить — этот браслет, он что, с настоящими бриллиантами?

— Самые настоящие. Хочешь померить?

— Ага!

Последовала пауза.

— Я хотела сказать — да, пожалуйста.

Девочка надела драгоценный браслет и подняла руку, чтобы посмотреть, как сверкают и переливаются граненые кам-

ни. Паз наблюдал за всем этим со смешанным чувством, размышляя о кровном родстве и о том, в чем оно выражается.

— Сколько тебе лет? — спросила Виктория, после того как Амелия с очевидной неохотой вернула украшение.

— Скоро семь.

— Что ж, тогда на восьмой день рождения ты получишь свой quinceañero. Как насчет того, чтобы я подарила тебе этот браслет?

Амелия разинула рот.

— По-настоящему?

— Да. Но сейчас нам с твоим отцом нужно поговорить о взрослых делах, а у тебя есть работа. Приятно было с тобой познакомиться. А теперь беги.

К удивлению Паза, она послушалась.

— Она восхитительна,— сказала Виктория.

— Зависит от вкуса,— сказал Паз.— Но надеюсь, о браслете ты говорила серьезно. Она ничего не забывает.

— Еще как серьезно. Мне следовало сделать это давным-давно, как только я узнала о твоем существовании, но тогда я была трусливым куском дерьма и дрожала перед отцом. Неприятно, но правда. И снова я прошу прощения.

— Да ладно: я ведь тоже о тебе знал и, хотя ты мне ничего плохого не сделала, даже не попытался с тобой сблизиться. У меня нет даже такого оправдания, как у тебя.

С минуту они молча смотрели друг на друга. Нарушила молчание Виктория.

— Итак, Джимми, что скажешь? Появится ли у меня, пусть с опозданием, старший брат? Поможешь ли ты мне?

— Можно, я подумаю? Это будет непросто, тем более что затрагивает не только меня.

— Конечно, я все понимаю.

Она достала из кошелька визитку и вручила ее. Это была карточка с логотипом «Кальдерон Инкорпорейтед», и на ней значилось: «Виктория А. Кальдерон. Управляющий».

— Управляющий, а? Быстро делаешь карьеру, сестренка.

— Приходится пошевеливаться. И тебя прошу о том же: вопрос, о котором я говорила, надо решать быстро, иначе в этом уже не будет смысла.

Она поднялась со стула, а когда Паз тоже встал, поцеловала его в щеку и вышла из ресторана.

Мать ждала его на кухне.

— Чего она хотела? — первым делом спросила миссис Паз.

— Мама, как ты вообще узнала, кто она такая?

— Не будь глупым, Йаго, уж мне ли не знать, что это за особа. Еще раз спрашиваю: чего она хотела?

— Она хотела, чтобы я нашел тех, кто убил Йойо Кальдерона. Раз уж ты спросила.

— И ты этим займешься?

Паз драматично поднял руку.

— Мама, о чем ты говоришь? Я занимаюсь здесь рестораном, у меня нет никаких возможностей. Я больше не коп... это просто смешно. Не говоря уже о том, что я терпеть не мог этого малого.

— Он был твоим отцом. Ты перед ним в долгу.

— И это говоришь ты, после того, как он обошелся с нами?

— Не важно, кем он был или что он сделал. Он дал тебе жизнь. Он часть тебя. Ты должен сделать, что можешь. Не говоря уж о том, сынок, что этим рестораном занимаюсь я, а не ты.

— Спасибо, мама, я чуть было не забыл. И ты забыла сказать: дескать, отец есть отец.

После этих слов мать впилась в него своим знаменитым взглядом, по силе воздействия сопоставимым с выстрелом из базуки. Обычно под этим взглядом лет тридцать его жизни куда-то пропадали, и он превращался в перепуганного, мямлящего мальчонку. Но не на сей раз. Сейчас Паз разозлился. Все подряд норовили манипулировать им, хотели принудить заниматься тем, чем он заниматься не хотел, и он считал, что

это плохо кончится. Хуже того, ему хотят снова навязать работу детектива, а между тем у него вовсе нет уверенности в том, что он справится с ней без полицейской бляхи и пушки на поясе. При этом в глубине души он сознавал, что именно для этой работы и предназначен, и его призвание вовсе не жарить мясо на гриле, а значит, один раз он уже совершил ошибку, позволив уговорить себя вести жизнь, которая в определенном, глубинном смысле фальшива. Поэтому он встретил этот взгляд своим, полным гнева.

И вдруг с ужасом Паз увидел тяжелую, словно глицериновую слезу, которая медленно выкатилась из глаза матери и скатилась по коричневой щеке, а потом еще одна, а там и целая струйка.

Паз разинул рот, ибо никогда в жизни не видел, как плачет его мать: откройся у нее третий глаз, это удивило бы его меньше. Казалось, ее лицо утратило черты маски, вырезанной из красного дерева, внезапно став печальным и уязвимым. Паз ощутил ужас, словно земля перед ним вдруг пошла волнами.

— Что? Что с тобой? — беспомощно спросил он, и тут она, покачав головой из стороны в сторону, медленно и печально, надтреснутым от напряжения голосом сказала:

— Нет, я не могу сказать тебе, я не могу заставить тебя. Слишком поздно. Ты должен пойти один и сделать то, что ты должен сделать.— Она взяла свежее полотенце для рук из стопки на стойке, вытерла глаза, и, пока ее лицо скрывалось за этой завесой, на него вернулась привычная властная маска.— Дай мне знать. Мне потребуется время, чтобы найти кого-то вместо тебя на утреннюю смену.

С этими словами она повернулась и вышла из кухни, оставив Паза гадать, уж не привиделось ли ему все это.

Но полотенце для рук было там, на стойке, куда она бросила его. Он взял его и обнаружил, что оно еще было влажным от ее слез.

В этот момент появилась Амелия, в шортах и футболке, со своим платьем «хозяюшки» на вешалке.

Паз внимательно оглядел ее.

— Надеюсь, ты все та же,— сказал он.

— Что?

— Ничего, милая. Ты собралась пойти куда-то?

— Ага, но, папа, можно, мы остановимся на рынке и купим еще немножко «Фритос»?

— Еще «Фритос»? Я же на днях купил тебе упаковку из десяти пачек. Ты что, угощаешь всю школу?

Девочка сделала крохотный кружок носком кроссовки и заглянула ему в глаза.

— Не всю, но мисс Милликен говорит, что угощать друзей приятно.

— Ну ладно,— тут же согласился Паз, обрадовавшись постоянству дочери.

Раз так говорит мисс Милликен, так пусть кукурузные чипсы текут в школу нескончаемым потоком.

— А ты ешь только «Фритос»? — спрашивает девочка.

Они находятся высоко на дереве. В школе перемена. Сквозь шелест листвы слышны голоса играющих детей.

Мойе облизывает пальцы и насаживает маленький пакетик на веточку.

— Нет, я ем и другое.

— Где, в ресторане?

— Нет. Ягуар посылает мне еду,— отвечает Мойе.

Он обнаруживает, что вспоминает испанский в этих коротких разговорах с девочкой, хотя он не верит, что язык может выразить что-то сложное. Его гораздо больше, чем он думал, беспокоит неспособность свободно общаться с другими. Отец Перрин был прав, он не может по-настоящему говорить на языке уай'ичуранан, и Ягуар послал это дитя, чтобы помочь ему. Допустить ошибку перед девочкой не стыдно, особенно перед девочкой, которая, скорее всего, проживет недолго. Еще одна причина, почему Ягуар послал ее.

Правда, пока это только предположение.

Мойе роется в своем плетеном мешке и достает глиняную фляжку.

— Ты хочешь превратиться в монстра прямо сейчас? — спрашивает девочка.

— Не сейчас,— говорит Moie.

— А как это делается?

— Ты задаешь не слишком много вопросов?

— Нет. А как так получилось, что ты поселился на этом дереве?

Мойе разглядывает девочку в упор, но она выдерживает его взгляд, не моргнув. За ее левым плечом он видит ее смерть, хорошо отделенную, светящуюся, как маленькая звездочка. Мойе размышляет о слове «интересный», которое узнал от отца Тима, слове, которого нет у рунийя. Оно описывает голод, о существовании которого Мойе не знает, но который подобен действию писко на некоторых людей: раз отведав, уже трудно отказаться. Девочка интересна, и не только потому, что Ягуар послал ее ему.

— Ну, как это вышло? — снова спрашивает она.

— Я обязательно расскажу тебе,— говорит Мойе,— только с самого начала. Сначала были Небо и Земля. Они были отделены друг от друга, не знали друг друга и очень грустили от одиночества, ведь им не с кем было поговорить. И вот их печаль породила Дождь, который знал язык и того и другого. И они были счастливы некоторое время. Но потом Небо захотело вступить в брак с Дождем и получило согласие, но это вызвало ревность Земли, ибо Земля тоже хотела вступить в брак с Дождем. Земля и Небо не могли поделить Дождь и вступили между собой в бой: Небо послало молнию, чтобы поразить Землю, из Земли извергались огонь и дым, чтобы потрясти Небо. Чтобы положить этому конец, Дождь предложил попеременно жить и с тем и с другим — выпадать с Неба на Землю, а потом снова подниматься к Небу. И так у них про-

должалось снова и снова. От этого союза с Дождем родились дети — Солнце, Луна и Река, но больше ничего в мире не было. Однако, поскольку Дождю понравилось, что в мире появилось что-то новое, он предложил Небу и Земле сотворить еще что-нибудь, и они, любя Дождь, послушались. От Неба появились звезды и птицы. Земля сотворила растения и деревья, червей и насекомых и разных животных. Эти творения составляли гордость Земли, но когда ее горделивую похвальбу услышала Река, она предложила Земле соединиться с ней и породить нечто новое, еще невиданное. На слова Земли о том, что такой союз вызовет ревность Дождя, Река ответила, мол, это не важно. Улыбка Реки пленила Землю, и они сочетались браком, и со временем из чрева Реки появился Кайман.

— Это кто?

Мойе показывает скрюченные пальцы, скалится и извивается, пока девочка не понимает, что он имеет в виду крокодила, как из «Питера Пена».

— Рекой Кайману было заповедано есть только тех существ, которые заходят в воду, но он был непослушным ребенком, да и рыбы тогда никакой не было. Кайман вышел из воды и стал преследовать оленей и тапиров, он ел их и ел деревья и все растения, и жуков, и муравьев.

— Крокодилы не едят деревья.

— В то время все было по-другому. Ты хочешь послушать эту историю или нет?

— Хочу, но главным образом я хочу послушать о том, почему ты живешь на нашем дереве.

— Чтобы понять это, нужно выслушать все сначала...— ответил Мойе, но его прервал крик снизу:

— Амелия Паз, ты снова забралась на это дерево?

Это мисс Милликен, она огорчена. Амелия выскальзывает из гамака и останавливается на широкой, почти горизонтальной ветке.

— Мне нужно идти. Ты доскажешь мне остальную часть истории?

— Может случиться, что так оно и будет,— говорит Мойе.

Она улыбается ему и исчезает среди листвы.

Пруденсио Ривера Мартинес в день, который, как он имел все основания полагать, был его последним днем на земле, ждал прибытия раннего прямого рейса авиакомпании «Дельта» из Далласа, Форт-Уорт, стоя снаружи, за барьером службы безопасности. Габриэль Хуртадо никогда не летал в Соединенные Штаты международными рейсами. Вместо этого он полетел в Мехико, где его организация устроила ему транзит до границы. Он пересек ее по превосходным поддельным документам мексиканского бизнесмена и уже в качестве такового затерялся в потоке из тридцати тысяч машин, которые в тот день, как и в любой другой, держали путь на север, в Эль-Пасо.

Хуртадо относился к Соединенным Штатам Америки со снисходительным презрением, сходным с тем, которое крестьянин питает к ослу, глупому, упрямому, но необходимому в хозяйстве. Американцы который год пытались его поймать, но это ничуть не мешало ему въезжать в страну, когда он хотел, и оставаться там столько, сколько требовалось. Его единственная претензия к службам безопасности США заключалась в том, что в силу чрезмерной проницаемости границ число желающих заняться торговлей наркотиками возросло до немыслимых размеров, что сбивало цену на его продукт. Из Эль-Пасо они отправились по автостраде в Даллас, а оттуда он и его спутник комфортабельным рейсом первого класса перелетели в Майами.

Мартинес увидел, что из ворот появились люди Хуртадо, в том числе человек по имени Рамон Паласиос, хотя это имя использовалось нечасто. При виде этого второго человека Мартинес почувствовал некоторое облегчение; его присутствие

означало, что Хуртадо серьезно отнесся к этому безумию, счел, что они имеют дело с серьезным противником, а следовательно, Мартинес не стопроцентно виноват в фиаско в случае с Кальдероном.

Эти двое были среднего роста и комплекции, может быть, даже чуть потоньше — во всяком случае, худощавее Мартинеса, и одеты в такие же светлые спортивные куртки, пастельные с открытым воротом рубашки, темные брюки и сверкающие туфли без задников с латунными пряжками. Оба носили пышные темные усы и темные волосы, зачесанные назад, хотя волосы Хуртадо начали редеть.

Поговаривали, якобы Хуртадо держал этого человека поблизости, потому что они были похожи, и убийца мог их перепутать, но Мартинес считал это глупостью, ибо, в таком случае, пришлось бы просто грохнуть обоих — от устранения одного не было бы никакого толку. Более того, размышляя о такой возможности, Мартинес решил, что, будь у него только одна пуля на них двоих, он бы скорее выстрелил в Паласиоса, чем в Хуртадо, ибо, как бы ни был опасен Хуртадо, нужно быть полным идиотом, чтобы пожелать иметь дело с затаившим на тебя злобу El Silencio, Молчуном.

Хуртадо скупо улыбнулся ему и обнял официальным жестом. El Silencio ограничился равнодушным кивком, продолжая внимательно осматриваться по сторонам. С оружием в самолет было не пройти, поэтому он был безоружен, а без оружия он не мог чувствовать себя спокойно.

Они молча отправились к багажному отсеку, и после обычного ожидания телохранитель, проигнорировав предложение Мартинеса помочь, взял с ленты две маленькие кожаные сумки и алюминиевый атташе-кейс. У обочины ждал черный «линкольн навигатор» с тонированными стеклами, купленный за наличные два дня тому назад. Дома Хуртадо всегда ездил на «навигаторах», и Мартинес хотел, чтобы он чувствовал себя удобно. Они сели в машину, босс и его тень на заднем

сиденье, а Мартинес спереди. Хуртадо поздоровался с сидевшим за рулем Сантьяго Иглесиасом. Он знал по имени и в лицо каждого работавшего на него человека и немало и об их личной жизни — например, где можно найти их семьи. Такая предусмотрительность была одной из причин, позволивших ему так долго продержаться в этом бизнесе, — другой такой причиной являлся El Silencio. Когда они отъехали от обочины, Мартинес услышал позади щелчок затвора и другие металлические звуки. Молчун вооружался.

— Какова ситуация, Мартинес? — спросил Хуртадо, переключившись без предупреждения с шуток с Иглесиасом на Мартинеса.

Тот еще не соскочил с крючка, и шутить ему пока не полагалось.

— У меня по два человека в каждом из двух домов, и два фургона на улице перед каждым из них. А еще у меня есть человек на паромном терминале в машине. Это остров, и паром — единственный путь с острова и на остров.

— А лодки нет?

— Нам нужна лодка?

— Pendejo, конечно, нам нужна лодка. Оба дома подверглись вандализму, и тот, кто это сделал, прибыл не на пароме. Значит, у них есть лодка. Это первое. Второе — раз мы базируемся на острове, стало быть, нам тоже нужна лодка на всякий случай. Добудь лодку — нет, две лодки — и людей, чтобы ими управлять, да понадежнее. Как клиенты?

— После истории с Кальдероном они наделали в штаны и до сих пор не очухались. С этой стороны никаких проблем. Они как овечки.

— Полиция?

— Караулит их задницы. Поблизости от домов Гарсы и Ибанеса выставлены посты, но пока они почешутся, мы запросто сможем обделать любое дельце и смыться. Никаких проблем.

— Да, то же самое ты говорил перед тем, как кто-то добрался до Кальдерона. Знаешь, Мартинес, почему я не так сильно разозлился на тебя за этот долбаный провал?

Мартинес честно признался, что не знает.

— Потому что нет худа без добра, это избавило нас от лишних хлопот. С Кальдероном, во всяком случае. Он знал то, чего не знали другие, и становился для всех морокой, так что, если он сошел со сцены чуть раньше, чем планировалось, это для меня не проблема, к тому же, как ты говоришь, другие стоят в очереди. Единственный, кто нам очень нужен,— это Ибанес, это связано с переправкой бревен и прочим. Ну а что до фирмы Кальдерона, то ею, я полагаю, теперь руководит его сын.

— Нет, дочь, насколько я понял. Сын своего рода maricón, бездельник. Он сейчас в Нью-Йорке. Компанией управляет дочь.

— Хорошо. Мне уже полегчало. Она не будет проблемой, когда наступит время. Ну а как насчет тех двух fregados, этой надоедливой парочки в раскрашенном фургоне?

— Пока ничего. Пусто. Такой номер нигде не числится.

— Поддельные номера? Это интересно. Это наводит на мысль о серьезной организации.

С переднего сиденья подал голос Иглесиас:

— У них номерной знак какой-то придурочный, не оранжевый, как у других машин, и пальма не нарисована.

— Это номерной знак другого штата,— проворчал Хуртадо, даже без особого раздражения. Ну откуда ребятам из Кайли знать, что здесь в разных штатах разные номерные знаки? Он просто объяснил это своим подчиненным.

— И там наверху написано «yova»,— добавил Иглесиас.

— Yova? — переспросил Хуртадо.— Что это значит — yova?

— Я не знаю, босс, там так было написано, большими буквами, а еще облака и какие-то здания, но никаких пальм. «А-Й-О-В-А» — вот так и написано.

— А, да, понятно,— сказал Хуртадо.— Айова. Это название штата, далеко отсюда, и, очевидно, бесполезно пробивать эти номера там, это не даст нам адреса в Майами. Похоже, эти люди очень умны для американцев.

— А вы уверены, что это американцы, босс? — спросил Мартинес.

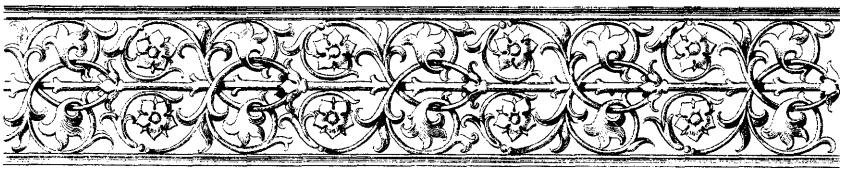
— Они используют американцев, а у нас дома и не пахнет никем, кто работал бы против нас. Так, во всяком случае, заверяет меня мой друг, здесь присутствующий.

Он имел в виду El Silencio, подумал Мартинес, а уж если El Silencio пустили по следу с заданием выяснить, кто в преступном мире Колумбии интересуется операцией в Паксто и ведет свою игру в Майами, а он ничего не выяснил, то да, можно быть практически уверенным в том, что там ничего подобного и не происходит. В зеркало заднего обзора он украдкой глянул на этого человека. Если половина того, что о нем говорят, правда, у него должны быть рога, клыки и хвост, но он выглядел заурядно, ничего особенного. Обычный латиноамериканец; если и есть что примечательное, так это шрамы на горле. По легенде, ему было десять лет, когда кто-то был убит перед убогой маленькой лавкой, которую держала его семья в Кайли, и, как обычно, убийцы убрали всех потенциальных свидетелей, всю его семью: мать, брата, трех сестер. Другие говорили, что семья занималась рэкетом, проявила чрезмерную алчность, была вырезана в назидание. Но так или иначе, семья была убита, а мальчишке кто-то перерезал горло, но не убил его, а повредил голосовые связки, так что он мог говорить лишь каркающим шепотом. Потом, в возрасте пятнадцати лет, он нашел человека, который был виновен в этих убийствах, похитил его, продержал шесть дней и вернул туда, откуда забрал живым, но в таком состоянии, что это шокировало даже матерых головорезов Кайли... Так он обратил на себя внимание Габриэля Хуртадо.

— Что ты думаешь об этой истории с котом? — спросил Мартинес, чтобы сменить тему.

— Тактика, чтобы напугать нас,— махнул рукой Хуртадо.— Должно быть, наши противники думают, будто мы невежественные крестьяне, которые боятся магических животных. Это наводит на мысль о русских. Или гаитянах. Но кем бы они ни были, эти ребята явно захотят довести начатое до конца, а потому постараются добраться до обоих наших, пока еще живых, подопечных. Вот и пусть добираются: как только они явятся к ним, мы их заполучим. Верно, Рамон?

El Silencio кивнул, но, естественно, ничего не сказал.



12

— Луковый соус! — сказал профессор Кукси.— О, брат! Это удар!

Дженни подняла голову от микроскопа и моргнула.

— Прошу прощения?

Кукси сердито зыркнул на нее, снова повторил: «Луковый соус!» — и, схватив горсть желтых страниц из блокнотов, оттисков и распечаток, покрывавших письменный стол, подбросил их к потолку. Она уставилась на него.

— Я чувствую себя как мистер Крот,— сказал он.— Эта злосчастная газета и атмосфера вокруг этого дома. Это невыносимо.

Дженни поняла, что он имел в виду. После второго убийства Руперт стал параноиком или бóльшим параноиком, чем обычно. Хотя при этом говорил часто и громко, что они не имеют точных сведений насчет причастности Мойе к насилию и что альянс «Лесная планета» всегда громогласно выступал против любого намека на экологический терроризм, и, если этим займется полиция, силы эксплуататоров с восторгом запачкают их доброе имя. Из этого следует, как поняла Дженни, что все упоминания о знакомстве с Мойе следует свести к возможному минимуму, ну а заодно уничтожить в усадьбе все следы какой-либо сомнительной с точки зрения закона деятельности. Посаженную Скотти марихуану выкорчевали и под покровом ночи вывезли за пределы усадьбы, и даже библиотеку подчистили так, что ее содержимое устроило бы даже проверяющих девушек-скаутов от церкви мормонов. Луна

перестала разговаривать со всеми, кроме Скотти, и реагировала на все короткими сердитыми вспышками. Скотти же явно пребывал на грани клинической депрессии, а поскольку именно он отвечал за поддержание порядка на территории усадьбы, в последнее время она приобрела нездоровый, запущенный вид, уподобившись небрежно одетому, плохо подстриженному человеку, обросшему трехдневной щетиной. О том, чтобы обратиться в полицию, никто даже не заикался.

— Кто этот мистер Крот? — спросила Дженни.

— Мистер Крот... Из «Ветра в ивах»? — Он встретил ее непонимающий взгляд.— Не хочешь же ты сказать мне, будто не читала «Ветер в ивах»?

— Я вообще ничего не читала, Кукси,— ответила она с раздраженным вздохом.— Я малограмотная.

— Глупости! Неужели никто тебе никогда не читал книжек?

— Нет. Там, где я росла, нас главным образом сажали перед теликом.

— Безобразие и позор! Ну что ж, я готов немедленно исправить этот недостаток. Прямо сейчас.

С этими словами он встал со стула и кинулся к книжной полке, с которой снял тонкий томик в желтом, весьма потрепанном матерчатом переплете.

— Вот эта книга, но мы не будем читать ее здесь, нет. Скажи мне, ты любишь лодки?

— Я не знаю. Я никогда не была ни на одной.

— Никогда... никогда не была на лодке? Я считаю, это издевательство над ребенком, подсудное, между прочим, дело. Моя девочка, вот, я цитирую: «Нет ничего — повторю, совершенно ничего — наполовину столь стоящего, как простое катание на лодке». Это тоже отсюда.— Он помахал книжицей.— Вот что я тебе скажу: давай-ка забросим наши затхлые академические труды и эту угнетающе и отравляюще серьезную среду и направимся к воде. Ты согласна?

Она посмотрела на него с откровенной сияющей улыбкой и слегка пожала плечами:

— Мне без разницы.

Они взяли старый «мерседес» и набили багажник пивом, чипсами и сэндвичами, которые, как детишки, тайком ворующие вкуснятину из холодильника, постыдно стащили с кухни. Кукси принес большой заляпанный рюкзак, набитый разнообразным позвякивающим снаряжением, чтобы со стороны казалось, будто они собрались в научную экспедицию, а не для постыдного безделья.

Примерно через час езды по узкой дороге через болота они добрались до Фламинго. Кукси знал человека, который выдавал напрокат брезентовые, на деревянных рамах, каноэ, так что, заявил профессор, им не придется использовать эти отвратительные алюминиевые кастрюли. Так и получилось. Шестнадцатифутовую лодку спустили на воду, Дженни устроилась на носу со всеми припасами, Кукси, ступив на суденышко, ловко оттолкнулся, и они на веслах двинулись через залив Белая Вода. Он расстилался вокруг, словно огромная, сморщенная простыня бледно-серого шелка, усеянная темными мангровыми островками, похожими на элементы декораций к мюзиклам, действие которых разворачивается в тропиках. Устойчивый ветер дул им в спину, поэтому грести было легко.

На другой стороне залива Кукси направил их лодку к маленькому пляжу, состоявшему из мириад крохотных ракушек, островку, отведенному штатом под общественную зону отдыха. «Это Ведж-Пойнт,— сказал он,— и пришло время перекусить». Они нашли расчищенную площадку, окруженную зарослями, расстелили одеяла в тени большого дерева с зелеными плодами, которое Кукси назвал «железным», и выпили по паре пива. После этого профессор прислонился к стволу железного дерева, жестом пригласил ее сесть рядом с ним, достал книгу и стал читать ей «Ветер в ивах».

Она слушала его, как ребенок, разинув рот. На каком-то глубинном уровне девушка понимала, почему он это делает. Понимала, он дает ей что-то, чего она недополучила в детстве. А ведь, кажется, как просто — отдыхать на свежем воздухе с человеком, которому доверяешь, и слушать незамысловатую, в общем-то, историю о природе и животных. В каком-то смысле профессор лечил ее, но — Дженни это почувствовала — исцелялся и сам. Его действия не были полностью бескорыстны, хотя от какого недуга он страдает и хочет избавиться, ей было невдомек.

В какой-то момент во время чтения Дженни прервала его и сказала:

— Ой, тут я что-то не поняла. Этот рогатый малый, который музыку играет,— он кто?

— Флейтист у Врат Зари? Ну, я думаю, это Пан. Он не мертв для животных, по крайней мере в этой книге. Он их повелитель.

— Как бог?

— Скорее как дух самой природы. В греческом искусстве его изображают фавном с тростниковой флейтой, мохнатыми ногами и копытами. Его крики наводят на нас безумие: от этого произошло слово «паника». Очевидно, он больше не играет. Это известная история. Плутарх сообщает в своем сочинении о том, почему умолкли древние оракулы. Корабль проплывал мимо острова Паксос, и лоцман услышал, как выкликается его имя, а потом властный голос крикнул: «Великий Пан умер!» А потом он услышал звуки рыданий. Это случилось примерно в то время, когда родился Иисус, так что ранние христиане решили, будто бы это символ, предвещающий гибель языческого мира. Ты не имеешь представления, о чем я говорю, верно?

— Нет.

Он добродушно рассмеялся и сказал:

— Тогда давай вернемся к Крысе и Кроту.

Так они и сделали, но последнюю главу он велел ей прочитать самой, и Дженни с удивлением обнаружила, что эта задача для нее вполне посильна, хотя некоторая помощь еще требуется.

После этого они обошли вокруг места для стоянок, расставили ловушки для насекомых. Кукси носился кругом с сачком для ловли бабочек, выхватывал летающие создания из воздуха и по ходу дела рассказывал ей о падении Рима. О Риме Дженни знала только из фильмов и полагала, что все это сплошь выдумки, вроде «Конана» или «Звездных войн». То, что цивилизация может рухнуть без всяких там ядерных бомб или роботов, как в «Терминаторе», стало для нее открытием, и ей захотелось узнать, почему это случилось.

— На этот счет существует много теорий,— сказал Кукси в ответ на ее вопрос,— и множество умных толстых книг. Некоторые винят христианство, ослабившее боевой дух империи. Другие утверждают, что богатства, хлынувшие из завоеванных стран, уничтожили слой мелких землевладельцев, из которых формировались легионы... Империя для своей защиты начала нанимать войска за границами своих земель, а они не были так хороши, как римляне. Есть даже теория о том, что свинец в их водопроводах сделал их глупыми и ненормальными.

— А ты как думаешь?

Кукси рассмеялся.

— Мои соображения ценности не имеют. Но мой старый отец был довольно неплохим историком-любителем, и мы с ним провели немало времени, ползая по римским руинам. Так вот, он считал, что они просто устали. По его мнению, не только отдельные люди, но и целые цивилизации могут уставать от жизни. Они перестали верить в своих богов, их политическая система была мертва, генералы воевали не с врагами, а друг с другом, как вожаки гангстерских шаек, тысячи иностранцев переходили границы и селились на их земле, а римляне даже не пытались их выгнать, потому что они, видишь

ли, защищали Рим от нашествия других, еще более диких чужаков. Поэтому они отвели легионы от границ, и постепенно все стало приходить в упадок. Школы закрылись, книги использовались для разжигания костров, люди разучились читать и так далее. А здания и дороги развалились, ибо никто не помнил, как их чинить, да и денег не было, как не было никакой торговли.

— Это печально,— сказала Дженни.

— Думаешь? Все проходит, знаешь ли. Сначала падают боги, а потом люди утрачивают силу духа и надвигается тьма. Как сейчас. Я думаю, ты согласишься, что боги, которых мы почитаем, в любом случае менее могущественны, чем великий Пан.

— Ты имеешь в виду Иисуса?

— Если бы мы действительно почитали Иисуса... Господи, неужели это Palmira?

С этими словами Кукси взмахнул сачком и после продолжавшейся несколько минут погони накрыл им маленькую белую бабочку с желтыми и коричневыми отметинами. На его лице расцвела торжествующая улыбка. Дженни подумала, что сейчас он выглядит как двенадцатилетний. Профессор переместил насекомое из сетки в банку с широким горлышком, и оно перестало трепыхаться. Он стал рассматривать добычу в лупу.

— Ты убил ее? — спросила Дженни.

— Ну да,— сказал Кукси.— Боже мой, это Пальмира! Бабочка залетная, в здешних краях практически неизвестна. Она кормится на кустах череды. Ох ты, вот еще одна!

Он прыгнул, накрыл ее сачком и отправил в банку.

— Может быть, они теперь здесь размножаются? — размышлял профессор.

— Уже нет, раз ты попал сюда и если это были единственные экземпляры.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Ты думаешь, мне не следовало их убивать, верно? Я вполне тебя понимаю, но, в конце концов, я ученый и, следовательно, солдат в легионах смерти. Мы убиваем, чтобы понять жизнь, и полагаем, что это оправданно. Хотя да, Пан бы этого не одобрил. Знаешь, наш друг Мойе считает, что все мы здесь — мертвые люди, хотя думает, что ты все же слегка жива.

Она смотрела на яркие, неподвижные лепестки крылышек в морилке.

— Я не знаю... я хочу сказать, Кукси, только не обижайся, я, наверное, не смогла бы, как ты, зарабатывать этим на жизнь, убивать живых существ. У меня от этого мурашки по коже. А почему важно, если они здесь размножаются?

— Возможно, это еще один крохотный знак того, что тропики перемещаются на север в ответ на глобальное потепление. В конце концов, это кубинская бабочка. В любом случае мы посвятим остаток дня Пану, убивать больше не станем, будем просто наблюдать за жизнью вокруг нас. Это тоже наука и к тому же весьма почтенная, по-настоящему достойная уважения.

Так они и поступили и не один час провели, наблюдая в лупы и бинокли за насекомыми, морской фауной и жизнью птиц на маленьком острове, пока солнце не опустилось и не коснулось верхушек самых высоких деревьев. Кукси сказал, что им пора возвращаться, потому что грести против ветра будет куда труднее. Но когда они вышли из протоки и снова оказались на просторах залива, выяснилось, что наступил полный штиль и бухта стала гладкой, как мельничный пруд возле плотины. Именно это сравнение пришло в голову Дженни, хотя она никогда в жизни не видела запруду у мельницы. Это был образ, почерпнутый из старой книги Кукси, причем далеко не единственный. На самом деле в ее голове вдруг оказалось куда больше помещений, чем раньше, все украшенные картинами и мебелью, которую она не могла вспомнить, и соединенные коридорами, которые таинственным образом манили. Вот такие они, обычные люди, подумала она. Живут,

понимаешь, ни хрена не знают о штуковинах типа Римской империи, древесных фиговых осах, глобальном потеплении и великом боге Пане, и вроде все ничего. Но стоит всему этому появиться в голове, как знания начинают тянуться одно к другому, связываться друг с другом, а от этого берутся новые мысли, такие, каких раньше нельзя было и представить. Это немного беспокоило, как если бы тебя отправили в новую приемную семью и ты не знаешь, что ждет тебя впереди: хочешь просто сесть на кровать, которую тебе показали, и не двигаться, пока кто-нибудь из старших не объяснит тебе, что есть что.

Ей не хотелось думать обо всем этом сейчас, и оказалось, что она может отгородиться от смущающих мыслей, отдаться безмятежной гребле и любоваться дивным морским пейзажем. Поверхность залива была подобна серебристому туманному зеркалу, в котором отражались персикового цвета клочковатые облака и оранжевый диск заходящего солнца. Весло при каждом взмахе встречало своего поднимавшегося снизу двойника, тут же исчезавшего во вспенившейся воде... А над водой парили птицы — белые цапли, чайки. Один раз пролетела стайка бурых пеликанов, похожих на неуклюжих доисторических птеродактилей, и у каждого из них тоже имелся внизу двойник. И, оглядываясь назад, она видела две длинные линии, уходящие в безвозвратное прошлое, и что-то не давало ей покоя, ей хотелось спросить Кукси, что это.

— Чему ты поклоняешься, Кукси?

— Прости?

— Ты говорил что-то об умирающих богах и все такое. И что мы не почитаем Иисуса. Как раз перед тем, как поймал ту бабочку.

— Ах да! Так вот, моя мать говорила, что, когда люди перестают почитать Бога, они не перестают это делать совсем. Она считала, что стремление к поклонению заложено в человеке изначально, как стремление к произведению потомства. Поэтому, расставшись со старыми, великими богами, люди

заменяют их мелкими, ставят на их место чаще всего себя, потому что это проще всего, или деньги, или славу, или секс. Или молодость. Но все эти боги обречены на падение, как и Пан, ибо они связаны с тем, что по самой своей природе суетно и преходяще. Вот моя мать, она была вполне преданной католичкой. Происходила из семейства Говард, а это очень древний католический род, потомком которого являюсь и я. Замечу, верующий антрополог — явление редкое, ведь люди этой профессии посвящают уйму времени анализу различных туземных верований. Но когда ее спрашивали об этом, она обычно смеялась и отвечала: да-да, это совершенно нелепо, полный абсурд, но так уж случилось, что я верю, и все это правда. Она обладала особой восприимчивостью ко всему таинственному и необъяснимому, и, похоже, мне кое-что удалось у нее перенять. Наверное, поэтому я и нахожу общий язык с нашим Мойе. Он отнюдь не считает, что Пан мертв. Такое предположение, скорее всего, ввергло бы его в шок.

— А откуда он знает о Пане? Я думала, в него верили эти римляне, давным-давно.

— О, он не называет его Паном. Он называет его Ягуаром, но, знаешь ли, это один и тот же малый, хотя зубы у нынешнего значительно острее. Да, я подозреваю, что Пан снова объявился в царстве мертвых людей, и готов биться об заклад, что после своего долгого сна он основательно не в духе. Сдается мне, нас еще ожидает уйма интересных впечатлений.

— А что именно может случиться?

— Точно не знаю, но, думаю, ничего хорошего. Земля все больше устает от нас, мертвых людей, мы ей надоедаем. Появление Мойе, кем бы он ни был, отчасти относится к того же рода явлениям, что и обнаружение здесь этих бабочек с юга. Я имею в виду следующее. Допустим, у тебя есть большой особняк, и ты пригласила гостей, ибо ты щедрая и добрая леди. И представь, что эти гости начали вести себя бесцеремонно, все ломать и портить...

— Как ласки в Жабьем доме.

— Именно. Сморкаться в занавески, бить посуду, оскорблять прислугу... в общем, при всем твоем великодушии ты, скорее всего, решишь, что это выходит за все разумные границы, и примешь необходимые меры, даже если это сделает твой дом менее гостеприимным. Например, можно повысить температуру отопления, чтобы назойливым гостям стало жарко и духота вынудила их разойтись. Можно прекратить подавать вкусное угощение, а можно и вовсе спустить с цепи злых собак, чтобы они навели на всех страху. И вот в результате мы видим глобальное потепление, подъем уровня моря, новые болезни, распространение пустынь, истощение минеральных источников и даже нечто совершенно безумное, потому что, возможно, природа, не ограничиваясь собственными средствами, подключает к этому и невидимый мир. Моя мать, безусловно, верила в это, а она была далеко не глупа. Как я уже говорил, она была бы в восторге от знакомства с Мойе.

— Как ты думаешь, он... ну, он будет и дальше убивать людей? — спросила Дженни.

В ее сознании образ мягкого, незлобивого индейца никак не вязался с людьми, разрываемыми на части.

— В зависимости от обстоятельств. Он хочет, чтобы люди, которые замышляют уничтожить его лес, прекратили это делать. Боюсь, он продолжит убивать тех, кто, по его разумению, виновен в этом, пока они не остановятся, и, может быть, станет забирать жизни в возмещение ущерба. В конце концов, наша цивилизация повинна в куда более кровавых преступлениях, даже если предположить, что кто-то из нас лично ни в чем не виноват.

Кукси умолк, а потом вдруг завел ритмичную песенку, весьма, как оказалось, облегчающую греблю. Они энергично налегли на весла, и каноэ устремилось вперед, словно летя над безупречной водной гладью.

Во Фламинго, когда они возвращали лодку на пункт проката, Дженни почувствовала первое воздействие солнечных ожогов: светлую кожу рыжеволосой девушки лучи солнца опалили даже сквозь ткань. Кроме того, у нее разболелась голова. Напекло, конечно, но тут дело было не только в солнце, но и во множестве непривычных мыслей.

— Ты как, дорогая? — спросил Кукси, когда они вернулись к машине.

— Честно говоря, устала,— призналась девушка.— Если хочешь, можешь сесть за руль.

На лицо Кукси набежала тень.

— Я не хочу,— сказал он.— На самом деле — не могу.

— Ты не научился водить?

— Научился. Но не могу. У меня был несчастный случай на дороге. Мне нервы не позволяют, прости.

— А что за несчастный случай?

Он внимательно посмотрел на нее, и она увидела, как годы снова возвращаются на его лицо, и ей показалось, что это похоже на то, как парень в фильме про мумию превратился в скелет на экране, когда было нарушено заклятие.

— Крупная авария,— хрипло сказал он и, повернувшись, сел в машину со стороны пассажира.

Они поехали, причем с этого момента Кукси подчеркнуто смотрел в окно, и от него исходили мощные вибрации отторжения. У Дженни был обширный опыт общения с раздраженными мужчинами, с мужчинами, ни в какую не хотевшими о чем-то говорить, мужчинами, срывавшими свое раздражение на подвернувшейся под руку особе женского пола, и тому подобными. Поэтому она ни на чем не стала настаивать, а просто отодвинулась и стала вспоминать об интересных и волнующих открытиях этого дня.

В результате ею было сделано еще одно важное открытие: чем больше ты знаешь всякой всячины, тем более интересные разговоры можешь вести сама с собой и вполне можешь обойтись без того, чтобы списывать свою хандру на плохое к

тебе отношение со стороны других людей и никчемность собственной безрадостной жизни.

Размышляя таким образом, девушка уверенно вела машину, благо ей всегда нравилось водить, а уж тем более если выдавался случай сесть за руль такой мощной тачки. На узкой, окаймленной с обеих сторон каналами трассе она основательно разогналась, а Кукси подложил под щеку свернутое полотенце, прислонился к окну и, похоже, задремал.

Впереди тащился трактор с прицепом, груженным дробленым известняком, и Дженни, конечно же, решила его обогнать. Выехала на встречную, поднажала и, поравнявшись с трактором, вдруг увидела, что впереди него тащится еще один, точно такой же, а на встречной полосе видны огни приближающегося грузовика. Она надавила педаль газа, выжимая из машины все, что можно. Надсадно взревел мотор, однако, как бы ни велика была скорость, ей казалось, будто время замедлилось и чертова колымага еле тащится, пытаясь обогнать передний трактор. Летевший навстречу грузовик стал отчаянно сигналить, но когда до столкновения, казалось, осталось всего несколько футов, она обогнала-таки прицеп и вывернула на свою полосу.

Оказалось, что Кукси не спит, а изумленно смотрит на нее.

— Жаба с Жабьего Холма,— заявила девушка и нажала на клаксон.

Его лицо смягчилось и «сморщилось» в ухмылку.

— Твоя первая литературная ссылка, насколько я понимаю. Это нормально: как только берешься за чтение, все вокруг начинает связываться с литературными образами. И...

Тут он глубоко вздохнул.

— Понимаешь, когда на меня давят, я просто отгораживаюсь от окружающего мира. Это мой недостаток, тут, наверное, виновата и профессия, и национальность, много чего. Извини, конечно, но я не привык распространяться на болезненные темы.

— Ты рассказал мне о своей жене и змее. Той, из джунглей.

— Рассказал. Ну и что?

— Люди мне всякое рассказывают. Я думала, это потому, что я отсталая, и не важно, что они мне рассказали, понимаешь? Все равно как болтать с куклой. Я к этому привыкла.

— Тогда, может, предположишь, что я разговариваю с тобой как собрат по несчастью?

— Отлично,— сказала она, и он рассказал ей о том, как он вернулся в Англию с телом своей жены, как похоронил ее и как начал много пить, проживая в летнем домике родителей в Норфолке.

С ним жила маленькая дочка, четырех лет, ее звали Джемайма, и однажды он взял ее в паб на ланч и выпил больше пинт, чем следовало, а когда он возвращался домой, на дороге неожиданно оказался трактор, и он резко свернул и врезался в дерево. И ведь ехал не так уж быстро, но этого оказалось достаточно. Девочка на заднем сиденье не была пристегнута, только что она болтала, напевала песенки, а в следующий момент ударилась о ветровое стекло. Она продержалась два дня, а потом он похоронил ее рядом с ее матерью и уехал из Англии.

— Что ты делал?

— О, ничего на самом деле. Странствующий ученый. Нас таких много, подменяем коллег, уходящих в научный отпуск, присоединяемся к экспедициям, включаемся в целевые научные группы, создающиеся под какой-нибудь грант. Много всякого разного.

— Господи! Твоя жена, а потом твой ребенок. Какой плохой год!

Кукси издал хриплый лающий смешок.

— И то сказать. Плохой год. Теперь мы знаем все печальные истории друг друга. Ну и парочка! Нам придется подружиться, как Крысе и Кроту.

— Чур, ты Крыса,— уверенно сказала она и улыбнулась.

Он улыбнулся ей в ответ, показав длинные желтые зубы.

Когда они вернулись в усадьбу, там было пусто, и тут Кукси вспомнил, что все они должны были присутствовать на каком-то съезде защитников окружающей среды в Майами-Дэйд-колледже, на котором ожидали и его. Войдя в офис, они увидели Мойе, уставившегося на компьютер.

— Проверяешь свою электронную почту? — осведомился Кукси.

Оставив это без внимания, Мойе указал на клавиатуру и сказал:

— Каждое семя этого подноса с семенами имеет знак, и, когда я нажимаю на него, тот же самый знак появляется на этой изменчивой маленькой стенке, только эта палочка создает призрачный знак. И если я нажимаю много раз, то, что появляется на стене, похоже на те связки листов, через которые отец Тим разговаривал со своим богом. Они похожи на отметки, которые насекомые оставляют в коре дерева, но поменьше. Отец Тим умел обращать их в свой голос, и он говорил, что многие из мертвых людей могут делать это. Это то, как ты разговариваешь со своим богом, Кукси?

— В каком-то смысле. Правда, с некоторыми меньшими божествами, не с тем, с которым разговаривал отец Тим посредством связки листков. Как дела, Мойе? Прошло много дней с тех пор, как мы виделись в последний раз.

— Я сытно питался,— сказал Мойе.— А ты?

— Я питался хорошо.

— И Огненноволосая женщина, она хорошо питалась?

Тут он бросил взгляд на Дженни, которая улыбнулась ему.

— Мы оба питались хорошо. Послушай, Мойе, это не может продолжаться. Нельзя без конца убивать людей и поедать их.

— Я никого не убивал. Это Ягуар убивает и ест.

— Но уай'ичуранан не верят в Ягуара, Мойе. Они подумают, что это ты сам совершал эти убийства.

На миг Мойе казался ошеломленным, потом он издал сквозь плотно сжатые губы странный, свистящий звук, в то время как его торс содрогался от смеха.

— Это хорошая шутка, Кукси,— сказал он, отсмеявшись.— Я пошучу так же: рунийя не верят в воду.

Кукси дождался, когда Мойе перестал смеяться над своей шуткой, после чего сказал:

— Тогда ты должен поговорить с Ягуаром и попросить его не делать этого. В стране мертвых такие дела считаются сивикс. Полиция скоро узнает, что совершили вы с Ягуаром, и тогда они арестуют тебя. Ты понимаешь, что это значит?

Мойе вспомнил, что рассказывал ему тот человек в Фернандино на острове Тринидад, и сказал:

— Да, я знаю. Но они не видят меня на моем дереве, и, кроме того, когда я хожу среди них, я ношу одежду священника.

— Я не это имел в виду,— сказал Кукси.— Одежда значит мало, а вот убийство значит много. Они заключат тебя в хижину с множеством плохих людей до конца твоей жизни, а могут даже убить тебя.

Эти предупреждения, похоже, не произвели на Мойе впечатления, поэтому Кукси добавил:

— Узнай отец Тим, что ты так поступаешь, он бы рассердился.

— Я этого не делаю. Я говорил тебе это, но ты не слушаешь. Я скажу снова: сначала мы отправились увидеть их, и Обезьяний парень сказал, что они не должны рубить Паксто, но тот мертвый человек Фуэнтес позвал людей, и они выкинули нас из того дома, как женщины выбрасывают очистки и потроха в реку. Я не понял того, что было сказано, но это я понял. И мне стало ясно, что «Консуэла» не послушается и будет по-прежнему убивать Паксто. Вот почему Ягуар убил его, а потом и того, другого. Ты говоришь, что убивать их плохо, но отец Тим говорил: порой необходимо совершать меньшее зло, чтобы избежать большей беды. Это моральная философия, и таким образом действуют йампири среди мертвых людей. Эти люди из «Консуэлы» хотят убить Паксто и весь мой народ, как убили отца Тима, так что будет лучше, если прежде их убьет Ягуар.

— Да, но, Мойе, я тебе уже говорил, есть и другой способ. Многие, многие из уай'ичуранан не хотят, чтобы в Паксто рубили лес. В них в какой-то мере присутствует дух арийю't. Хотя сами они мертвы, но желают жизни и поэтому хотят остановить этих людей, точно так же, как и ты.

— Ты говоришь это, но трудно поверить. Они убьют людей из «Консуэлы»?

— Нет. В таких делах у уай'ичуранан не принято убивать. Они поднимут большой шум и распространят множество листов со знаками, и увидевшие эти листы уай'ичуранан узнают, чем занимается «Консуэла» и что это сивикс, недостойно. А еще, как я говорил тебе раньше, они пошлют своих духов, которых мы называем журналистами, в дома мертвых людей. Эти особые колдуны подойдут к людям из «Консуэлы» и строго поговорят с ними и затащат их в короб духов. Таким образом, люди из «Консуэлы» будут посрамлены и не станут делать ничего плохого с Паксто. Так принято у нас. Но если они узнают, что ты убиваешь этих людей, будет по-другому. Все будут думать не о Паксто, а только об этих убийствах. Они назовут тебя террористом, это тоже колдуны, которые есть у нас, но другие, злые, которые получают удовольствие от убийств и страха. Тебя схватят, посадят на долгое время под замок, а дух затащат в короб духов, и с этим уже ничего нельзя будет поделать. И тогда Паксто будет уничтожен, потому что, по нашим понятиям, террорист ненавистен всем, и если он чего-то добивается, то для нас становится риуксит сделать наоборот.

Мойе молча обдумывал это почти минуту и лишь потом сказал:

— Я подумаю об этом на своем дереве и спрошу Ягуара, что делать. А сейчас я должен спросить у тебя одну вещь и сказать тебе одну вещь, потому что я приехал сюда не за тем, чтобы играть семенами на подносе. И вот что я спрашиваю. Ягуар желает ребенка себе в хнинкса. Ягуар говорит, если он получит ребенка, то обретет на земле мертвых людей силу, не

просто силу плоти, но особую силу. Ее подлинное название можно произнести только на священном языке, которого ты не знаешь, но дело в том, что с помощью этой силы он может снова сделать живыми уай'ичуранан или некоторых из них, так что они больше не захотят превращать весь свой мир в писко, мачете и все прочее, имеющее отношение к деньгам. Поэтому я спрашиваю — риуксит ли такое среди уай'ичуранан?

— Нет! — едва ли не выкрикнул Кукси.— Для нас это более сивикс, чем что-либо другое, о таком даже помыслить нельзя. Мойе, ты ни в коем случае не должен это делать.

— Но разве для всех не будет великим благом, если уай'ичуранан снова станут живыми и перестанут разрушать мир, как делают это сейчас? И кроме того, Ягуар не станет забирать ее, пока она не пожелает этого сама.

— Это запрещено.

— Тогда я ничего не понимаю. Отец Тим говорил, что Йан'ичупитаолик сам принес себя в жертву, чтобы мертвые люди могли иметь жизнь за пределами луны, на небесах, что было великим благом. Йан'ичупитаолик был мужчиной и величайшим йампири мертвых людей, и уж он-то значил гораздо больше, чем маленькая девочка. Так что это моральная философия, а вовсе не сивикс.

— Нет-нет, ты ошибаешься! — воскликнул Кукси.— Послушай, Йан'ичупитаолик, чтобы спасти мир, пожертвовал собой. Он не приносил в жертву маленьких девочек. И конечно, отец Тим говорил тебе, что, поскольку он пожертвовал собой, никаких других жертв больше ни от кого не требуется. А еще я скажу тебе, что Йан'ичупитаолик — главный из всех богов, главнее даже Ягуара, и он очень рассердится на тебя и на Ягуара, если ты это сделаешь.

— Я выслушал тебя,— произнес Мойе вежливо, но уклончиво.— Это мне тоже придется обдумать. Но позволь мне спросить тебя вот о чем: если Йан'ичупитаолик — господин все-

го, как ты говоришь, почему он не скажет мертвым людям, чтобы они прекратили разрушать мир?

— Он говорит, но его голос очень слаб. Сейчас другие боги говорят громче.

— Да, отец Тим говорил мне то же самое. И я думаю, что, может быть, Йан'ичупитаолик сказал Ягуару: «Иди и убивай, ибо мир, который я сотворил, не должен быть уничтожен». Как по-твоему, Кукси, это возможно?

Кукси медленно покачал головой и усталым голосом произнес:

— Я не знаю, Мойе.

— Или Йан'ичупитаолик умер, и теперь Ягуар главнее всех богов. В любом случае я обязательно сделаю то, чего пожелает он. И вот что еще я тебе должен сказать. В домах людей из «Консуэлы» появились новые люди, они такие, как те, что убили отца Тима. Мертвые из мертвых, их дух прогнил внутри их, и они полые и вместо него наполнены чиниткси. Я говорю тебе об этом потому, что думаю, они появятся здесь.

— Здесь? Зачем им приходить сюда? — спросил Кукси.

— Из-за Обезьяньего парня и того человека, Фуэнтеса. Из-за унанча, тотемного знака этого места.

Тут Мойе прижал руку к груди.

— Они нарисовали его на многих рубашках. Я видел, как Огненноволосая женщина давала их многим людям за деньги и как другие в этом месте делали то же самое, а еще это есть на той машине.

Здесь он употребил английское слово и бросил взгляд на Дженни, которая ободряюще ему улыбнулась.

— Эти люди, эти чиниткси, все они охотники, и один из них очень хороший охотник, не такой хороший, как я, но достаточно хороший, чтобы проследить по унанча до этого места. Я говорю тебе об этом, Кукси, потому что ты был мне другом, а еще потому, что Огненноволосая женщина — живая уай'ичура и боги говорят с ней, хотя она их не слышит. Что касается остальных, мне нет до них дела, но ты можешь по-

беспокоиться о них, если они из твоего народа. Ибо если те охотники придут сюда, они убьют всех вас. Я слышал, так они делают в деревнях неподалеку от моего дома. Мне будет жаль, если они убьют тебя, Кукси, потому что говорить с тобой интересно. Это слово, которому научил меня отец Тим. Оно как запах животного, которого ты никогда не встречал раньше и желаешь узнать, хорошее оно для еды или нет. Теперь я ухожу.

— Мойе, постой!..— крикнул Кукси, но индеец двигался очень быстро, пересек комнату и вышел в дверь.

Кукси выбежал в коридор, но там никого не было, не слышно было даже шагов на посыпанной гравием дорожке.

— О чем вы тут толковали? — спросила Дженни, когда Кукси вернулся с удрученным видом.— Плохие новости?

— Можно сказать, и так,— уныло ответил он и рассказал все, что узнал от Мойе.

Дженни задавала тревожные вопросы, и Кукси отвечал как мог.

— Что нам делать с этой маленькой девочкой? — спросила она.

— Будь я проклят, если знаю,— сказал он.— Будь я проклят в любом случае. Господи! О чем только я думал, поселив его на дереве рядом со школой? Наверное, нам придется рассказать Руперту.

— Он вызовет копов, верно?

— Я сомневаюсь в этом. Руперт неплохой малый, но если ему приходится выбирать между спасением мира и заботой о себе, последнее всегда берет верх. И вообще, ты можешь себе представить, чтобы он пошел в полицию с этим рассказом? «Да, офицер, я бы хотел сообщить об индейце из Южной Америки, который думает, будто может превращаться в ягуара. Он убил двух видных кубинских бизнесменов. Да, он проживал в моем доме после того, как убил одного из них, но я не сообщил об этом, потому что хотел использовать его как рекламный образ для движения в защиту окружающей среды. Нет, офицер, я не имею ни малейшего представления о том,

где он сейчас. Он часто становится более или менее невидим. Да, еще в городе есть группа демонов, замаскированных под колумбийских гангстеров, но у меня нет никакого представления о том, где они. О, чуть не забыл: этот индеец замышляет убить маленькую девочку, или, вернее, это собирается сделать ягуар, которого не существует. Понимаете, он бог». Я хочу сказать, это за пределами абсурда. И еще... я не совсем уверен, что полиция может успешно вмешаться в происходящее. Возможно, Мойе не тот, кем кажется. Возможно, мы замешаны во что-то более чем странное. Я говорю не как ученый, конечно, но как сын моей матери.

— Я поняла, что ты имеешь в виду,— сказала Дженни, помолчала и после недолгой паузы спросила: — Значит, у тебя нет плана?

Кукси расхохотался.

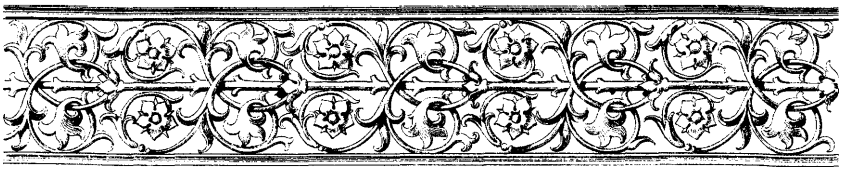
— Ну как же нет: мой план состоит в том, что первым делом нужно выпить побольше виски.— Он улыбнулся ей.— Что ж, похоже, ты вроде бы не парализована страхом, хотя я бы настоятельно посоветовал тебе некоторое время не носить футболки с надписью «Альянс "Лесная планета"».

— Со мной все в порядке. Все это кажется слишком невероятным, чтобы переживать из-за этого. И мне по-прежнему в кайф. Я имею в виду то, как прошел день.

— Да, прогулка на лодке удалась. Не считая новости об Апокалипсисе, это и впрямь был славный денек.

— Но в дом собираются нагрянуть ласки.

— Верно, и в данной ситуации представляется разумным вести себя подобно Кроту и Крысе — не вылезать из нашей уютной норки и подождать, когда прибудет мистер Барсук и покажет, что нам делать. Может быть, он сумеет спасти ту маленькую девочку.



13

Когда Джимми Паз объявил, что оставляет кухню, чтобы заняться поисками убийц своего отца, ресторан «Гуантанамера» не рухнул. Это породило в нем двоякое чувство. С одной стороны, помогло чувствовать себя не таким уж виноватым, с другой — не таким уж незаменимым. С раннего отрочества мать твердила ему, будто без его ежедневной помощи семейному бизнесу грозит разорение, но вот надо же, когда приспичило, быстро нашла ему замену. Миссис Паз сделала несколько звонков и привела Рауля, крепкого, средних лет мужчину, который не только умел жарить мясо на гриле, но неуклонно следовал указаниям миссис Паз до последнего помидора и не пытался всунуть в меню какие-то заморские новшества, которым нет места в традиционном кубинском ресторане.

Лола отнеслась к этому одобрительно: ее докторское суждение сводилось к тому, что ему не помешает выбраться из-под мамочкиного крыла. Если повезет, он войдет во вкус, а там, поиграв в копа, задумается и об учебе. В конце концов, учиться никогда не поздно, взять, например, ее.

Брать ее в качестве примера, правда, не очень хотелось. Она ходила на работу, возвращалась домой, наспех перекусывала, потом, вымотанная, ложилась спать. У нее был тусклый, напуганный взгляд, и она винила в этом различные, относящиеся к работе стрессы, хотя в бытность ее интерном, когда стрессы на работе были куда сильнее, выглядела она лучше, и в их жизни было намного больше дурачеств и секса.

У него было довольно полное представление о ее нынешнем состоянии, он слышал, как она бродит по дому посреди ночи, и, судя по пузырькам с таблетками в их аптечке, мог сказать, что еще и основательно пичкает себя лекарствами. Паз даже думал о том, не выработалась ли у нее лекарственная зависимость: он знал, что с врачами такое бывает сплошь и рядом, но никогда не верил, что и Лола относится к этому типу людей. Так или иначе, он принял решение, и, хотя в известном смысле чувствовал себя чуть ли не предателем, а заодно и глупцом, перед тем как выйти из дома, он зашел в спальню, украдкой снял со щетки клочок светлых волос Лолы, а в спальне дочурки собрал более темные волоски со щетки.

Упрятав свою добычу в два отдельных конверта, Паз занялся тем, что внушало ему больше доверия: устроился в удобном кресле со свежей чашкой кофе и позвонил женщине по имени Дорис Тэйлор из «Майами геральд». Тэйлор вела в «Геральд» криминальную рубрику со времен (по ее словам), предшествовавшим изобретению пороха, и в свое время навела глянец на образ Джимми Паза, поймавшего отвратительного убийцу-вуду. Она обрадовалась, узнав, что он в определенном смысле «вернулся на улицу», и с готовностью снабдила его всеми известными ей сведениями о (как она его называла) Майамском Потрошителе, попросив лишь об одном: чтобы он рассказал ей все, что узнает нового. Приготовившись таким образом, Паз позвонил Тито Моралесу и попросил его устроить ему встречу с майором Олифантом, чтобы обсудить убийство Кальдерона и то, чем Джимми Паз может быть полезен в расследовании.

Встреча была назначена на тот же самый день. Паз облачился в один из костюмов, которые носил, когда был детективом, начистил ботинки за четыре сотни долларов и прибыл в штаб-квартиру полиции почти в том же виде, в каком он оставил эту работу семь лет тому назад. Олифант улыбался, но лишь до тех пор, пока не выяснилось, что Джимми Паз хо-

чет не просто помочь с расследованием. Он хочет заниматься расследованием.

— Это потому, что он был твоим отцом? — спросил майор, тут же нахмурившись.

Этот интересный факт он узнал только что из уст самого Паза.

— Более или менее,— сказал Паз.— Скорее, более. Моя мать и единокровная сестра попросили меня этим заняться, поэтому я пришел сюда.

— Знаешь, было бы гораздо лучше, если бы ты рассказал мне об этом родстве в нашу последнюю встречу.

Паз пожал плечами.

— Это не то родство, которым я горжусь, поэтому всегда предпочитал о нем помалкивать. Тито тоже не знал.

Моралес подтвердил это кивком и недовольным мычанием.

— А теперь,— сказал Олифант,— ты хочешь, как бы это сказать, стать внештатным копом на одно расследование?

— Нет. Я буду работать с Тито. На самом деле под руководством Тито, у него-то ведь есть и жетон, и пушка. В этом нет ничего необычного. Департамент все время нанимает консультантов.

— Ага, но только не для ловли убийц, это развлечение мы предпочитаем приберегать для своих. Поэтому уж не сочти за труд сказать мне, как ты представляешь себе на практике эти так называемые консультации?

— Ну, во-первых, я должен посмотреть все материалы по делу Фуэнтеса. Тито может просветить меня насчет того, что он сделал с того дня. Потом тебе придется позвонить шерифу, чтобы тот допустил меня к делу Кальдерона и распорядился, чтобы Мэтт Финнеган со мной поговорил.

— О, этот разговор начинает мне нравиться.— Олифант поднял руку к уху, словно поднося телефонную трубку: «Послушай, Фрэнк, у меня тут сынок покойного Кальдерона. Мы хотим, чтобы ты помог ему выследить убийцу его папаши. Нет,

он не коп, он повар, но мы тут в Департаменте полиции Майами всегда рады помочь любому с личной вендеттой...»

Паз наклонил голову и улыбнулся.

— Я знаю, что ты подойдешь к делу более деликатно, Дуг.

— Ответ по-прежнему «нет».

— Это забавно, потому что вы двое совсем недавно вертелись вокруг меня, упрашивая о помощи, а стоило мне решить всерьез этим заняться, как я натыкаюсь на каменную стену. И это при том, что, давайте без обид, ни ваше расследование, ни то, которое ведет округ, ничего пока не дали.

— Кто тебе это сказал? — сердито спросил Олифант.

— Да это витает в воздухе. В нашем городе полно людей, у которых бизнес такой: знать, чем занимаются копы, а когда я был знаменитым полицейским героем и спасителем общества, я познакомился с большинством из них.

— Ты разговаривал с прессой,— буркнул Олифант, и в его устах это прозвучало как обвинение.

— Ага. Послушай, суть в том, что я собираюсь делать это и хотел бы работать с вами, парни, а не против вас. Если нет, в городе есть и другие исследовательские ресурсы. Но мне почему-то кажется, что ни тебе, ни шерифу вовсе неохота в один прекрасный день прочитать о том, как повар Джимми сцапал убийцу, в то время как полиция хлопала ушами.

После этой последней ремарки последовало обычное состязание — кто кого переглядит,— в котором Паз дал майору выиграть.

— Знаешь, Джимми Паз,— сказал после этого Олифант,— я всегда думал, что ты скромный малый. Разве что работа на кухне существенно расширила твои криминалистические познания. Или ты знаешь что-то, о чем нам не говоришь. Но это уже воспрепятствование расследованию, а это, если помнишь, в нашем штате является уголовным преступлением.

Паз кивнул и ухмыльнулся.

— Ладно, я пригрозил тебе, и ты пригрозил мне в ответ, теперь мы квиты и можем зажать дерьмо в кулаке и спо-

рить на монетку в котором. Я перегнул палку? Да, виноват. Но давайте снова посмотрим, что у вас есть и чего нет. Есть у вас два богатых белых кубинских парня, разорванные в клочья, у вас есть следы когтей, у вас есть отпечатки лап ягуара, у вас нет ни единой мало-мальски стоящей версии, кроме уже совершенно полного дерьма с каннибализмом или еще каким-то там «измом». Короче, куда ни сунься, дельце отдает чем-то таинственным и непостижимым, ну а когда в Большом Майами заводится что-то таинственное и непостижимое, я тут первый. Но честное слово, могу перекреститься, что никаких особых сведений, кроме тех, которыми располагает каждый захудалый журналист, у меня нет. Я ничего не имею против Тито, твоих парней или Финнеганана, но ты знаешь, и я знаю, что есть такая вещь, как инстинкт и внутреннее чутье. Просто есть случаи, расследовать которые мне удается, а другим нет, и это не потому, что я великий гений или что-то в этом роде, просто в городе не так уж много тех, кто обладает опытом по части таких заморочек, а у меня он есть.

Пока продолжался этот монолог, Олифант вертел в руках кофейную чашку, словно был заворожен красовавшейся на ней надписью «Четвертая ежегодная конференция по детской порнографии, Филадельфия 2001».

Этот жест был знаком Пазу. Майор сомневался, но уже созрел для принятия правильного решения.

— Значит, это будут консультационные услуги эксперта по необъяснимому и сверхъестественному криминальному поведению?

— Именно так,— подтвердил Паз.— Ни больше ни меньше.

— Ладно, о бюрократической стороне дела я подумаю позже,— сказал Олифант и повернулся к Тито: — Детектив Моралес, покажи этому малому файлы и просвети его на этот счет. Я позвоню шерифу Маккею, попрошу его допустить мистера Паза к его материалам и сообщу, когда можно будет наведаться в его лавочку. Тем временем я ожидаю, что, пока

мистер Паз будет нас, так сказать, консультировать, ты будешь находиться рядом с ним и держать его под присмотром. То есть, выражаясь проще, будешь укладывать его в койку и встречать на заре. От всех прочих дел ты с этого момента освобожден. Все понятно?

— Да, сэр,— ответил Моралес, слегка выпрямившись на своем стуле.

— И ты тоже все понял, Джимми? Работаешь только под присмотром, и чтобы никакой утечки.

— Да, сэр,— сказал Паз.— Но не мог бы ты объяснить детективу Моралесу, что пассаж насчет того, чтобы укладывать меня в койку,— это просто фигура речи?

— Выметайтесь из моего офиса, оба! — заявил Олифант, что, с учетом обстоятельств, прозвучало в довольно дружеской манере.

Организация Хуртадо арендовала целый этаж кондоминиума на Рыбачьем острове, в удобной близости от домов двух уцелевших руководителей «Консуэлы». Сам Хуртадо и El Silencio расположились в одной квартире, а примерно дюжина гангстеров, которых он привез с собой, разместились в остальных помещениях. У них было соответствующее количество машин и пара быстрых лодок. Единственное, чего у них не было, так это мишени. Они вели наблюдение, но ничего заслуживающего внимания не происходило, а терпение Хуртадо имело свои пределы. Их операция была важна, это несомненно, но не настолько важна, чтобы отлучаться из Кайли на столь рискованно долгий срок. Неудивительно, что после нескольких дней пассивного наблюдения Хуртадо послал своего главного подручного с Пруденсио Мартинесом и парой парней посмотреть, что он может найти.

Хуртадо наслаждался вечерней выпивкой у бассейна, когда на него пала тень от El Silencio.

— Есть что-нибудь? — спросил Хуртадо.

— Все, что нужно,— ответил El Silencio.

Он раздвинул шезлонг и бросил взгляд на скрашивавшую одиночество его босса девушку в бикини. Та молча удалилась. Наклонившись так близко, чтобы Хуртадо уловил его шепот, он произнес:

— Парень в раскрашенном фургоне — тот самый малый, который был в офисе Фуэнтеса. Секретарша Фуэнтеса вспомнила его волосы, эти африканские косички. И футболка на нем была с тем же знаком, какими разрисован весь фургон. Мартинес описал его, и она сказала, что да, помнит.

— А не слишком ли все просто? — усомнился Хуртадо.— Знаешь, Рамон, после разговора с тобой люди порой вспоминают то, чего не было. Это часть твоего очарования.

El Silencio пожал плечами.

— Я ее и пальцем не тронул. И вообще, это Мартинес с ней разговаривал.

— Прекрасно. Ну и куда это нас приводит? Кто эти люди и где их найти?

Вместо ответа El Silencio передал своему боссу маленькую брошюрку.

— Что это?

— Мы вступили во Флоридское общество имени Одабона, художника-натуралиста. Заплатили сто долларов, и эта женщина выложила все, о чем мы просили и не просили. На обратной стороне — список местных клубов защитников природы. С их эмблемами: я пометил ту, которую парни видели на «фольксвагене».

Хуртадо пролистал брошюру.

— Альянс «Лесная планета»? Что это, защитники окружающей среды?

— Похоже на то, но кто знает, что они собой представляют на самом деле? Есть кое-что еще. Гляньте-ка на это.

Он вручил Хуртадо цветную фотографию, на которой была изображена молодая женщина со светлыми прядями в волосах, стоящая на пороге особняка Фелипе Ибанеса.

— Мы снимали всех, кто заходил в этот дом и выходил оттуда. Это внучка Ибанеса, женщина по имени Эванджелиста Варгос. Видишь, какая у нее рубашка?

— Это интересно. Еще одна связь, эта девушка входит в ту же группу. И?..

— Ибанес хочет вышибить из дела своих партнеров. Он знает об этой организации от своей внучки — может быть, даже сам ее и создал. Эта сука своего рода шпионка. Он понимал, что мы не оставим эти убийства без внимания и решим, что кто-то пытается получить кусок от операции с Паксто, и задумал подставить этих американцев. Ну, в том смысле, что чокнутые защитники природы вконец взбесились и начали убивать людей, которые их достали.

Хуртадо покачал головой.

— Однако это не объясняет индейца. И эти американцы — я не могу представить себе, чтобы они проделали такое с Фуэнтесом и Кальдероном, не говоря уже о том, чтобы проскользнуть мимо наших парней и грохнуть Рафаэля. Да и Ибанес не такой идиот, он понимает: мы никогда бы не клюнули на идею о том, будто это дело рук клуба любителей природы. А вот на то, что он при делах,— да, похоже. Думаю, Ибанес привез откуда-то банду крутых индейцев в качестве силовой поддержки и паркует их под крылом этих американских придурков. Американцы вечно носятся с долбаными индейцами, а он благодаря этому получает и прикрытие, и команду киллеров. Да, так оно и есть. Наверняка.

— Он, наверное, держит нас за идиотов,— буркнул El Silencio.— Так что, будем их убирать — Ибанеса и девку?

— Нет, у нас не горит. Ибанес необходим нам для того, чтобы осуществлять транспортные операции с лесом,— пока. Что нам нужно, так это найти этих индейцев. Возьми несколько человек и проверь этот,— он сверился с карточкой,— альянс «Лесная планета». Посмотри, что у них есть, с кем они связаны и так далее. Но без лишнего шума, Рамон. Мне пока не

нужна кровь на потолке, понял? И кстати, как насчет гаража, о котором мы говорили?

— Ага. Нет проблем. Он к югу отсюда, рядом с дорогой, но движение там слабое.

— Молодец. И машины есть под рукой? На случай нужды?

El Silencio кивнул, встал со стула и собрался уходить.

— И знаешь что, Рамон? — добавил Хуртадо.— Пришли девчонку обратно.

— Вот это дело,— сказал Моралес, с глухим стуком опустив две тяжелые папки на свой письменный стол в помещении отдела по расследованию убийств.— Копайся в нем хоть до обалдения.

— Ты на меня злишься, верно? — спросил Паз, уловив тон собеседника.

— Да, черт возьми. Я прихожу к тебе как друг, прошу о помощи. Мне ты отказываешь, а потом... ставишь меня в дурацкое положение перед боссом моего босса, когда я даже не знаю, в каком направлении ты собираешься рыть. И вообще, было бы куда лучше, если бы я, черт возьми, знал о тебе и Кальдероне заранее, а не выставил себя полной и окончательной дыркой в заднице. Это я к чему — вроде бы когда-то мы были напарниками.

— Все верно, Тито, и я прошу прощения. Но понимаешь, почему я передумал: когда это произошло с Кальдероном, дело стало семейным. Ты ведь сам кубинец, понимаешь, что это значит.

— Ага, и точно знаю: если бы грохнули моего папашу, меня и близко бы к этому делу не подпустили. А вот Джимми Паз — пожалуйста, сколько угодно. Для него делают исключение.

— Верно, Тито. Делают. Но в конце-то концов, я здесь лишь долбаный временный консультант, и, когда раскроем убийство, ты один огребешь всю славу.

— Если раскроем,— проворчал Моралес, стараясь спрятать ухмылку.— Временный консультант, а? Ну и тип же ты, Паз.

— Я тебя тоже люблю,— отозвался Джимми.— Можно, я почитаю это дерьмо, ладно? Вряд ли это займет много времени.

Так и вышло. Паз уже в общих чертах знал об убийстве Фуэнтеса, но было полезно изучить отчеты судебных медиков и увидеть фотографии, сделанные на месте преступления. Кроме того, обсуждая это дело в ресторане, в прошлом месяце, некоторыми подробностями Моралес с ним не поделился.

Оказалось, они обнаружили отметины от когтей на деревянных перилах балкона, с которого был сброшен Фуэнтес, и вычислили вес того, кто оставил следы лап в саду Фуэнтеса,— чуть более четырехсот пятидесяти трех фунтов. Последнее весьма озадачивало. К делу прилагалась справка от доктора Морито из зоопарка, в которой говорилось, что, хотя предъявленный на экспертизу след, несомненно, принадлежит Panthera onca, вес данного экземпляра значительно выше, чем это возможно: самые крупные самцы этого вида редко достигают трехсот фунтов. Доктор Морито выказал живой интерес к изучению животного, если им когда-либо удастся его заполучить. Ничего себе, подумал Паз, когда читал это, и обратился к протоколам допросов персонала офисов компании «Консуэла» — секретарши Фуэнтеса, Эльвиры Туэро, и трех охранников здания. Полиция получила описание обоих нарушителей спокойствия, побывавших там накануне. Один был молодой парень довольно приятной наружности, со скудной бороденкой и длинными светлыми волосами, заплетенными в африканские косички. Другим был пресловутый индеец.

Паз еще раз внимательно присмотрелся к фотороботам. Конечно, он прекрасно знал, что все портреты, составленные по словесным описаниям, походят один на другой и главным

образом служат для того, чтобы копы, по крайней мере, не хватали в качестве подозреваемых лиц не того пола и расы, но при виде этого изображения у Паза мороз прошел по коже. Как многие детективы, он имел великолепную память на лица и мог без труда вспомнить внешность почти каждого, кого когда-либо встречал, и в полицейской академии прославился умением составлять прекрасные фотороботы тех, на кого хоть раз бросил взгляд, в жизни или на фото.

В данном случае перед ним лежало изображение человека неопределенного возраста, но уже не молодого, с широким ртом, высокими скулами и волосами, постриженными в кружок, что типично для индейцев из Центральной или Южной Америки.

Что вызвало холодок, так это определенная уверенность Паза в том, что этого самого индейца из Центральной или Южной Америки он видел раньше. Досаду вызывало то, что ему никак не удавалось вспомнить, где и при каких обстоятельствах, но он приписал это тому, что расслабился и долго не практиковался.

Кроме того, он обратил внимание на отсутствие в деле сведений, которым следовало бы там быть: все свидетели утверждали, якобы молодой белый мужчина был в футболке с логотипом, но что это за логотип, нигде не указывалось...

Моралес вернулся с парой бумажных стаканчиков кубинского кофе и заявил:

— Олифант сказал, получено добро на встречу с Финнеганом.

— Здорово. А как насчет эмблемы на футболке того белого парня?

— А что насчет него? Парни носят на футболках самое разное дерьмо — названия рок-групп, колледжей, спортивных команд...

— Верно, но, по словам секретарши, это вторжение в офис, которое они устроили, было политической акцией в защиту

окружающей среды. Тот малый был из какой-то организации, типа «зеленых», резонно предположить, что он будет носить логотип своей организации, верно? Эта женщина, Туэро, секретарша, сказала, что он орал насчет чего-то под названием,— Паз пролистал отчет,— Паксто. Знать бы еще, что это такое.

— Это вроде бы заповедник дикой природы в Колумбии. Тот малый считал, что «Консуэла» собирается его вырубить.

— А это правда?

— Нет, если верить Фелипе Ибанесу и Кайо Гарсе. И твоему отцу. То есть они в один голос заявили, что никого отношения к этому месту их компания не имеет.

— Об этом в деле ничего нет. Или я что-то пропустил?

— Мне показалось, это не относится к делу и никуда не ведет,— пояснил Моралес и, поймав хмурый взгляд Паза, добавил: — Да, конечно, надо было вставить это в отчет, но у меня как-то в голове не укладывалось, что какие-то защитники травки и кустиков могут истерзать человека в клочья за несколько пеньков.

— Ты решил, что случившееся в офисе Фуэнтеса накануне убийства — всего лишь мелкая стычка и само убийство простое совпадение?

— Ну да, тем более что кокнули еще и Кальдерона. А что?

Голос Моралеса звучал довольно задиристо, и Паз понял: этому малому чертовски не нравится, что его фактически допрашивает за его же столом гражданское лицо, пусть даже бывший коп, сделавший Моралеса детективом. Неприятно, кто спорит, но тут уж ничего не поделаешь: раз Моралес облажался, так облажался, и придется ему с этим смириться.

Паз отпил глоток кофе.

— На первый план вышла версия о колумбийских гангстерах, да?

— А об этом ты от кого узнал?

— От моей сестры. Ей рассказал Финнеган, но, должно быть, эту информацию слил еще кто-то из полиции округа,

ибо об этом знала и Дорис Тэйлор. Ну а на чем эта гипотеза основывается?

— Так это же очевидно. Мы имеем два совершенных одинаковым способом убийства деловых партнеров, связанных с бизнесом в Колумбии. Когда был убит Фуэнтес, это могло быть что угодно — культ, случайный маньяк. Это, конечно, непостижимо и жутко, но когда убитых двое, да еще оказывается, что по отношению к жилищам всех совладельцев «Консуэлы» имели место хулиганские действия, причем с подбрасыванием фекалий ягуара, связь становится очевидной. Кто-то буквально говорит: вы пытались держать нас за дерьмо, и теперь вы умрете. А колумбийцы — известные любители таких демонстративных акций устрашения.

— Да, я наслышан. Итак, Тито, как я понял из твоего отчета, ты считаешь, будто дело гораздо проще, чем думает Олифант, а все эти странности — маскировка, нечто вроде colombianismo — вроде колумбийского народного обычая.

— Да, складывается такое впечатление. И в округе тоже работают в этом направлении.

— Я полагаю, за двумя остальными малыми, Гарсой и Ибанесом, ведется наблюдение.

— Верно. Они живут в Бич, поэтому этим занимается округ.

— Хорошо. С этим я разобрался. Давай все-таки съездим и посмотрим, что скажет сама полиция округа.

Они поехали в «шевроле» Моралеса. Паз занял место пассажира.

— Прямо как в старые времена,— заметил Паз.

— Не совсем,— сказал Моралес, и остаток пути они провели в мрачном молчании.

Финнеган, как и можно было предвидеть, не обрадовался, увидев их. Как и его напарник, Рамирес. Они вчетвером уселись в комнате для допросов без окон в штаб-квартире шерифа в Дорале, к северо-западу от города Майами, большом современном здании, похожем на терминал аэропорта, разве

что не таком уютном. Финнеган предпочел обойтись без лишних разговоров и сказал напрямик:

— Давайте сразу расставим все по местам: мне приказали с вами сотрудничать, и приказ я выполню.— Он указал на стопку папок и большой картонный сшиватель на столе.— Это материалы по делу об убийстве Кальдерона. Я так понимаю, он ваш отец.

— Верно,— сказал Паз.

— Вообще-то это не в правилах полиции округа поручать расследование убийства близкому родственнику жертвы. Не понимаю, почему шериф на это согласился.

— Для прикрытия своей задницы, я думаю,— вежливо сказал Паз.— Я знаю, вы очень заняты, и мы постараемся не отнимать у вас много времени.

— Соболезную вашей утрате,— сказал Рамирес, судя по тону не испытывавший ни малейшего сочувствия.

Паз наградил его взглядом, какой бросают на громко рыгающего пьяницу, и снова обратился к Финнегану:

— Мне потребуется пара часов, чтобы ознакомиться с этими материалами. Мне бы хотелось встретиться с вами обоими после того, как я закончу.

— Если мы будем свободны,— ответил Финнеган, после чего двое детективов полиции округа встали и вышли из комнаты. Рамирес, выходя, напевал «Эта старая черная магия».

— Ты еще не читал эти материалы, Тито?

— Нет, но Финнеган просветил меня по части того, что он нарыл.

— Но вообще-то в округе нас не любят, дескать, они такие профессионалы, а мы такие испорченные.

— Это я такой испорченный,— поправил Моралес.

— Моя ошибка. Почему бы тебе не воспользоваться ситуацией и не почитать? Уверен, тут полно всякого дерьма, о котором Финнеган и не заикнулся.

Оба они погрузились в чтение. Правда, Паз время от времени делал пометки в блокноте, а вот Моралес просто читал и, как показалось Пазу, не особо внимательно.

— Что скажешь? — спросил Паз, когда они оба закончили.

— Это согласуется с версией о том, что оба убийства —дело рук колумбийской банды.

— Все, что угодно, согласуется с любой теорией, если правильно подобрать улики. Но ради дискуссии предположим, что ты прав. Объясни тогда, при чем здесь ягуар?

Моралес пожал плечами и отмахнулся.

— Эй, мы же вообще ничего не знаем об этих людях. Может быть, это фирменный знак. Некоторые банды перерезают горло и вытягивают язык через разрез, некоторые банды отрезают парню пенис и засовывают ему в рот. Ну а фишка этой шайки в том, чтобы выпотрошить жертву, забрать часть внутренностей и представить дело так, чтобы убитый выглядел растерзанным ягуаром. Может, они называют себя бандой ягуаров или еще как. Вообще хрен их, колумбийцев, знает, что им может взбрести в голову.

— Вот оно что; значит, ты думаешь, будто никакого ягуара вообще не было?

— Не совсем. Следы, конечно, были, но их вполне могли нанести палкой с отпечатком лапы ягуара.

— И то же самое с отметинами от когтей.

— Правильно.

— И повреждения жертвам нанесены холодным оружием, какой-то разновидностью клинка.

— Это возможно, но...

— То же самое ты думаешь насчет прыжка на высоту пятнадцати футов в окно виллы Кальдерона, а потом, когда дело сделано, перемахивания через десятифутовый забор.

— Возможно, парень был профи, альпинист или кто-то в этом роде.

— Отлично, Тито. Значит, колумбийский альпинист, псевдоягуар, убийца, имея в своем распоряжении лишь какой-то клинок, запросто взбирается по голой пятнадцатифутовой стенке. Повиснув на ней, он открывает окно, расправляется с Кальдероном, который вооружен, поскольку ожидает нападения, заодно приканчивает колумбийского охранника, тоже вооруженного и даже успевшего пальнуть. Потом он смывается от целой оравы вооруженных охранников, причем ни один из них его даже не видит, ибо больше в ту ночь стрельбы там не было, хотя ребята такого типа склонны выпускать по целой обойме по куда меньшему поводу. Это даже больше того, что способен проделать обычный колумбийский ниндзя, альпинист, псевдоягуар и убийца. С другой стороны, мы про него знаем две важные вещи.

— Какие?

— Ну, первое — он оставляет отпечатки пальцев. Полиция округа обнаружила прекрасную их подборку за железными воротами заднего двора дома, куда дал деру этот малый. Они не совпадают ни с одними из тех, кого им удалось найти, но не это главное. Этот парень выигрывает кубок года, но забывает надеть перчатки. Такой вот он забывчивый и небрежный, наш колумбийский ниндзя, альпинист, псевдоягуар и убийца.

— Ладно, и какова твоя версия?

— Ты не собираешься спросить меня, что второе?

Моралес глубоко вздохнул.

— Ты знаешь, Джимми, до этого момента я не понимал, почему каждый долбаный детектив Департамента полиции Майами тебя на дух не переносит, но...

— Но теперь ты можешь примкнуть к коллективу,— холодно бросил Паз, но тут же вспомнил, что недавно провел свыше двух часов в отделе среди людей, с которыми работал бок о бок более десяти лет, и ни один из них не удостоил его не то что слова, но и дружеского кивка. Поэтому он добавил: —

Извини, Тито. Но эти двое субъектов подпортили мне настроение, и я сорвал досаду на тебе.

— Ладно, прощаю,— сказал Моралес.— Вот теперь я позволю себе вопрос простофили: что второе?

— В лаборатории полиции округа произвели анализ такого же отпечатка лапы, какой ты брал с места убийства Фуэнтеса, и по его глубине рассчитали вес того, кто его оставил. И получилось у них четыреста пятьдесят три с хвостиком фунта, ну конечно, плюс-минус фунт-другой. В твою версию о том, что там наследил кошачьими лапами какой-то парень, это не больно-то укладывается.

— Почему. Разве это не могли быть двое парней, вставших, скажем, на блюдо, или что-то в таком же роде?

— Ну да, конечно, пара парней. Пара долбаных, здоровенных парней, которых никто ни хрена не видел! Я так понимаю, они перебросили убийцу, этого забывчивого ниндзя-певдоягуара в окно и через забор, после чего сами попросту растворились.

— Ты хочешь сказать, что мы снова возвращаемся к дрессированному коту?

— Нет, я и сам сбит с толку.

Моралес вскинул глаза и перекрестился.

— Слава тебе господи! Оказывается, я не полный идиот.

— Черт! — выругался Паз.— Ненавижу это дерьмо!

— Какое?

— Это отдельный вопрос, Тито: я тебе расскажу, но только, чтобы все осталось между нами. Годится?

— Конечно. Валяй, выкладывай.

— Ладно, начнем с того, что месяц назад, близко по времени к убийству Фуэнтеса, но раньше, чем ты пришел ко мне, мне и Амелии начали почти каждую ночь сниться сны, в которых присутствовал огромный пятнистый кот. По моим догадкам, такого же рода сны преследуют и Лолу. Она, конечно, ни в чем таком не признается, но последнее время она не

в себе, не спит и глотает уйму таблеток. Кроме того, я отправился к матушкиному сантес, и он раскинул на Амелию ифа. Знаешь, что это такое?

— А то! Гадание в сантерии.

— Правильно. Так вот, он был расстроен результатом и сказал, что Амелии грозит опасность со стороны какого-то хищного животного вроде льва. Потом я дал ей мой енкангуэ, и у нее сны прекратились, но не у меня. Да и Лола, вероятно...

Паз прервался, некоторое время молча смотрел перед собой невидящим взглядом, а затем с силой ударил кулаком по столу.

— Проклятье! — воскликнул он и, схватив папку, начал листать ее, пока не нашел сделанное полицией округа описание таинственного индейца.— А ведь я видел этого парня! Мы с Амелией ездили на пляж — он подплыл к берегу на пластиковом ялике и разговаривал с ней. Он находился не более чем в десяти футах, а когда увидел меня, быстро погреб прочь.

Моралес воззрился на него с недоверием и кислой усмешкой.

— Джимми, какое отношение твоя дочь и ее сны могут иметь к двум убийствам и банде из Колумбии? Лихо! И мы собираемся заявиться и объяснить это Финнегану?

— Нет, забудь о Финнегане. Он-то нас дурит, это точно. Этот отчет не полон.

— Не полон?

— Нет. Они установили постоянное наблюдение за Гарсой и Ибанесом, верно? Ну и где результаты? Нет ни фотоснимков, ни записей телефонных переговоров. Это значит, они полагают, будто нашли что-то важное, и не собираются этим делиться с нами. По моему мнению, оба дома битком набиты подозрительного вида латиноамериканскими джентльменами.

— Но ты сам сказал, что это были не колумбийцы.

— Нет, я сказал, что убийства не были гангстерскими разборками. Боссы «Консуэлы» имели дело с какими-то ко-

лумбийскими бандитами, мне это сказала Виктория Кальдерон. Но эти бандиты пытались защитить кубинцев и к убийствам отношения не имеют. Идея же о том, что это дело рук конкурирующей банды, просто нелепа: это возвращает нас к нашему забывчивому ниндзя-псевдоягуару, которого быть не может. Нет, это связано с индейцем. А единственная наша ниточка к индейцу — это мистер Волосатик, к которому нас может привести эмблема на его футболке. Нам необходимо снова повидаться с этой секретаршей.

Они покинули офис шерифа, «намазав» тонкий слой дерьма на Финнегана и Рамиреса. Из машины Паз позвонил Виктории Кальдерон и выяснил, что офис «Консуэла Холдинг» временно закрыт. Мисс Туэро, секретарь, отправлена в отпуск до тех пор, пока оставшиеся в живых совладельцы не разберутся с ситуацией.

— Ну а как ты провел это время? — спросила Виктория после передачи этой информации вместе с номером телефона и домашним адресом женщины.

— Не без пользы. Покопался в полицейских файлах. Как ты и говорила, они думают на колумбийцев.

— А что об этом думаешь ты, Джимми?

— Это не колумбийцы. Во всяком случае, не только они. И это не телефонный разговор. Скажи лучше, как ты себя чувствуешь в роли большого босса?

— Я чувствовала бы себя гораздо лучше, будь у меня представление о том, что происходит на самом деле. Отец держал многое в своей голове, а чего не было в его голове, хранилось в голове Клементе.

— А это кто такой?..

— О, дядюшка Оскар, можно сказать, старый слуга нашей семьи. Я собираюсь избавиться от него, отправить его на покой, но он по-прежнему обращается со мной так, как когда лет в шесть тайком давал мне конфетки. Но это лирика, а вот

в бухгалтерских книгах нет никакого смысла. Деньги поступают и списываются, выписываются счета-фактуры на совершенно непонятные товары, о которых я даже не слышала, причем не мелочь какая-то: три подъемника для бревен по двадцать две тысячи штука и уйма прочих машин для рубки и транспортировки древесины.

— Вы занимаетесь лесным бизнесом?

— Так это выглядит, но насколько я знаю, ничем таким мы не занимаемся, во всяком случае официально. И еще приобретали уйму строительного оборудования, и все эти странные приобретения скрываются среди вполне объяснимых покупок. Как тебе, например, нравится, сверлильный агрегат?

— Это что, бормашина?

Она рассмеялась чуть более натянуто, чем того требовала ремарка.

— Боже мой, Джимми, как я рада, что нашла тебя! Понимаешь, мне ведь просто не с кем было поговорить о таких делах.

— О делах семейных, да?

— Можешь смеяться, но именно это я имела в виду. На кой черт мы за пятьдесят кусков купили машину для просверливания древесных стволов, а? Я хочу спросить, для каких таких надобностей нам этот инструмент? Больно уж много тут странного. Причем меня беспокоят не только весьма диковинные расходы, но и неизвестно откуда берущиеся поступления. И вообще, проходили очень крупные, я имею в виду семизначные, цифры, платежи без счета-фактуры, позволяющего понять, за что осуществляется оплата.

— Еще одна тема не для телефонного разговора,— сказал Паз.

Эльвира Туэро жила в скромном доме на две семьи на знакомой Пазу улице, в одном квартале от матушкиной иле. Они позвонили заранее, и она согласилась с ними встретиться, хотя, как показалось Пазу, немного неохотно. И голос ее, похоже, звучал испуганно.

Испуганной она и выглядела. Вообще-то мисс Туэро явно была большой модницей, со светлыми, до плеч, модно подстриженными и уложенными волосами, правильным овалом лица и аккуратно выщипанными бровями над большими темными глазами.

Одета она была в свободную белую рубашку, обтягивающие розовые брючки под тореадора и золотистые босоножки. Паз, однако, отметил, что ярко-красный маникюр и педикюр не мешало бы подправить и что под глазами у нее совсем уж неподобающие смазанные пятна. Она провела их в гостиную, усадила на темно-синюю бархатную кушетку, усевшись сама на кресло с такой же обивкой по другую сторону кофейного столика, под стеклом которого красовались подставки под пивные кружки из множества заведений.

— Не знаю даже, что я могу вам рассказать,— сказала она.— Все, что могла припомнить, я выложила полиции сразу после того, как умер мистер Фуэнтес.

— Да, конечно, но порой память нас подводит,— сказал Паз.— Бывает, позже мы вспоминаем то, что упустили сразу после события. Вот почему полиция по прошествии времени иногда проводит повторный допрос.

— Да, то же самое говорили и те ребята.

— Какие ребята?

— Да те двое, что наведались сюда позавчера. Сказали, будто они из охранной фирмы, работают на мистера Гарса. Интересовались теми людьми, которые побывали здесь за день до... ну, знаете... до происшествия.

— До убийства,— сказал Паз.— И что вы им сказали?

— Ну, один из них больше всего интересовался футболкой, которая была на белом парне, точнее логотипом на ней.

— И вы вспомнили, что это за логотип?

— Не совсем, но тут он стал задавать наводящие вопросы, и я действительно кое-что припомнила. Тем более, честно говоря, очень уж мне хотелось от него отделаться.

— О! Почему так?

— Жуткий был тип, вот что я скажу. Выглядел так, словно, если я сию же секунду не отвечу так, как надо, он сделает со мной, и с удовольствием сделает, что-то ужасное. Сел слишком близко и смотрел в упор так, словно я лгу. Это один из них, а другой задавал вопросы.

— Это были обычные американцы?

— Нет. Мы говорили по-испански, но они были и не кубинцы. Судя по акценту, откуда-то из Латинской Америки, но точно не из Аргентины — у меня был дружок из Буэнос-Айреса. И не из Мексики. Венесуэла, Колумбия — что-то в этом роде.

— Понимаю. И вы вспомнили этот логотип?

— Нет, как я говорила, парень сам знал этот логотип, он описал его мне и хотел только, чтобы я сказала, видела ли его в тот день в офисе. А логотип такой: на черной футболке нарисован большущий глобус мраморно-голубого цвета, ну, вроде как Земля, вид из космоса. Вокруг него своего рода зубья, как у шестеренки часов, но зеленые. На глобусе три белые буквы и какая-то надпись под ним. Но он не знал, что эти буквы значат, и я тоже. Надеюсь, это последний раз, когда я об этом рассказываю.

— Уверен, так оно и будет,— с готовностью заявил Паз.— Большое спасибо, что уделили нам время.

— И я надеюсь на это, ибо меня не будет в городе. Собираюсь пожить некоторое время у сестры в Веро-Бич. Не хочу больше иметь к этому делу никакого отношения. Эти парни — как вспомню, оторопь берет.

— Ну и какой ты делаешь из этого вывод, señor? — спросил Паз, когда они снова оказались в машине.

— Наши колумбийцы заняты тем же, что и мы.

— Не совсем так. Они вышли на этот логотип другим путем, и, возможно, их источник напрямую связан с убийствами. Они хотят остановить того, кем бы он ни был, кто стоит за этими действиями «ягуара», и, естественно, предполагают, что организация, направившая тех ребят к Фуэнтесу, имеет отношение к убийству его и Кальдерона. И берутся за эту версию основательно: видимо, у них есть информация, какой мы не располагаем. Кроме того, и это строго между нами, я выяснил у своей единокровной сестрицы: похоже, строительный бизнес нашего покойного папочки служил прачечной для отмывания деньжат этой шайки.

— Ну, все сходится,— заявил Моралес.— Эти ребята вздумали мошенничать, скрывая доходы, и колумбийцы их наказали.

Паз яростно затряс головой:

— Да нет же, Тото, будь внимательнее к тому, что я говорю. Это очень важно. Колумбийцы, конечно, при делах, но к тем двум убийствам отношения не имеют. Оба убийства совершил индеец. И колумбийцы пытаются накрыть индейца.

— Откуда ты можешь это знать?

— Я и не знаю, Тито. Это моя рабочая гипотеза. Подсказана чутьем, тем самым, из-за которого меня и захотели вовлечь в это дело. Индеец имеет отношение к тайне, а колумбийские бандиты — нет. Полагаю, они удивлены и растеряны не меньше, чем Финнеган.

— Джимми, дай хоть передохнуть, а? То ты отметаешь к чертям мою славную версию с убийцей ниндзя, то вдруг заявляешь, будто всю эту резню учинил стриженный под горшок малыш. Интересно, как ты себе это представляешь? Нука скажи.

— Могу, конечно, но ведь ты скажешь, что это бред.

— Один черт, выкладывай.

— Пожалуйста. Наш малыш умеет превращаться в четырехсотфунтового ягуара, а потом возвращаться в прежнее обличье.

Моралес воззрился на Паза, громко загоготал и вытаращился снова, увидев, что сам Паз вовсе не смеется; он заметил в его взгляде что-то особенное, такое, чего раньше не видел. Что-то очень тревожащее.

— Бред! — отрезал он.

— Правда? — рассмеялся Паз.— Я же говорил, ты так и скажешь. Ладно, расслабься, я просто пошутил. Но это проняло тебя на секунду, а?

— Черт тебя побери, Паз! — буркнул Моралес.— Какого хрена эти плохие парни охотятся за индейцем? И как долбаный индеец мог совершить эти убийства? Или это тоже была шутка?

— Я не знаю, как ему это удается, Тито, но как-то удается, и такое бывает. Мне самому собственными глазами довелось видеть, как один малый, получивший особую подготовку, ушел от целого отряда спецназа, выбрался из запертой полицейской машины, в которой сидели два опытных полисмена — я был одним из них. Индеец может оказаться как раз из такого рода ребят. Доходит до тебя, что я тебе говорю?

— С трудом. Все это весьма туманно.

— Просто имей это в виду. Рано или поздно правда сама вылезет наружу, но нам-то ждать некогда, действовать надо прямо сейчас. Тебе надо отправиться в Общество охраны окружающей среды штата Флорида и выяснить, какая из местных групп использует такой логотип. И вообще все, что можно о них узнать: состав, основные направления деятельности, местоположение. Да, и забрось меня к матушке, мне нужно с ней повидаться.

— Предполагается, что мы действуем вместе, Джимми.

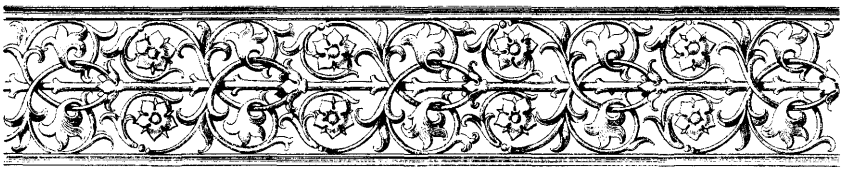
— Ага, но я ведь не куда-нибудь направляюсь, а к матери,— ответил Паз.— В какие еще неприятности могу я влип-

нуть? Слушай, Тито, нам приходится играть в догонялки. Эти головорезы могут уничтожить всю организацию, и тогда мы уже никогда не найдем индейца.

Ворча, Моралес завел машину и двинулся по направлению к Восьмой улице к ресторану.

— Они тоже могли добраться до индейца,— сказал он.— И тогда нам всем останется только отправиться по домам.

— Я так не думаю, приятель,— отозвался Паз.— Сдается мне, добраться до этого индейца не так-то просто что им, что нам. И как раз об этом я и собираюсь поговорить со своей матушкой.



18

В воскресенье вечером Найджел Кукси сообщил Руперту Зингеру о том, что в городе находятся гангстеры из Колумбии, проявляющие интерес к альянсу «Лесная планета». В понедельник после полудня Руперт уже отбыл в Бутан, на важную конференцию по проблеме горных лесов этой страны, прихватив с собой Луну Эренхафт и оставив Скотти приглядывать за усадьбой, а Кукси по доверенности вести дела от его имени.

— Черт возьми, быстро же он все обделал и смылся, как ты и говорил,— заметила Дженни, стоя у ворот La Casita и провожая взглядом уносившийся к аэропорту лимузин.— И Луну прихватил, надо же!

— О, Руперту без сопровождения никак,—сказал Кукси.— А Луна при всей ее браваде по части чувства самосохранения почти не уступает самому Руперту.

— Обалдеть! Бедный Скотти, вот кто, наверное, хандрит.

— Да, но хандра всегда была неотъемлемым элементом его манеры поведения. Думаю, это утомляло Луну. Тем более у нее что-то вроде природной тяги к первоклассным самцам.

Он закрыл ворота и задвинул запор.

— Знаешь, он и меня приглашал поехать.

— Правда? И что же ты не поехал?

— Да вот, предпочел остаться. Конечно, Бутан — это волшебная страна, и все такое, но я чувствовал себя обязанным остаться со своими коллекциями... и вообще. К тому же не скажу, чтобы меня так уж пугали эти гангстеры.

— Ты правда веришь, будто они могут заявиться сюда?

— Видишь ли, по существу, они уже заявились.

Дженни непроизвольно огляделась по сторонам.

— Не понимаю: в каком это смысле «заявились»?

— Ну, как тебе должно быть известно, «башня» Руперта — это единственное место, откуда поверх всей нашей растительности видна дорога. Так вот, когда вчера вечером мы с ним толковали о том о сем, я заметил большой черный фургон, кативший очень медленно, куда медленнее, чем обычно ездят в такое время по практически пустой дороге. Он проехал мимо усадьбы и ненадолго остановился, но, нам на счастье, обочина на Ингрэм недостаточно широка, чтобы такую машину можно было припарковать прямо напротив нас, по ту сторону улицы. Однако спустя примерно час фургон вернулся снова, и сейчас он стоит прямо за поворотом.

— Так нам, наверное, надо позвонить в полицию?

— Не думаю. В конце концов, ну что мы им скажем? Что нелегально находящийся в стране индеец из джунглей, подозреваемый в совершении двух убийств и контактирующий со сверхъестественными силами, ощутил угрозу, исходящую от группы лиц, невинно припарковавшихся у обочины общественной дороги? Нет, насколько я понимаю, в сложившихся обстоятельствах нам лучше рассчитывать только на себя. Однако, полагаю, они вряд ли предпримут какие-нибудь акции до наступления темноты. Таким образом, время на подготовку к встрече у нас еще есть, и кое-какие возможности для этого тоже имеются.

Они вернулись в комнаты Кукси. Дженни, чувствовавшая себя совершенно выбитой из колеи таким развитием событий, молча удивлялась тому, почему Кукси выглядит таким воодушевленным, чуть ли не веселым. Потом она кое-что вспомнила.

— Ой, господи, совсем забыла позвонить Джели Варгос. Они могут явиться за ней.

— Уверен, мисс Варгос знает об этом куда больше, чем мы.

— Почему это она «знает больше»?

— Да потому, что твоя подруга — родная внучка Фелипе Ибанеса, одного из ведущих партнеров «Консуэла Холдинг». Руперт сказал мне об этом вчера вечером.

— Не врубаюсь. Она что, шпионила за нами?

— Не совсем так. Руперт полагает, ею двигало своего рода чувство вины, и я думаю, ему виднее, по этой части он дока. Богатые люди, росшие в богатстве, проистекающем из тех или иных форм эксплуатации, частенько ощущают потребность как бы возместить нанесенный другим урон и обрести самоуважение, занимаясь добрыми делами. Руперт в свое время возглавлял отдел связей с общественностью крупной нефтяной компании, и Джели Варгос, кажется, испытывает похожие чувства, она как бы искупает грехи семейной компании.

— Так она на нашей стороне?

— Можно сказать и так. Уверен, она по-прежнему желает нам добра, однако сейчас, когда возникла реальная угроза, я очень сомневаюсь, чтобы ей пришло в голову помогать нам. Особенно в ущерб своей семье. Так считает Руперт.

— Он что, знал об этом все время?

— О да. Он был весьма расстроен, когда мы узнали от нашего маленького друга о планах компании «Консуэла» насчет Паксто. Джели пожертвовала на организацию уйму денег, ты в курсе?

— Но ведь целью всех нас было спасать дождевые леса! — воскликнула Дженни.— Как он мог брать деньги, полученные за их вырубку?

— Об этом стоило бы спросить Руперта, и я уверен, ты получила бы отличный, скользкий и уклончивый, ответ. Но так или иначе, времени у нас нет, и нам нужно подготовить усадьбу к отражению вражеского вторжения.

— А как отражать будем? Закидаем гадов грейпфрутами?

— Не совсем. У Скотти есть дробовик и полная коробка патронов. И я думаю, для любого, кто попробует сюда пробраться, мы сумеем подготовить несколько славных сюрпризов. Мы со Скотти будем у него в мастерской, можешь к нам присоединиться.

— Обязательно, только сначала расскажу обо всем этом Кевину,— сказала Дженни и поспешила прочь.

Кевин лежал на кровати в наушниках и, судя по висевшему в воздухе едкому запаху, плевать хотел на все распоряжения Руперта насчет запрета на наркотики. Чтобы привлечь его внимание, Дженни выдернула шнур и, выслушав его обычное в таких случаях ворчание, изложила свою историю, которую он нашел весьма забавной и не преминул упомянуть о том, что уж он-то насчет этой кубинской сучки был прав, не то что некоторые. Она дала ему выговориться, после чего рассказала о планах Кукси и ружье Скотти. Он опять рассмеялся и сказал:

— Подумаешь, великое дело. У меня тоже есть пушка.

— Кончай загибать.

Однако тут Кевин сумел ее удивить — он запустил руку под матрас, выудил оттуда здоровенный вороненый полуавтоматический пистолет и принялся размахивать им у нее перед носом.

— А это, по-твоему, что за хрень? Долбаная брошюрка?

— Где ты его взял? И не маши, ради бога, им так, это же оружие!

— Где я взял, это не важно — провернул, черт возьми, одно маленькое дельце. Но зато теперь меня ждет кое-что поважнее — настоящее дело.

Он спрыгнул с кровати и принялся принимать картинные позы с пистолетом в руках, подражая героям кино.

Глядя на его ужимки, Дженни, выросшая среди оружия и перепробовавшая все его виды, мимолетно отметила: Кевин, судя по всему, до сих пор пистолета в руках не держал и наверняка не умеет с ним обращаться.

— Что ты имеешь в виду под «настоящим делом»?

— Об этом ты прочтешь в газетах. Ох, виноват, забыл. Ты ведь у нас безграмотная, газет не читаешь.

Дженни пропустила это мимо ушей: газет она действительно не читала, но за последнее время ее грамотность заметно улучшилась.

— Кевин, что за дерьмо у тебя в башке? Ты хоть когда-нибудь пользовался такой железякой?

— Представь себе. И пользовался, и еще воспользуюсь. В частности, эта штуковина может мне пригодиться нынче же ночью. Я собираюсь свалить отсюда и не намерен выслушивать твои кретинские замечания.

— Куда свалить, Кевин? Что ты собираешься делать с этой пушкой?

Он усмехнулся и засунул пистолет за пояс своих обрезанных джинсов.

— Дисциплинированный революционер никогда не обсуждает предстоящие операции с посторонними.

— Может быть, он и не курит без конца дурь, а? Это какая-то идиотская затея этого козла Кирни, верно?

— Никакой он не козел, и Кирни его не настоящее имя.

— Кевин, мне плевать, как там его зовут. Он псих. И кроме того, ты разве не помнишь, что говорил Кукси: усадьбу караулит шайка гангстеров.

— Пошел он на хрен, твой Кукси, и ты с ним вместе! Я еду!

С уст Дженни уже были готовы сорваться словечки куда покрепче увещеваний, когда до нее вдруг дошло, что она Кевину не мать, но что сцены, подобные этой, наверняка неоднократно разыгрывались, когда он жил дома. И ничем хорошим это не кончалось. Не сказав больше ни слова, девушка вышла из домика и направилась в крытый жестью сарай, туда, где Скотти устроил свою мастерскую.

На полпути туда она остановилась, повернулась кругом и пошла назад, на парковочную площадку. Она открыла капот

«фольксвагена» и ловко вынула и спрятала в карман ротор распределителя зажигания. Проходя мимо пруда, Дженни заметила, что вся его поверхность усыпана опавшими листьями. Скотти в последнее время их не убирал, в связи с чем ей вспомнилось, что и Руперт не кормил требухой своих пираний. Она задержалась, чтобы бросить в воду щедрую пригоршню рыбьего корма из стоявшей на берегу жестянки и посмотреть, как вокруг угощения мигом забурлила вода. А вот пираньям придется подождать.

Дженни вдруг обнаружила, что ей без разницы, если эти кусачие злюки помрут с голоду, хотя с экологической точки зрения подобная мысль была явно порочной.

В мастерской девушка увидела Скотти, разрезавшего двухдюймовую водопроводную трубу на короткие трубки, в то время как Кукси смешивал в тазике какую-то розоватого цвета пахучую маслянистую субстанцию.

Она потянула носом, сморщилась и спросила:

— Что это такое?

— Что-то вроде напалма. Смесь мыльной стружки с бензином да немножко солярки. Хочешь помочь?

Она согласилась, и ей поручили распатронивать гильзы от дробовика двенадцатого калибра, ссыпая порох и дробь отдельно. Сам Кукси разлил свою смесь по бутылочкам и заткнул их тряпицами.

Затем он начал мастерить какие-то мелкие устройства, используя пружины от газонокосилки, эпоксидную смолу, полоски листового металла и маленькие гвоздики. Дженни, успевшая закончить с гильзами, залюбовалась его работой. По тому, как ловко и уверенно управлялись с деталями его длинные загорелые пальцы, было ясно, что такая работа ему не в диковину.

— А что это такое? — спросила она.

— Мины-ловушки,— ответил профессор.— Скотти, у тебя есть готовые трубки?

Скотти без лишних комментариев вручил ему цилиндр с отвинчивающейся крышкой, в центре которой было просверлено тонкое отверстие.

Кукси отвинтил крышку, вставил в отверстие в качестве взрывателя гильзу с капсюлем от дробовика, посадив ее на моментально схватывающийся эпоксидный клей, и, используя тот же клей, прикрепил сбоку от трубки одно из своих пружинных устройств. После чего вернул крышку на место, зажал трубку в настольных тисках, прикрепил к устройству длинный отрезок проволоки и вручил Дженни свободный конец.

— Отойди на всю длину и потяни,— распорядился он.

Она потянула, захват щелкнул, и гвоздь с относительно негромким звуком ударил через отверстие по запалу, как ружейный боек.

— Замечательно! — восхитился профессор.— Я смотрю, это как езда на велосипеде.

— Где это, интересно, учат мастерить такие штуковины? — осведомилась девушка.

— Ну, в юности я поступил в Королевскую морскую пехоту, замечу, вопреки строжайшим возражениям матушки. И закончил в Особой шлюпочной службе.

— Там что, плавают на лодках?

— Не без того, но это высший уровень подготовки. Там много чему учат, в том числе и иметь дело с такими игрушками. Вот как я сейчас буду учить тебя.

Маргарита Паз жила в кондоминиуме возле парка Марти, в довольно старом для Майами здании, населенном преимущественно респектабельными немолодыми кубинцами. В свое время она владела домом по соседству с рестораном, но несколько лет назад продала его и переехала сюда. У нее уже не было надежды на то, что Паз обзаведется многочисленным потомством, а зачем нужен большой дом, если ясно, что он никогда не будет полон внучат?

Свои апартаменты на верхнем этаже, откуда открывался прекрасный вид на парк, ей пришлось покупать за наличные, ибо ни одна кредитная ассоциация в Майами ссуды чернокожей женщине не давала. Наличными в буквальном смысле: она присмотрела адрес, удостоверилась по телефону (по-испански), что он еще продается, и, не прошло и часу, явилась в риелторское агентство с чемоданчиком, набитым аккуратными тугими пачками — по сотне — стодолларовых банкнот — всего тридцать одна пачка.

Белый кубинец, сидящий за письменным столом, побелел еще больше; впечатление было такое, будто над его головой, как в комиксе, появился пузырь с надписью «Narcolista». Бумаги были подписаны незамедлительно.

Паз направил Моралеса на маленькую парковочную площадку, отметил, что принадлежащий его матушке Coupe de Ville* на месте, попрощался со своим спутником-надзирателем и позвонил во входную дверь. Ответа не последовало. Он воспользовался своим ключом, а у дверей ее апартаментов позвонил снова, с тем же результатом, и после недолгого ожидания зашел в маленькое фойе.

— Mamí,— окликнул Паз,— это я.

Тишина. Он забеспокоился.

В фойе на маленькой деревянной подставке стояла одетая, в половину человеческого роста, статуя темнокожей женщины, державшей на руках более светлого ребенка. На голове женщины красовался искусно сработанный серебряный венец, из-за спины расходились посеребренные металлические лучи, а одеяние из синей парчи было расшито серебряными узорами в виде раковин, рыб и прочих обитателей моря.

Она подраила ногами гипсовое море, из волн которого торчал миниатюрный стальной якорь. Когда Паз был мальчиком, этот образ был представлен дешевой плакеткой в рамке,

---

* Coupe de Ville *(фр.)* — автомобиль с кузовом типа купе-кабриолет.

потом его сменила статуэтка подороже, затем еще более изысканная, и наконец появилась эта — возможно, самое лучшее из существующих изваяний La Virgen de Regla, ака Йемайа, ориша материнства.

Сантерия. Мальчиком он думал, что это изображение матушки и его самого.

Основу убранства гостиной, в которую он сейчас вошел, составляли бледно-розовый бархат и красное дерево. Все солидное и дорогое. Высокая ширма, длинная кушетка, кресла, кофейный столик с инкрустацией из светлых пород дерева.

На прикроватном столике горел ночник, а миссис Паз, в цветастом голубом халате, лежала на кушетке, словно мертвая, уронив на пол одну руку и одну ногу. Из ее руки выпал номер «People en Español», на одном ухе болтались зацепившиеся дужкой очки. Во сне она похрапывала и присвистывала.

Хотя Паз и прожил с ней восемнадцать лет, он не часто видел свою мать спящей. В его сознании она всегда была бодрствующей и деятельной, побуждающей к действию его, полной яростной, щедро растрачиваемой энергии. И вот он видел перед собой последствия этой расточительности — полное изнеможение. На него накатила волна нежности и сострадания, и он подумывал уже о том, не стоит ли тихонько, на цыпочках, уйти и оставить бедную женщину в покое, когда она неожиданно проснулась.

Мгновенная, словно молния, вспышка страха промелькнула на ее лице, когда она осознала, что не одна, но стоило ей понять, кто к ней пришел, как на лицо вернулась привычная, суровая маска.

— Ну что? — спросила она, мигом убрав очки и сев на постели.

— Что ты имеешь в виду под «что»? Я твой сын, навещаю тебя в выходной день.

— Амелию привез?

— Нет, она в школе. Послушай, мама, я пришел, потому что мне нужна твоя помощь.

— Деньги?

— Нет, с деньгами все в порядке. Тут речь о делах духовных.

Она на некоторое время задумалась, затем потерла лоб над бровями.

— Сварю-ка я кофе,— сказала она и удалилась на кухню.

Они уселись за старый, исцарапанный стол, который он помнил со времен бедности, и за чашкой горького варева он рассказал ей о снах, своих и Амелии, о пятнистом звере, о том, что, по его мнению, происходит с его женой. И о том, как отдал девочке свой амулет, енкангуэ, полученный от нее много лет назад.

— Это было неразумно,— сказала, выслушав его, мать.— Енкангуэ делается для одного, определенного человека.

— Знаю, но она была напугана, и как бы то ни было, но это, похоже, сработало. С тех пор как я дал ей амулет, кошмары прекратились.

— Тебе следовало бы прийти ко мне.

— Ну вот я пришел к тебе, mamí. Мне нужен набор для всей семьи. Понимаешь, тут и эти сны, и это пророчество, которое получила Амелия, и смерть, которую принял мой... Кальдерон: там тоже не обошлось без огромного кота.

— Твой отец,— уточнила она.

— Ну, честно говоря, я не могу думать о нем как об отце. Я имею в виду, сам-то он всю жизнь считал нас за мусор.

— Тебя — да. Но не меня.

— Что ты имеешь в виду? Я думал, ну... когда тебе нужны были деньги на наше первое заведение, он воспользовался этим...

Она вперила в него гневный взгляд.

— Вот, значит, какого ты обо мне мнения, сынок. Считаешь свою мать шлюхой, которую купили, дав ей денег, чтобы завести торговлю?

Паз почувствовал, как к его щекам приливает кровь, однако взгляд ее выдержал.

— У тебя не было выбора,— сказал он.

— Ты ничего об этом не знаешь.

— Ну так расскажи мне, бога ради!

Она отпила глоток кофе.

— О, наконец он спрашивает, по прошествии лет этак тридцати. Ладно, раз спрашиваешь. Хуан Кальдерон любил меня, и я любила его. Он был плохим человеком и любил на манер плохих людей, не так, как ты, но тем не менее это была любовь. Он все время хотел меня, и я хотела его. Разумеется, у этого чувства не могло быть будущего, но наша связь продолжалась семь месяцев. Понимаешь, для Кубы того времени это было обычным явлением: богатый белый молодой человек заводит себе темнокожую любовницу и практикуется в любовном искусстве, пока не женится на подходящей белой девушке, которую присмотрят ему родители. Так я оказалась беременной, и ты, сынок, не должен думать, будто был зачат не в любви, нет, ты был зачат в любви, хоть и с дурным человеком. Когда он узнал об этом, то попытался отослать меня в Пуэрто-Рико, чтобы я убила тебя, но я отказалась, и тогда он сказал, дескать, ладно, он поселит нас в маленькой квартирке, чтобы я была под рукой. Так это делается или делалось там, откуда мы с ним оба родом: несколько лет ты проводишь в спокойствии и достатке, тебя балуют подарками, но потом на твое место находится другая молоденькая девушка, а тебе приходится идти куда-нибудь в услужение и самой заботиться о своем маленьком cabrón. Но я сказала «нет», я сказала, что хочу получить заем и начать свой бизнес, и мы ругались, ибо ему всегда хотелось держать меня под контролем. Но под конец я победила: он дал мне денег и сказал, что мы с ним больше никогда не увидимся, и, если я или ты с чем-нибудь к нему сунемся, он устроит так, что нам обоим не поздоровится. Я не рассказывала тебе о нем, старалась, чтобы ты о нем

и не думал, но судьба все равно вас свела. Santos сделали это частью твоей жизни, и это еще одна причина, по которой я не воспитывала тебя в духе сантерии. Я хотела, чтобы ты рос американским мальчиком, думая, что мои молитвы, обращенные к santos, смогут защитить тебя, а твоя собственная жизнь будет иной. Что ты сможешь избежать всей этой... тьмы. Но ифа протянули нить твоей жизни вовсе не в том направлении, в котором хотелось мне. И ты тоже знаешь это, потому ты и согласился бросить раковины на мою внучку и потому ты сейчас пришел сюда, хотя всю жизнь считал это чепухой.

— Я по-прежнему не уверен, что готов принять все это...— начал он, но она прервала его взмахом руки.

— Да-да, но ты веришь в своем сердце, потому что ориша явили тебе то, чего никогда не видела даже я.

Она допила кофе до осадка и по привычке повертела гущу в чашке. Иногда гадание на кофейной гуще вроде бы что-то открывало, но явно не в этом случае.

— Я оденусь, и мы поедем к Джулии, в магазин «Ботаника».

Паз остался сидеть, ошеломленный, словно его треснули по башке. В дверях она помедлила и добавила:

— Я прошу прощения, Йаго. Я была не права: пыталась сама контролировать ход событий, вместо того чтобы положиться на santos. Но ты ведь знаешь, такова уж я есть. Упрямая как мул.

Паз попытался припомнить, когда это его матушка хоть за что-то извинялась, но не смог. Это внушало почти такое же беспокойство, как и все, что открылось о его отце.

Не имевшая названия лавка втиснулась между аптекой и обувной мастерской на узкой полосе Уэст-Флаггер, неподалеку от актового зала округа. Весь фасад в двадцать два фута шириной занимала пыльная витрина, на которой золочеными буквами было написано: «БОТАНИКА».

За стеклом, словно люди, ожидающие автобус на Небеса, выстроились в ряд гипсовые статуэтки темнокожих santos:

святой Лазарь, он же Бабалуайе, вестник илли; Дева Каридад, она же Ошун, Венера чернокожих кубинцев; святой Петр, он же Огун, владыка стали и гнева; святой Антоний Падуанский, он же Елеггуа, обманщик, страж тайных путей, и Йемайя, шествующая по волнам. Сверху болтался слабо натянутый шнур, с которого свисали целлофановые пакеты с травами и порошками.

Внутри было сумрачно, пыльно, в воздухе висел густой, сладковатый запах. К прилавку в глубине помещения можно было добраться лишь по узкому проходу, поскольку оно было загромождено всякой всячиной: клетями, ящиками, корзинами, статуями и стеллажами, заваленными разнообразной религиозной утварью. В основном нанизанными на шнурки раковинами каури, ритуальным жестяным оружием, веерами, заключенными в рамки с изображениями святых, баночками с очищающей водой, стеклянными сосудами с сушеными листьями, распятиями, рулонами плотной ткани для пошива ритуальных костюмов, сонниками и сапера — ковчегами для хранения реликвий разнообразной формы и вместимости. Тут же громоздились бетонные конусы, в каждом из которых было вделано по три раковины каури, чтобы обозначить грубое подобие лика — символ Елеггуа.

Женщине за прилавком, по прикидкам Паза, явно минуло семьдесят: ее темное, морщинистое лицо поблескивало, как старое, потертое седло. Увидев, кто пожаловал, она улыбнулась, продемонстрировав все четыре оставшихся зуба, отложила газету и выплыла из угла им навстречу — поприветствовать гостей. Миссис Паз удостоилась теплых объятий, ее сын тоже, хотя и более формальных. От женщины исходил какой-то пряный, мускусный запах.

Расставили стулья, стряхнули пыль, расселись, и начался разговор, касавшийся по большей части деятельности различных конгрегаций сантерии в Майами. Большая часть тех, кто в нем упоминался, была Пазу не знакома: он узнавал в

основном имена обитателей мира духов, о которых так или иначе слышал. Он внимал всему этому молча и чувствуя себя дурак дураком, как мальчишка, слушающий профессиональный разговор взрослых. Ему оставалось лишь порадоваться тому, что общительности от него вроде бы никто не требовал: трудно быть расположенным к болтовне, когда рушатся основы, на которых ты долгие годы выстраивал всю свою жизнь.

Потом последовала непродолжительная пауза, и миссис Паз, подтолкнув его, сказала:

— Передай Джулии, что у тебя есть от Лолы и Амелии.

Паз не упоминал матери о наличии у него таких образчиков, но она, разумеется, знала, что он знал: изготовить енкангуэ без них невозможно. Паз передал конверты Джулии, та подала какой-то знак его матери, и обе женщины удалились в заднюю комнату.

Оттуда донеслось бормотание, причем не только на испанском языке. Паз перестал подслушивать и занялся рассматриванием сонников.

Все было расположено в удобном алфавитном порядке, по тематике. Если вам снился судья, это означало победу над врагами, а заодно удачные номера 28, 50 и 70 в bolita, традиционной кубинской лотерее. Он поискал слово «ягуар», но ни в одном соннике ничего подходящего не нашел, а когда это ему наскучило, стал осматривать помещение. Значение многих предметов было ему известно, но попадались и такие, о которых он ничего не знал.

Там была корзина игрушечных инструментов из жести, несколько луков с колчанами и стрелами и маленькие фигурки животных с вонзенными в них стрелами. Паз взял лук и натянул его. К его удивлению, это был настоящий, тугой лук, сделанный из какого-то темного, гладкого дерева. Ну не смешно ли, пришло ему в голову, присоединяться к тем несчастным, невежественным людишкам, которые надеются изменить свою судьбу с помощью подобного жалкого мусора? Что он вообще здесь делает?

Паз бросил лук обратно, где взял, и уже раздраженно посмотрел на часы.

Два тридцать пять, а к трем ему нужно подъехать к школе, за Амелией. Конечно, можно немножко задержаться, но тогда придется выслушать от Безупречной мисс Милликен нотацию о том, что родители должны служить для детей примером ответственности и пунктуальности. Ну что, сказать ей: «Прошу прощения, мисс Милликен, мою семью постигло проклятие, и мне пришлось раздобыть снадобье против заклятий»?

И она тут же бросится звонить в Службу защиты детей. Или матери — последняя мысль заставила его вспомнить о том, что Лола по понедельникам освобождается рано. Надо позвонить ей, рассказать кое-что о деле об убийстве. Не про следы, конечно; он терпеть не мог врать, но в данном случае промолчать было необходимо. В тысячу раз лучше попытаться объяснить все это мисс Милликен, чем Лоле.

Он достал свой сотовый и нажал кнопку быстрого доступа. Но в приемном покое госпиталя ответили, что доктор Уайз заболела и отправилась домой.

— Что с ней?

Дежурная сказала, что не знает, но Паз уловил в ее голосе какое-то замешательство.

— Что-нибудь серьезное? Это ее муж.

— Прошу прощения, мистер Уайз, у меня нет информации на сей счет.

Он прервал соединение и набрал свой домашний номер. После пяти гудков голосок Амелии произнес, что сейчас, к сожалению, никого нет дома, поэтому, если вас не затруднит, оставьте сообщение...

Он позвонил снова, с тем же результатом, затем набрал номер мобильного Лолы, который, он знал это, был у нее, как одна из грудей, всегда при ней и всегда в готовности. Автоответчик предложил оставить сообщение. В состоянии, близ-

ком к панике, он обогнул стойку и заглянул в заднее помещение. Две женщины, стоявшие у стола, при его появлении подняли на него глаза. Паз объяснил ситуацию. Женщины обменялись взглядами, которые нельзя было прочесть.

— Мы почти закончили,— сказала его мать.— Иди и подожди. Скоро поедем в школу.

Не сказав ни слова, Паз вышел, позвонил Тито Моралесу и опять нарвался на автоответчик. Похоже, сегодня никто не хотел с ним разговаривать, и он уже собирался вызвать такси, когда появились миссис Паз и Джулия. Первая несла маленький коричневый бумажный пакет.

— Мы можем ехать,— сказала она.— Все будет хорошо.

— Давай я поведу,— предложил он. И погнал с головокружительной скоростью.

Амелия сидела высоко на дереве, хотя мисс Милликен категорически запретила залезать выше, чем она, мисс Милликен, может дотянуться с земли. Вообще-то Эйми послушная девочка, но тут случай особый, на который, ну, как на то, что происходит во сне, обычные запреты не действуют. Как только она добирается до гамака, Мойе продолжает свою историю с того места, на котором прервался, словно она отсутствовала не больше минуты.

— Итак, когда Дождю стало ясно, что Кайман того и гляди пожрет весь мир, произошло сочетание Дождя с Небом, и от этого союза родился Ягуар. «Ягуар — сказали ему родители,— отныне ты вождь всех животных. Ты должен остановить Каймана, пока он не пожрал весь мир, сотворенный нами, твоими родителями». Выслушав это, Ягуар напал на Каймана, и они дрались столько лет, сколько пальцев на руках. Но Кайман был слишком силен. Своим могучим хвостом Кайман подбросил Ягуара в воздух так высоко, что он долетел до самой луны и ударился о нее. Потом Ягуар снова упал на землю, на голое каменистое поле, где не было никакой еды.

Он голодал. Затем явилась хнинкса и сказала ему: «Ягуар, съешь меня. Я сделаю тебя таким сильным, что ты победишь Каймана и он не сможет пожрать целый мир». И тогда Ягуар съел хнинкса.

— А кто это, хнинкса?

— Никому не ведомо,— отвечает Мойе,— таких животных больше не существует. Но с тех пор мы называем так маленьких девочек, которых отдаем Ягуару, чтобы Кайман не вернулся и снова не пожрал мир. Так вот, съев хнинкса, Ягуар исполнился такой силы, что поразил Каймана. Он обломал его длинные лапы, чтобы тот не смог уползать далеко от Реки, оторвал половину его хвоста и сотворил из него рыб. «Кайман,— сказал он,— ты не будешь больше бегать по суше, а только ползать, а едой твоей отныне станут рыбы, которых я создал из твоего хвоста». И Кайман нырнул в воду. Но его дух вылетел в мир и обернулся демонами. Их было великое множество. Эти демоны живы и сейчас и до сих пор желают пожрать мир. Тогда Ягуар подумал: я сотворю Первого Человека, чтобы он и его народ помогали мне управлять животными, и, если Кайман снова нападет на меня, у меня будут сильные союзники. Так он и сделал. А теперь, по прошествии стольких лет, сколько листьев в лесу, демоны Каймана воплотились в уай'ичуранан и снова пытаются пожрать мир. Итак, Ягуар призвал меня и сказал: «Мойе, отправляйся в Майами-Америка, чтобы я смог сразиться с Кайманом, как сражался в давние времена». И я собрался в путь. А еще Ягуар сказал: «Я пошлю тебе хнинкса из уай'ичуранан, и ты скормишь ее мне, и я обрету силу, чтобы поразить демонов уай'ичуранан». Вот почему я здесь, на этом дереве.

— И что, Ягуар послал тебе эту маленькую девочку?

— Да.

— Это кто?

— Это ты,— отвечает Мойе и улыбается, показывая ей заостренные зубы.

Амелия таращит глаза, потом хихикает.

— Хорошая история,— говорит она.— А хочешь, я тебе тоже расскажу?

— Да, хочу.

Но прежде чем она успевает добраться до середины «Русалочки», ее окликают снизу. Амелия слышит голоса мисс Милликен и своего отца.

— Ой, мне надо идти,— говорит она.

— Погоди,— говорит Мойе и окунает палец в маленький глиняный горшочек, а потом прижимает подушечку пальца к ее шее, оставляя пятнышко мази.

Она быстро, с ветки на ветку, спускается вниз и, как перезревший плод манго, падает прямо в руки своему отцу.

После этого ей приходится выслушать строгое поучение учительницы, которое поддерживает и папа. Лазить по деревьям опасно! Может быть, она хочет, чтобы мисс Милликен держала ее взаперти, в то время когда остальные дети будут играть?

Она, конечно, не хочет. Ну, тогда ладно.

Когда отец с дочкой идут прочь, Паз спрашивает:

— Детка, что ты делала там, наверху?

— Ничего. Ела «Фритос» и смотрела на жучков. А у тебя, когда ты был маленьким, был воображаемый друг?

— Наверное. Я уже не помню.

— Наверное — это очень по-детски. У меня есть друг, которого зовут Мойе: он наполовину воображаемый, наполовину нет.

— Правда? Как Мэри Поппинс?

Они направлялись по лужайке к парковочной площадке, но тут она вдруг остановилась и посмотрела на него строго, с выражением, которое он привык видеть на лице ее матери. Правда, спустя мгновение его сменило другое, смущенное.

— Ой, надо же — забыла, что хотела сказать.

— Подумаешь! У меня такое случается сплошь и рядом. Это касалось твоего воображаемого друга?

Амелия пожимает плечами. Потом ее личико вновь оживает, и она спрашивает:

— Если бы Бог велел тебе зарезать меня большим ножиком, ты бы зарезал?

— Почему ты спрашиваешь?

— Мы изучаем Библию — они там убивали маленьких мальчиков и девочек. Эта называется «жертвоприношение». Вот Авраам, ему Бог велел, хотел принести в жертву своего маленького сына.

— Но ведь он так и не совершил жертвоприношение.

— Да, но ведь собирался. И Бог, я думаю, тоже имел это в виду.

— Но ведь это только история, малышка. И вообще, Авраам был уверен, что Бог не хотел, чтобы он причинил зло своему маленькому сынишке.

И снова на ее личике появилось мечтательное выражение.

— Исаак. У нас в классе тоже есть Иссак, хороший мальчик.— Она помолчала, потом настойчиво осведомилась: — И все-таки: ты бы сделал это?

— Нет,— не раздумывая, отвечает Паз.

— Даже если Бог разгневается на тебя?

— Пусть злится. Я все равно не согласен.

— А ты знаешь, что люди, которые приносят себя в жертву,— это мученики? Они становятся ангелами и летают по небесам. Ой, смотри, abuela! Abuela! — кричит она, бежит к машине и прямо через окошко влезает бабушке на колени.

Всю дорогу до Южного Майами они счастливо воркуют по-испански, в то время как Паз безуспешно пытается связаться с женой по мобильному телефону. С каждой такой попыткой его беспокойство возрастает.

После того как миссис Паз на своем «кадиллаке» отбыла, Паз с дочкой обошли дом, и Паз отметил, что велосипеда Лолы на месте нет. Должно быть, приехала на такси, что уже само по себе не сулило ничего хорошего.

У входной двери он замешкался и сказал:

— Послушай, детка, мама немножко приболела, поэтому я прошу тебя вести себя тихо. Ладно?

— Ладно, а что с ней?

— Не знаю, простудилась, наверное, или что-то в этом роде. Ты просто посиди посмотри мультики, а потом поможешь мне приготовить обед.

— Я могу приготовить сама.

— Не сомневаюсь,— отозвался он и открыл дверь.

— Что у тебя в мешке, папа? — спросила девочка.

— Да так — abuela кое-что дала.

— Torticas? — спросила она с надеждой.

— Нет, не булочки. Просто... просто лекарство для мамы. Сейчас я войду и посмотрю, как она там. А ты иди переоденься.

Девочка отправилась в свою комнату, а Паз вошел в собственную спальню, где на кровати, скорчившись под легким покрывалом, лежала его жена. Он осторожно присел на постель и, садясь, незаметно подсунул под матрас енкангуэ с ее волосами. Она пошевелилась и застонала.

Паз убрал покрывало с ее лица и потрогал лоб. Влажный, но на лихорадку не похоже. Она заморгала красными, опухшими глазами.

— Как себя чувствуешь, детка? Жара вроде бы нет?

— Меня отослали домой,— прохрипела она.

— Ну да, конечно. Ты же больна. Это госпиталь.

— Я не больна. У меня произошел срыв.

— У тебя что?..

— Я... Меня вызвали на тяжелый случай — почти ребенок, передозировка наркотиков, кома. Случилась авария, много

пострадавших, полдюжины с серьезными травмами, приемный покой забит битком. Я оказалась единственным свободным дипломированным врачом, которого нашли... и я не знала, что делать. Я не могла... я сказала им, что... Несла какую-то чушь, и все там — сестры, санитарки,— все таращились на меня, потому что знали: это чушь; и тогда я стала кричать на них, и... Я впала в истерику: они позвали доктора Кеммельмана, и меня отвели во врачебную раздевалку. Потом я ушла домой, улизнула, взяла такси. Джимми, я хочу спать, мне необходимо уснуть, но я не могу! Я принимаю таблетки, уже не помню, сколько их напринимала, а ведь я врач. Я врач и никак не могу заснуть. Почему я не могу заснуть, Джимми? Я так устала, а заснуть не могу.

— Тебе снятся дурные сны.

— Приняла шестьдесят миллиграммов флюразепама, но мне все равно не заснуть,— сказала Лола высоким и жалобным, как у маленькой девочки, голосом.

— Детка, лучше тебе выбросить эти пилюли. Больше никаких пилюль.

Она напряглась и попыталась сесть.

— А как дела у Эйми? Где Эйми?

— С Эйми все в порядке,— заверил Паз.— Она в своей комнате. Послушай, тебе сейчас надо поспать. Я останусь здесь с тобой, а ты уснешь, выспишься, а когда проснешься, с тобой тоже все будет в порядке.

— Нет. Мне надо увидеть Эйми.

Она повторила имя своей дочери несколько раз, всхлипывая, но он крепко прижимал ее к себе, мягко поглаживал, и постепенно ее рыдания стихли, сменившись ритмичным дыханием глубокого сна.

Паз резко освободился от сна, который трудно отличить от реальности, и, как это бывает в таких случаях, ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что к чему. Ему ка-

залось, будто он заснул на дежурстве и упустил подозреваемого — стыд и позор! Слава богу, спустя мгновение стало ясно, что это всего-навсего дурной сон, причем самый обыкновенный. Лола на его пробуждение не отреагировала, продолжала спать, мягко посапывая.

Он соскользнул с кровати, прошел в дочкину спальню, поместил ее новый енкангуэ на кроватный столбик, а свой собственный вернул на прежнее место — повесил на шею.

Зазвучала мелодия его мобильного телефона. Паз вытащил трубку, посмотрел, кто звонит, и, немного помедлив, соединился.

— Что случилось, Тито?

— Ну вот, теперь, когда появилась возможность узнавать по номеру, кто звонит, ни от кого и «алло» не услышишь. Сдается мне, это эпохальный культурный сдвиг.

— Да уж, явный признак заката цивилизации. Выкладывай, что ты узнал.

— О, я выяснил имя и адрес. Мы ищем альянс «Лесная планета», это на Ингрэм. Ты сейчас где?

— Дома.

— Мне как раз по пути, я буду проезжать мимо твоего дома. Сдается мне, нам надо наведаться к этим ребятам в гости.

— Ну не сейчас, приятель. У меня свои дела есть.

Тито многозначительно промолчал, и Паз добавил:

— Лола больна.

— О! Надеюсь, ничего серьезного?

— Нет, наверное, просто простудилась. Могу встретиться с тобой утром.

— Ладно. Послушай, а тебе известен парень по имени Габриэль Хуртадо?

— Нет. А кто это?

— Колумбиец. Как считается, наркоделец. Его имя всплыло в связи с тем, что твой... я хотел сказать, Кальдерон недавно с ним связывался. Мы проверили его телефонные звонки.

Федералы выразили к этому интерес. Они следят за ним уже не один год: за информацию, которая поможет его изобличить, назначена награда в два миллиона.

— Чем дальше, тем веселее,— отозвался Паз, принюхиваясь. Кто-то жарил лук. Слышался знакомый звон посуды.— Послушай, Тито, мне надо идти. Я тебе перезвоню.

— Колумбийские наркоторговцы, Джимми. Как правило, они не используют мистических партнеров.

— Ягуаров,— уточнил Паз и повесил трубку, после чего отправился на кухню, где обнаружил свою дочурку.

Она стояла на маленьком деревянном стульчике, которым пользовалась совсем малышкой, и готовила соте из цыпленка. Тут же в двух кастрюльках, над которыми поднимался пар, варились рис и черные бобы.

— Я проголодалась, а поскольку мама заболела, а ты спал, решила приготовить это для всех нас. Я ничего не испортила и не устроила беспорядка.

Паз оглядел кухню. Да, никакого беспорядка. Он присел на стул и залюбовался стряпней своей дочери, молчаливо воздавая должное ее великолепию.

15

Незадолго до темноты они закончили расставлять «хлопушки», и только провода растяжек остались ослабленными. Заряды были комбинированными — порох и напалм. Кукси сказал, что натянуть их можно будет перед тем, как они лягут спать. Мин было всего десять, и привести их в боевую готовность на тот случай, если незваные гости появятся днем, было делом несложным.

— Дорогая, нужно привести Кевина,— сказал он, закончив маскировать последнюю.— Нужно провести его по территории, чтобы он знал, где расставлены наши маленькие красавицы, и случайно ни на одну не напоролся.

— Я позову его,— заявила она и побежала в коттедж, который они с ним некогда делили. Но Кевина там не было, от него остался лишь витающий в воздухе дымок марихуаны.

Выкрикивая его имя, она заглянула в ванную; не найдя его там, выскочила наружу и тут услышала надсадный звук, свидетельствующий о попытке запустить стартер.

Кевин сидел на месте водителя, вертел ключ зажигания и ругался.

— Она не заведется,— сказала Дженни.

— Ну, конечно, ты ведь у нас долбаный специалист по моторам,— презрительно бросил он и возобновил попытки.

— Да не нужно быть долбаным специалистом, чтобы вынуть ротор распределителя зажигания. Вот он.

Она достала деталь из кармана и подняла, чтобы ему было видно.

— Кевин, там, на дороге, полная машина гангстеров. Они ищут нас, меня и тебя. Прикинь, что к чему, пожалуйста. Подумай своей головой хоть раз в жизни.

Он распахнул дверь фургона.

— Дай сюда!

— Не дам. И вообще, какое такое у тебя важное дело, что ты должен ехать сию минуту?

— Какое дело? Я скажу тебе, сука, какое дело. Мы с Кирни собираемся взорвать сегодня ночью насосную станцию С-девять. А ну отдай мне ротор!

— Да ты с ума сошел, Кевин! — начала было Дженни, но осеклась, увидев в его дрожащей руке направленный на нее пистолет.— Ты собираешься в меня выстрелить? — спросила она после долгой паузы.

— Нет, если ты отдашь мне ротор,

Когда он говорил это, она заметила, что пистолет Кевина *не снят с предохранителя, а он этого и не знал.* Даже в убывающем свете девушка видела, что красной точки не видно. Точно так же она увидела на его лице, под маской дерьмового высокомерия, растерянность и страх.

Впервые до нее дошло, что она настоящая, а Кевин насквозь поддельный, и это факт. Она была сильна, умела выживать, всего повидала, знала, как существовать в этом мире, стреляла из пистолетов и сидела в тюрьме. Кевин же был сынком банкира, позером, неуверенным в себе. Просто удивительно, как она не видела этого раньше.

На самом деле Кевину не следовало бы разрешать даже улицу одному переходить, но она подумала, вдруг он может измениться, конечно, с некоторой помощью с ее стороны. Теперь, когда она знает, каков он в действительности, возможно, ей удастся как-то подтолкнуть его в нужном направлении. И в любом случае, черт возьми, не может же она его вот так взять и бросить!

— Хорошо,— сказала Дженни,— но я поеду с тобой.

— Ни хрена подобного!

— Тогда жми на курок.— Она достала из кармана ротор.— Но поторопись, иначе я зашвырну эту хреновину в пруд.

Несколько мгновений они стояли, глядя друг на друга, потом Кевин выругался и засунул пистолет за пояс брюк.

— Ладно, ладно, тогда поехали. Засунь эту штуку обратно в машину!

— Сначала отдай мне ключ,— заявила Дженни.— Машину поведу я.

Сидевший в темном фургоне Пруденсио Ривера Мартинес ощутил вибрацию мобильного телефона, взглянул на дисплей и увидел высветившийся номер Гарсии, который, скорчившись, прятался за высокой живой изгородью напротив усадьбы, за которой они вели наблюдение.

— Разукрашенная тачка трогает с места,— доложил он.— За рулем девка, этот маленький блондинчик с ней рядом.

— В каком направлении они едут?

— Секундочку.

Последовала пауза.

— На север.

— Я скажу Монтойе, чтобы тебя подобрал,— сказал Мартинес.

Две из имевшихся в его распоряжении машин занимали блокирующие позиции в начале и конце короткой дороги, именовавшейся Ингрэм, а его собственный фургон скрывался в боковом проезде, примерно посередине между ними.

Он мигом придумал план и поставил задачу водителям. Через несколько минут «фольксваген» прокатил мимо, и Кристобаль Риба, шофер Мартинеса, пристроился за ним. Движение по дороге было умеренным.

— Где мы будем их брать? — спросил Риба.

— Впереди, тут недалеко. Дорога идет среди высоких деревьев, под кронами настоящий туннель. Там их и зажмем.

— А не слишком ли тут оживленное движение, чтобы брать их прямо на улице? — усомнился Риба.

— Все примут это за ерундовое дорожное происшествие. Иглесиас затормозит прямо перед ними, а ты стукнешь их в задний бампер. Мы вылезем, они тоже — посмотреть, что да как,— и тут мы сунем им под нос пушки и увезем в гараж. Раз-два-три.

Когда черный фургон неожиданно вылетел с подъездной дороги на главную и затормозил прямо перед ней, Дженни вскрикнула и тоже ударила по тормозам. Машина резко остановилась: ее швырнуло вперед, и она не ударилась о руль только благодаря ремню безопасности.

— Дерьмо! — заорал Кевин и повторил то же самое, когда догонявший их фургон тоже ударил его машину в задний бампер.

Из обоих фургонов вышли и решительно направились к «фольксвагену» темнокожие мужчины.

— Гони отсюда! Гони! — закричал Кевин.

Он отстегнул ремень безопасности и завертелся на сиденье, затравленно глядя то на одного, то на другого из приближавшихся мужчин.

— Не могу, нас зажали! — крикнула она ему в ответ и увидела в окно подошедшего мужчину.

Он был плотный, круглолицый, с кустистыми бровями, оспинам на щеках, черными, постриженными под «ежик» волосами. Одет он был в слаксы бежевого цвета и белую, навыпуск, рубашку с короткими рукавами.

— Вы стукнули мою машину,— произнес он на правильном английском, хотя и с сильным акцентом.— Выйдите, нам надо осмотреть повреждения и оценить ущерб.

Она уже собиралась открыть дверь, когда Кевин, крикнув что-то, чего она не поняла, перегнулся через нее и куда-то потянулся. К ее ужасу, он вытащил свою пушку и наставил ее на незнакомца.

— Проваливай! Шевели своей долбаной задницей, козел, пока я не разнес тебе башку!

Дженни увидела, как на лице мужчины отразилось удивление. Пистолет в руке Кевина прыгал перед ее глазами: она заметила, что он опять не снят с предохранителя, и уже собиралась сказать об этом Кевину, когда рябой мужчина полез под рубашку, выхватил полуавтоматический пистолет со странно длинным стволом и дважды выстрелил Кевину в лицо, произведя звук не громче, чем если бы лопнула пара воздушных шариков.

Кевин упал, его простреленная голова, из которой лилась кровь, упала прямо ей на колени. Она посмотрела вниз, на ужасающее месиво из окровавленных волос, осколков кости и мозгового вещества, и набрала воздуха, чтобы издать самый отчаянный крик в своей жизни.

Издала она на самом деле хоть какой-то звук или нет, так и осталось для нее неизвестным, ибо между этим мгновением и следующим она ощутила, как все ее естество пронзает знакомый холод, все звуки стихают и умолкают, лицо убийцы, как и все остальное в поле ее зрения, сжимается в ослепительную точку, и она проваливается в пучину припадка.

Во вторник утром Лола Уайз еще спала, и муж не стал ее будить. Вместо этого он позвонил в госпиталь и коротко объяснил главному врачу, доктору Кеммельману, что у его жены сильное переутомление и ее несколько дней не будет на работе.

Доктор сказал, что он все понимает, такие вещи случаются довольно часто, и не стоит беспокоиться. Он спросил Паза, не нужны ли ему какие-нибудь лекарства, Паз поблагодарил и отказался. Потом Паз собрал дочку в школу и, увиливая от множества вопросов о том, что с мамой, отвез ее в «Провиденс». А на обратном пути ему позвонил Тито Моралес.

— Ты уже слышал?

— Слышал о чем?

— Надо было нам нагрянуть туда вчера. Ну, было же, было у меня на этот счет дурное предчувствие. Надо было самому поехать.

— Ты о чем толкуешь, Тито?

— Вчера вечером, около девяти тридцати, фургон, принадлежавший альянсу «Лесная планета», был зажат на автостраде Ингрэм парой других фургонов. Очевидцам показалось, будто это обычное, незначительное дорожное происшествие. Но только показалось. В фургоне обнаружено тело молодого человека по имени Кевин Восс, а в его голове две пули из девятимиллиметрового пистолета с глушителем. Его спутница Дженнифер Симпсон, девятнадцати лет, похищена неизвестными лицами. Ну как, нравится тебе это дерьмо?

— Не очень. Полагаю, вы сейчас уже в офисе этой самой «Лесной планеты», точно?

— Можно сказать, и так. Правда, офис у них еще тот — большущая усадьба на Ингрэм, южнее Перспективы, в сторону залива. Принадлежит парню по имени Руперт Зингер, которого, надо же такому случиться, нет в городе. Ну вот только вчера был — и сплыл: ха-ха. Единственными обитателями усадьбы сейчас являются Джемс Скотт Бернс, что-то вроде дворника, и парень по имени Найджел Кукси, профессор университета и научный консультант организации. На них обоих у полиции ничего нет, а вот у этой Симпсон послужной список имеется. Она проторчала шесть месяцев в «Кедровых стремнинах», хочешь знать за что?

— Неужели за перевоплощение в здоровенную пятнистую кошку?

На линии последовало молчание.

— Тебе надо бы отнестись к этому дерьму посерьезнее, amigo. Она привлекалась за торговлю наркотиками в размерах, предусматривающих уголовное наказание, но ее освободили как совершившую правонарушение впервые. И сотруд-

ничавшую со следствием. Кроме того, в фургоне, где находились эта Симпсон и Восс, мы нашли девятимиллиметровый пистолет. Из него не стреляли, на нем обнаружены отпечатки пальцев Восса. Выяснилось, что в прошлом марте он был украден из оружейного магазина в Орландо.

— Ну и на какие мысли все это наводит?

— О, приятель, мысли самые интересные, в двух словах не опишешь. Финнеган и полиция округа рвет и мечет из-за того, что мы нашли эту экологическую контору и немедленно им не доложили. Теперь они собираются сцапать шайку колумбийцев, которые околачивались на Рыбачьем острове, вместе с уцелевшими ребятами из «Консуэлы». Олифант тоже рвет и мечет: как это вышло, что мы не сцапали их еще вчера? Да, и как я говорил, прошлой ночью федералы заинтересовались личностью этого Хуртадо. Я слышал, они запросили ордер на проверку компании твоей сестры.

— Ох ты! Надо ее предупредить. Между прочим, ты нашел индейца?

— Нет, но в данном случае долбаные магические невидимые индейцы не находятся во главе списка приоритетов. Все внимание сосредоточено на войне, которую гангстеры из Колумбии развязали в Волшебном городе как раз накануне начала туристического сезона.

— Но это никак не объясняет два странных убийства.

— Конечно, но наши боссы сейчас закусили удила. Им очень хочется поскорее засадить колумбийских наемных убийц в тюрьму. А уж как повесить на них еще и эти убийства, можно придумать потом.

— Значит, я освобожден от должности консультанта по загадочным убийствам?

— А вот об этом я ничего не слышал, нет. Слушай, почему бы тебе не подкатить к этому месту на Ингрэм с целью, так сказать, консультации? Там у них имеется пруд с пираньями. Есть на что посмотреть.

— Буду через двадцать минут,— ответил Паз.

К тому времени он добрался до своего дома, зашел внутрь и заглянул к жене. С того момента, как он видел ее в последний раз, она не пошевелилась. Послушав ее ровное, спокойное дыхание, Паз отбыл, оставив ей записку: «Mi amor, se nutre de tu amor amada. Позвони мне, когда проснешься».

Пока он ехал на север по Коралловому пути, ему пришла в голову одна мысль, которую Паз тут же осуществил — набрал на своем мобильном телефоне номер мобильного своей сестры.

— Это Джимми,— сказал он, когда она ответила.— Федералы собираются наехать на вашу компанию.

К его облегчению, эта новость не повергла ее в панику.

— А что их интересует?

— Папочка, если я могу его так называть, похоже, проводил немало времени на мысе Кайли, в Колумбии, встречаясь с одним малым по имени Габриэль Хуртадо. Наркобароном.

Она выругалась, и Паз издал смешок.

— Это объясняет, почему ваши бухгалтерские книги в таком затраханном состоянии?

— Ну, я уже сама выяснила насчет счетов. Скажи лучше, что ты мне посоветуешь, mi hermano, братец?

— Полная прозрачность. Бухгалтера старого вонючки уволь: пусть вся вина ляжет на него и на папочку. Кстати, ты что-нибудь знала об их махинациях?

Она рассмеялась.

— Ты серьезно? У меня полдюжины свидетелей, как он взгрел мне задницу только за то, что я поинтересовалась, откуда в отчете взялись непонятные деньжата.

— Тогда с тобой лично все должно быть в порядке. А вот компания, боюсь, пойдет на дно.

— Ну, я как-нибудь выкручусь. В крайнем случае, если мы прогорим, может быть, кто-нибудь возьмет меня официанткой в семейный ресторан, а?

— Это без вопросов, сестренка. Спасибо на добром слове. Я тебя еще не знаю, но уже люблю.

По окончании разговора Паз почувствовал себя несравненно лучше и куда более правильным кубинцем, чем все последнее время.

Возле усадьбы Зингера были припаркованы и полицейские машины, и фургон экспертов-криминалистов. Пазу пришлось подождать, пока Моралес впустит его в ворота.

— Что интересного? — осведомился Паз, заходя внутрь и озираясь по сторонам.

— Пока немного, но мы продолжаем шарить тут и там. У покойного Восса имелась подборка литературы анархистского толка и недурная заначка марихуаны. Кроме того, кто-то попрятал в разных местах мешки, полные чего-то, похожего с виду на белый хлебный мякиш. Тут понадобится лабораторный анализ.

— Это куда опаснее для здоровья, чем травка, если хочешь знать мое мнение. А что удалось выяснить у профессора?

— Тоже немного. Он говорит, что похищенная девчонка была заблудшая душа. Вдобавок больна эпилепсией. Создается впечатление, что ее похищение заботит его куда больше, чем убийство Восса.

— А что он говорит про ягуаров?

— Не знаю. Этот вопрос я оставил для тебя. Хочешь с ним пообщаться?

— Веди,— ответил Паз.

Кукси они нашли в патио, сидящим за столом с несчастным видом.

— Нашли ее? — спросил профессор.

— Прошу прощения, сэр, пока еще, к сожалению, нет,— ответил Моралес и представил Паза как консультанта по делу об убийстве двух бизнесменов кубинского происхождения.

— Не понимаю,— сказал Кукси.— Какое они имеют отношение к случившемуся?

Паз улыбнулся и указал на сад.

— Мы не знаем. Как раз это мы и стараемся выяснить. Как насчет того, чтобы нам с вами прогуляться? Вы могли бы показать мне усадьбу, а заодно и поговорим.

Они двинулись по дорожкам. Паз задавал вопросы про пруд, растения, работу альянса «Лесная планета» и собственную работу профессора. Кукси держался сдержанно, на вопросы отвечал с готовностью, но Паз, ожидавший безудержного потока слов, был немного разочарован.

Он имел большой опыт общения со специалистами в самых разных областях (правда, главным образом женского пола) и хорошо знал, что, стоит только затронуть в разговоре близкую специалисту тему, его потом не заткнешь. А еще его настораживало в Кукси то, как профессор шел по тропе.

При ходьбе он почти не производил шума, а его голова на каждом шагу слегка двигалась из стороны в сторону. Конечно, не исключено, что это обычный способ передвижения привычных к экспедициям биологов, но вот только Паз последний раз видел ребят, двигавшихся таким манером, когда служил в морской пехоте. И это были ребята, понюхавшие пороху.

Они находились на затененной, с пятнами солнечного света, дорожке под густой кроной большого мангового дерева, когда Паз заметил, как в случайно пробившемся к нижней ветке луче солнца что-то блеснуло. Он опустился на колени, присмотрелся к находке, встал и спросил:

— Что это такое?

— Это растяжка, соединенная с миной-ловушкой,— невозмутимо пояснил Кукси.

— Правда?

— Представьте себе. Еноты забираются по ночам в сад, воруют фрукты, да еще и пытаются ловить рыбу в пруду. Их можно отвадить с помощью растяжек на тропах, подведенных к взрывпакетам.

— И что, еноты натыкаются на растяжки?

— Ну, не то чтобы натыкаются, просто они очень любопытны. Всякий, кто держал енота в качестве домашнего любимца, знает, что они без ума от веревочек, проводов и всего такого. Растяжку енот, конечно, увидит и на нее не напорется, но непременно потянет за проводок. Пакет бабахнет, енот испугается и унесет ноги.

— Очень интересно, я и не знал. Мне сказали, вы специалист по тропическим животным.

— Боюсь, главным образом по осам. Но в молодости занимался и общей зоологией.

— А в ягуарах разбираетесь?

Произнося эти слова, Паз внимательно следил за лицом собеседника и с удивлением увидел на нем некий намек на улыбку.

— Это в связи с теми двумя кубинскими бизнесменами, не так ли?

— Строго говоря, да. Но мне хотелось бы знать, как вы пришли к такому заключению.

Кукси смерил его долгим взглядом.

— Я читаю газеты.

— В газетах не упоминалось ни о каких ягуарах.

На лице Кукси появилась улыбка, на сей раз настоящая.

— Нет, сэр, тут вы правы. Кстати, к вопросу о хищниках и прессе: мне надо покормить пираний. Не хотите посмотреть?

Паз кивнул в знак согласия, и Кукси провел его на кухню главного дома, где достал из холодильника пластиковый мешок с бычьей печенью.

Они вернулись на дорожку, которая сквозь густые заросли боярышника и дикого кофе, вверх по пологому склону привела их туда, откуда доносился шум падающей воды. Они снова оказались на солнце, выйдя на козырек коралловой скалы, примерно футах в пятнадцати над прудом, в который из-под их ног низвергался водопад.

— Мы всегда бросаем им корм отсюда. Током воды мясо затягивается вниз, туда, где они обычно собираются. И это помогает удержать других рыб от возможных неприятных случайностей.

Красная масса исчезла под клокочущей пеной, а через несколько секунд внизу возник бурлящий водоворот, вода окрасилась в розовый цвет. Сквозь ее толщу Паз различил у дна массу хаотично сталкивающихся и мечущихся серых тел.

— Они что, правда способны за несколько минуть обглодать корову до костей? — поинтересовался Паз.

— Ну, тысячный косяк, пожалуй. У нас их тут всего сорок четыре. Но я все равно поостерегся бы входить в воду, имея кровоточащие царапины, раны или порезы. То есть в скелет они вас, может быть, и не превратят, но масса весьма неприятных ощущений гарантирована.

Кукси выполоскал мешок из-под мяса и засунул в карман своих шорт.

— Так насчет ягуара, профессор...

— Вы ведь не полицейский, не так ли?

— Нет. Был полицейским. Но сейчас просто консультирую.

— По какому вопросу?

— По поводу преступления, сопряженного с необъяснимыми явлениями.

Кукси рассмеялся.

— О, хорошо, тогда вы пришли куда надо. Поскольку вы не на службе, то вполне можете со мной выпить. У меня как раз сейчас возникло сильное желание промочить горло.

Они прошли в комнату Кукси. В то время, пока профессор занимался выпивкой, Паз с любопытством озирался по сторонам: в данном случае полицейское любопытство заставило забыть о хороших манерах.

Он увидел помещение бывшей прачечной, спальный уголок, маленькую стопку женской одежды, потертый рюкзачок

и висевшую на стене заключенную в рамку фотографию какого-то насекомого.

На рабочем столе Кукси стояли в рамках три фотографии. На одной миловидная молодая женщина держала на руках улыбающегося солнцу ребенка примерно двух лет от роду, на другой — мужчина и женщина постарше, одетые в стиле сафари, а на третьей — трое молодых мужчин в камуфляже и боевой амуниции, с автоматическими винтовками. Лица были измазаны грязью, как перед боем, но в одном из них Паз узнал молодого Кукси.

Заметив проявленное гостем любопытство, но никак не отреагировав, Кукси вручил Пазу стакан янтарного напитка без льда.

— Будьте здоровы!

Он сделал большой глоток. Паз последовал его примеру.

— Интересный напиток.

— «Талискер». С привкусом морских водорослей. Вкус на любителя, хотя мне не составило труда к нему привыкнуть. А вас, я вижу, заинтересовала моя галерея?

— Да, не без того. Например, вот это — вы были солдатом?

— Если быть точным, то морским пехотинцем. Из тех парней, которые теряют вафли.

— Прошу прощения?

— Шутка. Когда Мэгги Тэчер послала нас на Фолкленды и там погиб рядовой Вафли, лейбористские газеты вышли под заголовком: «Британцы теряют Вафли на Фолклендах». Да, это была великая победа, хотя двое моих однополчан до нее не дожили.

— А как насчет других ваших родственников?

— Увы, не осталось никого. Все умерли, кроме меня.

— Мне жаль.

— Мне тоже. А сейчас исчезла и бедняжка Дженни.

— У вас были с ней близкие отношения? Она спала здесь.

— Да, хотя, боюсь, одна. Мы были друзьями, и она помогала мне в работе. Я бы очень хотел надеяться на ее благополучное возвращение.

— Ну, в таком случае мы вправе ожидать от вас готовности поделиться информацией.

Кукси сел на свой вращающийся стул и отпил большой глоток.

— Да, конечно, мистер Паз, хотя я не думаю, чтобы моя информация была так уж полезна. Это похищение и убийство не имеют прямого отношения к вашим, назовем их так, «ягуаровым убийствам». То есть связь есть, но вызвана она исключительно тупостью и непониманием.

Паз пригубил из своего бокала. Он ждал.

— Есть один индеец,— начал Кукси и повел рассказ, излагая действительные факты, но избегая каких-либо указаний на то, где этого индейца можно найти. По ходу рассказа он дважды наполнял свой стакан, а под конец внимательно посмотрел на Паза и спросил: — Ну как, для вас это достаточно необъяснимо?

— Да. Кстати, вы рассказывали это детективу Моралесу?

— Пустое дело. Он знает, что индеец был здесь. Я не склонен считать его человеком, который готов признать, скажем, некую порцию сверхъестественного.

— Да, хорошо, что вы позвонили. Поэтому они и взяли меня. Но скажите, вы на самом деле хоть раз видели, как этот индеец превращается в гигантского ягуара?

— Нет. Я располагаю только косвенными свидетельствами. Вес, определенный по глубине отпечатков лап. И его собственное признание. Правда, он-то не говорит, будто сам превращается в ягуара, по его представлениям, Ягуар — это некий бог, который овладевает им и осуществляет преображение.

— Но вы как ученый не считаете, что это всего лишь фантазии?

— Откровенно? Да, конечно. Такого не бывает. Хотя Дженни, а она весьма наблюдательна, утверждала, что видела его частичное перевоплощение, когда он, посещая местный зоопарк, оказался в клетке с ягуаром. У нее от этого случился

эпилептический приступ. Разумеется, я уверен, у всего этого должно быть материалистическое объяснение, хотя какое именно — я вам, к сожалению, в настоящий момент сказать не могу.

Паз покончил со своим напитком и встал.

— Как думаете, он еще сюда вернется?

— Сомневаюсь. Пока кто-нибудь, кому он доверяет, не убедит его, что опасность для его родного края устранена, он будет убивать остальных руководителей «Консуэлы», а заодно и всех, кто попытается встать на его пути.

— Силой магии?

— Мы вроде бы сошлись на том, что таких вещей, как магия, не существует.

— Предположим, он в состоянии сделать это — я имею в виду, убить этих людей. Вас это не волнует?

— Мистер Паз, правда, не напрямую, но сами они, по старой доброй традиции, занимались в промышленном масштабе нелегальными махинациями. Эти люди причастны ко множеству кровавых злодеяний. Так что уж простите великодушно, но лить по ним слезы я не собираюсь.

— Но вы ведь знаете, где он прячется, не так ли?

— Если бы я и знал, то, вероятно, отказался бы сообщить это в интересах сохранения жизней по-настоящему невинных людей, включая офицеров полиции и им подобных.

Паз собирался задать Кукси еще несколько вопросов насчет индейца, а заодно растолковать законы Флориды, касающиеся сотрудничества с полицией, но тут дверь распахнулась и в проеме с торжествующим выражением на лице появился Моралес.

— Джимми, мы тут кое-что нашли. Ты бы пошел взглянул.

Паз последовал за ним наружу, Кукси двинулся по пятам.

Полицейские и эксперты-криминалисты собрались в патио вокруг стола, на котором было разложено несколько предметов — тяжелый, стальной кованый ручной культиватор с

четырьмя зубцами, заточенными до удивительной остроты, гипсовый слепок звериной лапы и прозрачный пакет с двумя коричневыми комками.

— Мы нашли все это в пластиковом пакете позади дома, где жили Восс с девчонкой. Вот он, твой таинственный ягуар.

Паз присмотрелся к содержимому.

— Ты полагаешь, это дерьмо ягуара?

— Я уверен, насчет дерьма все можно выяснить,— заявил Моралес.

— Можно мне? — спросил Кукси.

Наклонившись, он поднял мешок, присмотрелся, потом отломил маленький кусочек от одной из куч темной массы, поднес к носу и раскрошил. Некоторые из копов, переглянувшись, закатили глаза.

— Кошачье и, судя по размеру, оставлено большим котом. А это слепок правой передней лапы ягуара. Сдается мне, он из моей собственной коллекции. Я и не знал, что он пропал.

— Ну вот, теперь все стало на свои места,— заявил Моралес, не в силах скрыть ликования в голосе и взгляде.

— Ты так думаешь?

— Да, черт возьми! — отрезал Моралес.— Это были Восс и индеец. Они учинили скандал в офисе Фуэнтеса, откуда их выперли взашей. Они использовали слепок, чтобы оставлять глубокие следы. Клали его на землю, один становился сверху, а другой залезал ему на шею. Вот и все таинственное увеличение веса. Когда мы найдем индейца, сам увидишь: если сложить их веса, как раз и получится «ягуар». Что же до рваных ран на телах и следов «когтей» на дверях, то они оставляли их с помощью вот этой,— он поднял ручной культиватор,— штуковины. То же самое было в случае с Кальдероном.

Паз понимающе кивнул и осведомился:

— Это особая модель ручного культиватора, дающая возможность передвигаться с быстротой молнии и перепрыгивать через стены?

— Ну, речь ведь идет об индейце: кто знает, на что он способен? Возможно, он всю жизнь провел, лазая по деревьям. И у него вполне может быть другое оружие, о котором нам неизвестно.

— Это точно,— сказал Паз.— Думаю, я здесь свое дело сделал. Все ясно, Тито. Ты раскрыл дело об убийствах, совершавшихся огромным «ягуаром». Почти раскрыл. До полного успеха тебе не хватает только одного маленького индейца.

— Мы его заполучим,— заявил Моралес и уставился на Кукси.— Не сомневаюсь, профессор снабдит нас подробным описанием.

— Конечно, конечно,— сказал Паз.— Скажите, профессор, как по-вашему: легко будет его поймать?

— По моему мнению, поймать его почти невозможно,— ответил Кукси.

— Это еще почему? — осведомился Моралес.

— Потому что он большой мастер прятаться. Возможно, он прямо сейчас скрывается в этой живой изгороди или в кроне любого из больших деревьев.

Кукси сделал широкий жест, и Паз с Моралесом непроизвольно огляделись.

— А сейчас, если у вас ко мне больше нет вопросов, то я, с вашего позволения, пойду. У меня полно своей работы.

Он уже собрался уйти, но Паз удержал его за руку.

— Минуточку, сэр, еще один вопрос. Этот малый, у него было имя?

— Да,— ответил Кукси.— Его имя Мойе.

Спустя пару минут Паз, наплевав на все ограничения скорости, сломя голову гнал машину Моралеса по Ингрэм, несмотря на все протесты ее владельца.

Паз ругался по-испански. Главным образом он поносил Кукси, ибо спустя мгновение после того, как прозвучало имя, он обрушил на него поток свирепых вопросов и быстро уста-

новил, что профессор прятал своего индейца в кроне гигантского фикуса, в тени которого находилась школа его дочери. Клял он и самого себя за тупость и медлительность. Это ж каким надо быть тугодумом, чтобы так долго не понимать, что живший на дереве друг Амелии был вовсе не воображаемым!

Ехать было недалеко. Когда они остановились у обочины рядом со школьной лужайкой, где над дорогой нависали верхние сучья чудовищного растения, Паз распахнул дверь машины и собрался было вылезти, но Моралес удержал его за руку.

— Это моя работа, Джимми,— заявил он.

— Нет. Пойду я, приятель,— возразил Паз, пытаясь высвободить руку.

— Ты что, хочешь, чтобы я приковал тебя к рулю наручниками? Я серьезно, Джимми. Этот долбаный козел — серийный убийца, а ты, во-первых, безоружен, а во-вторых, частное лицо. Я мог бы вызвать на подмогу спецназ, да только не хочу, чтобы эти ребята всем подразделением надрали мне задницу, если все это окажется очередной дурацкой выходкой Паза.

— Но если ты не думаешь, что он там, почему бы тебе не дать мне провести неофициальный осмотр?

— Не дергайся, Паз. Подожди здесь, я скоро вернусь.

— Не сломай себе шею.

Двое мужчин вышли из машины и приблизились к дереву. Моралес поднял глаза, вгляделся в густую крону дерева и присвистнул, словно только сейчас поняв, какое оно огромное.

— Ты уверен, что эта работенка для тебя? — осведомился Паз.— Сдается мне, я ближе к нашим африканским обезьяньим предкам, чем ты.

— Джимми, если уж твоя дочка туда лазила, и ничего, то как-нибудь и я справлюсь.

— Ладно, но если через трое суток ты не вернешься или сверху посыплются клочья мяса, завернутые в обрывки дешевого костюма, я позову на помощь, годится?

Не обратив на его слова внимания, Моралес исчез в тени у подножия дерева. Паз прислонился к полицейской машине и зажег короткую толстую черную сигару. Со стороны дерева до него время от времени доносился шелест и треск ветвей, перемежавшиеся руганью. Сигара была почти выкурена, когда он услышал, как что-то падает сквозь крону на землю. Разбрасывая сухие листья и сучья, рядом с ним шлепнулся грязный потертый матерчатый чемодан. Вскоре после этого, взметнув и разбросав еще больше листвы, появился Моралес — раскрасневшийся, вспотевший, взъерошенный, растрепанный. Рубашка его выбилась из-под ремня, брюки были заляпаны растительным соком.

— Что в чемодане? — осведомился Паз.— Вяленое мясо бизнесмена?

— Нет. Черный костюм, пара туфель, шляпа и гамак. А еще я нашел это.

Он достал из заднего кармана большой конверт для вещдоков. Внутри находился маленький пустой пакетик из-под «Фритос».

— Думаю, на нем найдут отпечатки.

— Не сомневаюсь,— заявил Паз.— В том числе мои и моей дочери. Но не индейца.

— Нет, но он может вернуться. Это его база. Думаю, нам стоит устроить засаду.

— Ну, ты коп, тебе виднее,— сказал Паз.— Но вот что, Тито: я действительно рад, что в тот раз его там не было. Не пытайся взять этого парня сам.

— Джимми, это всего лишь индеец.

— Джеронимо тоже был всего лишь индейцем. Но нет, он не просто индеец, да и наш профессор не просто профессор.

— Что ты имеешь в виду?

— Что-то он слишком спокоен. Раньше служил в коммандос, или что-то в этом роде. Провел немало времени в Колумбии. На твоем месте я бы поинтересовался, кому он в последнее время звонил.

Моралес присмотрелся к Пазу, не валяет ли он дурака, убедился, что нет, пожал плечами и направился к машине, чтобы доложить о последних новостях начальству.

Сначала она ощутила медный, тошнотворный привкус во рту, потом пришла боль — как будто в ее череп, позади глаз, вбили толстенный, грязный, раскаленный гвоздь.

Еще один огненный укол. Она попыталась открыть рот и обнаружила, что не в силах. Он был заклеен, а когда она вздумала отодрать скотч, оказалось, что ее руки и ноги тоже связаны. Потребовалась некоторое время, чтобы глаза приспособились к тусклому освещению и смогли разглядеть какое-то переплетение труб, провода, шланги — и над всем этим грязный, стеклянный потолочный фонарь.

А еще — запах, знакомый, но трудноопределимый. Тяжелый, химический запах — он наполнил ноздри, и тут, неожиданно, все разрозненные части сложились в единое целое. Она находилась в ремонтном боксе гаража, распятая — руки и ноги прикручены клейкой лентой к стальной, в форме буквы «Х», раме одного из подъемников, примерно на высоте стола над полом. Абсолютно голая.

Послышались тяжелые шаги и мужские голоса. Чья-то фигура остановилась между ее раздвинутыми ногами. Раздался смех, жестокий, пугающий голос произнес что-то по-испански, а потом кто-то грубо залез ей между ног пальцем. Девушка взвизгнула. Кто-то другой, тоже по-испански, произнес что-то сердитым тоном. Последовал резкий, недовольный отклик, но палец убрался, а за ним и его обладатель. Потом у ее головы появилось круглое, все в оспинах, коричневое лицо, которое она с ужасом узнала.

Человек, убивший Кевина, отодрал скотч с ее рта.

— Пить хочешь? — спросил убийца.

— Да.

Мужчина достал пластиковую бутыль и всунул горлышко ей в рот. Апельсиновый сок, холодный и сладкий. Она пила его, сколько могла, казалось, бесконечно долго.

— Спасибо,— выдохнула Дженни, когда он отнял бутылку.

— Слушай, у тебя крупные неприятности,— заявил убийца.— Нужно, чтобы ты рассказала все, comprendes? Въезжаешь? Я пока не подпускаю этих парней к тебе, но у меня может и не получиться. Соображаешь? И в любом случае тебе лучше откликнуться на мое предложение, пока не пришел босс. Потому что, когда он придет, ты выложишь ему все, что знаешь и не знаешь, но только, может быть, лишишься при этом нескольких частей тела...

Он потянулся к верстаку и приподнял короткое зубило.

— Босс начнет обрабатывать тебя этой штуковиной, начнет с того, что отрубит тебе пальцы, а культи прижжет, чтобы ты не померла раньше времени от потери крови; я видел, как он это делает. Ты ведь не хочешь иметь с ним дело, верно? Ответь на мои вопросы, и все будет в порядке, а? Давай.

— Я ничего не знаю. Я даже не понимаю, о чем вы толкуете.

Он покачал головой и с печалью в голосе сказал:

— Нет, chica, девочка, это неправильная линия поведения. Подумай об этом, ладно? Где скрываются эти indios, кто их послал, кто у них босс — тебе обязательно надо будет все это ему рассказать, если ты не хочешь, чтобы тебя изрезали на кусочки.

Дженни ударилась в слезы. Пруденсио Ривера Мартинес оставил ее и вернулся в гаражную контору, где Сантьяго Иглесиас возился с трещащим от помех телевизором, а Дарио Раскон наблюдал за его стараниями.

— Не могу допустить, чтобы такая сучка даром пропадала,— сказал Иглесиас.

— Забудь об этом,— заявил Мартинес.— И ты, Раскон, держи свои лапы от нее подальше.

Раскон пожал плечами и ухмыльнулся:

— Я просто хотел ее чуток подогреть.

— Послушай, сказано ведь было, чтобы никто не трогал девку до его прихода. Может, тебе охота объясняться с El Silencio по поводу того, чего это ты к ней полез, когда велено было этого не делать, а мне как-то не светит.

— А откуда он узнает? Ты, что ли, настучишь?

— На хрена мне стучать. Просто, если ты дорвешься до девки, так не успокоишься, и на ней живого места не останется.

Иглесиас поднял глаза от телевизора.

— Ага, вот когда El Silencio разберется с ней, тогда можешь и сам ею заняться. А то, не ровен час, отдаст концы от твоего внимания.

— Заткнись, придурок! — буркнул Раскон.— Можно подумать, что мне пришлось бы с ней особо возиться. Ручаюсь, она бы мне мигом выложила все, что знает.

— Кто бы спорил,— фыркнул Иглесиас,— если она на самом деле что-то знает. Но если не знает, то, чтобы быть уверенным в этом, с ней придется работать долго и аккуратно. Чтобы она не заткнулась навеки раньше, чем мы поймем, что больше из нее уже ничего не вытянуть.

— Она знает,— уверенно заявил Раскон.— Она была с этим мелким merdito, куском дерьма, которого пристрелил Пруденсио, а он был с индейцем.

Раскон откинулся на стуле и помассировал гениталии.

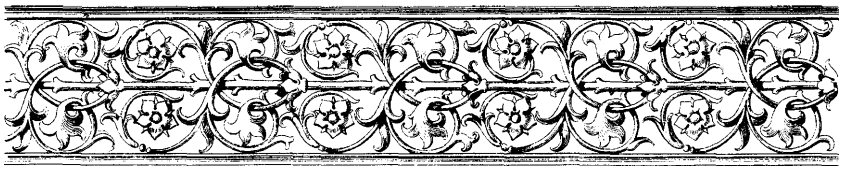
— Можешь поиметь ее в задницу, Иглесиас, когда я закончу. Тебе ведь все равно так больше нравится.

Услышав звонок мобильного телефона, Мартинес выключил телевизор. Последовал краткий разговор, с его стороны состоявший главным образ из «да» и «будет исполнено».

— Звонил el jefe, босс,— сказал он.— У нас маленькая проблема. Копы устроили облаву возле домов на Рыбачьем острове и сцапали всех наших, включая El Silencio. Он говорит, у полиции на них ничего нет, они просто сами задолбались и нас долбают. Парней подержат день, от силы два и отпустят. Так или иначе, он требует, чтобы мы сидели здесь тихо, караулили девчонку и ни за каким хреном не высовывались.

Раскон витиевато выругался, и Иглесиас снова включил телевизор.

— Тогда,— заявил он,— я лучше заставлю этот кусок дерьма работать.



16

Моралес отбыл, а Паз остался ждать в тени дерева. Через некоторое время на другой стороне улицы припарковался фургон компании «Энергия и свет Флориды».

Оттуда вылезли двое мужчин в касках и рабочих комбинезонах — хотя инструменты, которыми они обвешались, вряд ли могли иметь отношение к электрическим сетям. Паз помахал им рукой, но его проигнорировали. Возможно, эти парни всерьез надеялись, будто примитивный туземец с Ориноко клюнет на их маскарад, но он в этом сильно сомневался.

Паз выкурил еще одну сигару, прогулялся к находившемуся неподалеку от школы фонтану и попил из него, надеясь, что никому не придет в голову вызвать еще один наряд полиции. В наше время при виде одинокого мужчины, околачивающегося возле начальной школы, многие склонны действовать именно так.

Подумав об этом, он незаметно перешел к более общим размышлениям о природе чудовищного поведения таких типов, что вернуло его к похищенной девушке, Дженни. Зачем она им понадобилась? Ясно, чтобы вытянуть из нее сведения, но он не мог понять, откуда девчонка, судя по описанию Кукси не просто невежественная, а умственно неполноценная, могла узнать что-то, представляющее для шайки колумбийских grogeros, наркодельцов, такой интерес, что они схватили ее прямо на улице Майами, совершив по ходу дела убийство.

Возможно, она была не такой уж тупой, возможно, Кукси лгал и по этому, и не только этому вопросу, возможно, между

всеми этими преступлениями существовала связь, о которой никто даже не подумал. В любом случае девушка исчезла. Они выпытают у нее все сведения, если они имеются, после чего ее изуродованное тело бросят в болото или залив. Майами очень удобное место, чтобы избавиться от криминального трупа. Девчонку, конечно, жаль, но только в принципе — лично он ее не знает и больше не обязан переживать из-за несчастных жертв.

Отметив прибытие нескольких школьных автобусов и множества машин — заботливые родители съезжались за своими отпрысками,— Паз, который был бы счастлив оказаться на их месте, вернулся к дереву.

Школьное здание наполнилось нарастающим шумом, а потом ярко расцвеченная толпа галдящих детишек вывалилась наружу. Одних учителя направляли к поджидающим автобусам, другие, размахивая броскими поделками (смотрите, что я смастерил(а) сегодня в школе!), бежали к родительским машинам, дожидавшимся их с открытыми дверцами и урчащими моторами. Оставшихся веселая пастушка мисс Милликен повела через парковую лужайку к скамейке под деревом. Амелия увидела отца, и от него не укрылось, как менялось выражение на любимом личике: от первоначального радостного удивления до притворного безразличия.

Его дорогое дитя выказывало холодность: это была своего рода примитивная демонстрация обычного детского нежелания признавать родителей, находясь среди сверстников. Паз переживал болезненное, но неизбежное для каждого отца низведение с положения полубога.

Мисс Милликен рассадила детей рядами, уселась на скамейку и раскрыла «Чарли и Шоколадную фабрику». Паз, сохранивший некоторые навыки детектива, отметил, что его дочь пристроилась с самого краешка полукруга сидящих малышей и вскоре после того, как все увлеклись рассказом о шоколаде, ускользнула в тень свисающих ветвей. Он последовал за ней к стволу дерева.

— Там его больше нет,— сказал Паз девочке.

— Откуда ты знаешь?

— Да уж знаю. Некоторое время назад приходил Тито. Твой друг скрылся, и я не думаю, что он вернется.

— А почему... Я хочу сказать, при чем тут Тито?

— Да при том... Мойе... Понимаешь, полиция считает, что Мойе мог совершить... То есть он может знать что-то о некоторых преступлениях, и полицейские очень хотят с ним поговорить. А ты не знаешь, где еще он может болтаться?

— Нет. А что за преступления?

— Страшные преступления. Послушай, нам нужно с тобой об этом поговорить. Что скажешь насчет того, чтобы зайти в El Piave и взять мороженого?

Это был недостойный прием. Бедная девочка обожала мороженое, а поскольку мама позволяла его ей только в гомеопатических дозах, словно какой-нибудь метадон, папочка всегда имел преимущество, изображая щедрого кутилу. Личико ее немедленно просияло, и они, выйдя наружу, поспешили по узким, полным цветочных ароматов улочкам Рощи, пока не добрались до Коммодор-плаза.

Ресторан El Piave, специализировавшийся на домашних итальянских желе, был переполнен, но для Паза и Амелии, как представителей почтенного сообщества рестораторов, место нашлось незамедлительно. Паз взял себе ванильной шипучки и кофейного мороженого, а девочка заказала двойную порцию вишнево-ванильного, с помадкой.

Парень за стойкой, узнав посетителей, добавил бесплатно холмик взбитых сливок, несколько вишенок в мараскино и накрыл все это бумажным зонтиком. Амелия, принцесса лакомств Майами, приняла все это снисходительно, как должное.

Паз дождался, когда сласти введут ее в счастливый ступор, и тогда сказал:

— Послушай, я знаю, ты считаешь Мойе своим приятелем, но тебе необходимо подумать: а вдруг это не так?

— А вот и так. Он хороший.

— Эйми, возможно, он и кажется хорошим, но давай посмотрим правде в глаза — много ли ты о нем знаешь? Ты вот говоришь, что он волшебник. Ладно, я верю тебе, он волшебник. Но какого рода его волшебство, а? Ты ведь знаешь, оно бывает не только добрым.

Ответа не последовало: девочка не смотрела на него, сосредоточенно ковыряясь в горке мороженого с вишней. Паз попробовал зайти с другой стороны.

— Ты ведь знаешь про сантерию, правда?

— Хм. Это то, чем занимается abuela?

— Правильно. Существует мир, которого мы не можем видеть, и в нем обитают духи. Иногда они помогают нам, иногда вредят, но в любом случае нам следует помнить, что они не такие, как мы, и могут быть опасны. Вот почему abuela и ее друзья пытаются выяснить, чего они хотят, чтобы мы не оказались у них на дороге и... не подвернулись кому-нибудь из них под ноги.

— Злым духам?

— Нет, детка, тут речь не о том, кто злой, кто добрый, кто плохой, кто хороший. Понимаешь, это похоже на то, когда кучка мальчишек играет на траве в футбол, а маленький котенок из любопытства высовывается посмотреть, и его больно задевает мячом. Мальчишки никакого зла ему не желали, да только котенку от этого не легче. У тебя были страшные сны про ягуара, помнишь? И у меня они были, и, думаю, они снятся твоей маме тоже, поэтому она в последнее время такая расстроенная, и...

— Сны прекратили те штуковины сантерии?

— Правильно, енкангуэ, и я надеюсь, маме это тоже поможет. Но дело в том, что, как я думаю, эти сны насылает Мойе, то есть не он сам, а некий дух, которому он служит, дух ягуара, и я боюсь, этот дух может повредить тебе, не потому, что он плохой или Мойе плохой, но потому, что происходит нечто, чего мы не понимаем.

Подняв глаза от своей тарелки, Амелия встретилась с ним взглядом: неожиданно она показалась ему старше.

— Это как во «Властелине колец», да?

— Примерно,— ответил Паз.

— И мы все как хоббиты?

— Ну... да. Думаю, кроме нашей abuela. Она больше смахивает на Гэндальфа.

Амелия на это кивнула, соглашаясь.

— А на кого похож ты, папочка?

— Не знаю, детка. Все это для меня так ново.

— Я хочу, чтобы ты был королем. Арагорном.

Паз рассмеялся.

— Правда? Надо же! А мне кажется, что я всего лишь один из хоббитов, причем вовсе не сам Фродо. Но главное, если ты снова увидишь Мойе, ты должна тут же непременно сказать мне. Обязательно! Это не игра. Амелия, посмотри на меня. Обещай!

Амелия заглянула отцу в глаза. Ей нужно было рассказать ему о чем-то еще... о слове, которого она не могла вспомнить, о маленькой девочке, о Каймане и Ягуаре, но в голове у нее все так перепуталось, что вместо этого она сказала:

— Ладно, я собираюсь стать Галадриэль, и у меня будет серебряная корона, правда?

Когда они снова оказались на улице, Паз позвонил в ресторан и попросил Иоланду сгонять в Рощу и подбросить их домой. Благо хлопотное время ланча уже прошло.

Он крайне редко пользовался своим положением босса и хозяйского сына, но сегодня случай был особым. Амелия подвергалась преследованию... со стороны невесть кого или чего, а Иоланда в любом случае была только рада оказать Джимми любую услугу. Ему уже и так было несладко, и понимание того, что он бесстыдно эксплуатирует чужое доброе отношение, уже мало что меняло.

Иоланда прибыла на своем обшарпанном пикапе «тойота». Они все устроились на переднем сиденье, и Паз радовался

тому, что Амелия зажата между его бедром и пышным коричневым бедром Иоланды, которое розовые шорты оставляли открытым. Иоланда, исправившаяся плохая девчонка, в жилах которой смешалась кровь разных рас, служила предметом воздыханий всех молодых официантов и прочих сотрудников заведения, но сама интересовалась только недоступным Джимми. Такое нередко случается в ресторанном деле, да и в других видах бизнеса тоже: сам Джимми тут был ни при чем. То есть, конечно, флиртовал, но, что бы там ни сплетничали его жене, за задницу не хватал.

По дороге они говорили о делах в ресторане. Амелия была непривычно молчалива, а стоило им добраться до дома в Южном Майами, выскочила из машины и, не попрощавшись, помчалась в дом.

— Что-то не так? — осведомилась Иоланда.

Он пожал плечами.

— Просто болезнь роста. Ладно, думаю, на этой неделе мы еще увидимся.

— Слушай, а поймали они того малого? Я имею в виду того, который...

— Они так считают,— ответил, не дождавшись конца фразы, Паз и, помахав ей на прощание рукой, свернул на дорожку к своему дому.

Войдя в спальню, он обнаружил, что его супруга подает признаки жизни. Она заморгала, потерла глаза, потом напряглась.

— Надо же было так заснуть, а? Сколько времени?

— Самое начало пятого.

Она села, привалившись к изголовью кровати.

— Проспала. Мне нужно позвонить в больницу, если меня еще не уволили.

— С тобой все в порядке. Я говорил с Кеммельманом. Очевидно, такое время от времени случается. Ничего страшного.

Ее глаза сузились.

— Ты говорил с Кеммельманом обо мне? Когда это было?

— Ну, не знаю, кажется, вчера утром.

— Вчера утром? Джимми, о чем был разговор?

— Лола, у нас сейчас среда, пятый час. Ты проспала более сорока восьми часов.

Подозрение на ее лице сменилось ошеломленным изумлением.

— Это невозможно!

— Но это правда. Снилось тебе что-нибудь?

Она отвела глаза, но он повернул ей голову и снова поймал ее взгляд.

— Нет,— ответила Лола.— Ничего, что я могла бы припомнить.

— Хорошо. Но раньше тебе снились сны, не так ли?

— Возможно. Но какое это имеет...

— Нет-нет, я догадываюсь, Лола. Тебе каждую ночь снились кошмары, *такие же, как мне, такие же, как Эйми.* Ты вообще не могла спать, и это сводило тебя с ума. А теперь давай я использую свои магические силы и скажу, что это были за сны. Подробности мне, конечно, неизвестны, но дело касалось Амелии. Ее собирался съесть большой ягуар, и, хотя ты хотела помешать этому, казалось вполне разумным, что сама она не против того, чтобы быть съеденной, ибо это правильно. Все это, разумеется, делало сон еще ужаснее.

— Один и тот же сон, ночь за ночью, ночь за ночью.

Паз посмотрел ей в лицо: губы ее дрожали, глаза бегали.

— Я прав? — требовательно спросил он.

Последовал кивок.

— Я думала, что схожу с ума.

— Ничего ты не сходишь, нет.

Он присел на кровать и обнял ее.

— Я знаю, ты во все это не веришь и все такое, но против фактов не попрешь, а они налицо. Первое: троим членам одной — нашей! — семьи снились одинаковые кошмары, в ко-

торых фигурировал ягуар. Второе: двое богатых кубинцев, включая моего отца, погибли, причем, по всем признакам, их убил огромный хищник из семейства кошачьих...

— Что? Ты это знаешь? Полиция считает...

— Я это знаю. Полиция просто хочет, чтобы это было обычное убийство из мести. Дай мне закончить. Третье: в городе находится индеец из Южной Америки, который заявляет, что способен превращаться в ягуара. Этот индеец выслеживает Амелию. Я имею в виду не сны — физически. Так случилось, что я сам видел его на пляже, и он ошивался на большом дереве возле ее школы. Она разговаривала с ним и угощала его кукурузными чипсами. Четвертое: сантеро из иле моей матушки предсказал, что Амелии грозит опасность со стороны какого-то крупного животного.

— Джимми, это безумие...

— Ш-ш-ш! Знаю. Последнее — все эти сны с ягуаром у нас троих прекратились потому, что я позволил матушке задействовать амулеты с защитными чарами, так называемые енкангуэ. Один из них — над кроваткой Амелии, другой — у меня на шее, третий — вот здесь.

Он похлопал по постели.

Она отстранилась от него и вытаращила глаза с таким видом, словно вот-вот расплачется:

— Не могу в это поверить! Это необъяснимо!

— Можешь говорить это и дальше. А я предлагаю, если угодно, в интересах науки убрать енкангуэ и посмотреть, не посетят ли тебя эти сны снова. Должен, правда, предупредить, что Елеггуа не нравится, когда кто-то отвергает его дары, а он страж проходов между нашим миром и миром снов. Во второй раз это может не сработать. Ну что, хочешь попробовать?

Лола испустила такой вздох, словно рационализм представлял собой газ и теперь вытекал наружу через прокол, образовавшийся где-то у нее внутри. Потом она снова упала на подушку и натянула на лицо легкое одеяло.

— Чего я хочу, так чтобы ничего этого вовсе не происходило,— вырвалось у нее.

Он мягко, но настойчиво потянул одеяло вниз, чтобы видеть ее глаза.

— С этим, детка, ничего не получится. Что происходит, то происходит, и нам придется играть в эту игру. Но если мы сыграем как надо, то выкарабкаемся.

— Но почему? — простонала она.— Почему этому индейцу понадобилась Эйми? Бога ради, она ведь ничего ему не сделала, она вообще еще дитя! Почему?

— Вот и мы с Амелией на днях обсуждали вопрос о том, что Исаак тоже был невинен, так почему же Бог возжелал его смерти? Невинные гибнут ежедневно, причем без всяких церемоний. Просто существуют некие правила, по которым живет мир, нечто такое, чего мы не понимаем. Но пытаемся. Вот почему у нас есть сантерия и все в этом роде. Включая, конечно, науку. Однако создается впечатление, что научная цивилизация по части истребления ни в чем не повинных людей ничуть не уступает всякому там вуду. А если вдуматься, так и превосходит. Существуют некие силы. Ты можешь игнорировать их, делать вид, будто их нет, пытаться воздействовать на них или умиротворять их и надеяться, что они оставят тебя в покое. Амелия говорит, все мы хоббиты. Между тем, и это уже имеет к нам самое прямое отношение, магический ягуар весом в четыре сотни фунтов хочет сожрать наше дитя.

— Прекрати! Мне страшно!

В комнате было тепло, но Лола не могла унять дрожь.

— Подумать только, ей страшно! Обалдеть можно.

— Что же нам делать?

Голос у нее стал высоким, чуть ли не детским, а на лице появилось такое выражение, какого Паз еще никогда не видел. Так мы выглядим, когда патина материализма дает трещину, открывая взору древний ужас: он сам прошел через это.

Сжав ее руку, Паз ответил:

— Я думал об этом. Ясное дело, главная фигура тут — моя матушка. Мы подключим к этому ее приятелей по сантерии и посмотрим, что они порекомендуют. До этого я хочу держаться поближе к Амелии, поэтому ей придется некоторое время не ходить на занятия. А еще я хочу поговорить с Бобом Цвиком. Думаю, я приглашу его завтра на рыбалку. И Амелию возьмем.

— А почему с Цвиком?

— Он чертовски умный малый, а я хочу предпринять последнюю попытку убедить себя в том, что все это не более чем дерьмо.

Кукси дождался, пока не стемнеет, и затем, с маленьким вещмешком цвета хаки на плече, направился по улице Ингрэм к школе «Провиденс». Луна еще не взошла, и в тени огромного дерева царила полная тьма. Ощупью, спотыкаясь о выступающие над землей корни, он добрался до серой колонны главного ствола, сложил ладони у рта и издал крик, подражая голосу птицы гоацин. Очень скоро сверху, из мрака густой кроны, донесся отклик, тихий, шелестящий звук, а потом оказалось, что Мойе, хотя и совершенно невидимый в кромешной тьме, стоит перед ним.

— У тебя хорошо получился голос гоацина, Кукси,— сказал Мойе.— На миг мне показалось, что я сплю или даже вернулся домой.

— Спасибо. Я боялся, что немного утратил навык. Рад видеть, что полиция до сих пор тебя не схватила.

— Нет. Человек забирался сегодня на это дерево. Он нашел мой гамак и мешок отца Тима и забрал их. Я находился совсем рядом с этим человеком, но заставил его не смотреть на меня. Уай'ичуранан очень плохие охотники, их счастье, что они получают еду из машин. Двое из них приближаются к дереву прямо сейчас. Думаю, они поймают тебя.

— Не сомневаюсь, что ты прав, но это не имеет значения. Однако сомневаюсь, чтобы они поймали тебя. Послушай, Мойе, чиниткси убили Обезьяньего парня и похитили Огненноволосую женщину. Можешь ты найти их и вернуть ее мне?

— Я могу найти их, да. Они к югу отсюда, не так далеко. Возможно, я смогу освободить ее. Но куда она пойдет, того не знаю. Она следует своим путем.

— Это правда. Ступай сделай, что сможешь. И спасибо тебе.

Кукси почувствовал движение воздуха у своего лица и понял, что остался в темноте один. Достав из сумки фонарик и другие приспособления, профессор приступил было к работе, но спустя считанные мгновения лес корней вокруг пронзили лучи мощных фонарей: он был схвачен, прижат к древесному стволу и умело обыскан двумя крепкими полицейскими.

— Где индеец? — требовательно спросил один из них.

— Я не видел никакого индейца,— ответил Кукси с честнейшим лицом.

— Что вы здесь делаете? — осведомился коп.

— Я собираю ночных насекомых. В кронах таких деревьев, как это, родственных смоковницам, обитают древесные осы, объект моих научных интересов.

Прекрасно зная, что лжец он никудышный, Кукси по возможности всегда старался говорить правду. Но довольно часто говорил не всю правду.

В голове Мойе находилась карта, по которой он мог узнать, куда надо идти, но это была не обычная карта. Не рисунок земной поверхности с высоты птичьего полета, выполненный в определенном масштабе.

Эту карту Мойе составил ночью, странствуя по умам мертвых людей, вехами ее служили ужас и желание, похоть и ненависть, любовь и гармония, и, хотя это трудное занятие, ему удается привести знаки, обозначающие улицы и дома обиталищ уай'ичуранан, в соответствие с собственными простран-

ственными ориентирами. Нагой, если не считать набедренной повязки и плетеного мешка, он спешит на юг, следуя по приятно ровным, характерным для этой земли каменным дорогам.

Некоторые люди видят, как он движется по федеральной трассе, однако всякий раз, когда кто-то оборачивается, не померещилось ли ему столь необычное зрелище, он уже ничего не обнаруживает. «Слушай, надо же,— говорит один другому,— а мне показалось, будто индеец чешет по автостраде», но если кто-то один и замечает Мойе, никогда не бывает, чтобы его увидела вся компания, да и те, кто увидел, очень быстро забывают об этом. Описание находящегося в розыске Мойе имеется в Майами у каждого копа, но ни один из полицейских, мимо которых он проходит, направляясь на юг, не только не пускается в погоню, но даже не пытается его окликнуть.

Затем, без особых затруднений, он находит дом. Двое чиниткси лежат внутри, еще один стоит перед входом, в тени крыльца, курит сигару и смотрит по сторонам. Кроме того, Мойе ощущает присутствие внутри девушки. Он проскальзывает к задней стороне дома — посмотреть, нет ли там другого входа.

Дверь там есть, но из тех, которые не открываются,— Мойе уже видал такие, знал, что в этой земле одни двери открываются, а другие нет, и мог лишь гадать, в чем тут дело.

Может быть, думает он, уай'ичуранан так же невежественны в изготовлении дверей, как неумелы в охоте. Возле двери лежит масса полезных вещей, который уай'ичуранан оставляют, чтобы их мог взять любой: металл, стекло, бумага и груды покрышек.

По наблюдениям Мойе, это у них в обычае: каждое утро огромные машины катят по улицам, и люди стаскивают в них мешки и корзины с едой и другими нужными предметами, возможно для того, чтобы дать их другим, кому этого недостает. А возможно, так еда попадает в их машины.

Не теряя времени на размышления над этими загадками, он легко взбирается по груде покрышек на крышу и направляется прямиком к находящейся там маленькой стеклянной хижине; поплевав на руку, стирает со стекла грязь, заглядывает и видит внизу то, что искал.

В помещении гаражного офиса Дарио Раскона вырвал из тревожного сна звон разбитого стекла. Он мигом вскочил с потертого кожаного диванчика, на котором спал, вытащил пистолет и, не став будить храпевшего Иглесиаса, прошел через дверь в рабочий отсек.

Несколько мгновений он напряженно вслушивался в темноту, а потом щелкнул выключателем. Из восьми трубок дневного света, находящихся в двух потолочных светильниках, зажглись только три, но этого вполне хватило, чтобы увидеть индейца — низкорослого, коричневого, почти голого, стриженного под горшок мужчину с татуировками на лице. Он стоял под разбитым световым люком, вокруг валялись поблескивающие осколки стекла.

Направив на него пистолет, Раскон приказал ему подойти ближе, держа руки поднятыми, но индеец, двигаясь слишком быстро, чтобы его можно было взять на мушку, метнулся за верстак. В этой части гаража было темно, но Раскон индейцев не боялся: у себя на родине он перебил их чертову уйму. Раскон уверенно двинулся вперед и, не обнаружив индейца за верстаком, пошел дальше в темноту, поводя стволом из стороны в сторону.

Ар-рар-рах. Ар-рар-рар-рах.

Он подпрыгнул и развернулся на этот звук, успев подумать, что, наверное, заработал какой-нибудь мотор — не иначе как хренов недоносок включил зажигание,— и с изумлением понял, что лежит ничком на полу. Пистолет выпал из его руки и отлетел в сторону, а последним его ощущением в земной жизни было горячее дыхание на шее.

С того места, где находилась Дженни, все происходившее было прекрасно видно. На ее глазах фигура Мойе потемнела, приобрела смутные очертания, потом, увеличившись в размерах, снова уплотнилась, и вот уже на его месте оказался бьющий хвостом зверь. Она отлично видела, что он сделал с человеком. Второй бандит, появившись в гараже, что-то крикнул, и практически одновременно с этим зверь взвился в воздух и, став похожим на смазанное пятно, мгновенно преодолел расстояние до человека: за этим последовал глухой удар, сдавленный крик и спустя момент — плеск льющейся жидкости. Это хлестала кровь. Потом все стихло. Чуть постукивая когтями о бетонный пол, ягуар приблизился к девушке, и его морда оказалась всего в нескольких дюймах от ее лица. Она взглянула прямо в желтые, безжалостные глаза. Зубы стучали от страха, но Дженни как-то удалось выговорить: «Мойе, не убивай меня».

Ягуар оскалился. Она увидела измазанную в крови морду, длинные желтые клыки. Из пасти хищника исходил резкий запах свежего мяса и какой-то другой, сладковатый, перебивавший все прочее. Дженни вдохнула, вобрала этот запах в себя, внезапно ощутила такой знакомый внутренний холод и, испытывая не столько страх, сколько облегчение, ускользнула в забвение эпилептического припадка.

Когда Дженни пришла в себя, ее путы были перерезаны. Она нашла водопроводный кран, утолила жажду, вымыла лицо и руки, а потом и ноги, на которых засохла моча. В гараже царила полная тишина, нарушаемая лишь доносившимся снаружи приглушенным городским шумом. На пол и на то, что там находилось, девушка не смотрела. Милосердная амнезия снизошла на ее сознание, которое сейчас походило на большущий пыльный склад, в просторной пустоте которого витают лишь немногие разрозненные мыслишки, главной из которых являлось прямое указание: ЖИВИ.

Повинуясь ему, она, как была голышом, покинула ремонтный отсек, замешкавшись лишь для того, чтобы щелкнуть

выключателем, ибо ей с малолетства вбили в голову, что, выходя из помещения, надо обязательно гасить за собой свет.

Даже в таком городе, как Майами, где господствует весьма вольный стиль в одежде, появление на оживленной улице обнаженной женщины не могло не привлечь к себе внимания. Дженни повезло, что, не пройдя и четверти мили, она наткнулась на двух женщин, возвращавшихся из кино. Обе оказались социальными работниками и имели немалый опыт. Они сразу поняли, что девушка пребывает под воздействием наркотиков. Ее остановили, завернули в накидку и доставили в приемный покой ближайшего медицинского учреждения. Им оказался госпиталь Южного Майами.

Выкурив сигару, Пруденсио Ривера Мартинес прогулялся в мексиканскую закусочную, угостился taco — кукурузной лепешкой с вложенным в нее ломтиком мяса, сходил в туалет и, вернувшись в гаражный офис, с удивлением обнаружил исчезновение обоих своих спутников. Он заглянул в ремонтный отсек, несколько раз окликнул их по имени, но, не получив ответа, прошел несколько шагов внутрь, на чем-то поскользнулся и, не удержавшись, грохнулся на четвереньки. Поднявшись, Мартинес взглянул на липкие ладони — они были запачканы кровью. Включив свет, он увидел, что поскользнулся на куске печени Сантьяго Иглесиаса.

Тот, кому пришлось лишиться этого органа, лежал поблизости, в нескольких ярдах. В глубине помещения виднелся еще один бугор посреди большой, темной лужи: что-то подсказало Мартинесу, что это Раскон. Девчонка пропала. Он достал свой сотовый телефон и совсем было собрался набрать номер, но тут в его сознании зародилась новая идея. Мартинес положил телефон на инструментальный шкафчик и обдумал сложившуюся ситуацию: у него имелось несколько тысяч наличными, новый фургон, пушка и небольшой личный запас очень чистого кокаина.

Этого было более чем достаточно, чтобы начать новую жизнь в Нью-Йорке. Конечно, Хуртадо или El Silencio могли отправиться на его поиски, но сначала им следовало разобраться с тем, кем бы он ни был, кто устранил двоих крутых, отмороженных колумбийских гангстеров, даже троих, считая Рафаэля в доме Кальдерона, и он полагал, что на это им потребуется немало времени и усилий. Так или иначе, у него не было больше желания участвовать в этом fregado — дурно пахнущем деле.

Он сел в фургон и, как очень многие его соотечественники, иммигрировал в Америку.

Лодка Паза представляла собой фанерную лохань местной работы, страшную как черт, к тому же покрытую шелушившейся розовой краской. Первоначально она носила название «Марта», но с тех пор, как одна из металлических букв отвалилась и плюхнулась в море, стала «Мата» — куст. Паз счел это имя даже более подходящим для суденышка, принадлежащего детективу убойного отдела, и оставил все как есть. Посудина пропускала воду, не отличалась удобством, но зато сдвоенный двигатель «Меркури Оптимакс» гонял по воде ее плоский корпус с быстротой молнии.

В настоящий момент это чудо судостроения стояло на якоре на Флоридском заливе, у впадины, где Паз рыбачил годами. Они вышли в море на рассвете, и Паз успел поймать пару жирных робало, а Цвик — несколько круглых трахинотов; общее же число выловленных рыбин достигло одиннадцати. Сейчас рыба перестала клевать, и только Амелия всерьез продолжала ловлю, вновь и вновь методично забрасывая удочку, скармливая наживку донным крабам.

Двое мужчин сидели на обитом рундуке, расправляясь со второй упаковкой баночного пива, и Цвик распространялся о своей работе. Он всегда был не против потолковать на эту тему, в данном же случае Паз его всячески к этому поощрял.

В результате он основательно ознакомился с теорией Пенроуза о том, что сознание в известном смысле является квантовым феноменом, проявляющимся в тончайших, микроскопических трубочках нейронов. Познакомился он и с теорией Эйдельмана, говорящей, что мозг есть не что иное, как набор планов или схем с пластами нейронов, систематически взаимодействующих с рецепторными клетками, воспринимающими полноту реальности, данной в ощущениях. Согласно этой концепции, ощущения, в сущности, конструируют сознание.

Идея Цвика заключалась в том, что истинный ключ находится в согласовании двух теорий: предложенного Эйдельманом представления об обратном плане, объясняющем, как мозг конструирует картину мира и своего места в нем, и концепции Пенроуза, объясняющей, насколько мог понять эту мудреную тарабарщину Паз, чем сознание отличается от машины, то есть почему человек может выдумывать что-то новое, на что решительно не способен компьютер.

Паз слушал, спрашивал, получал подробные ответы, иногда даже что-то понимал и терпеливо ждал, когда Цвик напьется настолько, что можно будет перейти к менее ортодоксальным вопросам. Как оказалось, усваивать информацию из речей Цвика намного сложнее, чем черпать ее из постельных бесед с голыми женщинами, тех, которые на протяжении многих лет были для Паза основным источником научных познаний.

«Интересно,— подумал он,— это секс повышает умственную восприимчивость или, наоборот, выброс Цвиком тестостерона ее понижает?»

Последнее соображение показалось ему прекрасной мыслью, вполне в докторском духе, хотя вряд ли стоило ожидать появления этого тезиса на страницах научной печати.

— А как насчет галлюцинаций, доктор? — спросил он.— Они не могут существовать, так как, по определению, за ними

не стоит реальности, данной нам в ощущениях. Однако они кажутся вполне реальными.

Цвик отмахнулся.

— Все это нарушения передаточной функции, сбои в работе нейронных медиаторов среднего мозга. Мы можем продуцировать любого рода галлюцинации путем электрической стимуляции, воздействия магнитным полем, химическими агентами... тут нет ничего особо интересного для изучения.

— До тех пор, пока галлюцинации не завелись у тебя. А как насчет галлюцинаций, за которыми стоит реальное физическое явление?

— Это уже, по определению, не галлюцинации.

— Если только само явление не галлюциногенное. Где ты в таком случае проведешь грань?

— Слушай, Паз, кончай темнить. Что у тебя на уме? Опять какое-то жуткое дерьмо?

— Жуткое, это точно. Скажи, ты достаточно пьян, чтобы высказать мне свое научное суждение?

— Едва ли. Почему на этой лоханке нет дайкири? Разве береговая охрана этого не требует?

— Только при выходе в международные воды. Но все-таки скажи, что ты, как известный и пьяный физик, думаешь о превращениях?

— Что ты имеешь в виду под «превращениями»?

— Я имею в виду широко распространенное среди шаманских народов убеждение, что отдельные, наделенные особыми способностями и получившие специальную подготовку люди могут превращаться в животных.

— А, ты об этом. Полагаю, они только воображают, будто дух великого льва или кого-то там еще вселяется в них, хотя могут вполне искренне в это верить, рычать и порываться гоняться за зебрами.

— Это запросто, кто бы спорил, но я-то говорю о реальности, о допущении того, что подобное может происходить в действительности. И не просто так говорю, не с потолка. Речь

идет о случае, в связи с которым мне совсем недавно звонили из Департамента полиции Майами, хотели проконсультироваться. Парочка граждан отправилась на тот свет, причем по всем признакам это работа крупного животного, хищника из семейства кошачьих. У нас имеются отпечатки лап, а характер ран указывает, что они нанесены клыками и когтями. Эксперты даже вычислили вес зверя. Однако, думаю, нет нужды говорить, что о появлении в окрестностях такого животного сообщений не поступало. У нас также есть один болтающийся по городу маленький индеец, прибывший прямиком из джунглей Южной Америки, имеющий зуб на жертв и сам подтверждающий, что в известном смысле способен превращаться в ягуара. Есть у нас и некое подтверждение его способности, так сказать, модифицировать свой образ. Что ты можешь из этого слепить?

— Дерьмо — оно дерьмо и есть,— сказал Цвик.— Конечно, формально мы, занимающиеся наукой, вообще не имеем права утверждать, будто что-либо невозможно, однако вероятность какого-либо предполагаемого явления может быть столь ничтожно мала, что ее можно не принимать во внимание, и твой случай я склонен относить именно к данной категории. То есть, разумеется, органическая материя способна к изменению формы. Это осуществляется, например, в процессе эволюции, но занимает огромные промежутки времени. А вот мгновенное превращение одних живых существ в другие имеет место только в сказках, в реальной жизни такого не происходит.

— Ладно, но взгляни на это иначе. Будь ты Богом и вздумай ты сотворить мир, в котором такое возможно, как бы ты поступил?

— О, до чего же здорово вообразить себя Богом! — рассмеялся Цвик и, прикончив свое пиво, бросил банку через плечо в залив.— Хотя среди множества улучшений, которые мне захотелось бы сделать в таком качестве, это едва ли относилось бы к первоочередным, но давай-ка посмотрим...

Цвик прислонился спиной к перилам, открыл еще одну банку, поднял голову и обратил к небу утративший фокус взгляд, словно испрашивая совета у божества.

Паз смотрел на него с интересом, как на некий природный феномен. Конечно, созерцание того, как размышляет Роберт Цвик, было не столь захватывающим, как подача Нолана Райана или бросок Майкла Джордана, но это были явления одного, экстраординарного порядка, недоступные для обычных людей.

— Правильно,— сказал Цвик после долгого молчания.— Нервная система любого из нас содержит в себе некую карту его тела. Никто не знает, насколько она подробная, но для удобства обсуждения предположим, что речь идет о молекулярном уровне. В таком случае в сознании твоего оборотня должна храниться точная копия матрицы избранного животного. Как инициируется и осуществляется преображение, мы не знаем, хотя, скорее всего, не через какой-либо строго биологический процесс. С другой стороны, мы постоянно открываем биологические процессы, о существовании которых не подозревали, да и в известных есть о чем задуматься. Возьмем, например, превращение гусеницы в бабочку. Это совершенно разные существа, но одно из них преобразуется в другое, причем в относительно короткие сроки. Предположим, что мы имеем дело с аналогичным процессом, только сжатым во времени. Да, конечно, тут потребуется пропасть энергии. Однако во Вселенной существует огромный энергетический резерв, так называемая темная энергия, хотя в норме мы понятия не имеем, как к ней подступиться. Но предположим, Пенроуз прав, что сознание частично является квантовым феноменом, и будем считать, будто наш маленький приятель разрешил ключевую проблему дуализма, не спрашивай меня как...

— Какую проблему-то?

— Субстанциональный дуализм подразумевает, что сознание существует само по себе, вне зависимости от материального мозга, как считал Декарт. Это вроде бы разрешает все

проблемы сознания, «призрака в машине», как они говорят, то есть, если быть точным, все, кроме одной, да только она ключевая. Каким образом может осуществляться какое-либо соприкосновение или связь между нематериальным и материальным? Каким образом нематериальный разум может производить материальные действия: скажем, возбуждать нейроны коры головного мозга, которые, в свою очередь, приводят в движение руки? Вот почему все это дерьмо, и вот почему нет никакого Бога.

— Кроме тебя?

— Само собой. Но в данном случае это не важно. Субстанциональный дуализм подразумевает существование разумных нематериальных сущностей, способных, несмотря на свою нематериальность, воздействовать на вещество, генерируя энергетические потоки. Предполагаемое существо перемещает молекулы и собирает, в соответствии с имеющимся в его сознании образцом, живой объект, как из элементов мозаики или конструктора. В конце концов, животная плоть, при всей кажущейся сложности строения, по сути, представляет собой лишь воздух, воду да некоторые минералы, легко извлекаемые из обычной земли, если, конечно, ты обладаешь божественной мощью. Это одно решение. А вот альтернативное: в его основе лежит предположение о существовании других, параллельных вселенных, примыкающих к нашей, которые и можно считать невидимыми мирами мистиков.

Мы полагаем, что наши четыре измерения генерируются вибрациями замыкающих нитей пространства Калаби — Йау, но чтобы эта математическая модель работала, приходится допустить существование еще как минимум семи измерений, о которых мы ничего толком не знаем и, вероятно, никогда не узнаем. И снова встает центральный вопрос — что такое сознание? Возможно, оно способно проникать между измерениями и открывать проход для мистических сознаний.

Может быть, это предполагает более простое решение, чем сборка твоего ягуара по порядку из молекул: эта сущность

просто проходит насквозь, а твой индеец в это время смещается в иное измерение, освобождая проход,— ну, как бывает, когда ты проходишь во вращающуюся дверь. Правда, это должно требовать огромных затрат энергии, но кто в таких делах считает затраты?

Паз кивнул. Он имел некоторый опыт и по части появления из ниоткуда, и по части необъяснимых геометрий.

— Это мне нравится. Итак, ты считаешь такое возможным.

— В корне неверная формулировка. Принципиально возможно, как я уже говорил, решительно все, но вот вероятность действительного существования чего-либо, кроме того, что наблюдаемо и может быть проверено опытным путем, ничтожно мала. С другой стороны, мы ни хрена не знаем о принципиальной основе сознания или вероятностной картине присущей для измерений, отличных от известных нам.

Он потряс в руке пивную банку, заглянул в нее и, убедившись, что она пуста, вышвырнул за борт.

— Итак, это решает физическую проблему, но оставляет социологическую, которая, по моему разумению, сама по себе является самым красноречивым доводом.

— И в чем она состоит?

— А состоит она вот в чем: если принять на веру способность этих маленьких ребят, этих шаманов, силой сознания осуществлять движение слабых энергий, то как получилось, что не они сейчас правят миром? Как получилось, что наука и основанные на ней технологии полностью уничтожают любое конкурирующее мировоззрение? Причем уничтожают физически! Позволь тебе напомнить, что все эти твои якобы владеющие магией индейцы прозябают в резервациях, большая же часть так называемых носителей традиционных культур, наплевав на «оккультное могущество», стекается в города, движимая низменным желанием носить нижнее белье и смотреть телевизор.

— Моцарт,— сказал Паз.

— Не понял.

— Встречаются люди, способные сотворить нечто удивительное, ну, например, Моцарт, но высшие достижения искусства не облекаются в упаковку, а потому не становятся достоянием всей культуры в целом. То же относится и к магии: ее носителями становятся лишь единицы, избранные или наделенные особыми способностями. А вот достижения науки в упаковке технологии может использовать каждая дырка в заднице, поэтому, как ты и сказал, она торжествует повсюду, разрушая, как ты и сказал, традиционный образ жизни.

— Хм, это и вправду звучит как нечто, состряпанное антропологом. А хочешь ты получить настоящее объяснение?

— Да уж будь так добр.

— Ты имеешь дело с самыми обыкновенными убийствами, совершенными самыми обыкновенными убийцами — в том смысле, что они люди. Но они еще и шарлатаны, ловкачи, и все так называемые улики — это сплошной обман. Мистификация, задуманная для того, чтобы сбить с толку и напугать до смерти тех, кто их увидит. Расчет делается на то, что люди падки на мистику и склонны к самовнушению.

— Именно такова и нынешняя версия полиции. Но как быть с тем, что мне, моей жене и моей дочери в то самое время, когда все это происходит, снится один и тот же сон с этим ягуаром?

— О, сны! Теперь они считаются надежными, внушающими доверия доказательствами! Послушай, тебе не кажется, что рациональная наука, когда дело касается человеческого сознания, в той или иной степени отрицает саму себя? Я хочу сказать, цель научного исследования как такового состоит в том, чтобы исключить...

— Папа! Мой крючок за что-то зацепился!

Двое мужчин воззрились на Амелию, чье удилище и впрямь изогнулось, чуть ли не сложившись пополам. Паз с неожиданным чувством вины понял, что он едва не забыл о присутствии на борту дочурки. Тормоз спиннинговой катушки вы-

давал серию щелчков. Паз подскочил к девочке, забрал у нее удилище и сразу ощутил на том конце лески живую тяжесть.

— Это не крючок зацепился, детка, а рыба клюнула,— сказал он, возвращая дочери спиннинг.— Давай-ка подтяни ее. Крути катушку.

Девочка так и сделала, в то время как Цвик нагнулся, пригляделся к натянувшейся леске и скептически хмыкнул:

— Бьюсь об заклад, это старая автомобильная покрышка: что-то она не дергается.

— Замолкни, Цвик. Тоже нашелся умник — учить кубинцев рыбной ловле. Правильно я говорю, Амелия?

— Конечно, папа. Никакая это не шина, а рыбина. Я чувствую, как она двигается.

Она была права. После пяти минут упорного вращения катушки показалась подтянутая к поверхности серая рыба. Паз перегнулся через борт, подцепил добычу сачком и перенес на катер, но рыбина забилась, выскочила из сетки и запрыгала по палубе.

— Кто это, папа? — воскликнула девочка.

— Это зубатка. Боже мой, да в ней не меньше двух фунтов! Подожди секундочку, сейчас я ее снова сачком накрою.

Но рыбина скользнула прямо к Цвику, который как раз поднял ногу, желая подойти к ним поближе.

Паз увидел это, понял, что сейчас произойдет, хотел было крикнуть, предостеречь приятеля.

Слишком поздно. Нога Цвика тяжело опустилась прямо на спину рыбе, и длинные, острые, полные яда шипы ее спинного плавника, проколов тонкую подошву, пронзили его ступню до самой кости.

— Что, все еще больно? — спросил Паз спустя двадцать минут, в то время как «Мата» на полной скорости неслась через залив по направлению к Фламинго.

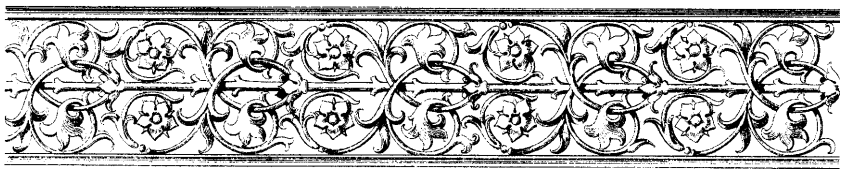
— Да уже не особо. Я попросту ампутировал себе ногу твоим рыбацким ножичком.

— О, да это серьезно.

— Серьезно? Да это агония! Какого черта ты не сказал мне, что у этой дьявольской твари на спине ядовитые шипы?

— Так ведь я думал, ты и без меня все на свете знаешь,— ответил Паз.— Ну кто, скажи на милость, мог подумать, что самому большому умнику во всем мире приспичит потоптаться на колючей зубатке, а? Ладно, мы уже почти в канале, скажи лучше, куда тебя доставить? В Джексон?

— Черта с два, только не туда! — закричал Цвик.— Еще не хватало попасть в руки к одному из моих студентов! Нет уж, двигай в госпиталь Южного Майами. Кстати, это и ближе.



17

— Страшно подумать, как все подряд, услыщав, что со мной случилось, будут отворачиваться и подавлять смешки,— обиженным тоном проворчал Цвик, обращаясь к Лоле Уайз, которая и сама с трудом сдерживала смех.

— Тут нечего стыдиться,— заявила Лола.— Я слышала, сам сэр Фрэнсис Крик однажды сунул язык в электрическую розетку.

— Смеешься, да? Представляю, как ты будешь заходиться от смеха, когда после этой операции я останусь с постоянным функциональным повреждением мозга.

— Цвик, это всего лишь местный наркоз. Нужно прочистить и обеззаразить рану. Не может у тебя быть никакого мозгового расстройства от местной анестезии. И вообще, ты ведь доктор — или забыл? Не понимаю: взрослый человек, врач, а ведешь себя как ребенок.

Лола почувствовала, что ее тянут за халат, и наклонилась, чтобы услышать шепоток дочери.

— Эйми говорит, ты можешь взять в кафетерии плитку шоколада «Голубка». Она говорит, дескать, всегда так поступает перед уколом и хочет надеяться, что этот способ позволит тебе не хныкать.

— Спасибо, Эйми,— сказал Цвик.— Ты тут единственная, кто не заставлял меня чувствовать себя тупицей. Скажи, Амелия, вас этому в детском садике учат, а? Ну там — цвета, алфавит, а заодно и рыбины с острющими, ядовитыми спинными шипами — все это есть в программе?

Прежде чем Амелия успела обдумать вопрос, вошла медсестра и, хихикая, увезла Цвика прочь на каталке.

— Где папа? — осведомилась Лола.

— Где-то здесь. Мамочка, это я виновата в том, что Боб поранился? Это ведь была моя рыбина.

— Нет, сладенькая, конечно нет. Это был несчастный случай. Ты ведь не знала, что это может быть опасно.

— Но ведь фактически, не поймай я рыбину, он бы не поранился.

Наклонившись, Лола обняла девочку и пощекотала ее.

— Эй, ну-ка прекрати это! Скажем так, фактически, если бы я не встретила твоего папу, не вышла за него замуж и не родила тебя, тебя не было бы здесь, и ты не поймала бы эту рыбу, и он бы не поранился... Но глупо говорить, будто он поранился потому, что когда-то мы повстречались с твоим папой. Никто не может предвидеть столь отдаленные последствия своих поступков, а если кто попробует, то спятит. А за непреднамеренный результат и спроса нет.

— Что значит «непреднамеренный результат»?

— Ну, когда одно событие тянет за собой другое, непредвиденное. Я к тому, что непреднамеренный результат в моральном смысле нейтрален, то есть ответственность предполагает намерение. Ты ведь не имела намерения повредить Бобу, так? Ведь нет? Значит, ты не на крючке.

— В отличие от зубатки,— подхватил Паз; входя, он услышал последнюю фразу. Он обнял жену и дочь одновременно.— У нас тут завелась классная pescadora, удильщица,— добавил Паз, ласково ткнувшись носом в дочуркину макушку.— Представляешь, она своими руками вытащила настоящее чудище, рыбину весом в два фунта три унции.

— Да,— отозвалась его жена,— мы как раз обсуждали эту запутанную последовательность случайностей, и что если она поймала рыбу, это еще не значит, будто она виновата в случившемся с Бобом.

— В этом есть смысл, но, с другой стороны, можно сказать, Цвику нужен был маленький укольчик. Что же до случайностей, то многие люди считают, будто они вовсе не случайны.

— Есть такая точка зрения,— произнесла Лола тоном, показывавшим, что она эту точку зрения не разделяет.— Но в любом случае я должна осмотреть больную.

— Хлопотный день, а? Я вообще удивился, увидев, что ты работаешь.

— Ну, тебе пора бы усвоить: твоя жена не из лентяек. Дурью маяться не люблю, от безделья, дома, схожу с ума, вот и подумала, что мне лучше переменить обстановку. А тут эта пациентка. Интересный случай, парочка Добрых Самаритян подобрала ее, когда она разгуливала голой по автостраде Дикси. Они решили, будто бедняжка подверглась нападению и была одурманена наркотиками.

— А это действительно так?

— Трудно сказать. В крови наркотиков нет. Половую жизнь ведет, но сексуальному насилию вроде бы не подвергалась, во всяком случае недавно. Но с другой стороны, она была связана скотчем по рукам и ногам. Я ничего не могла от нее добиться — она словно лишилась речи и вообще не в себе. Вдобавок эпилептичка. У нее был приступ, уже после поступления сюда.

— Ух ты! Ей около девятнадцати лет, высокая, симпатичная, рыженькая.

Лола воззрилась на него с ошеломленным видом.

— Откуда ты знаешь?

— Это Дженнифер Симпсон, ее разыскивает полиция. Пару ночей назад она была схвачена на улице колумбийской бандой. Я должен позвонить Тито.

— Боже мой! Ты уверен, что это та самая девушка?

— Ну, если это не какая-то другая рыжеволосая юная эпилептичка, которая недавно была связана по рукам и ногам и

болталась в окрестностях Майами. И вот еще что... помимо полиции ею наверняка сильно интересуются плохие парни.

— Но никто, кроме нас, не знает, что она здесь.

— В эту секунду да, но они наверняка уже подумали насчет больницы и обходят их, предлагая деньги. А в больницах работает множество низкооплачиваемых латиноамериканцев, поэтому лучше нам не терять время. Давай заглянем к Дженнифер прямо сейчас — вдруг, если мы скажем ей, что знаем, кто она, девчонка заговорит.

Они прошли по коридору в одну из маленьких палат для эпилептиков. Амелия, оставленная без внимания, тащилась за ними.

Девушка лежала на кровати, накрытая простыней; ее красно-золотые волосы рассыпались по подушке, словно у мертвой девы с викторианской картины.

— Дженнифер! — окликнула Лола, стоя над ней.— Дженнифер! Тебя ведь зовут Дженнифер Симпсон?

Дженни открыла глаза и увидела блондинку в белом врачебном халате и темнокожего мужчину. Они смотрели на нее с озабоченным видом и называли ее по имени. Звуки их голосов казались странными, сначала бессмысленными, они словно хлопали в пустоте сознания, бывшего, как она точно знала, ее собственным. Потом стали возвращаться воспоминания, сначала тонкой струйкой, а потом прямо-таки мощным потоком. В том числе недавние, о событиях в гараже.

Появилось еще одно лицо, склонившееся над ней и заполнившее поле ее зрения, — маленькая девочка, темноволосая, с кожей темнее, чем у женщины, и светлее, чем у мужчины. Всех их окружала, словно блестки, россыпь мерцающих огоньков. Волны света струились с их голов, стекая на пол с изысканной грацией, а волны прохлады прокатились по ее телу, от сердца до промежности; на сей раз прохлада была очень приятная, и ее куда-то унесло.

Когда к ней вернулась способность видеть, она обнаружила себя не в больничной палате, а где-то посреди серого, ли-

шенного горизонта пространства, залитого холодным, исходящим, казалось, из ниоткуда светом. В реальные, причем яркие цвета были окрашены лишь головной убор и накидка из перьев ее спутника, которым был Мойе.

По какой-то причине все это ничуть ее не удивило.

— Эй, Мойе,— сказала она,— что это такое? Где мы?

Он ответил на языке, которого Дженни не знала, однако прекрасно понимала значение всех его слов.

— Ягуар взял тебя на другую сторону луны, туда, где пребывают умершие,— пояснил он.— Я имею в виду настоящих умерших, а не уай'ичуранан. Это великое событие, и я сомневаюсь, чтобы еще кто-нибудь из вас был туда допущен. Думаю, это стало возможным благодаря твоему ункуайумайкат, дару падения. Через него божество достигает тебя, хотя ты и не имеешь никакой подготовки.

Дженни сочла сказанное вполне разумным и даже на миг удивилась, почему никогда раньше об этом не думала.

— Он дохнул мне в лицо.

— Да. Это еще одно действо, никогда не производившееся ни с кем из вас. Я даже не знаю, что оно значит.

— Я тем более. Может быть, я теперь тоже смогу превращаться в ягуара?

— Возможно, хотя ты должна понять, это вовсе не превращение. Нечто другое, хотя мне трудно объяснить, что именно. Ну... ты знаешь, как животные метят свою территорию?

— Как собаки мочатся на деревья?

— Да, хотя существуют разные способы. Так или иначе, те, кто служит Ягуару, являются его метками в этом мире. Шествуя через айампик, мир духов, он может обонять их и, если ему нужно, открывает дверь между мирами и перемещается с место на место, используя йампири, меня. После чего я остаюсь здесь, пока он не призовет меня снова.

— И что, теперь он собирается проделать это со мной?

— Все возможно, однако обычно для того, чтобы путешествовать по мирам, требуется долгое обучение и большая прак-

тика, а у тебя не было ни того ни другого. Я последний из своего народа, кто умеет это делать, и было бы весьма странно, окажись, что ты тоже способна на такое. Будь в нашем распоряжении множество сезонов, столько, сколько пальцев на руках, я бы, наверное, мог тебя научить, но такого времени у нас нет. Время моего пребывания на земле мертвых подходит к концу.

— Ты возвращаешься домой?

— Не думаю. Но пребывание среди мертвецов оказалось много труднее, чем я раньше думал.

Отец Тим был прав, вас так много, как листьев на деревьях, и, если один из вас умирает, его место тут же занимает другой. И я чувствую, как моя арийю't вытекает из меня, как сочится вода из тыквы, когда в ней появляется маленькая трещинка. Очень трудно оставаться человеческим существом, когда вокруг нет настоящих людей.

— Ты можешь вернуться домой. Бьюсь об заклад, Кукси в состоянии это устроить. Тебе не придется грести назад на своем каноэ.

— Я это знаю. И был бы счастлив вернуться, как предлагал мне Кукси, в летающем каноэ уай'ичуранан. Но сейчас я стал частью Ягуара, и Ягуар стал частью, частью... частью чего-то еще. Я могу произнести это слово, но даже будь тебе известно его значение, ты бы все равно не поняла, поскольку в умах мертвых людей нет места, чтобы вместить это понятие. Это место, куда сходится много-много троп, и выбор, сделанный там, определяет, по каким путям мы пойдем и что с нами случится или не случится, после того как мы двинемся по дороге. Ну а кроме того, по какой-то неведомой мне причине ягуар желает получить именно ту девочку. Это часть... чего-то. Именно та девочка. Увидев тебя впервые, я подумал, что ты и есть та, которая необходима ему, но оказалось — нет. Потом я подумал: это, наверное, внучка того человека, который был взят Ягуаром, Кальдерона, но и это оказалось ошибкой. Я служил Ягуару всю свою жизнь, но так и не постиг его

путей. Да и как бы я мог? Он бог, а я нет, но меня это никогда не заботило — такова жизнь, которую я избрал. Но мне любопытно, чего он хочет от тебя.

— Мне тоже,— сказала Дженни, хотя она не была слишком уж любопытна. Возможно, именно поэтому ее и избрал Ягуар.

Она часто замечала, что у большинства встречавшихся ей людей был как бы внутренний мотор, или компас,— они знали, куда идут, чего хотят, а вот Дженни всегда считала, что в ней ничего подобного нет, а если и есть, то больно уж слабенькое.

Сколько себя помнила, Дженни всегда была инертным созданием, готовым плыть по течению, подчиняться ходу событий, исчезая как личность всякий раз, когда кто-то другой брал на себя принятие решений. Она дрейфовала вместе с тем, что выпадало на ее долю, будь оно хоть придурковато-причудливым, хоть тоскливо-обыденным, как в приемных семьях. Она была послушной в школе, ни с кем не конфликтовала и всегда делала все, чего от нее хотели. Она согласилась на секс, когда пришло время и нашелся парень, включилась в движение по охране окружающей среды, ибо этим занимался Кевин, а интерес к науке подхватила от Кукси, хотя ей казалось, что в последнем случае дело обстояло не совсем так, как раньше.

Это было гораздо ближе к наличию чего-то настоящего — настоящего таланта или желания внутри ее пустоты. Сейчас в ней пребывало нечто иное, не то чтобы оно как-то проявляло себя, предъявляя какие-либо требования, но пребывало. И видимо, имело какое-то отношение к ее недугу, если, конечно, это был недуг.

Вот Мойе определенно так не думал.

Она обнаружила, что он смотрит на нее с интересом, как на какое-то диковинное растение. Улыбался он редко, но сейчас улыбка на его лице появилась, словно в ответ на глупую шутку. Она впервые заметила, что у него заостренные резцы.

Удивившись, что это его так развеселило, она совсем уж было собралась спросить, но тут сумрачную сцену залило ярким светом, и она снова оказалась в больничной палате.

Все поле зрения Дженни заполняла та доктор, блондинка,— она оттянула пальцем ей веко, с явным намерением посмотреть реакцию зрачка.

Девушка раздраженно сморщилась и отдернулась.

— Ну вот, ты снова с нами,— сказала женщина-врач.— Знаешь, где ты находишься?

— В больнице.

— Точно. В госпитале Южного Майами. А помнишь, как тебя зовут?

— Конечно. Дженни Симпсон. У меня был припадок, верно?

— Был, и не один,— ответила Лола Уайз и задала еще ряд вопросов, относящихся к ее состоянию.

После чего Дженни спросила:

— Ну, теперь я могу уйти домой?

— Дженни, это не самая удачная мысль. Приступ может повториться. Мы хотим подержать тебя некоторое время под наблюдением, посмотреть, какое лекарство действует на тебя лучше...

— Никаких лекарств! От дилантина мне становится еще хуже.

— Существуют и другие средства, помимо...

— Нет! Хочу домой.

Она села на койке, нескоординированная после перенесенного приступа и сна, если это можно было назвать сном. Окружающее все еще выглядело странным, перед глазами мерцали крохотные вспышки, и лицо доктора казалось прозрачным — нет, не то чтобы совсем уж прозрачным, подумала Дженни, но она словно могла видеть сквозь маску, за которой, как и все остальные, пряталась эта женщина, видеть ее истинные чувства. Женщина-врач была взволнована, не на шутку напугана, хотя внешне это никак не проявлялось. Мужчина и маленькая девочка отсутствовали.

Дженни оглядела маленькую палату.

— Могу я получить свою одежду?

— Жаль, но на тебе не было никакой одежды. Тебя доставили сюда полностью обнаженной. Кажется, откуда-то с шоссе Дикси.

— Ой, точно. Я и забыла. Слушайте, а вы не можете достать для меня что-нибудь?

Она торопливо протараторила, какие у нее размеры.

— Вот, и какие-нибудь шлепанцы, а? Я обязательно заплачу́, когда...

— Тебя в стационаре держать не будут, отпустят под подписку. Нужно будет заполнить форму.

— Здорово.

— Но с тобой хотела бы поговорить полиция,— сообщила Лола, почувствовав своеобразное удовлетворение при виде растерянного выражения, появившегося при этих словах на лице девушки, хотя в следующий момент ее уже кольнуло чувство вины.

Людям, чья профессия помогать другим, не очень-то приятно, когда предложенную помощь отвергают, и их чаще, чем принято думать, тянет за это поквитаться.

— Кстати, я принесла тебе одежду,— сказала Лола и была такова.

В холле она увидела Тито Моралеса и своего мужа.

— Девушка в вашем распоряжении,— сообщила она им и поспешила на сестринский пост отметить посещение.

— Ну что, пойдешь со мной? — спросил Тито.

— Думаешь, это поможет?

— Надеюсь. Не знаю, конечно, но... я говорил тебе, что долбаных колумбийцев отпустили восвояси?

— Нет. А за каким чертом это сделали?

— Да все из-за Гарсы с Ибанесом. Оба клялись и божились, что эти ублюдки — добропорядочные бизнесмены из Мексики. И они, беспрестанно улыбаясь, показывали превосходные мексиканские документы. Кроме того, и федеральный судья,

и помощник прокурора — оба кубинцы, а Гарса с Ибанесом — щедрые спонсоры партии, которая у кубинцев популярна. Ну, остальное ясно. Предъявить им было нечего, ордера мы не получили, так что hasta la vista mis amigos, до свидания, друзья мои. Пишите письма, когда вернетесь в Кайли.

— А вдруг они и правда бизнесмены?

Моралес закатил глаза.

— Ох! Послушай, да ты бы взглянул хоть на одного из них, там печати поставить некуда! Ты вообще в состоянии увидеть, когда что-то неладно, а? Ну вот, то, что с этими cabrónes дело неладно, видно невооруженным взглядом. Федералы кусают от нетерпения пальцы и бегают кругами.

— А как насчет Хуртадо? Или они не знают, кто он такой?

— А вот с Хуртадо дело обстоит еще круче. Да, конечно, о том, что он наркобарон, трезвонят все подряд, да только пришить ему пока еще ничего не удалось. Нужна информация, которая приведет к его аресту и обвинению, а с такой информацией пока глухо. А раз так, то он всего лишь один респектабельный бизнесмен, и наши кубинцы, конечно же, за него поручатся. Правда, я надеюсь, что девчонка поможет нам прояснить дело с убийством и похищением.

Девушка так и сделала, но до известной степени. Она не опознала по фотографиям людей, арестованных на Рыбачьем острове, и ее описание троих преступников, убивших Кевина Босса и похитивших саму свидетельницу, не наводило на мысль ни о ком из тех, кто состоял на учете, в розыске или так или иначе попадал в поле зрения полиции. Но место, где ее держали, Дженни запомнила и смогла приблизительно описать, где это находится.

— Как же ты спаслась? — осведомился Паз, после того как девушка рассказала ему, каким манером ее связали.

— Там жарища стояла, поэтому, наверное, лента на одном моем запястье ослабла, и я выпростала руку, а рядом валялись всякие инструменты. Я дотянулась до ножа и уж им разрезала все остальное.

— Что делали похитители, когда это происходило?

— Они... Они куда-то отошли,— соврала она.

Паз понял это сразу, но указывать ей на ложь не стал. Он ушел из палаты и отирался с Амелией на детской площадке, пока не вернулась Лола. С большущим пакетом для покупок в руке и выражением «Не спрашивай ни о чем» на лице она исчезла в комнате Дженни Симпсон, а вскоре после этого на кресле-каталке из лифта выкатился Роберт Цвик.

— Ага, нога, вижу, цела,— заметил Паз.— Как себя чувствуешь?

— Да так себе. Ты собираешься отвезти меня домой?

— Может быть, придется немного задержаться. Мне надо кое-что проверить в связи с полицейским расследованием. Насчет мистического ягуара, о котором шел разговор.

— Могу я поехать с тобой?

— А ты хочешь? Я спрошу.

Моралес уже говорил по сотовому телефону, когда Паз окликнул его:

— Эй, Тито, Цвик тоже хочет двинуть туда с нами.

— Нет,— сказал Моралес.

— Он самый сообразительный малый в мире. Если дело окажется запутанным, он может основательно нам помочь.

— Нет! — отрезал Моралес, продолжая разговор по сотовому.

— Это значит «да»,— заявил Паз.

Отрядив пару копов из полиции Майами приглядеть за больницей и Дженни Симпсон, Моралес посадил Паза с Цвиком в свою машину и погнал к тому месту, которое описала девушка,— темно-желтому блочному строению на юге Дикси, рядом с Восемьдесят второй улицей, с большой надписью на фасаде «СДАЕТСЯ ВНАЕМ».

Гофрированные стальные двери, за которыми находилась ремонтная секция гаража, были опущены и заперты, но дверь гаражного офиса осталась открытой, и стоило подойти к ней, как даже снаружи они услышали мерзкое жужжание, явля-

ющееся в Южной Флориде верным признаком беды, и учуяли бьющий в ноздри густой сладковатый запах. Пройдя через офис, где работал оставшийся не выключенным телевизор, они прошли в сервисный отсек. Моралес нащупал на стене выключатель.

Это походило на сцену из телевизионного детектива — тучами вьющиеся над лужами крови мухи, разбросанные по полу красные клочья мяса, которые, впрочем, трудно было разглядеть из-за облепившей тело и все растерзанные ошметки кишащей массы тараканов.

Как только зажегся свет, сотни этих тварей, потрескивая жесткими надкрыльями, поднялись в воздух. Трое мужчин сжались и инстинктивно нелепо замахали руками, а Цвик, резко развернувшись, с удивительной прытью заковылял к выходу. Спустя мгновение они услышали, как за дверью его выворачивает наружу.

— По крайней мере, он не заблевал нам место происшествия,— кисло произнес Моралес, мимоходом стряхивая с рукава огромного таракана.

Люди, неспособные привыкнуть к тому, что по ним ползают здоровенные летучие тараканы, в детективах убойного отдела полиции Майами долго не задерживаются.

— Боже мой, это похоже на... Слушай, это ошметки одного и того же парня, или тут раскромсали еще и другого?

— Думаю, другого. Пойдем посмотрим.

Моралес пошел первым, беспрерывно, словно ополоумевший адский дирижер, отмахиваясь от насекомых.

— Дай-ка сюда свой фонарик,— попросил Паз.— Кажется, здесь что-то есть.

Моралес передал Пазу миниатюрный, но мощный фонарь, и тот направил луч на пол.

— Глянь, мы уже видели эти следы, а, Тито? Должно быть, у твоего обманщика имелась целая коллекция ягуаровых лап.

Паз посветил лучом на осколки стекла на полу, а потом вверх, на тусклый световой люк.

— Он выбил стекло и проник внутрь. Вот осколки. Стекло было не меньше чем двадцать на двадцать дюймов, точно? Малыш запросто мог пролезть в эту дыру и спрыгнуть вниз... да, смотри, вот, в пыли, остались следы босых ног.

Он спрыгнул сюда, и кто-то, должно быть, увидел его, и, судя по этим следам, он спрятался за этот шкаф, и...

— Посвети сюда, а? — попросил Моралес.

Он сидел на корточках возле одной из самых впечатляющих луж крови, и, когда Паз направил туда луч фонаря, стал хорошо виден отпечаток угловатого предмета, который по размеру и форме мог быть строительным разметочным угольником. Или полуавтоматическим пистолетом. Видимо, он лежал там, когда пролилась кровь: все вокруг залило красным, а место, где находилось оружие, обрисовалось с четкостью негатива.

— Убийца подобрал пистолет,— указал Моралес.— Смотри, вот след каблука.

— Ты полагаешь, что малый, выпотрошивший этих двоих парней, был таким аккуратным?

— Это вполне могло быть то самое оружие, из которого пристрелили Кевина Восса. Они не хотели оставлять нам возможность проследить связь.

— Ну, может быть,— ответил Паз.— Ясно одно: это то самое место, где они держали девчонку.

Лучом фонарика он указал на автомобильный подъемник.

— Вот обрывки ленты, которой она была связана. Думаю, тип, подобравший пушку, был из тех, кто угробил Восса и организовал похищение, но эту, хм, расчлененку устроил не он. Наверное, они окликнули ребят, которые должны были караулить девчонку, не дождались ответа, сунулись сюда, а когда увидели все это, схватили пушки покойников и унесли ноги.

— Откуда ты знаешь, что не они их убили? Эти парни упустили девчонку, и их босс вполне мог выпустить им кишки в назидание другим.

— Ты веришь тому, что она наплела? Насчет того, дескать, ей удалось самостоятельно высвободиться из пут и удрать от двоих вооруженных колумбийских головорезов?

— Ей повезло,— сказал Моралес, пожав плечами.— А что, у тебя есть другая версия?

— Чем говорить, я лучше покажу: пол тут в пыли и смазке, поэтому все произошедшее читается как по книге. Наш маленький друг залезает на крышу, разбивает световой люк и спрыгивает на пол — вот сюда.

Паз указал нужное место лучом фонарика, словно учитель, действующий лазерной указкой.

— Покойник номер один замечает его, и он быстро прячется за шкаф. Там, куда он прыгнул, осталось смазанное пятно... Эй, Цвик, как ты себя чувствуешь?

Вошедший в гараж Цвик выглядел в сумраке совершенно зеленым.

— Я в порядке,— сказал он, отмахиваясь от насекомых,— а что вы здесь делаете?

— Мы воссоздаем картину преступления.

Паз кратко изложил содержание своего недавнего разговора с Моралесом, а затем направил луч фонаря на пол.

— Здесь следы босых ног обрываются. Он зашел за шкаф и остановился. И здесь же появляются следы ягуара. Ягуар обошел шкаф с другой стороны, присел — тут вы видите, как когти вдавились в цемент, когда он оттолкнулся,— взмыл в воздух и сбил нашего покойника с ног. Видимо, он налетел сзади, ибо у парня прокушен затылок. Потом он перевернул его и выпустил ему кишки. Лапы в кровище, это ясно видно по следам, ведущим в переднюю часть гаража.

Затем входит покойный numero dos, номер два, и тут, видите, снова зверюга припадает к земле — вот следы когтей,— одним прыжком настигает этого парня, разрывает ему глотку, вспарывает брюхо и закусывает на ходу его печенкой. После чего идет к подъемнику и общается с нашей подругой Джен-

ни. Между прочим, она вполне могла видеть все шоу целиком. Смотрите, вот отпечатки босых ног там же, где и следы ягуара. Они появляются снова, и — взгляните сюда! Если присмотреться внимательно, видно, что один из них находится поверх следа кошачьей лапы, то есть является следующим по времени. Заметьте также, что лента была разрезана очень острым лезвием, причем все обрезки одинаковы. Она не выпростала руку, кто-то освободил ее, разрезав ленту. Ну и кто это мог быть, кроме нашего маленького индейца? Очевидно, он освободил ее после того, как разделался с головорезами.

Последовавшее молчание нарушил Моралес:

— Итак, ты говоришь, якобы твой индеец забрался сюда, превратился в ягуара, угрохал плохих парней, снова обернулся человеком, освободил девчонку и смылся.

Моралес произнес все это медленно, с расстановкой, словно говорил не с детективом, а с ребенком, но Паз представлял себе, как мысли его мечутся, словно эти тараканы, в поисках места, куда можно было бы спрятаться, чтобы уберечь свое здравомыслие и основы своего мировоззрения от предъявленных Пазом доказательств.

В отличие от Цвика он не позеленел, но потел и нервно чесался.

— Хм,— произнес Моралес, а от более определенного ответа его спасло то, что Цвик громко фыркнул:

— О Паз, надеюсь, ты это не серьезно. Это просто нелепо.

— Почему? Это то, на что указывают очевидные признаки.

— Значит, это ложные признаки,— заявил Цвик.— Ошибочные доказательства. Послушайте, ребята, если чего-то явно не могло произойти, но налицо имеются признаки, свидетельства, доказательства того, что это произошло, значит, у нас две возможности. Или наши доказательства ошибочны, или они сфабрикованы и представляют собой мистификацию.

— Я думал, наука основывается на доказательствах,— заметил Паз.

— В известной степени. Если ты добавляешь некие сведения к совокупности известных данных, доказательная база может быть скромной. А вот если ты собираешься опрокинуть установившиеся представления о физической вселенной, тут тебе лучше позаботиться о чертовой уйме солидных, весских доказательств. А их в данном случае мы не имеем.

— Ага, похоже, мы сейчас забыли о перемещениях туда-сюда в семи дополнительных пространственных измерениях Калаби — Йау?

Цвик одарил его ледяным взглядом.

— Пьяная трепотня — это одно дело, а вера в предполагаемое объяснение конкретного феномена — нечто совсем другое.

— Ну и во что ты готов поверить на основании имеющихся данных?

— Смотрел фильм «Близкие контакты третьего рода»? Да? Помнишь, как спускается материнский корабль? Там задействовано великое множество камер, снимающих процесс во всех мыслимых ракурсах, работает вся имеющаяся в распоряжении людей фиксирующая аппаратура. Так вот, здесь тот же случай. Если ты хочешь, чтобы я поверил в способность индейца превратиться в ягуара, валяй, но пусть это произойдет на глазах у свидетелей, в полностью освещенном помещении. И пусть это фиксируется всеми возможными средствами объективного контроля — не только видеокамерами, но и приборами, улавливающими весь спектр излучений, от инфракрасного до гамма-радиации. Мне нужен полный телеметрический комплект — детекторы массы, радиометры, электромагнитные и химические датчики. Мне нужно, чтобы индейца опутали по жабры проводами, как в реанимационной палате. Тогда — может быть, может быть! — я поверю. А это дерьмо? — Он сделал жест в направлении следов.— Я могу за час наставить кучу таких отпечатков, используя самые простейшие инструменты. А если тот, кто все это устроил, не совсем тупой, то могу побиться об заклад, что на телах об-

наружатся волоски со шкуры ягуара и его ДНК. Впечатляюще, конечно, но я на такое не куплюсь.

— Да зачем кому-нибудь могло потребоваться этак ломаться? — спросил Паз.

— Зачем да почему — такие вопросы в ходу у некоторых долбаных детективов, которые сами себе морочат голову, вместо того чтобы спросить, что да как. Может, ты и вправду готов вообразить, будто это было мистическое существо, а не пара хреновых ловчил с ножами да хитрыми штуковинами, оставляющими фальшивые звериные следы вроде тех, которые используют придурки в подростковых лагерях, чтобы пугать девчонок. Когда найдешь ребят, которые это сделали, можешь порасспросить их, а я отсюда линяю.

Он направился к выходу, по дороге с хрустом давя тараканов.

— Ну что, Тито, как тебе то, что ты услышал от самого сообразительного малого в мире? — осведомился Паз.

— Ты ему веришь? — спросил Моралес.

— Вот что, Тито, сейчас ты детектив, а я просто суеверный кубинский повар.

Он изобразил на лице идиотскую улыбку, и через минуту Моралес тоже улыбнулся.

— Да, совсем забыл,— сказал он.— Так или иначе, это место под юрисдикцией округа, поэтому я звоню Финнегану, и пусть теперь у него голова болит. Не сомневаюсь, это сделает его день таким же насыщенным впечатлениями, каким сделало мой.

Паз не стал дожидаться детективов из полиции округа, а вызвал такси и подбросил Цвика в Корал-Гэйблз, неподалеку от университета, где он жил. Цвик после двойной дозы сухого «Викодина» был слишком вялым и заторможенным, чтобы вести автомобиль.

— Да, забавный выдался денек,— сказал он, вылезая из машины.— Давайте снова отправимся на рыбалку — чем скорее, тем лучше.

— Обязательно позвоню тебе, если увижу индейца,— сказал Паз.— Надо же узнать, что он думает насчет телеметрии.

— Обязательно это сделай,— кисло улыбнулся Цвик и заковылял прочь.

Когда Паз приехал домой, в воздухе висел дразнящий запах жарившегося мяса, и у него засосало под ложечкой от волчьего голода. Только сейчас он сообразил: ведь с самого завтрака у него во рту не было ни крошки, а сцена в гараже так отбила аппетит, что до этого момента ему даже не приходила мысль о еде. Первым делом, однако, Паз поспешил в ванную, сбросил одежду и залез под горячий душ. Уже приняв душ и вытираясь, он учуял сильный запах, перебивавший все остальные, включая запах мыла и слабый аромат готовившегося мяса. Он исходил от его одежды: Паз совсем забыл, как впитываются в одежду запахи с места убийства. Даже хуже, чем запах сигар, и в бытность детективом отдела убийств ему приходилось оплачивать астрономические счета из прачечной. Он засунул тряпки в стиральную машину, натянул свежие шорты и майку, достал из холодильника пиво и направился на задний двор.

Там он обнаружил свою жену, сидевшую в шезлонге, развалившись, как герцогиня, и наслаждаясь отдыхом, в то время как другие готовили еду. В этом ничего удивительного не было, кулинарными способностями и любовью к стряпне Лола не отличалась. Удивило его другое — возле гриля под неустанным надзором Амелии Паз хлопотала Дженни Симпсон. Судя по тому, как обе они хихикали, эта парочка нашла общий язык.

Это казалось естественным: в новой яркой одежде — аквамариновых шортах и расписанной изумрудно-зелеными листьями и цветами хлопковой рубашке с короткими рукавами — Дженни выглядела лет на двенадцать.

Паз всех вежливо поприветствовал, похвалил поварих, допил свое пиво.

— Где ты был? — осведомилась Лола.

— Да так... Можно тебя на секундочку?

Движением головы он указал, где хотел бы поговорить. Вдвоем они проследовали на кухню, и Паз спросил:

— Что она здесь делает?

— Я привезла ее с собой. Ты сказал, в госпитале может быть опасно, а мне хотелось подержать ее под наблюдением. Не говоря уж о том, что она выглядела такой потерянной, такой одинокой.

— Кто-нибудь видел, как вы с ней уезжали?

— Не думаю. Мы прошли через черный ход в парковочный гараж. А что?

— Что? Да то! Ребята, которые за ней следили, из тех, кто не любит оставлять свидетелей своих делишек. И что ты будешь делать, если они явятся за ней сюда? Боже мой, Лола, ты каким местом думала?

— Не ори на меня! Она мой пациент, дошло? Я беспокоилась за нее.

— Ага, как же. У тебя чертова прорва пациентов, но не помню, чтобы ты притаскивала кого-то из них домой.

Лола открыла было рот, чтобы сказать что-то резкое и злое, однако в последний момент опомнилась. Стоит ей сейчас дать волю словам, и они опять поссорятся, обед в присутствии дочери пройдет в холодной, натянутой атмосфере, когда оба они будут разговаривать сквозь зубы, с неестественным, преувеличенным спокойствием, а эмоциональной энергии на все это у нее явно недостаточно.

Итак, вместо того чтобы съязвить и выпустить весь накопившийся пар ядовитых чувств, она со вздохом сказала чистую правду:

— Не знаю, Джимми. Просто у меня было такое ощущение, будто я должна это сделать. Понимаешь, мне вспомнилась Эмили Дидерофф и то, как ее тайком выкрали из больницы. Она того же типа, что и Эмили, то есть нет, не совсем так. Эмили была своего рода гением, что же до этой девушки,

то, ну не знаю, она, кажется, умом не сильна, хотя тоже в чем-то не от мира сего. Я уже собралась уходить, но остановилась и увидела, как она, бедняжка, сидела, сложив руки на коленях, такая несчастная. Она выглядела так, словно у нее во всем мире нет ни единого друга, поэтому я пригласила ее к нам на обед. Просто не могла оставить одну. Честное слово, об опасности я просто не подумала. Понимаешь, я находилась за пределами страха. Говорят, так бывает в бою. Или у копов. Это правда?

— Да,— ответил Паз голосом, упавшим до хрипоты.

— Если хочешь, я могу отвезти ее обратно...

Паз обвил жену руками, крепко обнял ее, и они стояли так долго-долго. Так долго, что у обоих возникло ощущение чего-то странного, словно они выпали за грань обычного времени, и пока они вот так оберегают друг друга в кольце объятий, ничто не может им повредить.

— Эй, вы там, еда готова! — донесся из глубины дома голос их дочери.

— О черт, пусть она останется на ночь,— сказал Паз, неохотно отстраняясь. На его щеке, там, где она соприкасалась с ее, остался влажный отпечаток.— Я возьму свою пушку.

Они ели сосиски, курицу, банановые чипсы и бурый рис. Взрослые пили калифорнийское разливное красное вино. Паз следил за тем, чтобы бокал Дженни был полон, и без видимых усилий сумел разговорить девушку, и она сама охотно принялась рассказывать историю своей жизни — или, во всяком случае, то, что годилось и для детских ушей. Лола, которая и сама умела вызнавать у больных всю подноготную, наблюдая за этим ненавязчивым, изощренным допросом, не могла, даже в чем-то порицая его, не восхититься своим мужем.

Затем стемнело, быстро, почти мгновенно, как это бывает в тропиках. Лола зажгла свечи, Паз отнес выплакавшуюся Амелию в кроватку, и теперь, в отсутствие ребенка, разговор пошел более откровенный, без умолчаний, со всеми ужасающими подробностями. Никогда прежде Дженни не оказыва-

лась в центре внимания старших, никто, кроме Кукси, вообще не беседовал с ней таким образом, и она говорила не останавливаясь, впитывая их внимание, словно губка, и, подобно пропитывающейся влагой губке, размягчаясь и расслабляясь. Кукси проявлял не меньшее внимание, но в случае с ним оно играло дисциплинирующую роль, превращая ее в инструмент, который он мог использовать для достижения своих целей. Она, не без смущения, вспомнила об этом, и разговор перешел на самого Кукси. В разгоняемом свечами сумраке звучал рассказ о его прошлом и его трагедии.

Постепенно вино замедлило ее речь, а потом прекратило вовсе; она стала клевать носом.

Лола уложила ее на кушетку в кабинете, и девушка мгновенно заснула. Лола набросила на нее легкое одеяло и вернулась в патио.

Паз сидел в шезлонге с бокалом вина. Она пристроилась рядом с ним, и, когда бокал был осушен, последовал долгий поцелуй, какими, подумалось им, они уже давно не обменивались.

— Бедное дитя,— сказала Лола, когда к ней вернулось дыхание.— Какая несчастная жизнь!

— Да, но это не затронуло ее целиком, что-то внутри осталось неповрежденным. Удивительно, но она каким-то образом научилась себя защищать. Я о чем — она ведь не превратилась в проститутку-наркоманку. У нее, по крайней мере, было бы извинение.

— Одна из великих тайн, вроде нас с тобой. Кстати, я не могла не заметить, что ты все время направлял разговор так, чтобы услышать от нее побольше об этом Кукси. С чего такой интерес?

— Да с того, что, не считая мистического индейца, он — самое интересное действующее лицо во всем этом странном повествовании.

— Даже так? Судя по ее описанию, он скорее выглядит печальным беглецом, нашедшим прибежище в Майами и не

способным собраться с духом, чтобы вернуться к цивилизации. Этим он похож на меня.

— Прошу прощения, но Майами — истинный центр цивилизации. Единственное место, где есть кубинская еда, дешевые сигары и электричество двадцать четыре часа в сутки. Но ладно, вернемся к профессору Кукси. Он печален, да, но он вовсе не беглец. Он мог работать где угодно, но обретается здесь, в малозначительной природоохранной организации, больше смахивающей на коммуну хиппи, остальные члены которой, кажется, малость повернутые или уж, по крайней мере, не ему чета. Почему?

— Хочет забыть о своем печальном прошлом?

— Нет. Кукси не из тех, кто забывает. Он из тех, кто все помнит. Ответь-ка мне на такой вопрос: ты с другой планеты, гуляешь по пустынному берегу необитаемого острова и вдруг находишь часы. Что ты благодаря этому можешь узнать?

— Время?

Он легонько ткнул ее под ребра.

— Нет, ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Что на этой планете точно есть часовщик. Итак, сведем воедино историю, которую поведала нам девчонка, все, что она подхватила от Кукси и этого оригинала Мойе, со странными событиями последних месяцев, этими таинственными убийствами и так далее. Что мы имеем? Как так вышло, что священник, живущий в джунглях Колумбии, знает имена тех, кто стоит за операциями «Консуэла». Как? Как так вышло, что у этого священника, знавшего имена, имеется верный сподвижник-индеец, что-то вроде управляемой ракеты каменного века, который прилетает в Майами на своем маленьком каноэ и начинает вышибать из игры носителей названных ему имен? Но этого мало, к махинациям с порубкой и вывозкой леса оказывается каким-то боком причастен колумбийский *guapo*, крутой гангстер, который названивает в Майами, а потом и сам прибывает туда. Только вот его ребят тоже вышибают из игры. Что уж такого несусветно важного в рубке деревьев, если

это способно заставить колумбийского наркобарона покинуть свое безопасное убежище и отправиться в США? Ладно, он отмывает деньжата через компанию «Консуэла», это нам известно, но на кой черт ему вмешиваться в процесс лично? Такой уровень интереса наводит на мысль, что за этой лесорубной историей стоит нечто большее, чем простое отмывание денег. Вдобавок посреди всего этого обнаруживается профессор с весьма интересным прошлым. И оказывается, он потерял жену из-за того, что кто-то нелегально вырубал дождевой лес: возможно, конечно, в действительности связь здесь не столь прямая, но он может видеть это именно так. Возможно, именно он каким-то образом все это устроил.

Лола подалась ближе, поцеловала его в шею, и ее рука скользнула ему под рубашку.

— Вот еще одна причина, почему я тебя люблю. Твое яркое воображение.

— То есть ты в это не веришь.

— Да тут не во что верить, дорогой. Происходят события, впоследствии происходят другие, но впоследствии — еще не значит вследствие, и, если ты будешь упорно искать повсюду взаимосвязь и пытаться уложить все в систему, этак и с ума сойти недолго. На самом деле один из первых признаков безумия — это как раз стремление увидеть систему там, где ее нет.

— А я-то сдуру думал, будто это лежит в основе всякого научного открытия.

— Вначале, может быть, да, но не в конце. Потому-то мы и создаем статистические модели, чтобы отличить казуальное от случайного. Я заметила, ты не включил в свою теорию заговора интерес твоего мистического индейца к Эйми.

— Не включил, ибо не знаю, как это туда укладывается.

— Может быть, никак. Может быть, тут вообще нет никакой системы, разве что в твоей голове. Возможно, это просто совершенно самостоятельные события, связанные вместе

лишь воображением бывшего блестящего детектива, малость застоявшегося и заскучавшего в роли повара.

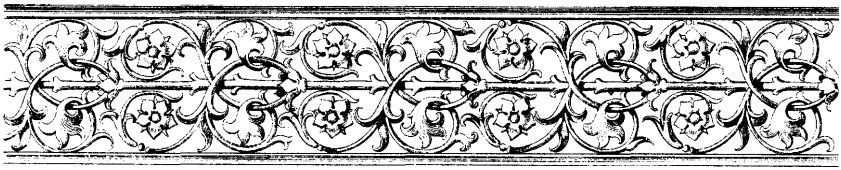
Говоря все это, Лола уронила на пол юбку, за ней последовал бюстгальтер — обнажились ее прекрасные груди,— а потом на плитку патио полетела и остальная одежда.

Догорали свечи.

— Это прекрасный способ добиться того, чтобы у меня мозги отказали,— сказал Паз.— Если это имелось в виду.

— До определенной степени,— отозвалась его жена.

И они самозабвенно занялись друг другом посреди этого безумного напряжения. Паз вдруг поймал себя на мысли, что все равно не может не думать о Габриэле Хуртадо и о том, почему он объявился в Майами. Это была почти такая же загадка, как непостижимый ягуар.



18

На следующий день Паз долго провалялся в постели, пребывая в заторможенном, промежуточном состоянии между сном и бодрствованием, в котором таились химеры тревоги и неудовлетворенности. А когда наконец проснулся окончательно, то еще долго лежал, заложив руки за голову, уставившись в белый потолок и перечисляя резоны — почему это должно быть так.

Колумбийские наемники? Галочка. Огромный магический ягуар? Еще галочка.

Довольно странно, подумал он, но ведь вовсе не все эти тревоги, какими бы зловещими ни показались они обычному человеку, составляли основу его беспокойства. Она коренилась глубже, существенно глубже.

Ни его, ни кого-либо из его близких кошмары не тревожили с тех пор, как он обзавелся амулетами сантерии из магазина «Ботаника». Он знал твердо, несмотря на всю браваду перед неверием его жены, это было невозможно. Маленькие мешочки, чем бы там они ни были наполнены, никак не могли оказать воздействие на их сны, а вот надо же — оказывали. Даже несмотря на то, что Амелия была ребенком, а Лола — полнейшим скептиком.

Он сам больше уже не знал, во что верит и верит ли вообще, но понимал: этой жизни с отстраненным уважением к сантерии приходит конец. Оставаться ни здесь, ни там дольше уже нельзя — придется выбрать одно из направлений. Или вверх, к сияющим вершинам рационального знания, на коих

обитают такие светлые личности, как Боб Цвик, его жена и их приятели, или вниз, в сумрачный туман мракобесия, заодно с матушкой.

А поскольку по жизни он общался с людьми, которые являлись или верующими, или скептиками, от них в такой ситуации невозможно было рассчитывать получить ценный совет.

Но тут он вспомнил, что есть, по крайней мере, одна особа, побывавшая в таком же положении, та, которая на самом деле и открыла ему глаза на возможность того, что невидимый мир действительно существует.

Он потянулся к телефону, заглянул в телефонную книжку и набрал давно забытый номер с кодом Лонг-Айленда.

Ответил женский голос.

— Джейн,— сказал он,— это Джимми Паз.

— Из Майами? — прозвучало в трубке после затянувшейся паузы.

— Среди чертовой уймы знакомых тебе Джимми Пазов я как раз тот, который из Майами. Как дела, Джейн? Сколько лет прошло — восемь или девять?

— Что-то вроде этого. Черт возьми, дай-ка я присяду. Ничего себе, ветер из прошлого.

Последовал обычный разговор ни о чем, который Паз поддерживал, немного нервничая при мысли о необходимости перейти к сути дела. Он узнал, как ее дела — ее дочке, Луз, уже двенадцать, вовсю цветет, сама Джейн преподает антропологию в Колумбийском университете. Он рассказал о своей семье.

— Ты, наверное, по-прежнему коп?

— Нет, теперь я на пару с матушкой управляю рестораном. А почему ты так подумала?

— Да ничего особенного... Просто мы с тобой провели вместе очень напряженные сутки восемь лет назад, но это было не то, что можно назвать какими-то отношениями. А тут вдруг ты звонишь. Я решила, это какие-то полицейские заморочки.

— Правду говоря, я был бы чертовски рад, если бы все это можно было назвать «полицейскими заморочками». Понимаешь, я попал в... Не знаю, как это и назвать, можно сказать, в экзистенциальный переплет.

Она рассмеялась, и этот глубокий смех вернул его на много лет назад. Ее образ запечатлелся в его памяти: Джейн Доу — миловидная женщина с коротко стриженными соломенными волосами и безумным взглядом светло-голубых глаз. Джейн Доу, женщина, с которой он разделил один из самых страшных опытов своей жизни, когда по улицам Майами разгуливали настоящие зомби и божества Африки прорывались в действительность, искажая вещество и пространство.

— Это хуже всего,— сказала Джейн.— А в чем проблема? Опять вуду?

— Не совсем. Скажи, что ты знаешь об изменении формы или облика?

— Немного. О каком преображении мы говорим — подражательном, псевдоморфном или физическом?

— А в чем разница?

— Это сложно.

— Если у тебя есть время, я постараюсь понять.

Он услышал, как она глубоко вздохнула.

— Ну, в общем, человеку изначально свойственно чувствовать себя неуютно, когда он замкнут в узилище своей самости. Наша тенденция солидаризации и отождествления по признаку национальности или принадлежности к фанатам какой-либо спортивной команды отражает это реликтовое чувство. Высшим уровнем его проявления является, разумеется, религия. В традиционных культурах люди нередко отождествляют себя с животными, из чего и проистекает подражательная магия. Шаман позволяет духу тотемного животного угнездиться в его душе и тем самым превращается в животное, причем отнюдь не только в символическом смысле. Для себя самого и для всех участников действа он и вправду, например, бизон. Во всяком случае, они видят бизона.

— То есть это галлюцинация?

— Ничего подобного. «Галлюцинации» — термин, совершенно чуждый данному течению в антропологии. Ошибочно было бы считать, что души представителей традиционных народов такие же, как и наши. С той же степенью достоверности можно заявить, что данные, получаемые физиком, являются «галлюцинацией», к которой он приводит себя с помощью ритуала, именуемого «наукой». Но так или иначе, феномен преображения, или изменения формы, описан в антропологической литературе. В случае псевдоморфного преображения шаман творит или призывает некую духовную сущность, обладающую наблюдаемой реальностью. Иными словами, наблюдатель слышит звуки, созерцает форму, обоняет запах этого существа и так далее. Тут надо заметить, что люди, ведущие традиционный образ жизни, как правило, разумеется, дуалисты.

Дух полностью независим от плоти, и тело, в котором он пребывает в тот или иной момент, не является единственным телом, в котором он может пребывать. Антропологам, однако, свойственно проводить здесь грань, ибо мы плохо представляем, как это может быть. Предполагается, что все мы славные маленькие материалистические монисты. У меня есть опыт общения и с теми и с другими, это помогает.

— А как насчет физического?

В трубке снова раздался смешок.

— А, так вот в чем дело. Слушай, Джимми, почему бы тебе не бросить ходить вокруг да около и не выложить мне все как есть.

Паз рассказал ей об убийствах, свидетельствах, снах, енкангуэ, индейце, о своих разговорах с Цвиком. И о том, что касалось Амелии.

— Ну и что ты обо всем этом думаешь, Джейн? — спросил он.— Бредовая мистификация или как?

— Похоже, сам ты считаешь это реальным.

— Да я сам не знаю, что мне думать. Поэтому и решил позвонить тебе.

— Ладно, тогда скажем так: физическое преображение. Сама я ничего подобного не видела, но существует множество анекдотических примеров. Из них составлена целая книга под названием «Люди-животные». Автор — малый по имени Хэмел. Весьма занимательное чтение.

Очевидно, как говорит твой смышленый друг, если основываться на фактах, то мы понятия не имеем, как это было сделано. Не случись мне увидеть то, что мы с тобой тогда видели, я вообще не была бы готова принять это в расчет. Но то, что я видела, привело меня к заключению, что мир не таков, каким представляют его наши органы чувств, он значительно шире того, который поддается лабораторному исследованию. Как ты думаешь, почему ему понадобилось твое дитя?

— Представления не имею. В этом нет никакого смысла.

— Для тебя, может быть, и нет, но народы, сохранившие традиционную культуру, знакомы с той частью спектра, которую приборы высокотехнологичной цивилизации не улавливают. Твоя матушка все там же, рядом?

— Да, а что?

— И что она обо всем этом думает?

— Ну, вообще-то я ее пока этим не нагружал.

— А почему?

— Может быть, я надеялся, что ты посоветуешь мне использовать серебряную пулю и все будет в порядке. Или чеснок.

— Ну, видишь ли, маловероятно, чтобы существо, способное воздействовать на структуру пространства и вещества, было уязвимо для пули только потому, что она изготовлена из какого-либо особого материала. Ты по-прежнему боишься нырнуть внутрь этого, правда ведь? Помню, ты и тогда сопротивлялся необходимости пройти этот путь. Прелестная онтологическая невинность.

Паз нервно рассмеялся.

В спальне было прохладно, но он чувствовал, что по его лбу и бокам стекает пот.

— Виноват, но я не создан для этого дерьма. Всего-то и хочу, чтобы, как говорит моя дочка, «все было правильно».

Не так вроде бы много, а? Так почему же вся эта дрянь липнет именно ко мне, а? Почему я?

— Да уж, вопрос нешуточный. Ты ведь не религиозен, не так ли?

— Нет, тут уж ничего не поделаешь. А что?

— Да то, что религия — это прекрасный ответ на вопрос «Почему я?». И религиозные люди могут жить с молитвой, по большей части не соприкасаясь со всем, что принадлежит к тому невидимому миру. Мой тебе совет: поговори с матерью.

— Да, по сути дела, я и сам к этому склонялся.

— И?..

— Не знаю, Джейн. Думаю, я... Думаю, я не готов целиком принять, ну, ты понимаешь меня, целиком принять ту реальность...

— Ты просто чертовски напуган.

Сдержать нервный смешок он не смог, но, по крайней мере, не дал ему перерасти в истерику.

— Да, тут ты в точку попала.

— На самом деле это хорошо,— сказала Джейн.— Если ты не боишься, ты проклят. Со страха Божьего начинается мудрость.

— Но мы ведь не о Боге толкуем, а?

— Разве нет? Это, знаешь ли, большая ошибка: пытаться запихнуть Его в коробочку и говорить: это свято, а это нет. Всякий раз, когда мы поклоняемся чему-то доброму и хорошему, кроме себя самих, мы тем самым почитаем Его. Мы — и я, и ты — движемся по тропе жизни, как по дороге с левосторонним движением, тешим себя иллюзией, будто знаем, куда направляемся, и гордимся своими навигационными умениями. Ну а потом — ты сам знаешь!

Мы попадаем в пробку, в то маленькое узкое место, откуда нет выхода, и не можем проскочить, пока не осознаем, что мы не Бог Всемогущий и находимся под тотальным контролем. И тогда мы на своем опыте узнаем, что такое экзистен-

циальный ужас. Будь я тобой, я бы почаще наведывалась в ванную.

— О, спасибо, Джейн, что напомнила про узкое место, ты всегда умеешь найти нужное слово. Я чувствую себя гораздо лучше. Послушай, а не подумать ли тебе о том, чтобы прикатить сюда и подержать меня за руку, ты ведь во всем этом дерьме поднаторела?

Она охнула.

— Что ты, спасибо, но зря ты так думаешь! Могу твердо сказать: после случившегося в тот раз всем моим забавам с зомби настал конец, я порвала с этой жестокой магией. Теперь меня можно назвать порядочной католичкой: каждое воскресенье я вожу ребенка и папочку к мессе и даже обзавелась для таких случаев шляпкой. Да, тебя, наверное, это удивит и позабавит. Представляешь, церковь, куда мы ходим, посвящена Марии — Звезде Моря. Помнишь, ты распевал эту песню, когда наступал «ведьмин час»...

— Помню, хотя и пытался забыть,— быстро ответил Паз.

— Ага, я тоже. Так или иначе, можешь сказать своей матушке, что каждую неделю в посвященной ей церкви я зажигаю свечу Йемайе. И вот что, Джимми: когда настанет время, просто предоставь всему идти своим чередом, добираться до самого глубокого уровня. Любовь — это тоже магия. Она не допустит, чтобы с тобой случилось что-то дурное.

— Хорошо, Джейн, раз ты так думаешь, спасибо за совет. Может быть, наши дорожки еще пересекутся, не в этом мире, так в ином.

Она засмеялась низким грудным смехом.

— Держу пари, так и будет. Ну, всего тебе доброго. Я буду молиться за тебя.

Паз попрощался и разъединился, думая о самом глубинном уровне. Так и не положив телефонную трубку, он позвонил домой сестре. У них состоялась краткая, содержательная беседа. Теперь он был уверен, что ему известно, почему Габри-

эль Хуртадо прибыл в Майами. Итак, одна проблема была решена. Паз положил трубку на место, но ничуть не удивился, когда буквально через секунду телефон снова зазвонил и он услышал в трубке голос своей матери. Без всяких предисловий она перешла к сути дела.

— Для тебя настало время пройти асиенто,— заявила она.— Начать придется с сегодняшней ночи.

Паз набрал воздуха, намереваясь сказать «нет». Асиенто называли обряд приготовления личности к тому, чтобы она стала «вместилищем» божества.

— Это необходимо, если ты хочешь защитить Амелию,— заявила миссис Паз.— Santeros провели встречу, и все с этим согласились. Ты должен пройти посвящение. Скоро. Немедленно.

Словно со стороны он услышал, как соглашается. И его это уже не удивило.

— Буду через час,— обещал Паз.— Что привезти с собой?

— Ничего. Не на каникулы едешь.

Жену его сообщение о том, что он будет отсутствовать целую неделю, причем с ним даже нельзя будет связаться, мягко говоря, удивило.

Он сказал ей это в патио, разумно оттянув признание до того момента, когда ей нужно было отправляться на работу. Позади них раздавались радостные крики и слышался плеск воды: Дженни резвилась в надувном бассейне и развлекала Амелию.

— Это сумасшествие,— заявила жена.

— Это мнение психиатра или фигура речи?

— Джимми, ну не можешь же ты верить в подобную ахинею? Или... или все-таки можешь?

— Скажем так, мои верования переменчивы. Знаю, тебе удалось забыть кое о чем, имевшем место не так уж давно, и о том, как этому был положен конец. Для тебя так удобнее,

ну и хорошо, но вот я, похоже, опять вовлечен во что-то подобное и не могу остаться в стороне.

— А как насчет Эйми? Не могу же я взять на работе недельный отпуск под предлогом, что тебе нужно принять участие в колдовском обряде, чтобы не огорчать мамочку.

— Тебе и не надо. Дженни приглядит за малышкой. Смотри, как все удачно устроилось — прямо мистика, да и только.

Он широко улыбнулся, но ответной улыбки не получил.

— Хорош молоть чепуху, эта девчонка сама-то о себе позаботиться не может. Что, если у нее опять случится припадок?

— Вообще-то, привозя ее сюда, ты знала о ее недуге.

— А колумбийцы?

— Мы под прикрытием. Я договорился с Тито, что, пока не вернусь, на углу Двадцать четвертой и Двадцать седьмой улиц будет дежурить патрульная машина. Но если тебя это не устраивает — ради бога. Могу позвонить матушке, и она с удовольствием поживет здесь недельку.

На лице Лолы, вопреки ее усилиям, появился ужас.

— Поговорим об этом позже,— сказала она и взобралась на свой велосипед.

Провожая ее взглядом, Паз не удержался от смешка. Будучи свиньей и манипулятором, он понимал, что Лола скорее доверит свою дочь безмозглому паралитику, чем поручит ее на целую неделю попечению Маргариты Паз.

Он повернулся и направился назад, туда, где развлекались девчонки.

— У вас тут, похоже, весело,— заметил он.

— Еще как! — подтвердила Амелия.— Ты не хочешь с нами искупаться?

Паз посмотрел на Дженни, надевшую принадлежавший Лоле вызывающего вида голубой купальник-бикини, который сама Лола, хоть и купила давно, надевать не решалась — он выставлял напоказ столько юных прелестей, сколько было возможно. На обдумывание ответа, принимая во внимание,

что бассейн такой маленький, у Паза ушло около двенадцати секунд, но в конце концов благоразумие победило.

— Боюсь, что нет, детка,— сказал Паз.— Может быть, позже. Дженни, можно тебя на секундочку?

Она выскочила из воды, и он отвел ее в сторонку. С предложенным планом она согласилась с готовностью, впечатление было такое, будто девушка предвидела эту просьбу. У нее, разумеется, имелся обширный опыт присмотра за маленькими детьми, причем порой в весьма сложных условиях, а предложенные деньги ее вполне устраивали. Она заверила Паза в том, что состояние ее здоровья проблем не создаст.

— Ты ведь проходишь курс медикаментозного лечения, да?

— Э-э... угу.

Это ложь, мигом определил он, но оставил все, как есть. Когда Амелии сообщили о достигнутой договоренности, она заверещала и запрыгала.

Вернувшись в свой шезлонг в патио, Паз попивал остывающий кофе и без особого интереса читал газету. Горячей новостью было разрушение мощным взрывом насосной станции С-9 на севере Майами. Ответственность на себя взяла некая Народная армия Земли, но не все принимали это заявление на веру. Редакция была склонна видеть в произошедшем руку «Аль-Каеды», а то и еще более законспирированных террористических групп, стремящихся подорвать американское процветание путем затопления дорогостоящей недвижимости Флориды.

Пожелав злыдням всяческой удачи, Паз отбросил газету и переместился во «флоридскую» комнату. Там, переключаясь с канала на канал, он посмотрел турнир по гольфу, старую комедию положений, шоу для покупателей, отчет о заседании комиссии округа и ролик о путешествии на воздушном шаре по винодельческим регионам Франции — на каждой программе его терпения хватало на две минуты. После этого он приглушил звук и позвонил Тито Моралесу.

— Это тебя не затруднит? — спросил Паз, сообщив, что несколько дней будет за пределами досягаемости, и попросив обеспечить на это время полицейскую охрану его семье. Начет того, чем он собирается заняться сам, Паз умолчал.

— Беспокоишься насчет индейца, да? — спросил Моралес.

— Да, немного. Мне придется на время отлучиться.

— Ну, куда да зачем, я тебя спрашивать не собираюсь. Думаешь, нужна парочка копов, чтобы его остановить?

— Хочется думать, что этого не потребуется, но лучше подстраховаться. А тут еще колумбийцы, они могут по-прежнему интересоваться девчонкой Симпсон. Кстати, как продвигается их дело?

— А, дело. Забудь про это дело, приятель. Оно официально раскрыто. Всем подразделениям дана ориентировка на индейца, одержимого манией убийства. В округе удовлетворены, в нашей конторе тоже, тем более что у нас все опять на рогах, уже по другому поводу. Ты слышал о нашем террористе?

— Только то, что прочел в газете.

— Ну, представление, во всяком случае, имеешь. Федералов уже не интересуют колумбийские наркобароны и мало заботит, если у каких-то кубинских красавчиков жрут печенку, равно как их не волнует судьба тех двух головорезов, которых выпотрошили в гараже. Правду сказать, будь их воля, они бы тому, кто это сделал, медаль бы вручили. Кроме того, все имеющиеся в наличии детективы — федеральные, полиции округа, муниципальные — подняты по тревоге. Отпуска отменены, роздано автоматическое оружие — зоопарк, да и только.

— Из-за хренова насоса?

— Ты так говоришь, потому что не въезжаешь в гидрологическую ситуацию. Майами расположен на долбаном болоте. Эти ублюдки взорвали еще несколько насосов, и, случись в этом году парочка приличных ураганов, на Флаглер-стрит

будут удить рыбу. Кстати, майор велел поблагодарить тебя за неоценимую помощь — они должны наградить тебя значком.

Паз услышал на заднем фоне голоса и шум моторов.

— Ладно, приятель, я закругляюсь,— сказал Моралес.— Поймаю тебя позднее.

Паз уже был готов рассказать Моралесу, что в городе есть по меньшей мере один человек, связанный с движением в защиту окружающей среды и имеющий профессиональную подготовку взрывника, но момент оказался упущенным. Пусть сами додумываются. В конце концов, у Паза была лодка, и он полагал, что неплохо бы поудить рыбку на затопленных проспектах деловой части города.

Кроме того, ему хотелось поговорить о том о сем с самим Кукси. Но не сегодня. Эта неделя расписана полностью.

Он вернулся в шезлонг и выбросил все из головы, прислушиваясь к птичьему щебету и детскому смеху, пока с подъездной дорожки не донесся шум мотора машины его матери.

Когда мужчина ушел, Дженни почувствовала облегчение. Не нравилось ей, как он на нее смотрел. Его острый взгляд невольно наводил ее на мысль об уличных копах. Ну, словно он знал о ней что-то такое, что сама она предпочла бы держать при себе. Острый взгляд был и у Кукси, но другого рода, будто он ухитрялся видеть в ней что-то, о чем сама она понятия не имела, но о чем было бы совсем неплохо узнать. Ей немного недоставало Кукси, однако предыдущая жизнь выработала в ней почти полный иммунитет к таким чувствам, отучив ее слишком уж переживать по поводу расставаний и разлук. Если честно, то ей больше недоставало рыбок.

Девочка докупалась до гусиной кожи, поэтому Дженни извлекла ее из бассейна и одела, не без удивления ознакомившись с подборкой одежды в ее гардеробе. Похоже, все эти

вещи, а их было немало, были новыми. Ей самой в детстве никогда не доставалось новой одежды, да и вообще в семьях, где она росла, младшие дети донашивали одежду за старшими, но ее, беззлобную по натуре, это балованное дитя ничуть не раздражало. Она даже испытывала к ней некоторое сочувствие, хотя сама не знала, с чего бы это. Была здесь какая-то маленькая, не дающая покоя загадка.

День проходил вполне приятно. Она позвонила Кукси и более или менее ввела его в курс событий, имевших место после ее с Кевином отъезда из La Casita, включая и то, что ее спас Мойе, но без ненужных подробностей. Она сказала, что, наверное, побудет некоторое время в доме Паза, здесь она, кажется, нужна, и со стороны Кукси возражений не последовало. Он был удовлетворен тем, что она в безопасности.

Затем она приготовила для девочки ланч — сэндвичи с консервированным тунцом, причем сделала это в строгом соответствии с указаниями малышки, чтобы получилось в точности как у папы: тосты папиного образца были без корки. И еще шоколадное молоко, которое следовало подавать в особом стаканчике. Все эти требования Дженни выполняла безропотно и добродушно, радуясь тому, что маленькая девочка может чувствовать себя настолько уверенной, что отдает распоряжения взрослым. Сама она, пока росла, ни о чем таком даже не помышляла.

После ланча она быстро и деятельно привела в порядок кухню, а потом, сопровождаемая девочкой, прошлась по всему дому, устроив веселую игру наведения порядка, чистки, протирки, а также подбирания и водворения на место разбросанных повсюду игрушек и безделушек.

Относительно того, как содержала этот дом хозяйка, Дженни особо не задумывалась и знала, что мама девочки, доктор, считала это естественным. Такой же кавардак был у Кукси, видно, все умники по жизни неспособны навести дома порядок. Правда, Амелия сообщила ей, что входить в мамин каби-

нет в мамино отсутствие нельзя, и этот запрет Дженни нарушать не стала.

Они сели смотреть DVD, «Король Лев» и «Маленькая Русалка», причем девочка рассказывала Дженни, что случится потом, и подхватывала каждую исполнявшуюся в мультике песенку. Однако диснеевская музыка не могла вытеснить из головы Дженни другую песню, звучавшую там вновь и вновь, целый день, а то и дольше: старый хит «Пинк Флойд» «Повреждение мозга» — его без конца крутили в одном из домов, где ее воспитывали. Дженни много лет не вспоминала эту композицию, но сейчас никак не могла от нее отделаться.

Дверь теперь на замке,
И выброшен ключ, друзья,
Кто-то в моей башке, но это вовсе не я.

Кто-то находился в ее голове, но не был ею; это присутствие было ненавязчивым, молчаливым, но ощущалось безошибочно — так, словно кто-то таращится на тебя в толпе, только не снаружи, а изнутри. Однако она ничуть не боялась, что само по себе было удивительно.

Все, случившееся с ней совсем недавно — мозги Кевина, вывалившиеся ей на колени, то, что ее похитили, раздели догола, связали и мучили, все, что она видела в гараже,— могло бы вызвать у нее нервный срыв. «У меня бы мог быть нервный срыв,— говорит себе Дженни,— но ничего такого нет. Мне сейчас все в кайф, словно забила косячок самой отменной дури,— просто плаваю посреди жизни, подобно той русалке из телевизора».

Она подумала, что это могло иметь какое-то отношение к посещению ими с Мойе страны мертвых: возможно, все ее страхи просто остались там. В любом случае это было круто — все равно что стать кем-то из «Людей Икс» с их тайными силами.

Она снова устроилась на кушетке и продолжала смотреть фильм, мурлыча что-то себе под нос.

К концу фильма Амелию сморил сон. Дженни же досмотрела его до конца, а потом, движимая потребностью применить к чему-то нерастраченную энергию, навела глянец на всю полированную мебель, перемыла с помощью уксуса и газет все окна, до которых смогла добраться, и взялась за готовку. Она занялась этим без размышлений, просто и естественно, как гекон, забравшись на зеленый лист, приобретает зеленый цвет.

Таким образом, когда Лола прибыла домой (не важно, что на другой стороне улицы торчала тачка Департамента полиции Майами с парой копов внутри), она получила в подарок осуществленную мечту любой работающей матери о помощнице, которая наводит порядок, моет, чистит, убирает, готовит. Ребенок от нее в восторге, она мила в общении, хоть и немного рассеянна, к тому же принадлежит не к вызывающей постоянное чувство вины прежде эксплуатировавшейся расе, а, напротив, к уменьшающей это чувство, имевшей фору.

Правда, Дженни могла иметь отношение к банде колумбийских убийц, и не исключено, что в этот самый момент киллеры выслеживают ее семью (в то время как ее ненормальный муженек свалил, крыса, заниматься какими-то колдовскими делишками, вместо того чтобы родных защищать). С другой стороны, через вымытые окна все видно, вымытые полы приятно не липнут к босым ногам, и к тому же из имевшегося дома небогатого набора продуктов уже приготовлены восхитительный крабовый салат и настоящее, еще теплое печенье, которое она сама испекла. Одно это стоит того, чтобы пренебречь картелем из Кайли, этого даже достаточно, чтобы простить ее мужа.

Тем временем Паза его мать поручила заботам трех престарелых, одетых в белое santeras; одна из них, оказавшаяся Джулией из botánica, видимо, являлась его йубона, кем-то вроде крестной матери. Джулия объяснила ему, что вообще-то они действуют не совсем по правилам, ибо дома, на Кубе, под-

готовка головы ийаво, инициируемого, к принятию ориша занимает девять месяцев, ускоренный же ритуал проводится потому, что Педро Ортиз и другие santeros и santeras признали это необходимым, а также из уважения к его матери.

Они находились в комнате в задней части дома, четверть которого принадлежала Педро Ортизу, в комнате, которая, наверное, предназначалась под кладовку или чулан, поскольку она не имела окон. Всю ее обстановку составляли циновка и большой canistillero — сделанный из красного дерева шкаф с выдвижными ящиками для хранения ритуальных предметов.

Некоторое время продолжались объяснения. Паз обладал базовыми познаниями в лукуми, имевшем африканскую основу священного языка культа сантерии, но Джулия использовала множество совершенно незнакомых ему слов, произносила речения не только из Ифа, но также и особые тексты, относящиеся к самой церемонии асиенто. При этом использовались не пальмовые орехи, а пригоршни раковин каури. Предсказания ита сулили нечто темное, если нечто не совершит чего-то с чем-то когда-то, в некоем особом месте.

— Вот еще одно, чего я не понял,— сказал Паз,— я всегда думал, что ориша призывает избранного, и лишь затем человек готовится принять его. Но меня никакой ориша не призывал.

— Ориша взывал к тебе годами,— последовало эмоциональное возражение.— Он взывал так громко, что это слышали решительно все, и только ты упорно держал уши закрытыми. Что весьма огорчительно.

— Я сожалею об этом,— сказал Паз и, произнеся эту традиционную фразу, вдруг почувствовал, что действительно сожалеет.

Старуха потрепала его по руке:

— Не тревожься, сын мой, мы все устроим, хоть это и будет непросто. Ты ведь упрямый осел, такой же, как твоя матушка, благослови ее Бог.

— Правда? А я думал, моя матушка была посвящена святым еще в детстве.

— Ну, если ты так думал, мало же ты про нее знаешь, — заявила Джулия и, прикрыв ему рот ладонью, когда он порывался задать еще вопрос, добавила: — Но сейчас не время говорить, во всяком случае для тебя. Тебе предстоит слушать, ждать и готовить свою голову к принятию ориша.

Итак, действо началось. Над Пазом совершили ритуальное омовение, обрили ему голову, облачили в белые одеяния, уложили на циновку, и три женщины, обращаясь с ним, словно с младенцем, стали кормить его с ложечки и поить, поднося чашку к губам. Кормили какой-то мягкой безвкусной кашицей, поили травяным чаем, отваром из множества трав. Все это сопровождалось пением и воскурением благовоний.

Пришедший мужчина, которого Паз не узнал, совершил жертвоприношение черного голубя, сцедил его кровь в чашу из кокосовой скорлупы и этой кровью начертил на бритой макушке Паза некие знаки. Снова чай, снова дым, снова песнопения. Паз потерял представление о времени, а порой казалось, оно двинулось вспять и он возвращается в детство.

А потом он уснул.

И конечно же, увидел сон. А когда проснулся, рядом находилась Джулия и, склонив к нему свое черное, морщинистое лицо с темными глазами, принялась расспрашивать, что он видел во сне. Остальные две женщины спокойно сидели на заднем плане, внимательно глядя на него, словно судьи на соревнованиях по гимнастике.

Паз рассказал свой сон.

Дело было в Гаване, он шел по лесной тропинке в обществе Фиделя Кастро, они беседовали, и Паз каким-то манером произвел на Фиделя столь сильное впечатление, что тот согласился покончить с коммунизмом и предоставить Кубе свободу.

Этому благословенному событию препятствовало лишь одно обстоятельство — Фидель вознамерился отметить оконча-

ние коммунистической эры праздничным пиром и потребовал добыть для него молочных поросят дикой свиньи. Семь молочных поросят.

Он вручил Пазу лук с семью стрелами, и Паз отправился в лес на охоту. Оказалось, что он великий охотник, и очень скоро семь подстреленных поросят лежали в его мешке.

А на обратном пути к дворцу Фиделя ему повстречалась Амелия.

Когда он рассказал ей, что у него в мешке, девочка стала просить отдать одного поросенка ей. Паз, однако, ответил «нет», ибо на кон было поставлено нечто жизненно важное — освобождение Кубы, которое Фидель обещал осуществить, если Паз принесет ему семь поросят.

Амелия плакала, уговаривая отдать ей всего-то одного поросеночка, но Паз остался непреклонен.

— Их должно быть семь! — заявил он.

Затем Амелия ушла, и тут пошел дождь и поднялся ветер — разыгралась настоящая буря. Паз явился во дворец весь промокший и усталый и подал Фиделю мешок. Однако когда Фидель достал поросят, их оказалось не семь, а только шесть. Фидель разгневался.

— Так-то ты исполняешь мои приказы, Паз! — закричал он.— Я велел принести семь! Никакой свободы для Кубы!

Тогда он, несмотря на ураган, снова отправился в лес, нашел другое стадо свиней, подстрелил из лука еще одного поросенка и принес Фиделю.

— Ты хорошо поработал и можешь просить для себя любую награду,— сказал Фидель.— Проси — и будет по-твоему.

Паз задумался, а потом сказал:

— Если так, я прошу, чтобы гадкий вор, укравший моего поросенка, был пойман полицией и застрелен.

И Фидель ответил: так тому и быть. Но полиция доставила Амелию, и Паз увидел, как ее поставили перед расстрельным взводом.

— И что, они застрелили твою дочь?

— Не знаю. Я прицелился из лука в Фиделя и пригрозил застрелить его, если он ее не отпустит. Похоже, это было что-то вроде тупика, безвыходной ситуации.

— Нет, во сне она умирает. Ты знаешь, что это сон об Ошоси?

— До этого момента не знал. А откуда ты знаешь, что в нем происходит?

— Это история из тех, которые мы называем апатаки. Они повествуют о жизни ориша, когда те еще были людьми. Но в той истории Ошоси охотится на перепела для Олодумаре, бога богов, а когда его мать похищает добычу, Ошоси, чтобы снискать благоволение Олодумаре, отправляется на охоту снова. Он молит о том, чтобы его стрела поразила сердце вора, и его пожелание исполняется — он убивает свою мать. Кроме того, семерка — это цифра Ошоси, вот почему появляются семь стрел и семь поросят. А во что ты был одет во сне?

— Ну, точно не скажу. Во что-то зеленое с коричневым, вроде той униформы, которую сейчас носят на Кубе.

— Да, зеленый и коричневый — это цвета Ошоси, Владыки Охоты. Теперь ты знаешь, кто пытается заполнить твою голову. Это хорошо.

Она одарила его широкой улыбкой, что сделали и остальные посвященные женщины.

И это действительно хорошо, подумал Паз. Охотник Ошоси имел с ним сродство, ведь он и сам, в определенном смысле, был охотником, охотником на людей, пусть даже больше этим и не занимался. Тяга, если признаться, все равно осталась: недаром он и позволил вовлечь себя в охоту за магическим ягуаром. Паз вспомнил, как в botánica держал в руках маленький лук, вспомнил и другой символ Ошоси, тюрьму. А ведь и манго, любимый фрукт Паза, тоже относится к плодам, посвящаемым Ошоси.

Да, все сходилось, все было взаимосвязано. Его жена назвала бы это верным признаком душевного нездоровья, но

его жены здесь не было. Здесь были только madrinas, посаженные, пока сон не сменился другим, в котором он находился в маленькой белой комнате, где одетая в белое женщина ухаживала за ним как за младенцем, но что было об этом думать, если это предопределено?

Он с интересом наблюдал за тем, как они выкладывали перед ним полукругом круглые камни, fundamentos Ошоси, содержавшие аш ориша, которому предстояло переместиться в его голову. Женщина почтительно омыла fundamentos и полила их гладкую поверхность травяным отваром. То же было проделано и с головой Паза.

В течение пяти дней Пазу не разрешалось ни говорить, ни ходить, руки его были связаны. Одурманили ли его наркотиками, он не знал, и очень скоро это перестало его волновать. Его прошлая жизнь отступала, затягиваясь туманом, превращаясь в смутное, давнее воспоминание. Реальностью были лишь эти медленные, монотонные, нескончаемые дни и ночи, полные новых и новых жертвоприношений. Santero приходил снова и снова, принося в жертву разнообразных живых существ: петухов, голубей, маленького поросенка, черного козла. Жертвенной кровью santero орошал камни, головы и конечности жертв складывал в особые глубокие глиняные сосуды, сапера. К концу пятого дня Джулия объявила, что место для приема ориша в голове Паза сформировалось.

Паз и сам ощутил это изменение, едва уловимое, но реальное, как утрата невинности. Или то чувство, которое испытываешь, впервые убив человека. Сейчас он, как ему кажется, может говорить и способен ходить, что он и делает. У него такое ощущение, будто его ноги почти не касаются пола. Пятидневный период тайного созревания закончен, настал el dia de la coronación — день венчания. Паз стал ийаво, невестой ориша.

Набросив ему на плечи богато расшитое бисером и висюльками из ракушек широкое ожерелье, collares de mazo, его

отвели в главную комнату дома, превращенную в тронный зал: в одном из ее углов, задрапированном зеленым и коричневым шелком, красовался пилон — высокий, подобный трону стул, какие некогда использовались царями Ифа.

Усадив его на этот престол, они кучками сложили к его ногам манго и ямс. Воздух наполнился запахом этих плодов и перемешивался с запахом жарившегося для свадебного пиршества мяса жертвенных животных.

Среди них находилась его мать, и Паз понимал, что его прежние отношения с ней исчерпаны, что личина этакого саркастичного разгильдяя, под которой он прятался от нее всю свою сознательную жизнь, с него слетела, ибо полубогам не дано дурачить друг друга ложными обличьями.

Народу в помещение набивалось все больше, и там становилось жарко. Пазу дали стакан и велели выпить: оказалось, это не вода, а водка aguardiente, напиток Ошоси. Над его верхней губой выступил пот. Появились барабанщики, троица мужчин с очень черной кожей. Они поприветствовали santero и установили свои инструменты — могучий барабан ива, другой, поменьше, итотеле, и третий, маленький, оконкойо,— на устроенном в дальнем конце комнаты деревянном помосте.

Как это обычно бывает у африканцев, все началось словно между делом, само по себе. Вдруг, будто ни с того ни с сего, послышался пробирающий до мозга костей стук ива, который тут же подхватили другие барабаны и тыквы в руках santero, сплетаясь в древний, замысловатый узор музыкального языка santos. Иле затянули песнь, обращенную к Ешу-Елеггуа, Стражу Врат.

Аго, аго, аго, иле аго. Открой, открой, открой.

Паз сидел на своем стуле, подобном трону, думая о своей матери и о ком-то еще, кого когда-то давно назвали Джимми Пазом, о человеке, имевшем ребенка, женатом на враче. Он был довольно симпатичным парнем, хоть и хитрожопым. Он думал и гадал: могло ли то, былое вместилище, которое сей-

час танцевало перед ним, снова принять в себя то, чем он стал теперь?

Песнопение звучало все громче, все более настоятельно. Люди ритмично раскачивались, старшие женщины, посвященные Ешу, танцевали перед Пазом. Песнь призывала Ошоси снизойти и взять свою новую невесту. Глаза Паза заливало потом, и он заморгал, чтобы прояснить зрение. Это помогло мало: фигуры людей, расплывающиеся и дрожащие, выглядели все более зловеще. А в сознании его тем временем звучал тихий, допытывающийся голос, и Паз вынужден был признать — да, он прошел-таки через этот весьма утомительный ритуал. Да, он осознает преимущества очищения и признает это как символ некой новой степени зрелости, символ некоего возвращения к своим афро-кубинским корням, и да, это его действительно изменило. В определенном отношении сделало лучше, и он даже представил себе, разумеется в терминах рационального знания, как разъясняет все это своей жене. Но в разгар этого воображаемого разговора (порожденного ужасом, который Паз еще не желал признать своим) Ошоси, Повелитель Зверей, прошел сквозь врата незримого мира и вошел Пазу в голову.

Теперь Паз понял, что существует истинная девственность, нетронутость, несравненно более глубокая, чем отсутствие сексуального опыта, с которым иные носятся как курица с яйцом. Что способность соприкоснуться с глубинной сущностью бытия заложена в человеке с рождения, однако почти каждый в нынешнем мире так и не пробуждает ее в себе до самой могилы. Представление о том, что мир таков, каким он представлен в наших ощущениях, что мы постоянно пребываем в собственных головах, что вера есть выбор, который мы делаем посредством нашего сознания,— все это исчезло в первые же секунды, едва ориша проник в его тело. Тут то до него дошло, что используемое ритуальное понятие «новобрачная» вовсе не было просто фигурой речи. Божество овладело им,

кажется, не насильственно, но неотвратимо, с тем чтобы он уже больше никогда не был прежним.

Паз и раньше видел людей, одержимых ориша, и всегда полагал, что, когда ориша проявляет себя, человек находится в беспамятстве, но оказалось, что это не совсем так. Он пребывал вне своего тела, бесплотный дух, ощущавший лишь мягкий, доброжелательный интерес к тому, что это тело делает. А оно там знай танцевало себе перед троном, под песнь барабанов. Танец продолжался долго, и Паз видел, как его тело выделывало такие коленца, на какие в норме было решительно неспособно.

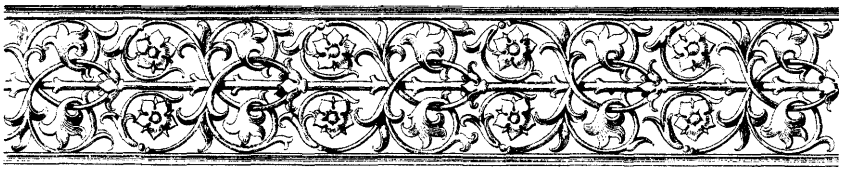
Затем Паз снова оказался во плоти, и люди помогали ему стоять, потому что ноги его не держали и он насквозь пропотел. В паху и суставах чувствовалось тепло, и вообще ощущение было такое, будто он часами занимался любовью.

Они усадили его на его трон, после чего Джулия, madrinas и santero говорили с ним о его новой жизни, о связанных с ней эвос — ритуальных задачах и ограничениях. Так прошел el dia de la coronacion, день венчания. За ним настал el dia del medio, день середины, посвященный празднованию. Представители мира сантерии со всего Майами наносили ему визиты и приносили поздравления, простираясь ниц перед Ошоси в образе Паза.

Паз обнаружил, что быть божеством ему по нраву. Пришла его матушка. Между ними состоялась долгая беседа на данную тему, в ходе которой он оказался способен весело признать, что был не прав чуть ли не во всем, но и мать его смогла сделать то же в отношении совершенных ею, пока она его поднимала, ошибок. Над всем этим они вместе по-доброму посмеялись.

Следующий день был el dia del Ita, день ита. Италеро, очень старый мужчина с темно-коричневой кожей, в незапятнанном белом одеянии, войдя, разбросал по циновке раковины каури и, по тому, как они выпали, предсказал Пазу его дальнейшую жизнь с ее опасностями, неудачами и триумфами.

Что-то из услышанного Паза удивило, но остальное казалось приемлемой проекцией его нынешнего состояния. Он спросил италеро насчет ягуаров и дочерей, получив обычный, характерный для всех оракулов невразумительный ответ. Очевидно, для Паза процедура закончилась вне зависимости от его решения. Он будет зависеть от его ориша. Теперь, встретившись со своей сущностью, Паз думал, что это не так уж плохо.



19

В то время как Паз становился божеством, Мойе, проскользнув незамеченным мимо нанятой охраны, появился в спальне Ибанеса. Мойе приготовился к явлению Ягуара, но Ягуар все не прибывал.

В данном случае в этом не было необходимости. Ибанес проснулся от своего обычного ночного кошмара, увидел маленького индейца, понял, кто это, и мигом вспомнил, что случилось с его коллегами. Обмочившись от страха, бизнесмен пообещал распустить компанию «Консуэла» и никогда больше не покушаться на деревья в заповеднике Паксто.

Он говорил по-испански, и Мойе его понимал. Мойе порывался уйти, но этот человек все продолжал говорить. Мойе заметил за мертвыми людьми эту особенность: у них в обычае заполнять воздух словами, когда все, что необходимо, уже сказано. Ибанес говорил, что, хотя «Консуэла» не будет вырубать Паксто, это не значит, что этого не станут делать другие. Существует множество лесозаготовительных компаний, но дело не в них. Это Хуртадо приводит все в движение, у Хуртадо имеются связи с правительством Колумбии, Хуртадо подкупает и партизан, и военизированные формирования, которые с этими повстанцами воюют, Хуртадо хочет очистить Паксто от лесов и их обитателей, чтобы выращивать там коку и для других целей, о чем он и рассказывает сейчас Мойе.

— Ты должен убить Хуртадо! — кричит Ибанес, когда индеец уходит, после чего нажимает кнопку тревоги.

В последовавшей суматохе один из наемных охранников ранит другого; к счастью, рана не тяжелая.

Индейца никто не видел, и охранники между собой поговаривают, что старому пердуну все померещилось. А Ибанес уже связывается по телефону со своей дочерней компанией в Кайли.

В то время как Паз превращался в божество, Хуртадо находился в захудалом отеле в Северном Майами. Услышав, что Ибанес отошел от участия в проекте Паксто, он вызвал в свой номер El Silencio.

— Смотри, ты мне не верил, так вот тебе доказательство. Теперь ясно, что за всем случившимся стояла эта свинья Ибанес.

— Вы уверены? С первой партией груза у него все прошло хорошо. Товар был доставлен в Майами без проблем.

— Ага, это чтобы выманить меня из-под охраны. Он оказался хитрецом, хитрее, чем я думал. Старый кубинский ловкач... ладно, это хороший урок, Рамон: никогда не позволяй себе недооценивать своих врагов, а особенно если они твои друзья.

El Silencio смотрел, как его наниматель нервно расхаживает взад-вперед перед орущим на полную громкость телевизором. Маловероятно, чтобы кто-нибудь знал, что они находились именно в этой дерьмовой дыре, но Хуртадо имел обыкновение включать телевизор всегда, когда собирался сказать что-то вслух. Босс выглядел не лучшим образом.

«Слишком уж давно Хуртадо не приходилось ни от кого бегать,— подумал El Silencio.— И еще дольше не приходилось никого бояться».

Но известия об арестах и потере троих своих людей основательно его всполошили. Он спрашивал о том, куда запропастился Мартинес, будто у него здесь, как дома, имелись источники оперативной информации. Кто знает, куда мог задевать-

ся cabrón? Ясно, он исчез после того, как двое бойцов были убиты, а девчонка исчезла, и этого было достаточно, чтобы Хуртадо совсем вышел из себя — от Хуртадо люди просто так не уходили. Его аж передергивало от злости.

— А нам известно, где находится внучка Ибанеса?

— Да, кто-то позвонил и сказал, что она прячется в усадьбе с рыбным прудом, где жила другая девчонка.

— Отправляйся туда. Схвати ее. Отрежь ей сиську и отправь Ибанесу. А всех остальных, кого найдешь в этой долбаной хибаре, прикончи. Всех до единого.

El Silencio не шелохнулся. Хуртадо воззрился на него.

— В чем дело?

— Да в том, босс, что, возможно, это не самая удачная идея. Одно дело — дома, какие проблемы? Но мы не дома, и кое-что из происходящего здесь мне не нравится. Ну не нравится мне, когда я не понимаю, с чем буду иметь дело.

— С индейцами. За этим стоит Ибанес и кто-то, с кем он спутался,— Эквистос, или Пастранцы, или кто-то из Медельина. Они наняли шайку индейцев. Задача проста: мы схватим девчонку, и он выдаст нам этих долбаных индейцев. Это то, что должно быть сделано в первую очередь, а уж каким образом — твое дело.

— Не знаю, босс. Думаю, тут есть что-то еще...

— Рамон, ты опять «думаешь»! — резко бросил Хуртадо.— Кончай думать и делай, что тебе сказано.

El Silencio покинул комнату, не сказав больше ни слова. Проработав на Хуртадо почти двадцать лет, он был самодостаточен, как тостер, но не мог отделаться от чувства, будто впервые сталкивается с тем, что может оказаться ему не по зубам. Они ведь не дома, где не могло быть никаких проблем с полицией. Там у них имелись и собственные вооруженные формирования, и прикормленная полиция, ну а если на сцене появлялся кто-то, кого невозможно было купить, его можно было убить. Но здесь, в Америке, дело обстояло иначе. Кро-

ме того, Хуртадо упрямо верил в то, что за этим делом стоит нкурирующая колумбийская банда, использовавшая Иба-а как инструмент, а индейцев — в качестве бойцов. El encio считал это маловероятным, ведь он, будучи сам на тверть индейцем, знал о них намного больше, чем Хуртадо. От своей бабушки он слышал истории о том, что умеют вы-ывать эти индейцы с плато, и, пусть он не был слишком верным человеком, кровавая резня в гараже заставила его цуматься. El Silencio знал толк в ранах и увечьях и по их рактеру видел, что двое вооруженных людей были разорваны не человеческими руками. Не отличался склонностью к суевериям и Руденио Мартинес, бывший (теперь уж точно «бывший») самый опасный и сведущий босс наемников Хуртадо, и уж если такое произошло с ним, значит, ему явно пришлось столкнуться не просто с кучкой индейцев.

El Silencio прошел по тускло освещенному коридору, где смешивались запахи хлорки из бассейна и жарко́го из кофейни, и вошел в комнату. Там находились все имевшиеся у него в наличии силы, шесть человек. При его появлении они оторвали глаза от карт, телевизора или журналов. Он знал их не слишком хорошо, ибо они не являлись его постоянной командой, не говоря уж о том, что ему вообще было не по вкусу работать в команде. Он предпочитал действовать в одиночку, и вся эта история не больно-то ему нравилась.

Все они таращились на него. Кто-то приглушил звук телевизора, и это обратило на себя внимание El Silencio: то ли этот человек считал, что мог действовать независимо, то ли был встревожен немного больше остальных? А может быть, его просто не волновало, что там передают? Парня звали... Очоа, или что-то в этом роде: ветеран военизированных формирований, создававшихся латифундистами в противовес повстанцам-марксистам. Крепкого сложения, бритый наголо мужчина со шрамом под глазом. El Silencio помахал ему рукой. «Делегировать» — это было одно из любимых слов Хуртадо. Де-

легировать, и еще «нести ответственность». Проблем с этим у El Silencio не возникало никогда, и прежде всего он собирался узнать о нем побольше. С этой целью он пригласил Очоа к себе в комнату для собеседования.

В то время как Паз становился божеством, Джели Варгос пряталась в доме Руперта Зингера. Молодая женщина появилась поздно ночью, с одной лишь сменой одежды в рюкзаке за спиной, сбежав из дедовского дома в суматохе, последовавшей за арестом людей Хуртадо. Кукси принял ее доброжелательно, первым делом дал ей выпить и принялся ненавязчиво расспрашивать.

— А сам Хуртадо не был арестован?

— Нет, он и не бывал там, кроме одного случая. Мой дедушка был от него в ужасе. Но он всегда останавливался в каком-то отеле. При нем был один парень, который передавал его распоряжения... его боялись даже отпетые головорезы, но это не помешало копам взять и его. Ну а когда я услышала, что они оказались на воле, пустилась в бега. Чувствую себя последней трусихой. Как вы думаете, что они сделают с моим дедушкой?

— Я думаю, ничего,— ответил Кукси.— Он — их прикрытие и нужен им целым и невредимым, чтобы операция в Паксто продолжалась. Я полагаю, не они главная угроза для мистера Ибанеса. Но если он не прекратит вырубать дождевые леса, боюсь... с ним может случиться то же, что уже случилось с его партнерами.

Когда до Джели дошло, что он имеет в виду, она ударилась в истерику. Кукси обнял ее, рассеянно поглаживая по спине. В войне не по правилам, которую он умел вести, было время, когда следовало действовать активно, и время, когда надлежало затаиться и ждать. Сейчас было время ожидания.

Домой Паз вернулся в воскресенье вечером, спустя восемь дней после отъезда. Мать довезла его до дома.

— Все будет хорошо,— заверила она его, тормозя у переб-рика.— С тобой мои молитвы и молитвы каждого в илу. Следуй тропой святых.

Они неловко обнялись, но только так и можно было обняться, сидя на переднем сиденье автомобиля, не говоря уж о том, что обниматься у них как-то не было принято. Паз проводил мать взглядом и остался с луком, стрелами и моделью тюрьмы в руках, на миг почувствовав себя мальчишкой, зашедшим к приятелю поиграть и ушедшим, захватив с собой игрушки. Эта мысль показалась ему такой забавной, что он рассмеялся вслух.

Из его дома, а точнее, из патио позади него тоже доносился смех, и Паз направился туда, чтобы присоединиться к веселью. Лола явно развлекалась. Паз вошел в патио, и все уставились на него, словно на привидение. Первой опомнилась Амелия.

С пронзительным криком «па-а-апа!» она бросилась к нему и вскарабкалась на него, как обезьянка. Пазу пришлось положить свои регалии на стул, чтобы прижать ее к себе сильно-сильно. Он сжимал дочку в объятиях, пока она не запротестовала. Тогда он опустил девочку на землю и обозрел компанию: тут были Лола, Боб Цвик, Моргенсен и немолодой лысеющий мужчина с привлекательно-уродливым лицом, в котором Паз узнал Кеммельмана, босса Лолы с ее работы в госпитале.

Снова завязался разговор: каждому хотелось узнать обо всем, что произошло. Паз, игнорируя это любопытство, склонился над Лолой и поцеловал ее.

— Как легко меня заменили,— шепнул он.— И еврейского доктора тоже.

— Я даже не удостоила бы ответом,— тоже прошептала она, но силы группы переменились.

Кеммельман, похоже, чувствовал себя неуютно и вскоре встал, заявив, что идет домой. Когда он удалился, Цвик спросил:

— Так что, Паз, ты теперь святой?

— Вроде того.

— Да? Надо же. А как насчет этих предметов?

Он поднял лук и тронул, как струну, загудевшую тетиву.

— Они, наверное, тоже священные. Уж не знаю, могу ли я к ним прикасаться?

— Нет, это просто символы моего статуса, как ваш белый халат.

— О, тогда они действительно священные.

Взрослые рассмеялись, и напряжение немного ослабло, но Паз оставался настороже. Что-то в их лицах было не то, или он просто видел их по-новому. Ощущение было такое, будто у него появилась способность видеть подлинные лица под теми социальными масками, которые они носили не снимая.

Не слишком-то приятно было увидеть, что скрывается за интеллектуальным высокомерием Цвика, или обнаружить в Бет страх одиночества, подталкивающий ее к нервному, спазматическому кокетству. А на собственную жену ему и вовсе было жутко смотреть.

Каждому из супругов, как бы ни были они близки, требуется некое личное пространство; он чувствовал, что сейчас мог нарушить его, и эта возможность вызывала у него отторжение. Одна лишь Амелия выглядела настоящей и неподдельной до самой сердцевины. Относительно ритуала, через который ему только что довелось пройти, тоже имелись вопросы, но он обнаружил, что уклоняется от них, хотя не мог не признать, что был одержим своим ориша. Цвик объяснял это воздействием затягивающих ритмов, подмешанного в пищу дурмана и пульсирующего света на серединные височные доли мозга. Очевидно, именно так этот эффект объяснялся в медицинской литературе.

Паз это объяснение нашел еще более изнурительным, чем сам ритуал.

— А что случилось с Дженни? — спросил он, когда Цвик наконец остановился.

— Она нам обед готовит,— сообщила Амелия.— Папочка, она так здорово умеет готовить! А я помогала ей чистить креветок.

Сама девушка, легка на помине, появилась, неся дымящуюся сковороду, полную креветок, поджаренных с овощами, и под аплодисменты водрузила ее на середину стола. Холодок пробежал по его шее, на лбу выступил пот. Здесь тоже была маска, но под ней скрывалась не просто Дженни Симпсон.

Они угощались и вели обычный застольный разговор, в котором Паз участвовал, когда это было уместным. Они казались ему похожими на детей, себя же он чувствовал взрослым, присутствующим на детском празднике: милом, безобидном, чуть скучноватом. Когда угощение кончилось, он пошел в сад, нарвал со своего дерева спелых плодов манго, разрезал их и угостил собравшихся сочной желтой мякотью с кокосовым мороженым, принесенным из холодильника Дженни.

После того как с десертом было покончено, Паз спросил:

— Кто за то, чтобы прогуляться?

— Куда? — поинтересовалась Лола.

— Думаю, нам не помешало бы побывать в усадьбе, где жила Дженни. Привезем профессору Кукси корзиночку манго.

— Да у них там, в усадьбе, полно манго,— возразила Дженни.

— Ну, тогда захватим с собой бутылку aguardiente. Сядем в круг, будем попивать aguardiente, закусывать манго и вести разговоры. А если чересчур захмелеем, можно будет окунуться и охладиться.

— Я за! — заявил Цвик, на что Бет Моргенсен отреагировала ехидным смешком.

— Может, стоит сначала позвонить? — спросила Лола.

— Думаю, это ни к чему,— заявил Паз.— Доктор Кукси держит открытый дом, он малый гостеприимный и приветливый. Разве не так, Дженни?

— Наверное,— пожала плечами девушка.

— Не забудьте купальники, кому они нужны,— напомнил Паз.

Все они забрались в «вольво» и поехали в дом Ингрэма. Паз вместе с фруктами и водкой aguardiente прихватил с собой лук и стрелы: зачем это ему понадобилось, никто не спросил. Как он и думал, профессор Кукси находился дома и встретил гостей доброжелательно, как обычно принимал по вечерам нагрянувших посетителей. Кукси собрал всех за большим столом на террасе, где они пустили по кругу бутылку Паза, запивая водку пивом.

Кукси оживленно рассказывал об истории и архитектуре дома и усадьбы, а также о конструктивных особенностях экологического рыбного пруда. Те, кто еще не видел этого чуда, выразили желание ознакомиться с ним, и Кукси повел людей в сад, включил подводную подсветку, и все разинули рты.

Воспользовавшись тем, что это отвлекло внимание, Кукси подошел к Дженни и доверительным тоном сказал:

— Очень рад видеть тебя снова, дорогая. Надеюсь, ты вернулась надолго?

— Конечно. Я просто отлучалась, чтобы кое-кому помочь.

— С тобой все в порядке? Ты выглядишь какой-то другой.

— Да все нормально. Просто все случившееся чуточку выбило меня из колеи.

— Ну конечно. А Мойе ты, случайно, не видела, а?

— Нет. А ты?

— Тоже не видел. Но он где-то неподалеку.

В этот момент по одной из тропок подошли Скотти и Джели. Увидев новых людей, женщина на миг остановилась, похоже, даже подумывала, не повернуть ли назад, когда ее заметила Дженни.

— О, вот и Джели! — воскликнула она и бросилась к подруге с объятиями, повергнувшими Джели в слезы.

Дженни увлекла ее на ближайшую скамейку, где они, кажется, что-то пылко обсуждали. Цвик, Лола, Бет и Амелия не участвовали в этой второстепенной сцене, ибо в настоящий момент плескались на мелководье.

— Я вычислил, что вы прячете ее здесь,— прозвучал голос Паза.

— Почему вы так решили, мистер Паз? Да и вообще, «прятать» — слово не из моего лексикона. Просто у Джели трудности в семье.

— О да, вам, конечно, лучше знать. Вы ведь и организовывали эти трудности.

— И опять же, «организовывать» — не мое слово. По моему разумению, происходящее здесь есть нечто, пребывающее за пределами любого представления о том, что можно «организовать». Или как вам еще угодно будет это назвать, используя терминологию заговоров и тайных обществ.

— Скажите, вы не имели никаких дел с теми ребятами, которые взорвали насосные станции?

— О, это... Ну, я давал некоторые, разумеется сугубо теоретические, консультации относительно способов изготовления, формы, хранения и детонации определенных зарядов. Кевин и его друг этим интересовались, и мне, профессиональному преподавателю, было трудно удержаться от соблазна поделиться знаниями со своими сотрудниками, тем более что те же сведения они все равно смогли бы получить через Интернет. Кроме того, меня заботило, как бы они сами себя не подорвали. Я объяснил им, что пытаться восстановить болота с помощью одних только взрывов — бесполезно, но вы ведь понимаете — пылкая, нетерпеливая юность. Кстати, террориста зовут Кирни. Он работал в зоопарке, откуда и выносил помет ягуара для того дурацкого розыгрыша, который они устроили в помещении «Консуэлы». Найти его будет не так уж трудно.

— Вы не пытались отговорить их или позвонить копам?

— Нет, не пытался, я просто сдал его вам, ведь, если он убьет кого-нибудь еще или себя самого, мне не избавиться от чувства ответственности. Разумеется, как ученый и представитель западной цивилизации, я должен быть категорически против разрывания кого бы то ни было на куски. Однако эти дети причиняют настолько меньше вреда, чем причиняет эта цивилизация себе сама, что кажется абсурдным сходить с ума из-за их жалких усилий. Это не они несут в себе разрушение.

— И очевидно, вы знали, что все эти убийства совершает Мойе, и помогали ему,— сказал Паз, проигнорировав слова профессора.

Кукси отреагировал на это улыбкой.

— Ну, он едва ли нуждался в помощи. Мойе и его пятнистый друг вполне в состоянии сами сделать все, что им угодно. Ну а насчет обращения в полицию... разве, явись я к ним и скажи им правду, они не сочли бы все это бредом сумасшедшего? Полагаю, вы знаете это лучше меня.

— Да, тут вы, пожалуй, правы,— не мог не признать Паз.— Но вот что еще мне любопытно. Я уже выяснил, что имена сотрудников «Консуэлы» вы установили через мисс Варгос и каким-то образом сообщили их в джунгли, тому священнику. Но откуда вы узнали, что сюда прибудет Мойе?

Кукси издал смешок и закатил глаза к небу. В сгущавшихся сумерках Пазу было непросто разглядеть его лицо, но он его увидел.

— Честно говоря, дорогой мой,— сказал Кукси,— вы меня переоцениваете. Наша Дженни наверняка рассказала вам о смерти моей жены, о том, как она работала на износ, пытаясь добыть крохи жизненно важной информации, обращавшейся в то время в деньги, и встретила свой рок. Но чего вы не могли услышать от Дженни, потому что этого я ей не рассказал, так это следующее. Первое уничтожение именно того участка леса

было операцией «Консуэлы», и, таким образом, все последовавшие бедствия в моей жизни можно сложить к дверям этой фирмы. Второе: после того как она умерла, я обезумел. Взял каноэ и отправился вверх по реке, в Сан-Педро Касиваре, последнюю точку на карте. При этом я беспрерывно пил писко. Денег у меня хватило бы, чтобы умереть от пьянства, и к этому, в общем-то, сводился мой план. И был еще один малый, который, кажется, имел на уме нечто подобное.

— Священник,— сказал Паз.

— Он самый. Отец Тимоти. По мере того как мы с ним облегчали душу, обмениваясь нашими печальными историями, мы все меньше времени проводили за выпивкой и больше за рыбной ловлей. Он принял решение вернуться на священническую стезю, поскольку вознамерился обрести мученическую кончину от рук диких индейцев, которые, как нам рассказывали, без раздумья убивают каждого, кто забредает в их владения. А вот меня он убедил в том, что ради дочери я обязан вернуться домой и позаботиться о ней. Так я и сделал: позаботился о ней, убив ее. Она была точной копией моей жены.

Кукси умолк. Паз выжидал, заметив, что Кукси смотрит на группу возле пруда, и, как казалось, с особенным вниманием — на беззаботно резвившуюся Амелию. Взрослые разделись, кто до какой степени: Скотти и Цвик остались в шортах, Дженни и Бет были совсем нагими, Лола и Амелия — в закрытых купальниках, Джели — в бикини.

Кто-то принес бутылку водки aguardiente и ей для компании — бутылку рома «Серая гора», и в обеих уже мало что осталось. Паз между тем начал ощущать первые признаки тревоги, беспокойное покалывание в животе.

Было во всей этой сцене нечто немного чрезмерное, бьющее через край. Джели Варгос, например, только что чувствовавшая себя подавленной, теперь, почти обнаженная, что-то возбужденно восклицала.

От размышлений его оторвал Кукси, снова начавший говорить.

— Итак, священник отправился к рунийя, а я обосновался здесь. Когда мне стало известно, кто такая Джели, я стал всячески побуждать ее к выяснению того, чем на самом деле занимается «Консуэла», а полученную информацию передал священнику, который и использовал ее, чтобы обрести мученический конец. Немного поздновато, но ведь лучше поздно, чем никогда. Я предполагал, что натуралисты, защитники окружающей среды или кто-то еще ухватятся за эту информацию и поднимут шумиху. Но, уверяю, появления Мойе я никак не ждал.

— Но почему было не поднять шумиху самому? Если здесь, под рукой, как раз и имеется целая природоохранная организация.

— Да, конечно, но ведь это скомпрометировало бы Джели, не так ли? Скажем так, она пыталась усидеть на двух стульях. Она старалась избежать того, что должно было в конечном счете случиться с прибытием этих вооруженных колумбийских головорезов. Ну и потом, подними мы шум, на что только и способна уважаемая экологическая организация, «Консуэла» попросту бы исчезла, и след ее пропал бы среди подставных компаний. А вырубка леса продолжилась бы как ни в чем не бывало. Я надеялся на то, что отец Тим появится на сцене с фотографиями и прочими обличающими материалами. Он не смог, хотя каким-то образом сумел направить сюда Мойе. Однако я думаю, понятно, что за всем этим стоит нечто большее?

— «Большее» — в каком смысле?

— Ну, прежде всего с чего это вы неожиданно решили явиться сюда вечером с этой группой людей? Не сказать, чтобы это было вашим обычным времяпрепровождением, не так ли?

— Мне это было рекомендовано в ходе... религиозного обряда,— сказал в ответ Паз, мысленно поежившись от того, каким вздором звучали его слова.

Кукси, однако, услышанное не удивило.

— Да, чего-то подобного я и ожидал. Понимаете, лично я ко всему этому отношусь спокойно, полагая, что вера или неверие — это не более чем вопрос трактовки. Возможно, это реакция на поведение моей матушки, она вечно имела отсутствующий вид и предрекала события.

— И что, предсказания сбывались?

— Более или менее. Матушка явно была весьма сведущей ведьмой, прошедшей обучение у нескольких знаменитых шаманов. Правда, ко мне ее способности не перешли, все, на что я способен,— это видеть их в других. Вот у вас — я это заметил при первой встрече — они имеются. И — разумеется, в ее собственном варианте — у нашей Дженни.

Тут он воззрился на плоскую площадку над водопадом, где на самом краю балансировала перед прыжком в воду Дженни. Фонари у пруда подсвечивали ее снизу, отчего ее волосы искрились, а лицо и тело казались принадлежащими статуе какого-то забытого, ужасного культа.

— Ох, как великолепно! — воскликнул Кукси, когда девушка со всплеском исчезла в темной воде.— Хотя есть в этом что-то не вполне человеческое. И ведь надо же, когда она здесь появилась, все принимали ее за слабоумную, хотя на самом деле это вовсе не так. Она превосходно справляется с обычными жизненными требованиями и по меньшей мере в одной области — таксономии ос — сведуща, можно сказать, великолепно, несмотря на ее практическую безграмотность. Она умеет, как мы говорим, чувствовать организм; это по-настоящему редкая способность. Думаю, дело тут в том, что она действительно росла в жутких условиях, а потому, разумеется неосознанно, просто очертила магическим кругом внутреннюю суть своего бытия, дабы защитить ее и свести ее отклики на то, что происходит с телом, к возможному минимуму. Превосходный пустой сосуд, открытый и готовый что-то вместить. Божество. Богов. Пульсацию природы. Мойе думает

что-то в этом роде, а уж кому знать, как не ему. Но вернемся к наступающей ночи. Вы находитесь здесь, и мы тоже: в чем, по-вашему, здесь причина?

— Уверенности у меня нет,— ответил Паз,— но, по моему мнению, это как-то связано с моей дочерью. Он хочет ее заполучить.

— Да, он хочет. Я тут размышлял: почему? Пойдемте со мной, нужно принести еще напитков.

Он направился к дому, Паз следом. Ночь стояла не то чтобы знойная, но теплая, ветер совсем утих. Все ветви и листья застыли, словно окаменевшие, и это в глазах Паза создавало ощущение некоего внутреннего присутствия, словно деревья и большие кусты обладали индивидуальностью. Все это напоминало ритуал бембе, когда воздух сгущается, а живые объекты предстают обвитыми тонкими спиралями неонового свечения. Паз чувствовал странную тяжесть в голове, словно камни его ориша угнездились в ней не в переносном, а в прямом смысле слова, а позади себя, в такой близости, будто ему не то чтобы наступали на пятки, а просто норовили надеть его тело, словно костюм, он ощущал неясные очертания.

Он не последовал за Кукси в дом, а остался ждать в патио. По какой-то причине ему не хотелось уходить из-под открытого неба под крышу, чувствовать себя окруженным искусственными перегородками, и Паз предпочел провести время (неопределенной продолжительности — как выяснилось, со временем тоже происходило нечто странное) за созерцанием великолепного в своей естественности, увешанного плодами бананового дерева. Затем появился Кукси, неся поднос с ведерком колотого льда, несколькими бутылками различного спиртного и упаковкой пива из шести банок.

— Ну и к каким это привело заключениям? — осведомился Паз.

— Да так, сплошное теоретизирование. По моим предположениям, это проистекает из некой последовательности нанизывающихся на нить реальности событий, сути которых человеку знать не положено. Такой прием использовался в старых фильмах ужасах, а я бы сравнил это, только с обратным знаком, с «эффектом бабочки». Знакомо такое понятие?

— Это из теории хаоса. Бабочка в Китае, махая крылышками, порождает торнадо в Айове.

— Ну, примерно так,— кивнул Кукси, пристраивая поднос на столик рядом с прудом.

Купавшаяся компания теперь завернулась в извлеченные из фанерного ящика полотенца и устраивалась в шезлонгах или на гладких камнях. Пазу подумалось, что сейчас во всем этом сборище есть нечто эллинское, причем дело не только в полотенцах.

Что он и сообщил Кукси.

— Да, насколько я понимаю, это возвращение Пана. Сей мир уже сотни лет как лишился истинного Эроса, и сейчас, в ночи, в этом маленьком саду творится мистерия его возвращения. Но продолжу: обратный «эффект бабочки» имеет место, когда нечто грандиозное и сложное порождает нечто мелкое и простое, однако в действительности обретающее значение на ином уровне бытия. Приведу в качестве примера одну маленькую историю.

Он налил в пластиковый стакан изрядную дозу виски и отпил глоток.

— Помню, в детстве матушка отвезла меня погостить к кому-то из своих родственников, он жил в Норфолке, в поселке у моря. Война шла к концу, но еще продолжалась, и как раз когда мы приехали, неподалеку взорвался какой-то, видно сбившийся с цели, немецкий «фау-патрон». Никто не пострадал, и даже разрушений почти не было, но маленький металлический осколок залетел в главный сад и вырвал старинный, эпохи Бурбонов, розовый куст. Старый джентль-

мен отреагировал на это так, будто вся Вторая мировая война представляла собой гигантскую операцию прикрытия, затеянную для того, чтобы под шумок уничтожить именно этот куст. Да, это отдает безумием, но засело в моем мозгу — что огромные предприятия продуцируют такого рода маленькие странные катастрофы, потому что, если смотреть с некоего непознаваемого наблюдательного пункта, эти ничтожные события станут значимыми индикаторами чего-то существенного. С одной стороны — пятьдесят миллионов человеческих жизней, с другой — погубленный куст роз.

— В этом нет никакого смысла,— сказал Паз.

Он пытался сосредоточиться на Амалии и Лоле, зафиксировать их местоположение в своем сознании, чтобы иметь возможность прийти им на помощь, защитить их, когда то, что должно произойти, чем бы оно ни было, произойдет. Ибо что-то, несомненно, назревало: слишком уж причудливы были его ощущения в последние несколько минут (впрочем, правда ли речь шла о минутах? На самом деле странности начались куда раньше), сейчас же они обернулись нарастающим ужасом, словно к границам его сознания подступало безумие. Фоном для этих чувств служила продолжавшаяся речь Кукси.

— Да, это кажется не имеющим смысла, во всяком случае с нашей точки зрения, но ведь могут существовать и иные. Возможны ведь императивы, о которых мы знаем не больше, чем пчела, отдающая свою жизнь ради сохранения роя. Изучение общественных насекомых вообще дает нам ценную возможность увидеть иную перспективу сохранения личности. В любом случае, когда моя семья умерла или была убита, я так много об этом думал, что, наверное, наполовину спятил. Надо полагать, вам, человеку семейному, это понятно. Но одну возникшую при этом мысль я склонен принять: впечатление такое, будто некто или нечто пытается донести до нас послание.

— Нечто,— повторил за ним Паз.

Сейчас он находился в нескольких ярдах от того места, где, завернувшись в полотенца, лежали Амелия и его жена. Лола вытирала дочурке волосы. Цвик и Бет лежали в одном из шезлонгов, Скотти и Джели — в другом. Дженни стояла, завернувшись в желтое полотенце и вытирая волосы зеленым. Взгляд ее был устремлен в густую, темную листву, непроницаемую для света горевших возле пруда фонарей, словно она чего-то ждала. Все казалось каким-то замедленным, словно во сне. Позади него продолжал витийствовать Кукси.

— ...да, планета, например, или ее охранители, или ноосфера — можете назвать это как вам угодно. Понимаете, в определенный момент мы решаем, что все, включая нас самих, мертво, что это очень даже превосходно, ибо дает возможность подменить подлинную суть природы некой искусственной абстракцией — скажем, властью, национальной или расовой идей или, как в данном случае, деньгами. Итак, предположим, нечто проснулось после долгой дремоты, долгой, конечно, не по меркам того, что существует уже четыре миллиарда лет, но по нашим представлениям. И вот это нечто ощущает некий зуд, какое-то мелкое раздражение и рассеянно почесывается, а поскольку это почесывание приходится на двадцатый век, сто миллионов человек гибнет в войнах и от голода, и мы, к сожалению, продолжаем в том же духе, потому что ничего не понимаем. Но сейчас ситуация немного интереснее, ибо мы играем с механизмами равновесия, лежащими в основе всего этого бардака. И тут оказывается, что великий Пан, в конце-то концов, вовсе даже не умер. Сейчас он проснулся, не среди нас, конечно, потому что мы мертвые, а среди соплеменников Мойе, но из-за того, что случилось со мной, я был вынужден, если можно так выразиться, произвести импульс, который привел его сюда.

— И что все это значит? — спросил Паз.

Он вовсе не думал, будто Кукси знает ответ, просто хотел, чтобы тот продолжил говорить, словно его речь служила предисловием к некоему действу, которое непременно должно произойти, но произойдет лишь тогда, когда Кукси закончит свой монолог. Паз чувствовал, что ему нужно еще чуточку времени. А кроме того, он знал, что ему нужны его лук и стрелы.

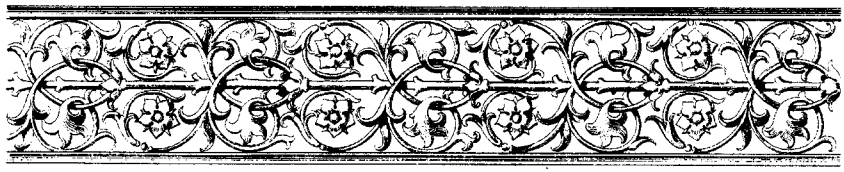
Это была совершенно новая мысль, и он почувствовал, как его тело само собой поворачивается, увлекаемое назад, к «вольво». Не без труда он поднял багажник, словно его руки забыли, как управляться с защелкой, да и сам автомобиль казался ему чем-то неправильным и нездоровым, таким, чего не должно существовать. Назад, к пруду, Паз вернулся с луком и колчаном стрел, это при том, что ему доводилось стрелять лишь из игрушечного лука, у которого стрелы были с присосками. Сейчас у него не было ни малейшего представления, зачем ему вдруг понадобилось это оружие и что он будет с ним делать, но имелось твердое убеждение в том, что иметь лук и стрелы под рукой для него жизненно необходимо.

Кажется, никто не двинулся с места. Кукси так и продолжал вещать, обращаясь к ночи.

— ...в любом случае мы можем видеть новый порядок вещей, новые причинно-следственные связи. Это проявляется в эволюционно́м процессе, когда вдруг в то или иное время, в том или ином месте неожиданно интенсифицируется видообразование. Почему — у нас нет ни малейшего представления. Сейчас мы, возможно, имеем дело с ситуацией, когда некую форму неосознанного зла постигает прямая кара. Это своего рода ответ на вопрос, почему все плохое обычно случается с хорошими людьми, а не наоборот. Некто отдает приказ, и на другом конце длинной цепи исполнителей мы имеем убийства, грабеж, опустошение, и все это ради пополнения чьих-то банковских счетов. А что произойдет, если эту, дергающую за веревочки, руку откусить? Произойдут ли пере-

мены, или мы настолько закоренели в своей косности, что не сработает даже это? И что, если действительно, как сейчас, потребуется принести в жертву дитя? Хоть это привлечет к себя чье-то долбаное внимание?

На этом месте Кукси возвысил голос, но, кажется, никто его не слышал. Все смотрели на Ягуара.



20

Ягуар бесшумно появился из тьмы и ступил на мощеный внутренний двор, окружавший пруд. Он был гораздо больше, чем Паз мог вообразить, размером почти с африканского льва, но с более поджарым, удлиненным телом. Значительно крупнее настоящего ягуара, он словно светился изнутри, как потайной фонарь, а черные круги, казалось, вибрировали на золотистом фоне. Кукси лишился дара речи и остолбенел — его рот, только что произнесший последние слова, так и остался открытым. Паз хотел крикнуть, чтобы Лола хватала ребенка и бежала, но оказалось, что и у него пропал голос. Зато он чувствовал, как его руки, действуя сами по себе, вытаскивают стрелу из колчана и накладывают на тетиву. Стрелы были длинными, оперенными ярко-зелеными перьями попугая, с очень острыми наконечниками из молочного камня.

Ягуар скользнул через патио к пруду, туда, где лежали Лола с Амелией: головка девочки покоилась на маминых коленях, и Лола распутывала пальцами волосы дочурки . Паз видел, как его дочь взглянула прямо в топазовые светильники глаз божества: на ее лице блуждала мягкая улыбка. Лола смотрела на зверя с выражением, которое Паз назвал бы мимолетным вежливым интересом, словно девочка решила познакомить маму с новой, случайной подружкой по играм. Все остальные, похоже, были неподвижно прикованы к своим местам, словно фоновые фигуры на классическом полотне,— это сходство усиливалось благодаря ленивым позам и драпировавшим их пляжным полотенцам.

Паз решил, что он ошибся; на самом деле это не что иное, как удивительно отчетливый, реалистичный сон, из числа тех, которые так часто снились ему в последнее время. В нем была девочка, и был Ягуар, которому предстояло принять ее в жертву во имя всеобъемлющего и всеобщего блага, ибо с этим жертвоприношением мир вновь обретет целостность. Паз даже проникся гордостью оттого, что его дочь удостоена столь высокой чести.

В этом видении он видел суть ее существования, прослеживал поколения ее предков: евреев — вплоть до древнего Иерусалима, африканцев — вплоть до йоруба из Ифе, испанцев — вплоть до составивших основу этой нации римлян, греков, готов, арабов. Всех ее прародителей, собиравшихся в синагогах, служивших идолам йоруба или владельцам плантаций сахарного тростника, воевавших с язычниками, молившихся Аллаху. Всех тех, чьи судьбы в своем слиянии привели к появлению этого сияющего чада.

Внезапно масштабное созерцание было прервано каким-то стремительным движением возле пруда. Дженни Симпсон рванулась с места и повисла у Ягуара на шее, вцепившись в золотистую шкуру и выкрикивая:

— Нет! Нет! Прекрати! Оставь ее!

Джимми все это показалось абсурдом: она обращалась с чудовищем как с непослушным щенком, и он даже ощутил смутную досаду из-за такого прозаического вмешательства в грозную эстетику разыгрываемой сцены.

Ягуар отряхнулся, словно собака, и молодая женщина, отлетев в сторону, звучно шлепнулась на плитку. А потом Паз услышал другой звук, рык, такой низкий и глубокий, что он показался ему воображаемым, похожим на те обманчивые звуки, которые человек порой слышит, проваливаясь в сон.

Ар-рар-рах. Ар-рар-рар-рах.

Это словно послужило сигналом: при этом звуке Паз ощутил в голове некое шевеление, а затем, повинуясь Иному, пребывающему внутри, пришло в движение и его тело. Он почув-

ствовал, как руки натягивают тугой лук, оперение стрелы коснулось его щеки, а потом он спустил тетиву.

Ягуар разинул над девочкой клыкастую пасть за миг до того, как стрела вонзилась в него сразу за передней лапой. Паз пытался держать глаза открытыми, но некая сила, угнездившаяся в мозгу, заставила его закрыть их, чтобы зрение не зафиксировало то, чего сознание, в силу его эволюционного устройства, все равно не могло осмыслить. Однако он уловил порыв ветра и некий невнятный шум, а когда его зрение восстановилось, возле пруда царил хаос. Маленький человек с коричневой кожей лежал в луже крови, и в боку у него торчала выпущенная Пазом длинная стрела.

Цвик, движимый долго дремавшим медицинским инстинктом, стоял на коленях возле раненого и оказывал помощь, однако, улучив момент, оторвался от своих хлопот и воскликнул:

— Господи, Паз, ну за каким чертом было это делать?

Лола в это время занялась Дженни, сраженной, как Мойе стрелой, тяжелейшим припадком. Изо рта ее выступила пена, обнаженное тело выгнулось дугой, так что земли касались лишь пятки и рыжая макушка. Паз схватил на руки Амелию, дрожавшую и кричавшую от ужаса.

Остальные окружили пострадавшую пару, пытаясь сделать что-то полезное. Паз унес девочку в патио, рухнул в кресло, прижимая к себе ее маленькое тельце, и, целуя мокрую макушку, принялся бормотать что-то успокаивающее. Крики постепенно сменились всхлипами, потом последовал глубокий вздох, и наконец она сказала:

— Папочка, мне было страшно.

— Конечно, детка, а как же иначе. Было очень страшно. Я и сам испугался.

— Он хотел меня съесть на самом деле!

— Да, так оно и было.

— А я, хоть и перепугалась до смерти, кажется, сама хотела, чтобы меня съели. Как это может быть, а?

— Малышка, но ведь ты видела сон. Страшный сон, да, но он закончился. Никто больше не попытается тебя съесть.

— А потом он превратился в Мойе,— продолжила девочка.— Я сама видела, так оно и было. Воздух заколыхался,— она помахала растопыренными пальцами, показывая, что произошло с воздухом,— а потом бац — и в нем стрела.

— Правильно,— подтвердил Паз.

— Но он не умрет, потому что он хороший, как Фродо. Он, наверное, ранен, да?

— Да. Надеюсь, с ним все будет в порядке.

— А Дженни вся тряслась и дергалась. На это тоже страшно было смотреть, честное слово. Зачем она так делала?

— Она больная. У нее особая болезнь, из-за которой с ней такое творится. Но не беспокойся за нее; твоя мама о ней позаботится.

Они ненадолго присели: Паз чувствовал, что голова его совершенно пуста. Через некоторое время Амалия снова подала голос:

— А попугайчика мы посмотрим? И я хочу кока-колы.

Попугайчика посмотрели. Колы раздобыли. После последовавшего шумного ликования — Паз был бы рад, чтобы оно длилось неделю,— они отыскали шезлонг, и он прилег. У него болела каждая косточка. Потом появилась доктор Уайз — взглянуть, как там ее родные.

Удостоверившись, что с ее дочерью все в порядке, она нависла над Пазом и требовательно спросила:

— Не хочешь ли ты, случайно, растолковать мне, что все это значит? С чего вдруг ты взял да подстрелил этого несчастного коротышку?

— Да с того, что я видел не его, а громадного ягуара, уже собравшегося откусить нашей дочке голову. А что видела ты?

— Я?.. Джимми, я видела то, что было. Мы сидели отдыхали после купания, и тут из темноты выходит этот малый, и Дженни подходит к нему и заговаривает с ним как со зна-

комым. А потом... знаю только, я услышала, как зазвенела тетива, и увидела этого парня лежащим со стрелой в груди.

— Кстати, как его дела?

— Видимо, жить будет — похоже, сердце стрела все-таки не задела. Торчит сбоку из груди. Мы сделали, что могли, но извлекать стрелу лучше в условиях операционной. «Скорая» уже в пути. Боже мой, как мы вообще сможем объяснить это происшествие?

— Наплетем всякой ерунды насчет несчастного случая, ну там, валял дурака с луком и стрелами и случайно попал в своего приятеля, иностранного гостя,— ответил Паз.— Копы в Майами всю дорогу имеют дело с таким дерьмом. Буду добиваться приговора с отсрочкой исполнения. Ты лучше скажи, как там рыжая?

— Припадок у нее кончился, и сейчас она дома, в постели. У меня было с собой немного «Сома», и я влила в нее пару чашек. Да еще и «Ксанакса» добавила. Она проспит не один час.

— Хорошо,— сказала Паз,— вот и опять фармацевтика помогает решать проблемы. Но ты ведь знаешь, Амелия тоже видела Ягуара.

Лола закатила глаза.

— Джимми, она же ребенок! Неужели ты не понимаешь, с меня достаточно и того, что ты оказался подвержен галлюцинациям такой силы, что едва не убил человека? Джимми, мне это не нравится, это значит, что ты не в порядке!

— Присядь, Лола,— мягко сказал Паз, и она вдруг обнаружила, что повинуется: она села в ногах кушетки, не прикасаясь к нему. Было в его глазах что-то особенное, присутствие чего-то такого, чего она, насколько могла припомнить, никогда в них не видела.— Уж как я над этим голову ломал, просто мозги набекрень,— сказал Паз.— Пытался понять, почему ему потребовалась Амелия? Почему она оказалась предназначенной в жертву? И почему он думал, что жертва необ-

ходима? И наконец, каково подлинное значение того, что делал он и что сделал я?

— Ты имеешь в виду, что выстрелил в индейца?

— Нет, я имею в виду все, касающееся своей вовлеченности в эту историю. Всю ту цепь событий, случайных или нет, которая в результате привела к тому, что я оказался в нужное время в нужном месте. И повторяю еще раз, это был не индеец. Это был Ягуар.

Это был какой-то бог или полубог — короче говоря, дух в образе немыслимого зверя. Вот сейчас я по твоему лицу вижу, что ты полностью забыла про свои кошмары, как ты рыдала, словно дитя, потому что не могла спать из-за Ягуара, являвшегося тебе во сне и втолковывавшего тебе, как это правильно — отдать дочь ему на съедение. Целая полка снотворного и прочих лекарств ничего не могла с этим поделать, а вот одна старая кубинская леди с помощью маленького мешочка с магическими снадобьями привела тебя в норму.

Она почувствовала, как на лбу ее выступил пот, а волоски на шее и руках встали дыбом.

— Ага,— сказал он, ища ее глаза,— значит, ты помнишь. Если хочешь, я могу отвести тебя в кусты возле пруда и показать следы огромного кота, а ты попробуешь придумать этому рациональное объяснение.

— А ты предложи свое объяснение,— сказала она в ответ.— Может быть, я им удовлетворюсь.

— Нет у меня никакого объяснения. Разница между нами в том, что ты полагаешь, что дурацкая абсолютная внутренняя суть мироздания должна иметь рациональное объяснение и может быть выражена формулой. А я считаю, что эта самая абсолютная внутренняя суть мироздания есть великая тайна. И мы — и только что у пруда, и вообще во всей этой истории с Мойе — стали свидетелями того, чего в норме не видим, ибо нам этого видеть не дано. Ты хочешь все разложить по полочкам: ну и хорошо, раз ты так устроена. Но я другой, я

могу лишь воспринимать это с почтением и взирать на это благоговейно. Все, что я могу сказать,— это был хороший день. Девочка спасена, чудовище уничтожено. В другой раз это может принять другой оборот, к чему я тоже отнесусь с благоговейным почтением. Ну что, теперь ты жалеешь, что вышла за меня замуж? Из-за всего этого, необъяснимого?

— Нет,— ответила она.— Я не жалею. Но не можешь ли ты из-за всего этого попасть в тюрьму? Впрочем, нет, я об этом даже думать не желаю.

— Как о полнейшей чепухе,— рассмеялся он.

— В определенном смысле.

Тут завыли сирены, возвестив появление парамедиков. Мойе быстро унесли, Лола отправилась его сопровождать, а остальные, за исключением Кукси, который предпочел остаться сидеть возле Дженни, перебрались в патио, где прежде всего выпили чего покрепче.

— Ну, Паз,— пробормотал Цвик,— что ты всегда умел, так это устроить вечеринку.

Паз оглядел компанию.

— Никто не заметил ничего странного? — спросил он.— Вы все видели лишь то, что я выстрелил в безобидного индейца?

— А что еще, по-твоему, мы должны были увидеть? — спросила Бет Моргенсен.

Паз вопрос проигнорировал: он смотрел на Скотти, выглядевшего так, словно ему только что двинули ногой по яйцам. Он отводил взгляд — еще один человек, увидевший невозможное и желающий забыть об этом чем скорее, тем лучше. Остальные взрослые, с их рациональным складом ума и научным подходом, были готовы наблюдать лишь феномены, поддающиеся проверке.

— Пойдем со мной, я хочу кое-что проверить,— сказал он, доставая из бардачка «вольво» фонарь, и быстро зашагал по той тропке, где появилось из тьмы существо.

Тропа была усыпана крупным песком, и ему не потребовалось много времени, чтобы обнаружить отпечатки огромных лап, сначала один, потом другой.

— Что вы на это скажете, доктора? — спросил он.

— Ох ты, боже ты мой! — отозвался Цвик.— Ради бога, скажи мне, что ты не устроил весь этот цирк со стрельбой из лука в этого малого, только чтобы пролезть с идиотской сказочкой про мистического ягуара!

Паз обвел взглядом лица, едва различимые в тусклом боковом свете, и поддержки не обнаружил.

— Ладно,— сказал он.— Я доставлю ваших ребят домой.

Открыв глаза, Дженни первым делом увидела Кукси и обрадовалась. Она лежала на своем тюфяке, в старой каморке при кабинете Кукси, одетая в принадлежащую ему защитного цвета рубашку. Сам он был в темном спортивном костюме, с лицом, разрисованным черными полосами грязи.

— У меня был припадок,— сообразила девушка.

— Это точно, был. Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Но немножко болит. Что-то случилось до того, как я отключилась.

— Это точно. Явился Ягуар во всей своей гордыне и славе. Он собирался сожрать ту маленькую девочку, и ты героически встала между ним и ею. Жертвоприношение не состоялось, а уж что из этого следует, одному богу ведомо. Мистер Паз выстрелил в оборотня из лука, и он снова превратился в нашего Мойе.

— Мойе мертв?

— Похоже, нет. С нами случайно оказались два врача, хотя, возможно, слово «случайно» тут не самое подходящее. Так или иначе, он жив. А ты помнишь что-нибудь из случившегося?

— В некоторой степени. Ощущение такое, будто вспоминаешь сон. Тот, кого я видела... это не был Джимми. То есть

был, но в него было вплетено что-то еще, нечто большее, чем он, светящееся — я не знаю, как это назвать или описать. Но оно было добрым, точно. Только вот... Мойе, он ведь тоже хороший, не так ли? И Ягуар. Он убил тех плохих парней, и, в конце концов, он только старался защитить свою страну.

Девушка вздохнула.

— Ох, Кукси, не понимаю я всего этого.

— Нет, и я сомневаюсь, чтобы представление о добре и зле, которое мы черпаем из кино, может быть применимо в данном случае. Мы плаваем в запретных глубинах, моя девочка, причем в таких, где бедные ученые не чувствуют себя как рыба в воде. И боюсь, дело еще не закончено. Осталось еще кое-что, может быть, не столь вселенского масштаба, но столь же смертельно опасное.

— Что это значит?

— Это значит, я ожидаю скорого визита сюда той самой банды, которая похитила тебя и убила Кевина.

— Они направляются сюда? За мной?

— Нет, за Джили. Она нужна им, чтобы оказывать давление на деда, который им важен для успеха их преступных махинаций.

— Но откуда им знать, что она здесь? Джили мне говорила, что не сообщала об этом никому, даже своей матушке.

— На самом деле они знают, ибо я позвонил в дом ее дедушки и сообщил это служанке, которая сняла трубку. Разумеется, все слуги там подкуплены или запуганы, поэтому я уверен, главаря банды поставили в известность через несколько минут. Они лишь ждали, когда мы останемся одни.

— Боже мой, Кукси! Но зачем это было делать? Почему?

— Затем, моя дорогая, что я хочу убить их всех. Вот почему ты видишь меня сейчас в старой робе коммандос и с боевой раскраской на физиономии. Боюсь, у меня больше общего с Мойе, чем я показывал. Это те самые люди, которые вырубают леса, и они же убили мою жену.

— Я думала, ее змея укусила.

— Ну да, конечно, я должен попросить прощения за обман, но следовало соблюдать некоторую осторожность, да и не хотелось мне обременять тебя правдой. На самом деле лесопромышленные компании нанимали головорезов, чтобы перед началом вырубки очищать леса от людей, и в нашем случае за это ответственна организация Хуртадо. Порция наняла местных жителей отлавливать для нее образцы насекомых, и как раз когда находилась там, на деревню напали эти самые люди или их наемники. Все погибли. Поэтому она только в фигуральном смысле умерла от змеиного укуса. К сегодняшнему вечеру я готовился много лет. Надеюсь, ты меня простишь.

— Кукси, это безумие. Вы вдвоем со Скотти — против всех этих парней!

— Скотти в этом не участвует: его задача — приглядеть за Джили. Они в его коттедже, двери и окна заперты, все засовы задвинуты. Если что, он позвонит в полицию, а до их прибытия продержится, у него есть дробовик. А пока мы должны укрыть тебя на время приближающейся заварушки. Я перекрою альков вон тем шкафом: никто не подумает, что к моему кабинету примыкает другое помещение, да и сомневаюсь, что в любом случае кто-нибудь станет тебя искать. Им нужна Джили. Что же до твоей наружной двери — нам остается положиться на запор. Я, разумеется, буду в темном — мне надо еще вытащить предохранители из мин. Это поможет в защите, вот увидишь. И у меня есть кое-что еще.

Поднявшись, Кукси вышел из маленькой комнаты и спустя минуту вернулся с большим черным револьвером.

— Мой верный помощник,— ухмыльнулся он, оскалив длинные зубы.— Тебе здесь удобно? Могу я что-то для тебя сделать?

— Нет, спасибо, мне хорошо.

Он присел на краешек койки.

— Тогда я пошел. На случай, если дело обернется худо, в правом выдвижном ящике моего письменного стола оставлен пакет с твоим именем. Там несколько рекомендательных писем — пригодятся, если ты решишь заняться осами, энтомологией. Тебе, конечно, еще нужно читать и читать, но я знаю многих людей, которые были бы рады заполучить такую сотрудницу в свою лабораторию. Кроме того, я оставил некоторые распоряжения финансового характера, так что сильно нуждаться тебе не придется. Надеюсь, ты не против...

— Кукси...

— Не надо хныкать, дорогая, у нас на это нет времени. Должен тебе сказать, что удовольствие знать тебя в эти последние месяцы было для меня огромным, лучшим, что мне довелось испытать за долгое унылое время. Да, вот еще — можешь взять мой «Ветер в ивах».

Прежде чем она успела вымолвить хоть словечко, он уже вышел из комнаты и задвинул высокий шкаф с выдвижными полками на место. Она снова опустилась на подушки и всплакнула, но скоро усталость сморила ее, и она погрузилась в сон.

El Silencio подготовился к ночной работе настолько хорошо, насколько позволяло время, действуя в контакте с подопечным Хуртадо — мелким дельцом, владельцем парка трейлеров в южном округе, и привлек к участию в операции его людей. Проблема заключалась в том, что, имея приблизительное представление о расположении строений и помещений усадьбы, он не мог знать, где именно будет находиться женщина, когда они туда нагрянут.

Поэтому он решил послать подручных в оба маленьких коттеджа, в то время как они с Очоа покараулят возле главного дома. Если женщина в одном из домишек, ее выволокут наружу; если в главном здании, то вся группа после проверки территории окружит его и атакует с нескольких направлений. Все эти маневры они отрабатывали на территории пар-

ка автоприцепов до тех пор, пока El Silencio не был удовлетворен, придя к мнению, что в настоящем деле люди не станут путаться, мельтешить и мешать друг другу. Подготовка велась тщательно, хотя на самом деле он не думал, что какая-то женщина и пара штатских способны создать для них серьезные затруднения.

Они прибыли в два часа ночи, подкатив прямо по подъездной аллее. Ворота не были заперты, свет нигде не горел, на территории усадьбы царила тишина, нарушаемая лишь шелестом ветра в пальмах да плеском воды. El Silencio припомнил, что тут есть что-то вроде пруда. Ночь стояла ясная, полумесяц и отраженное небом свечение города создавали достаточное освещение, чтобы перемещаться по основной территории, не рискуя споткнуться, хотя тропинки были погружены во тьму.

Он и Очоа прошли под аркой, которая вела в патио, и остановились в тени, в то время как их сообщники двинулись по тропинкам, ведущим к двум коттеджам. Отсюда двое гангстеров могли держать под наблюдением и дверь главного дома, и выход с территории усадьбы. Они молча ждали.

Затем нижнюю сторону развесистых пальмовых крон над их головами осветила оранжевая вспышка. Раздался грохот, громче пистолетного выстрела, ярко полыхнуло пламя. Очоа чертыхнулся и припустил прочь. El Silencio услышал пронзительные, словно визг забиваемых свиней, крики, мешавшиеся с проклятиями и мольбой к Мадонне. Спустя мгновение их заглушил еще один, более громкий взрыв, заставивший задрожать пальмовые листья, задребезжать стекла.

Он услышал крик Очоа, потом удаляющийся топот. Визгливые вопли стихли. Затем громыхнули три выстрела — как определил El Silencio на слух, из пушки сорок пятого калибра. И наступила тишина.

Гангстер отступил в темный уголок патио и скорчился за большим передвижным газовым грилем. Его твердое правило заключалось в том, что, если дело оборачивается дерьмом,

главное — не дергаться в отличие от этого олуха Очоа, а затаиться и выждать. Вытащив свой девятимиллиметровый пистолет, он прислушался. Очевидно, кто-то расставил на тропах мины, и эта уловка стоила жизни четверым его сообщникам.

Да, ему и в голову не пришло, что кто-то здесь на такое способен. Ну что ж, он ошибся, и с этим уже ничего не поделаешь. Судя по всему, Очоа тоже нарвался на засаду, и это было дополнительным доводом в пользу того, чтобы затаиться и не дергаться. Смыться он бы, наверное, смог, но не хотел. До сих пор провалов у него не бывало, и он полагал, что все равно сможет перестрелять всех, кто окажется на его пути, и захватить Джели Варгос. Да и вообще ему всегда больше нравилось работать в одиночку.

Он услышал женский оклик, потом заговорил мужчина. Дверь захлопнулась. Он прождал более сорока минут и уже готов был встать, чтобы сменить позицию, когда зазвучали шаги. Сначала по песчаной дорожке, потом по мощеной. Худощавый, одетый в черное мужчина лет пятидесяти прошел мимо него в патио.

El Silencio поднялся из-за гриля и трижды выстрелил ему в спину.

Встревоженная взрывами, Дженни выглянула через стекло двери, которая выходила из ее алькова в патио, увидела, что Кукси упал, и, не размышляя, распахнула дверь и вылетела наружу. Над телом Кукси стоял мужчина. При виде растекавшейся по земле крови у нее вырвался крик. Мужчина услышал его, развернулся на звук, произнес что-то по-испански и наставил на нее пушку. Дженни развернулась кругом и припустила прочь из патио.

El Silencio чуть было не пристрелил девицу, но сдержался. Это явно была та самая рыжая сучка, которая улизнула из гаража, и ему было чертовски интересно узнать, как ей это

удалось. Кроме того, сцапав ее живьем, можно будет узнать, где находится Варгос.

С этими мыслями он устремился в погоню.

Они находились на темной тропе. И она и он перепрыгнули через упавшие, дымящиеся тела двоих из его людей, после чего девушка резко свернула налево, на более узкую тропку, шедшую слегка вверх, сначала по крупному песку, потом по грубому камню. Шум падающей воды становился все громче и громче.

Он поднажал. Девчонка находилась всего в трех футах от него, когда неожиданно они оказались на открытом месте. Его подошвы застучали по камню. Он протянул руку, чтобы схватить ее за рыжие волосы, но тут девчонка подскочила, спрыгнула со скалы и пропала из виду. Разбрызгивая ногами воду, он попытался замедлить движение, но городские туфли на тонкой подошве скользили по мокрым камням, и удержаться ему не удалось. Скала ушла из-под ног.

От вершины холма с водопадом до подножия было пятнадцать футов, и El Silencio грохнулся тяжело, получив закрытый перелом левой руки, а из-за острых кораллов — множество порезов и царапин на ногах и спине. Сила потока затянула его под воду, однако он оказался хорошим пловцом и вынырнул на поверхность, работая лишь одной рукой. Перевернувшись на спину и прижимая сломанную руку к груди, он, полягушачьи отталкиваясь ногами, направился к берегу пруда, предвкушая, что он сделает с этой девчонкой, когда до нее доберется.

Первая пиранья ткнулась ему в бедро, где кровоточил порез, и вырвала кусок мяса. Человек с нормальным голосовым аппаратом издал бы крик, но El Silencio смог произвести лишь что-то вроде хриплого стона. Взмахнув обеими руками, он погрузился в воду, и тут на него набросился весь косяк.

Дженни сидела на отмели и смотрела, как вода взбалтывается, вспенивается, словно в миксере, окрашивается алым,

а потом снова успокаивается. Она вскочила и бросилась назад, в патио. Кукси еще не умер, но в отличие от умирающих людей, которых она видела в кино, он обошелся без попытки произнести с последним вздохом какие-нибудь прощальные слова. Девушка позвонила в полицию, села рядом с ним и до последнего мгновения держала умирающего за руку. Слезы ее капали ему на лицо, вымывая отчетливые следы в покрывавшей его раскраске коммандос.

В ту ночь Джимми Паз спал беспокойно, урывками, и в конце концов тихонько, чтобы случайно не побеспокоить мирно дремавшую жену, встал и решил начать свою новую жизнь в качестве, может быть, полубога с чашечки хорошего кофе. Он заварил в кофейнике пинту «Бастело», вскипятил в кастрюльке такое же количество молока и, когда café con leche был готов, удалился в патио, присовокупив к напитку блюдо с кубинскими хлебными тостами, маслом и джемом из гуавы. На его глазах небо сменило цвет с розового на лазоревый, с ватными клочьями облаков, но тут, к его удивлению, зазвенел дверной колокольчик. Как оказалось, в такую рань заявился Тито Моралес.

— Нам надо потолковать,— с порога заявил коп. Выглядел он взъерошенным и помятым.

— Хочешь кофе? — дружелюбно спросил Паз.

Моралес ответил утвердительно. Он присел у кухонной стойки, и Паз соорудил для него такой же завтрак, какой только что съел сам.

— Это насчет индейца, верно? — спросил Паз, когда Моралес с удовольствием отпил первый глоток.— Прошлой ночью он объявился в усадьбе Зингера, и я всадил в него стрелу из лука Ошоси.

— Стало быть, всадил стрелу из лука Ошоси, вот как,— задумчиво повторил Моралес.— А можно поинтересоваться, Джимми, почему ты так поступил?

— Потому что он появился там в облике огромного ягуара и был готов растерзать Амелию. К счастью, у меня была заколдованная стрела, и, когда она угодила в него, он снова превратился в нашего индейца. Сейчас он лежит в госпитале Южного Майами. Я полагаю, поэтому ты и явился.

— Нет, и я собираюсь на время забыть всю эту твою бредятину, потому как меня сдернули с кровати, вырвав из сна, и можно считать, что я еще не вполне очухался и туго соображаю. Но я точно знаю, в этом деле семь трупов, как тебе нравится? Семь криминальных трупов в усадьбе Зингера! Насколько я понимаю, четверых из них, колумбийских головорезов, подорвали, одного малого застрелили, а еще один оказался в пруду, где эти долбаные пираньи превратили его в обгрызанный кусок мяса — без пальцев, без лица. Это мог быть Джимми Хоффа.

— Это всего шестеро.

— Кукси тоже мертв. Кто-то его пристрелил, кто — не ясно. Нам позвонила эта девчонка Симпсон, интересную историю рассказала. Поэтому я и здесь: подумал, может быть, ты сможешь кое-что мне объяснить.

— И что у нее за история?

— Ну, она уверяет, будто за всем этим тайно стоял Кукси. Якобы много лет назад эти колумбийцы там, в джунглях, убили его жену, ну а он обстряпал все это дельце. О махинациях «Консуэлы» ему было известно от Джели Варгос, внучки старого Ибанеса, и он, не знаю уж каким манером, выписал из Южной Америки этого индейца и устроил убийство твоего отца и Фуэнтеса, что привлекло в Майами Хуртадо с его развеселой компанией. Индеец грохнул нескольких его людей, и... Ладно, его роль тут пока не совсем ясна, но вот Хуртадо вел какие-то делишки с Ибанесом. Ибанес тут точно замешан, поэтому Хуртадо решил схватить Джели, чтобы оказать давление на старину Кукси, чтобы тот, стало быть, все уладил, ну а он смастерил бомбочки, отделался от четверки

плохих парней, пятого пристрелил, а последнего малого столкнул в пруд, на корм рыбкам. После чего взял да застрелился. Дерьмовая чушь, конечно, но мне этого не доказать. Девчонка, когда мы туда заявились, была мокрой: ясное дело, плескалась в пруду с «сеньором Без Лица», который и пристрелил Кукси. Другое дело, что я понятия не имею, как это раскрутить. Да, к слову — мы прихватили Хуртадо.

— Правда? Я думал, его ищи-свищи.

— Ну, так оно и было, но девчонка рассказала, что Кукси сообщил Ибанесу, где находится Джели, что служанка, или кто там она, связывалась с Хуртадо. Мы нагрянули в дом, прислуга выдала нам номер, по которому звонила, и мы обнаружили его в хреновой дыре, в Северном Майами-Бич. Другое дело, что нам нечего ему предъявить. Звонить по телефону — не преступление, а доказательств прямой связи между ним и жмуриками в доме Зингера у нас нет. А теперь расскажи мне про индейца.

Паз улыбнулся.

— Выздоравливает.

— Мать его в задницу! Этот паршивец прикончил четверых, и это только то, что мы точно знаем. Голову даю на отсечение, что следы босых ног у гаража и отпечатки, оставшиеся у ворот дома твоего отца, оставил именно он.

— Вероятно, так оно и есть. В данном случае у тебя есть выбор между двумя возможностями. Позволь мне обрисовать тебе обе. План А заключается в том, что ты хватаешь индейца, его, к слову, зовут Мойе, а потом пытаешься убедить майора Олифанта и прокурора штата в том, что этот худощавый, легкий, как перышко, краснокожий совершил в одиночку четыре убийства. Причем в одном случае расправился с человеком, которого тщательно охраняли, а в двух других — с вооруженными до зубов головорезами. При этом он оставил на месте преступления следы ягуара, который, судя по глубине, должен был весить около пятисот фунтов. Проявив сверх-

человеческую силу, он растерзал свои жертвы, причем, по заключению экспертов, не чем иным, как клыками и когтями огромного кота. Если ты предпочтешь план А, они печально улыбнутся и спровадят тебя в патрульные, где ты и прослужишь до пенсии. А вот выбрав план Б, ты получаешь мертвых колумбийцев из числа членов банды, прославившейся своими злодейскими убийствами и отвратительными расправами над теми, кого подозревали в измене, банды, причастной и ко всем противозаконным действиям, осуществлявшимся упомянутыми выше, теперь тоже мертвыми, кубинцами. Очевидно, что все убийства совершили эти покойники. Дело закрыто. Да, и в качестве бонуса, если ты примешь план Б, я отдам тебе Хуртадо. Ты сцапаешь за ворот преступника десятилетия и сразу сделаешься золотым мальчиком Департамента полиции Майами и героем кубинской диаспоры. И конверт, пожалуйста...

Добрых тридцать секунд Моралес лишь сердито таращился на Паза, от негодования он не сразу смог заговорить.

— Джимми, мать твою, что вообще происходит? Этот малый убил твоего отца! Как, черт тебя побери, ты мог его отпустить?

— Он не имеет отношения к убийству моего отца. Мой отец был убит сверхъестественным существом, и это стало результатом его собственных преступлений. Веришь ты в это или нет, но арестовывать Мойе — все равно что арестовывать «бьюик» за наезд.

— Ладно, если ты так ставишь вопрос, будь по-твоему. Я знаю, когда нужно остановиться. Расскажи-ка мне лучше про Хуртадо.

— Правильно решение, Тито. Так вот, Хуртадо — наркобарон. Фирма «Консуэла» — это его славная маленькая «прачечная» для отмывания денег, но он был и остается воротилой наркобизнеса. Зная это, я решительно не мог взять в толк, какого хрена он придает такое значение вырубке леса где-то у

черта на рогах, в Колумбии. Но как раз сегодня утром до меня дошло. Я вспомнил: сестра говорила мне что-то насчет закупки фирмой «Консуэла» там, на месте, оборудования для сверления древесины. Я позвонил ей, и она четко разъяснила, что это за механика и как она работает. И я тебя спрашиваю: можешь ты мне сказать, на кой черт компании, ввозящей древесину, могут понадобиться гигантские сверла? Ты ведь знаешь, каковы условия для контрабанды сейчас, когда из-за угрозы терроризма пропускной режим на границах ужесточается. Самолеты нелегалов сбивают, а мулы или курьеры, проглотив мешочки, могут провезти в желудках лишь незначительное количество зелья. Вот Хуртадо и разработал схему ввоза тысяч стволов красного дерева — законную, безупречно организованную импортную операцию.

— Они что, и правда перевозят наркотики морем в бревнах?

— Перевозят, причем без малейшего риска обнаружения: кому вообще может прийти в голову проверять на наркотики склад лесоматериалов? Ручаюсь, если ты заявишься в порт, в пакгаузы Ибанеса с собачкой, натасканной на поиск наркотиков, и некоторыми простейшими инструментами, то сорвешь джекпот. Понимаю, ты с ног валишься, но лучше тебе заняться этим не откладывая. Выяснишь все, сам же крепче спать будешь. Ох, надо же, и я чуть не забыл про бонус, полагающийся за правильный выбор.

И он заодно рассказал Моралесу и об экологическом террористе Кирни.

Лежа на больничной койке, Мойе тихонько говорит по-испански с Огненноволосой женщиной. Йампири Паз переводит для нее его слова. Они приходят к нему каждый день, но сегодня, думает Мойе, они явились в последний раз. Теперь он ясно видит свою смерть и яркие нити, которые еще прикрепляют ее к умирающему телу. Его раны залечивают-

ся, да, но он уже лишился почти всей арийю't и чувствует себя пустым, как выеденная изнутри смоква.

Кроме своей он может теперь видеть смерти женщины и йампири, а стало быть, они уже больше не настоящие уай'ичуранан, и взору его предстает нечто такое, чего Мойе никак не ожидал увидеть.

Это дивные смерти, явно наделенные великой силой. Мойе и не думал, что уай'ичуранан могут так изменяться или что у них могут быть такие йампири. По этой причине он потерпел поражение, по этой причине Ягуар оставил его и по этой же причине он сейчас умирает.

Мойе пытается объяснить женщине, как использовать то, что ей дано, но для этого его испанский язык слишком беден. Жаль, что не нашлось времени обучить ее священному наречию.

Печальнее всего, что его тело не будет должным образом отдано реке. Как ему объяснили, здесь, в стране мертвецов, тела или отвратительным манером закапывают в землю, словно клубни батата, или сжигают, как рунийя сжигают ведьм. А хорошо то, что, по словам Огненноволосой женщины, все чиниткси мертвы и Паксто будет спасен.

— Мне бы хотелось отправиться домой,— произносит он после долгого молчания.

— Когда тебе станет лучше, Мойе,— говорит йампири.

— Мне уже никогда не станет лучше. Я имею в виду, когда я умру и ты сожжешь мою плоть, мне бы хотелось, чтобы мой пепел высыпали в нашу реку. Мы сжигаем ведьм, но, конечно, никогда не высыпаем их пепел в реку. Если ты сделаешь это, тогда, возможно, я поднимусь к луне, где пребуду со своими предками.

— Она говорит, что сделает это для тебя,— произносит йампири.— Она обещает.

— И доставит обратно мои мешки со снами и снадобьями, да? Они могут понадобиться, если Ягуар пошлет рунийя нового йампири.

— Она сделает и это,— заверяет йампири.

— Будь осторожна, проливая слезы,— предостерегает женщину Мойе.— Враг может использовать их против тебя.

Дженни Симпсон и Джимми Паз стояли на паковочной площадке крематория, где Мойе только что превратился в пепел. Пепел собрали в жестянку, которую девушка спрятала в своем рюкзаке. Помимо того, там находилась смена одежды, «Ветер в ивах», «Насекомые и энтомология Латинской Америки» Хьюга, колдовские принадлежности Мойе, сверхлегкая палатка, спальный мешок с подушкой и тысяча двести долларов из той удивительно большой суммы, которую оставил ей Найджел Кукси. Одета она была по-дорожному: в обрезанных джинсах, желтом топике и бейсболке с логотипом «Дельфинов».

— Ты правда собралась добираться до Колумбии автостопом?

— Ага.

— Могла бы и полететь. Теперь у тебя есть деньги.

— Да, могла бы, но, похоже, мне нужнее долгое путешествие в одиночестве, чтобы было время обмозговать все это дерьмо. Что же до денег, я приберегу их на тот случай, если мне захочется получить образование. Ему бы это понравилось.

— Твой путь будет пролегать через неспокойные страны. Там до черта плохих парней.

— Со мной все будет хорошо,— рассмеялась она.— Надо же, всю жизнь до меня всем было дела, как до кучи дерьма, а тут вдруг все озаботились моим благополучием — Кукси, ты, Лола, Мойе.

— Может быть, раньше никто не замечал твоих достоинств.

Девушка пожала плечами.

— Вчера вечером... это правда было здорово. Лола устроила мне прощальную вечеринку. Но ведь она, наверное, считает, что я спятила, раз так поступаю, верно?

— Лола полагает, многое из того, что делают люди, сплошное безумие. Это ее профессия.

— Понятно. И она не примет ничего из этого, верно? Я имею в виду, все это, так или иначе связанное с Ягуаром?

— Нет, у нее другое русло.

— И как ты собираешься с этим справиться?

— Заботой. Любовь предоставляет много возможностей. Да и Амелия в курсе, это поможет. И моя матушка.

— Бог так всеобъемлюще предопределил все это — все эти смерти, и ведь сработало. Понимаете, вот у тебя есть своя жизнь, и пусть даже она паршивая, но это твоя жизнь, и ты не собираешься ее вот так, с бухты-барахты, полностью переиначивать. И вдруг бах — на тебе! Ты совсем другой человек, с совсем другой жизнью! И что прикажете с этим делать?

— М-да, тут часов десять потребуется только на обсуждение, а на размышления уйдет целая жизнь. Но так или иначе, если ты хочешь отправиться в путь сегодня, нам лучше выехать прямо сейчас. Я подброшу тебя к Птичьей Дороге, высажу у въезда на главную магистраль. Полагаю, лучше всего тебе, конечно, будет двинуть на север.

Они сели в «вольво» и молча, ибо не нуждались в словах, покатили на запад. Паз размышлял о том, что и он и она были уже совсем не такими, как в тот день, когда встретились впервые, их обоих боги принудили к переменам, причем более прямолинейно, чем обычно проделывает это с людьми Бог. Он был рад тому, что это случилось, но пылко молился о том, чтобы этого не случилось снова.

«Держи карман шире»,— подумал Паз и мысленно рассмеялся.

Паз припарковался у съезда на скоростную автостраду. Она поцеловала его в щеку, пообещала посылать открытки и упорхнула к дороге. Пока девушка голосовала, он ждал. Как правило, длинноногим рыжим девчонкам со сногсшибательными фигурами не приходится подолгу дожидаться по-

путки, и по прошествии всего нескольких минут у обочины с ревом затормозила фура, и девушка забралась в кабину.

Кем бы еще сейчас он ни был, Паз оставался отцом и копом, а потому, прежде чем машина укатила, на всякий случай записал ее номер.

Устроившись на пассажирском сиденье, Дженни улыбнулась водителю, длинноволосому, небритому малому лет сорока, с глубоко посаженными, яркими голубыми глазами и на удивление маленькими зрачками.

— Куда направляешься, милашка? — осведомился он с сильным техасским акцентом, заведя свою колымагу.

— В Колумбию,

— Это в Каролине?

— Нет, это страна в Южной Америке.

— Не врешь? По-моему, это далековато для того, чтобы такая малышка рванула туда одна, а?

Девушка это замечание проигнорировала, но он, ничуть не обескураженный, продолжал болтать. В тех случаях, когда промолчать было бы невежливо, она отвечала на его вопросы правдоподобными выдумками. Они познакомились; парня звали Рэнди Фрай, Славный Малый, как он окрестил себя сам. Ему вообще нравилось говорить о себе любимом, и у него имелся неистощимый запас историй.

Когда они добрались до Вест-Палма, он проникся достаточной уверенностью, чтобы перейти к историям довольно пикантного свойства, у развилки Йаху стал интересоваться (правда, безуспешно) ее собственной сексуальной историей, а поравнявшись с Киссими, счел, будто они настолько хорошо познакомились, что положил большую красную ладонь ей на ляжку, стал поглаживать ее с внутренней стороны, потом сжал.

Она повернулась на сиденье, взглянула ему в лицо, и Рэнди Фрай заметил, что зрачки ее глаз стали вертикальными,

а обычно светло-голубые глаза сейчас искрились желтым огнем. А из ее горла вырвался звук, которого это горло просто не могло породить.

Ар-рар-рах. Ар-рар-рар-рах.

Грузовик вильнул, чиркнув о борт ехавшего рядом фургона, отчего его водитель разразился яростными гудками.

К тому времени, как они миновали Орландо, Фраю почти удалось забыть все, что он видел и слышал, и придумать для себя историю про фригидную маленькую сучку, скорее всего лесбиянку, которую он, и заплати ему, нипочем не стал бы трахать...

После этого, не обменявшись по пути и дюжиной слов, он довез ее до самого Корпус-Кристи*.

* Корпус-Кристи — город в США, расположенный в южной части штата Техас на побережье Мексиканского залива.

Словарь рунийя

Айампик — мир духов.

Айсири — ведьма, колдун, шаман.

Арийю'т — духовная целостность, качество, присущее реальной человеческой жизни.

Ассуа — Paullinia, возбуждающее средство, используемое в ритуалах.

Ачаурит — *букв.* «смерть», магически зримый дух, сопутствующий человеку до кончины. Мн. число — ачауритан.

Иуай'чиникс — *букв.* «Призвание духов к жизни», способ «терапии сном», принятый у рунийя.

Йампири (*мн.* йампиранан) — знахарь, ведун духов животных.

Йана — галлюциногенная субстанция, вдыхаемая через нос.

Йан'ичупитаолик — Иисус Христос, буквально «живой и мертвый одновременно».

Лайгуа — ловушка для духов.

Микур-ка'а — Petiveria «цесаркин лист», растение, используемое как целебное и магическое средство.

Па'хниксан — жертвоприношение.

Паку — гигантский синежаберный солнечник.

Писко — хмельной напиток из сока сахарного тростника.

Пакcто — поросшее джунглями плато, заповедник, место обитания индейских племен.

Рунийя — племя Мойе, буквально «говорящие».

Ру'уулу — красное дерево.

Риуксит — гармония, жизненная сила, благо.

Сивикс — дисгармония, табу.

Т'наису — амулет.

Тайит — почетный титул.

Тичири — сторожевой дух, обитающий в снах.

Тукунаре — рыба, радужный окунь.

Уассинай — растительная субстанция неизвестного происхождения, используемая наряду с другими гипнотическими снадобьями в ритуалах.

Уналча — тотем, или символ клана.

Уткуайумайкат — буквально «дар падения», эпилепсия.

Уай'ичуранан — буквально «мертвые люди», белые. Ед. число — уай'ичура.

Хнинкса — обряд принесения в жертву маленькой девочки.

Чайкора — Cannabis, конопля, снотворное.

Чиниткси — демоны.

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Майкл Грубер

НОЧЬ ЯГУАРА

Ответственный редактор *Б. Крылов*
Редактор *О. Оболевич*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Корректоры *В. Дроздова, Н. Князева*

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.
Тел./факс: (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 20.08.2009.
Формат 60x90$^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,0.
Тираж 8 100 экз. Заказ 1223

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 978-5-699-39347-3

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

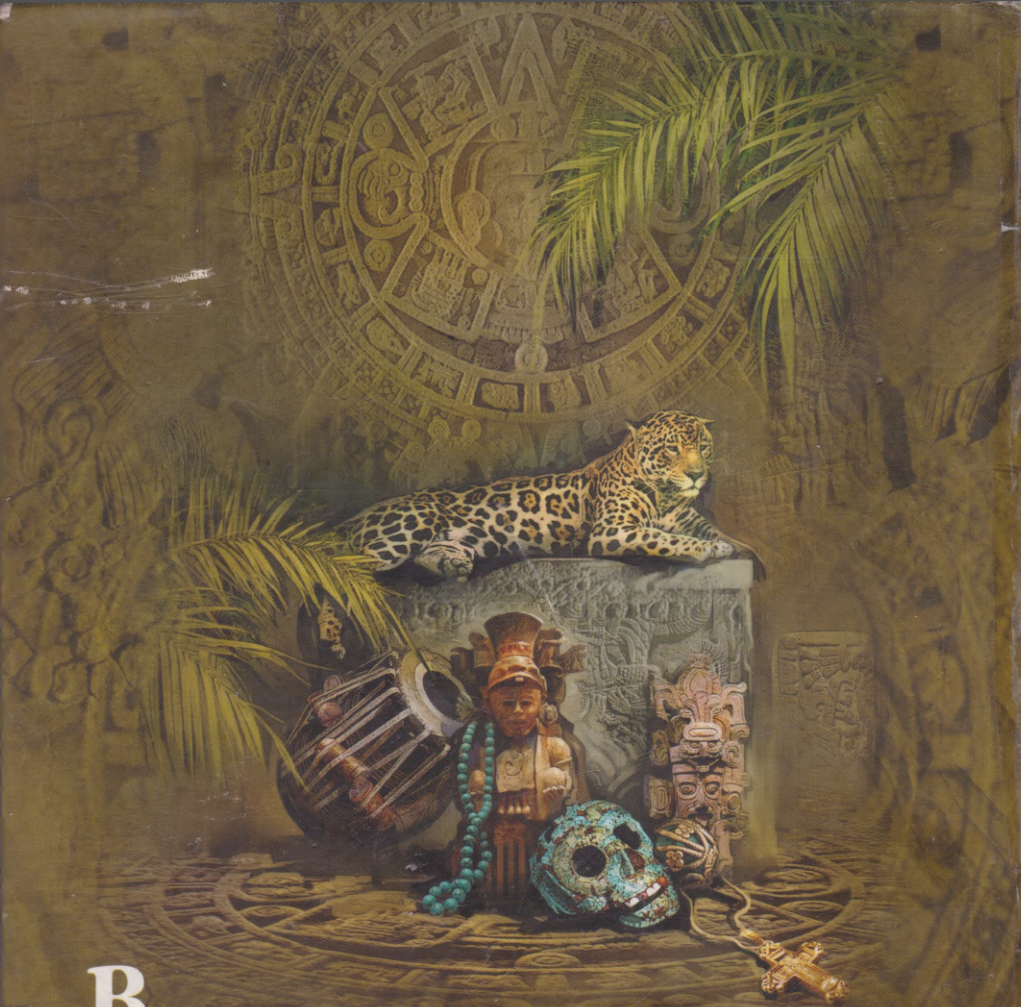
По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.



В непроходимых джунглях Колумбии, в церкви, которую он построил своими руками, застрелен американский священник. Через несколько недель индейский шаман Мойе отправляется в южную Флориду, вооружившись небольшим чемоданчиком с тотемами, обладающими грозной силой бога-Ягуара. Бывшему детективу Пазу из Майами, который теперь живет со своей женой и семилетней дочерью, начинают сниться страшные сны, главные персонажи которых – огромные кошки – нападают на его малышку Амели.

В городе от когтей каких-то животных гибнут люди. Когда в список жертв попадает и отец Паза, детектив подключается к расследованию. Мать уговаривает его принять религию предков – сантерию. Ведь только после обряда посвящения ему удастся убить Ягуара-оборотня.

ISBN 978-5-699-39347-3

МАЙКЛ ГРУБЕР

НОЧЬ ЯГУАРА

ЭКСМО